

Огни Кузбасса

№ 6 / 2020

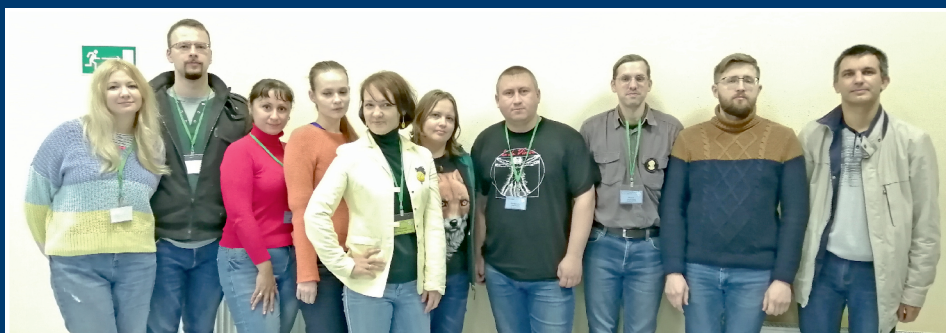
Всероссийский литературный фестиваль имени Михаила Анищенко, г. Самара (18–20 сентября 2020 года)

Организаторы и гости фестиваля
(слева направо): А. Громов, Д. Домарёв, О. Домарёв,
Д. Мурзин, М. Замшев, Д. Филиппенко, С. Сыромятникова

Участники фестиваля на берегу Волги у памятника
«Бурлакам...» И. Репина (слева направо): М. Замшев, П. Сахнов,
Д. Домарёв, Ю. Татаренко, А. Тимофеев, Ж. Декина, Д. Мурзин,
С. Чураева, А. Геласимов, Д. Филиппенко, И. Кочергин

Участники программы организаторов литературного процесса
в регионах (слева направо): М. Плотникова, С. Максимов,
В. Башкирова, Т. Филиппова, Е. Огарёва, А. Тугова,
Д. Филиппенко, Д. Вилков, А. Тимофеев, Д. Домарёв

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

М. А. Евса,
г. Кемерово, министр
культуры и национальной
политики Кузбасса

И. Ф. Фёдорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. И. Лихоносков,
г. Краснодар, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Родная Кубань»

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЁТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2020

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Агата РЫЖОВА
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции:
650000, Кемеровская область,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

12+

Содержание

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Иван Бунин. Руся. Рассказ 3

ПОЭЗИЯ

Виктор Коврижных. Лукоморье моё деревянное 7

Сергей Дьяков. Ни звонка, ни звона колокольного 36

Виталий Молчанов. Новосветловка 72

Ольга Хапилова. Не говори, что время утекло 93

Владимир Коньков. Есть профессия такая 105

Ирина Каренина. Божья птаха девяностых 114

ПРОЗА

прот. Сергей Адодин. 16 белок и прочее разумное пространство (Окончание) 10

Владимир Гуляев. Солдатская Любань. 1942 год

Художественно-документальная повесть 39

Игорь Назаров. В гостях у сказки

Административно-фантастическая пьеса в 12 сценах 75

Инна Ким. Заветное. Рассказ 95

Владимир Крюков. Жизнь. Конспект романа 107

300 ЛЕТ КУЗБАССУ

Владимир Келлер. Стихи 117

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Григорий Шалакин. Оплот православной веры 119

КНИГА ПАМЯТИ

Елена Трухан. «Под сенью дружных муз»

(о литературных кружках города Сталинска в годы войны) 121

ПУБЛИЦИСТИКА

Пётр Ткаченко. «Новые трихины» 124

Виктор Коняев. Закроют ли Россию? (Заметки неравнодушного) 128

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Александр Смышляев. За тех, кто в поле, или Стол писателя Владимира Власова 142

ЦИТАТА

Дневник читателя. Подготовил Сергей Донбай 154

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Елатов. Без регламента. «Огни Кузбасса» за 2019 год 156

Татьяна Колач. По грязным следам 160

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин 167

Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2020 год. Подготовил Дмитрий Мурзин 169

Русскому писателю Ивану Алексеевичу Бунину – 150 лет

(1870–1953)

* * *

*Просыпаюсь в полумраке.
В занесённое окно
Смуглым золотом Исакий
Смотрит дивно и темно.*

*Утро сумрачное снежно,
Крест ушёл в густую мглу.
За окном уютно, нежно
Жмутся голуби к стеклу.*

*Всё мне радостно и ново:
Запах кофе, люстры свет,
Мех ковра, уют алькова
И сырой мороз газет.*

17.I.15
Петербург

* * *

*Земной, чужой душе закат!
В зелёном небе алым дымом
Туманы лёгкие летят
Над молчаливым зимним Крымом.*

*Чужой, тяжёлый Чатырдах!
Звезда мелькает золотая
В зелёном небе, в облаках, –
Кому горит она, блистая?*

*Она горит душе моей,
Она зовёт, – я это знаю
С первоначальных детских дней, –
К иной стране, к родному краю!*

Иван БУНИН

РУСЯ

Рассказ

В одиннадцатом часу вечера скорый поезд Москва – Севастополь остановился на маленькой станции за Подольском, где ему остановки не полагалось, и чего-то ждал на втором пути. В поезде к опущенному окну вагона первого класса подошли господин и дама. Через рельсы переходил кондуктор с красным фонарём в висящей руке, и дама спросила:

– Послушайте, почему мы стоим?

Кондуктор ответил, что опаздывает встречный курьерский.

На станции было темно и печально. Давно наступили сумерки, но на западе, за станцией, за чернеющими лесистыми полями, всё ещё мертвенно светила долгая летняя московская заря. В окно сыро пахло болотом. В тишине слышен был откуда-то равномерный и как будто тоже сырой скрип дергача.

Он облокотился на окно, она на его плечо.

– Однажды я жил в этой местности на каникулах, – сказал он. – Был репетитором в одной дачной усадьбе, верстах в пяти отсюда. Скудная местность. Мелкий лес, сороки, комары и стрекозы. Вида нигде никакого. В усадьбе любоваться горизонтом можно было только с мезонина. Дом, конечно, в русском дачном стиле и очень запущенный, – хозяйева были люди обедневшие, – за домом некоторое подобие сада, за садом не то озеро, не то болото, заросшее кугой и кувшинками, и неизбежная плоскодонка возле топкого берега.

– И, конечно, скучающая дачная девица, которую ты катал по этому болоту.

– Да, всё как полагается. Только девица была совсем не скучающая. Катал я её всё больше по ночам, и выходило даже поэтично. На западе небо всю ночь зеленоватое, прозрачное, и там, на горизонте, вот как сейчас, всё что-то тлеет и тлеет... Весло нашлось только одно и то вроде лопаты, и я грёб им, как дикарь, то направо, то налево. На противоположном берегу

было темно от мелкого леса, но за ним всю ночь стоял этот странный полусвет. И везде невообразимая тишина – только комары ноют и стрекозы летают. Никогда не думал, что они летают по ночам. Оказалось, что зачем-то летают. Прямо страшно.

Зашумел наконец встречный поезд, налетел с грохотом и ветром, слившись в одну золотую полосу освещённых окон, и пронёсся мимо. Вагон тотчас тронулся. Проводник вошёл в купе, осветил его и стал готовить постели.

– Ну и что же у вас с этой девицей было? Настоящий роман? Ты почему-то никогда не рассказывал мне о ней. Какая она была?

– Худая, высокая. Носила жёлтый ситцевый сарафан и крестьянские чунки на босу ногу, плетённые из какой-то разноцветной шерсти.

– Тоже, значит, в русском стиле?

– Думаю, что больше всего в стиле бедности. Не во что одеться, ну и сарафан. Кроме того, она была художница, училась в Строгановском училище живописи. Да она и сама была живописна, даже иконописна. Длинная чёрная коса на спине, смуглое лицо с маленькими тёмными родинками, узкий правильный нос, чёрные глаза, чёрные брови... Волосы, сухие и жёсткие, слегка курчавились. Всё это, при жёлтом сарафане и белых кисейных рукавах сорочки, выделялось очень красиво. Лодыжки и начало ступни в чунках – всё сухое, с выступающими под тонкой смуглой кожей костями.

– Я знаю этот тип. У меня на курсах такая подруга была. Истеричка, должно быть.

– Возможно. Тем более что лицом была похожа на мать, а мать, родом какая-то княжна с восточной кровью, страдала чем-то вроде чёрной меланхолии. Выходила только к столу. Выйдет, сядет и молчит, покашливает, не поднимая глаз, и всё перекладывает то нож, то вилку. Если же вдруг заговорит, то так неожиданно и громко, что вздрогнешь.

– А отец?

– Тоже молчаливый и сухой, высокий; отставной военный. Прост и мил был только их мальчик, которого я репетировал.

Проводник вышел из купе, сказал, что постели готовы, и пожелал покойной ночи.

– А как её звали?

– Руся.

– Это что же за имя?

– Очень простое – Маруся.

– Ну и что же, ты был очень влюблён в неё?

– Конечно, казалось, что ужасно.

– А она?

Он помолчал и сухо ответил:

– Вероятно, и ей так казалось. Но пойдём спать. Я ужасно устал за день.

– Очень мило! Только даром заинтересовал. Ну, расскажи хоть в двух словах, чем и как ваш роман кончился.

– Да ничем. Уехал – и делу конец.

– Почему же ты не женился на ней?

– Очевидно, предчувствовал, что встречу тебя.

– Нет, серьёзно?

– Ну, потому, что я застрелился, а она закололась кинжалом...

И, умывшись и почистив зубы, они затворились в образовавшейся тесноте купе, разделись и с дорожной отрадой легли под свежее глянце-витое полотно простынь и на такие же подушки, всё скользившие с приподнятого изголовья.

Сине-лиловый глазок над дверью тихо глядел в темноту. Она скоро заснула, он не спал, лежал, курил и мысленно смотрел в то лето...

На теле у неё тоже было много маленьких тёмных родинок – эта особенность была прелестна. Оттого, что она ходила в мягкой обуви, без каблучков, всё тело её волновалось под жёлтым сарафаном. Сарафан был широкий, лёгкий, и в нём так свободно было её долгому девичьему телу. Однажды она промочила в дождь ноги, вбежала из сада в гостиную, и он кинулся разувать и целовать её мокрые узкие ступни – подобного счастья не было во всей его жизни. Свежий, пахучий дождь шумел всё быстрее и гуще за открытыми на балкон дверями, в потемневшем доме все спали после обеда – и как страшно испугал его и её какой-то чёрный с металлически-зелёным отливом петух в большой огненной короне, вдруг тоже вбежавший из сада со стуком коготков по полу в ту самую горячую минуту, когда они забыли всякую осторожность. Увидав, как они вскочили с дивана, он, торопливо и согнувшись, точно из деликатности, побежал назад под дождь с опущенным блестящим хвостом...

Первое время она всё приглядывалась к нему; когда он заговаривал с ней, темно краснела и отвечала насмешливым бормотанием; за столом часто задевала его, громко обращаясь к отцу:

– Не угощайте его, папа, напрасно. Он вареников не любит. Впрочем, он и крошки не любит, и лапши не любит, и простоквашу презирает, и творог ненавидит.

По утрам он был занят с мальчиком, она по хозяйству – весь дом был на ней. Обедали в час, и после обеда она уходила к себе в мезонин или, если не было дождя, в сад, где стоял под берёзой её мольберт, и, отмахиваясь от комаров, писала с натуры. Потом стала выходить на

балкон, где он после обеда сидел с книгой в косом камышовом кресле, стояла, заложив руки за спину, и посматривала на него с неопределённой усмешкой:

– Можно узнать, какие премудрости вы изволите штудировать?

– Историю французской революции.

– Ах, бог мой! Я и не знала, что у нас в доме оказался революционер!

– А что ж вы свою живопись забросили?

– Вот-вот и совсем заброшу. Убедилась в своей бездарности.

– А вы покажите мне что-нибудь из ваших писаний.

– А вы думаете, что вы что-нибудь смыслите в живописи?

– Вы страшно самолюбивы.

– Есть тот грех...

Наконец предложила ему однажды покататься по озеру, вдруг решительно сказала:

– Кажется, дождливый период наших тропических мест кончился. Давайте развлекаться. Душегубка наша, правда, довольно гнилая и с дырявым дном, но мы с Петей все дыры заби-ли кугой...

День был жаркий, парило, прибрежные травы, испещрённые жёлтыми цветочками куриной слепоты, были душно нагреты влажным теплом, и над ними низко вились несметные бледно-зе-лёные мотыльки.

Он усвоил себе её постоянный насмешливый тон и, подходя к лодке, сказал:

– Наконец-то вы снизили до меня!

– Наконец-то вы собрались с мыслями ответить мне! – бойко ответила она и прыгнула на нос лодки, распугав лягушек, со всех сторон зашлёпавших в воду, но вдруг дико взвизгнула и подхватила сарафан до самых колен, топая ногами:

– Уж! Уж!

Он мельком увидел блестящую смуглость её голых ног, схватил с носа весло, стукнул им извивавшегося по дну лодки ужа и, поддев его, далеко отбросил в воду.

Она была бледна какой-то индусской бледностью, родинки на её лице стали темней, чернота волос и глаз как будто ещё чернее. Она об-легчённо передохнула:

– Ох, какая гадость. Недаром слово «ужас» происходит от «ужа». Они у нас тут повсюду: и в саду, и под домом... И Петя, представьте, берёт их в руки!

Впервые заговорила она с ним просто, и впервые взглянули они друг другу в глаза прямо.

– Но какой вы молодец! Как вы его здорово стукнули!

Она совсем пришла в себя, улыбнулась и, перебежав с носа на корму, весело села. В своём испуге она поразила его красотой, сейчас он с нежностью подумал: «Да, она совсем ещё девочка!» Но, сделав равнодушный вид, озабоченно перешагнул в лодку и, упирая веслом в студенистое дно, повернул её вперёд носом, потянул по спутанной гуще подводных трав на зелёные щётки куги и цветущие кувшинки, всё впереди покрывавшие сплошным слоем своей толстой круглой листвы, вывел её на воду и сел на лавочку посередине, гребя направо и налево.

— Правда хорошо? — крикнула она.

— Очень! — ответил он, снимая картуз, и обернулся к ней: — Будьте добры кинуть возле себя, а то я смахну его в это корыто, которое, извините, всё-таки протекает и полно пьявок.

Она положила картуз к себе на колени.

— Да не беспокойтесь, киньте куда попало.

Она прижала картуз к груди:

— Нет, я его буду беречь!

У него опять нежно дрогнуло сердце, но он опять отвернулся и стал усиленно запускать весло в блестящую среди куги и кувшинок воду.

К лицу и рукам липли комары, кругом всё слепило тёплым серебром: парной воздух, зыбкий солнечный свет, курчавая белизна облаков, мягко сиявших в небе и в прогалинах воды среди островов из куги и кувшинок; везде было так мелко, что видно было дно с подводными травами, но оно как-то не мешало той бездонной глубине, в которую уходило отражённое небо с облаками. Вдруг она опять взвизгнула — и лодка повалилась на бок: она сунула с кормы руку в воду и, поймав стебель кувшинки, так рванула его к себе, что завалилась вместе с лодкой. Он едва успел вскочить и поймать её под мышки. Она захохотала и, упав на корму спиной, брызнула с мокрой руки прямо ему в глаза. Тогда он опять схватил её и, не понимая, что делает, поцеловал в хохочущие губы. Она быстро обняла его за шею и неловко поцеловала в щёку...

С тех пор они стали плавать по ночам. На другой день она вызвала его после обеда в сад и спросила:

— Ты меня любишь?

Он горячо ответил, помня вчерашние поцелуи в лодке:

— С первого дня нашей встречи!

— И я, — сказала она. — Нет, сначала ненавидела — мне казалось, что ты совсем не замечаешь меня. Но, слава богу, всё это уже прошлое. Нынче вечером, как все улягутся, ступай опять туда и жди меня. Только выйди из дому как мож-

но осторожнее — мама за каждым шагом моим следит, ревнива до безумия.

Ночью она пришла на берег с пледом на руке. От радости он встретил её растерянню, только спросил:

— А плед зачем?

— Какой глупый. Нам же будет холодно. Ну, скорей садись и греби к тому берегу...

Всю дорогу они молчали. Когда подплыли к лесу на той стороне, она сказала:

— Ну вот. Теперь иди ко мне. Где плед? Ах, он подо мной. Прикрой меня, я озябла, и садись. Вот так... Нет, погоди, вчера мы целовались как-то бестолково, теперь я сначала сама поцелую тебя, только тихо, тихо. А ты обними меня... везде...

Под сарафаном у неё была только сорочка. Она нежно, едва касаясь, целовала его в края губ. Он, с помутившейся головой, кинул её на корму. Она исступлённо обняла его...

Полежав в изнеможении, она приподнялась и с улыбкой счастливой усталости и ещё не утихшей боли сказала:

— Теперь мы муж с женой. Мама говорит, что она не переживёт моего замужества, но я сейчас не хочу об этом думать... Знаешь, я хочу искупаться, страшно люблю по ночам...

Через голову она разделась, забелела в сумраке всем своим долгим телом и стала обвязывать голову косой, подняв руки, показывая тёмные мышки и поднявшиеся груди, не стыдясь своей наготы и тёмного мыска под животом. Обвязав, быстро поцеловала его, вскочила на ноги, плашмя упала в воду, закинула голову назад и шумно заколотила ногами.

Потом он, спеша, помог ей одеться и закутаться в плед. В сумраке сказочно были видны её чёрные глаза и чёрные волосы, обвязанные косой. Он больше не смел касаться её, только целовал её руки и молчал от нестерпимого счастья. Всё казалось, что кто-то есть в темноте прибрежного леса, молча тлеющего кое-где светляками, — стоит и слушает. Иногда там что-то осторожно шуршало.

Она поднимала голову:

— Постой, что это?

— Не бойся, это, верно, лягушка выползает на берег. Или ёж в лесу...

— А если козерог?

— Какой козерог?

— Я не знаю. Но ты только подумай: выходит из лесу какой-то козерог, стоит и смотрит... Мне так хорошо, мне хочется болтать страшные глупости!

И он опять прижимал к губам её руки, иногда как что-то священное целовал холодную грудь.

Каким совсем новым существом стала она для него! И стоял и не гас за чернотой низкого леса зеленоватый полусвет, слабо отражавшийся в плоско белеющей воде вдали, резко, сельдереем, пахли росистые прибрежные растения, таинственно, просительно ныли невидимые комары – и летали, летали с тихим треском над лодкой и дальше, над этой по-ночному светящейся водой, страшные, бессонные стрекозы. И всё где-то что-то шуршало, ползло, пробиралось...

Через неделю он был безобразно, с позором, ошеломлённый ужасом совершенно внезапной разлуки, выгнан из дому.

Как-то после обеда они сидели в гостиной и, касаясь головами, смотрели картинки в старых номерах «Нивы».

– Ты меня ещё не разлюбила? – тихо спрашивал он, делая вид, что внимательно смотрит.

– Глупый. Ужасно глупый! – шептала она.

Вдруг послышались мягко бегущие шаги – и на пороге встала в чёрном шёлковом истрёпанном халате и истёртых сафьяновых туфлях её полумная мать. Чёрные глаза её трагически сверкали. Она вбежала, как на сцену, и крикнула:

– Я всё поняла! Я чувствовала, я следила! Негодай, ей не быть твоею!

И, вскинув руку в длинном рукаве, оглушительно выстрелила из старинного пистолета, которым Петя пугал воробьёв, заряжая его только порохом. Он, в дыму, бросился к ней, схватил её цепкую руку. Мать вырвалась, ударила его пистолетом в лоб, в кровь рассекла ему бровь, швырнула пистолетом в него и, слыша, что по дому бегут на крик и выстрел, стала кричать с пеной на сизых губах ещё театральнее:

– Только через мой труп перешагнёт она к тебе! Если сбежит с тобой, в тот же день повешусь, брошусь с крыши! Негодай, вон из моего дома! Марья Викторовна, выбирайте: мать или он!

Она прошептала:

– Вы, вы, мама...

Он очнулся, открыл глаза – всё так же неуклонно, загадочно, могильно смотрел на него из чёрной темноты сине-лиловый глазок над дверью, и всё с той же неуклонно рвущейся вперёд быстротой нёсся, пружиня, качаясь, вагон. Уже далеко, далеко остался тот печальный полустанок. И уж целых двадцать лет тому назад было всё это: перелески, сороки, болота, кувшинки, ужи, журавли... Да, ведь были ещё журавли – как же он забыл о них! Всё было странно в то удивительное лето, странна и пара каких-то журавлей, откуда-то прилетавших от времени до времени на прибрежье болота, и то, что они только её одну

подпускали к себе и, выгибая тонкие, длинные шеи, с очень строгим, но благосклонным любопытством смотрели на неё сверху, когда она, мягко и легко разбежавшись к ним в своих разноцветных чуньках, вдруг садилась перед ними на корточки, распустивши на влажной и тёплой зелени прибрежья свой жёлтый сарафан, и с детским задором заглядывала в их прекрасные и грозные чёрные зрачки, узко схваченные кольцом тёмно-серого райка. Он смотрел на неё и на них издали, в бинокль, и чётко видел их маленькие блестящие головки, – даже их костяные ноздри, скважины крепких, больших клювов, которыми они с одного удара убивали ужей. Кургузые туловища их с пушистыми пучками хвостов были туго покрыты стальным оперением, чешуйчатые трости ног не в меру длинны и тонки – у одного совсем чёрные, у другого зеленоватые. Иногда они оба целыми часами стояли на одной ноге в непонятной неподвижности, иногда ни с того ни с сего подпрыгивали, раскрывая огромные крылья; а не то важно прогуливались, выступали медленно, мерно, поднимали лапы, в комок сжимая три их пальца, а ставили разлато, раздвигая пальцы, как хищные когти, и всё время качали головками... Впрочем, когда она подбегала к ним, он уже ни о чём не думал и ничего не видел – видел только её распустившийся сарафан, смертной истомой содрогаясь при мысли о её смуглом теле под ним, о тёмных родинках на нём. А в тот последний их день, в то последнее их сидение рядом в гостиной на диване, над томом старой «Нивы», она тоже держала в руках его картуз, прижимала его к груди, как тогда, в лодке, и говорила, блестя ему в глаза радостными чёрно-зеркальными глазами:

– А я так люблю тебя теперь, что мне нет ничего милее даже вот этого запаха внутри картуза, запаха твоей головы и твоего гадкого одеколona!

За Курском, в вагоне-ресторане, когда после завтрака он пил кофе с коньяком, жена сказала ему:

– Что это ты столько пьёшь? Это уже, кажется, пятая рюмка. Всё ещё грустишь, вспоминаешь свою дачную девицу с костлявыми ступнями?

– Грущу, грущу, – ответил он, неприятно усмехаясь. – Дачная девица... *Amata nobis quantum arnabitur nulla!**

– Это по-латыни? Что это значит?

– Этого тебе не нужно знать.

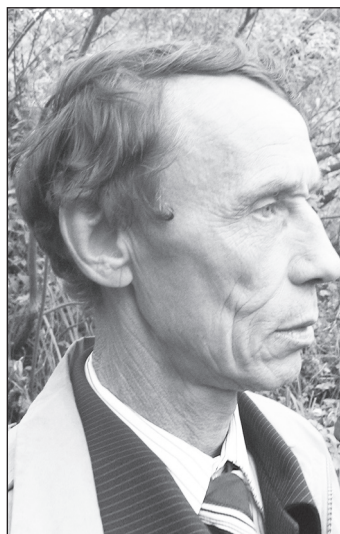
– Как ты груб, – сказала она, небрежно вздохнув, и стала смотреть в солнечное окно.

27 сентября 1940 года

* Возлюбленная нами, как никакая другая возлюблена не будет! (лат.)

**Виктор
КОВРИЖНЫХ**

ЛУКОМОРЬЕ МОЁ ДЕРЕВЯННОЕ

ОТЕЛИЛАСЬ КОРОВА

Запахавшись вошла – и с порога
с полушёпота в радостный крик:
– Слышь-ка, дед, отелилась корова!
Хватит дрыхнуть, хватай половик!

Дед, согнувшись, в руках – домотканый,
за старухой в сени шагнул.
Будто звякнул гранёным стаканом
станционный предутренний гул.

А корова устало дышала,
влажным паром дымились бока.
И телёнка уже облизала,
и запомнила запах телка.

Он лежал на соломе, как в гнёздышке,
как желанного счастья весть.
А во лбу его – белая звёздочка,
и в серебряном инее шерсть.

Промычал он – и высь отворилась,
где колдуют над ходом времён.
В гороскопах звезда потеснилась,
помирился со Львом Скорпион...

В половик завернули телёнка,
в дом внесли, уложили за печь.
Рыжий кот, потянувшись, тихонько
вышел в сени – достаток беречь.

Дед, телку подстилая солому,
суеверно сказал невзначай:
– Ты сегодня, старуха, из дома
никому ничего не давай.

А она, суется, то и дело
теребила загривок телка...
«А старуха-то помолодела», –
дед подумал, воспрянув слегка.

* * *

Эта роща у края запруды,
эта в сумерках синих вода
в кровь войдут – и на миг позабуду,
для чего я, зачем и куда.
Но проступит полынь по откосам,
имя родины вспыхнет в крови.
Ночь простится и выплечет росы
в честь рождения новой любви.

КОВРИЖНЫХ Виктор Анатольевич родился в 1952 году в посёлке Старобачаты Беловского района. Служил в армии. Работал электросварщиком, машинистом железнодорожного крана, составителем поездов, пожарным. В настоящее время работает охранником. Публиковался в журналах «Смена», «Наш современник», «Рабоче-крестьянский корреспондент» (Москва), «Бег» (Санкт-Петербург), «Литературный свят» (Болгария), «Сибирские огни» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Барнаул», «Начало века» (Томск), «Бийский вестник» (Бийск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), альманахах «Поэзия» и «Истоки» (Москва). Автор поэтических сборников «Я, наверно, родился не зря...», «Непонятно, куда мы спешим...», «Зелёная дудка», «По токовинской дороге», «Избранное время», «Сказание о народном счастье», «Черёмуховый Спас». Член Союза писателей России. Живёт в Старобачатах.

ПИЛА

Сияют зубья от развода!
Как будто взлётные стоят
лицом к лицу солдаты взвода,
слегка откинувшись назад.

В них свет медальками сверкает,
и сталь, звенящая, как зной,
истомным стоном истекает
и остывает синевой.

Полно азартного томленья
в упругом теле полотна.
Дрожит, как девка в нетерпенье,
и в руки просится она.

И обессиленной приляжет
в сенях на полку, и вдогон
слегка протяжный и вальяжный
с пилы соскальзывает звон.

СЕНО

Пахучее, словно минута
пролилась в январь из июля.
Озвучено зноем и смутой,
как пчёлами вечером улей.

До стайки шагаешь тропой –
и видится жаркое поле.
Как будто несёшь над собою
навьильник высокого полдня.

К охапке пахучего света
потянется робко телёнок.
А куры журчат, будто летом
в траве заблудились зелёной...

КУДЕСНИКОВ ГРИША

А на улице нашей дома – теремки:
мезонины, балконы, терраски!
Блещут солнцем на крышах резные коньки,
на наличниках – яркие краски!

В каждом доме достаток, уют, чистота.
И дворы в образцовом порядке.
В крепких прибранных стайках скотинка сыта.
И прополоты вовремя грядки.

А Кудесников Гриша в избушке живёт.
День-деньской крутит музыку Гриша.
Лебеда во дворе, в огороде осот,
трын-трава на душе и на крыше.

Ах, позорит всю улицу Гришин хором!
Ни стыда у владельца, ни страха.

Осуждают соседи, грозит исполком
покачать неразумного штрафом.

Ни семьи у него, ни забот, ни хлопот.
Заведёт радиолу, и важный
на пороге сидит, и про Мурку поёт,
и плюёт на зажиточных граждан.

И судьбою доволен... Беспечный чудак
всех бродячих собак привлекает.
Ловит рыбку в реке, кормит рыбкой собак.
И собаки его уважают.

Покосилась ограда, провис потолок,
бродит ветер по голой избёнке.
Под окошком у Гриши растёт тополёк,
как свеча перед тёмной иконкой...

ЛУКОМОРЬЕ МОЁ ДЕРЕВЯННОЕ

Наливался рассвет цветом маковым,
Шелестела листва с ветром ласковым.
Сочинял я стихи – муха плакала,
А петух сладко пел Колей Басковым.
Рифмовал я всё самое лучшее
С лучшим самым, что есть в нашей местности:
О холмах, земляникой озвученных,
О селянах, живущих в неизвестности,
Как словил Коля Гвоздик из проруби
Полметровую щуку авоською,
Как слетались почтовые голуби
На забор мой, белённый извёсткою.
Их отправил в журналы приличные
И в издания, до славы охочие.
«Ляпота!» – отвечали столичные,
«Пасторальность», – ответили прочие.
Я пошёл на огни фестивальные:
Может, примут меня там за равного?
Порезвились глаголы брутальные
И прикрыли ворота парадные.
Непричастен я к счастью желанному.
Поглумились они, подытожили,
Мол, слова у тебя деревянные,
На поэтов совсем не похожие.
Зря припёрся сюда с медным месяцем
Да с соломенным именем-отчеством.
В их стихи заглянул – околесица,
На поэтов взглянул – выпить хочется.
И побрёл я из Грязево в Князево,
В министерство с рекою в три берега.
Вон – Кирюшино, там – Берязево,
Здесь – Кудимово с Держи-деревом.
Тридцать три версты строк Коврижных
Прочитали они с изумлением:
Лукомор ты наш, властью не стриженный,
Не по тренду твоё вдохновение.

Не по чину тебе наши почести!
 Угостили меня карамелькою.
 И поставили в длинную очередь –
 Триста семьдесят пятым, за Мельниковым.
 Наливался закат цветом маковым,
 В палисады врывал вечер ласковый.
 Воротился домой – муха плакала,
 А петух голосил Колей Басковым.
 Не про нас, видно, книги великие.
 И не стоит томиться бессонницей.
 Ходит внучка меж грядок с клубникою,
 Переполненная звоном солнечным.
 Лето веяло зноем и благостью,
 К деревенскому счастью причастное.
 Синевой отликает и радостью
 Огородное небо бачатское.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Прояснились небесные глаза,
 раскинулась дуга над водоёмом.
 Брела на север медленно гроза,
 окрестности облаивая громом.

Дымился под лучами чернозём,
 ручьи бросались весело с обрыва.
 И наливалась жгучим кипятком
 на пустыре воспрявшая крапива.

Закопошились куры в лопухах,
 томился запах сена под навесом.
 И, не успев обсохнуть, на глазах
 ржавело возле кузницы железо.

Кипела в палисаднике сирень,
 и, затаив дыхание, природа
 глядела на умытый ясный день,
 как на младенца после трудных родов.

ЗНАМЕНИЕ

Бабка Лукониха видела бога.
 Видела дважды: на зорьке и в полдень.
 Бог продвигался вдоль Волчьего лога
 Весь осиянный. И в белом исподнем.

С утра обошла всё село и селянам
 Гуторила новость про чудо святое:
 – Гляжу – он идёт. Нет, плывёт над поляной,
 А над головою – кольцо золотое...

И, робко вздыхая, крестилась на гору.
 Её утешали резонно старухи:
 – Знать, сыну Валерке амнистия скоро.
 Иль будет от дочки письмо из Мозжухи.

Наверно, ей это приснилось, поскольку
 Старуха – одна, да и бог в её сказе
 Был явно похожим на Климова Кольку,
 Что уголь привёз ей бесплатно на МАЗе.

ТАМ, В НАРОДНОЙ ГЛУШИ...

Подпоясаны дни то вожжой, то тесьмой.
 Живы хлебом и небом разлук.
 Деревянными буквами пишут письмо
 В Министерство почётных наук,
 Как построить за баней Егора сельмаг,
 Институт благородных колёс,
 Чтоб прислали на почту казённых бумаг,
 Чтоб земную помазали ось.
 Дескать, время скрипит, будто ржавый засов,
 Отстаёт от метро и ракет –
 Длится день двадцать семь с половиной часов.
 Ночь? Единого мнения нет.

Непонятного свойства часы и труды.
 То ль ночуют кудесники тут?
 На неделе семь пятниц, четыре среды,
 Дни другие – в сарае живут.
 Из дремучих подворий, бурьянов глухих
 Беспольный айфон голосит.
 И колхозное знамя побед трудовых
 Над избой комбайнёра висит...

Там за Лысой горой – царство вечных болот,
 Где по воле небесных огней
 Истребительских войск утонул самолёт
 И поэт евразийских кровей.

9

А за взгорком – простор!

Свет, как счастье, высок,

В синеве – соловейки полёт.
 Берендеевым солнцем пронизан лесок,
 И душа пасторали поёт!
 Выйдет в поле старик, ветхой жизни жилец,
 И взглянется в сияющий зной.
 Так глядит далеко, словно видит дворец,
 Где Господь проживает с семьёй.
 В остальном как и всюду: изба, огород
 И следы заплутавших колёс.
 На кривое крыльцо выйдет в валенках кот,
 Спросит вежливо: «Рыбу принёс?»
 Голосистый петух известит в лопухах
 Об итогах хозяйских забот.
 Электронное время придёт в сапогах,
 Постоит... И обратно уйдёт.

Там в народной глуши бродит хмелем трава,
 Облака серебрятся вдали.
 Там для песни полезной сыскали слова,
 только музыку к ним не нашли.
 Там закатных коней стерегут до сих пор
 На зелёном в ромашках лугу.
 Я б срубил там избу или даже собор,
 Да топор подобрать не могу...

прот. Сергей
АДОДИН

16 БЕЛОК И ПРОЧЕЕ РАЗУМНОЕ ПРОСТРАНСТВО*

После крещения ребёнка к отцу Пью подошла крёстная и спросила, что он думает о традиции, когда по возвращении домой у порога кладут разные предметы, связанные с различными профессиями. Дескать, какой предмет дитя выберет первым, на такую профессию и следует родителям его ориентировать в будущем.

Подумав, протопоп сказал:

– Вы, главное, шприц не кладите. А то не факт, что малыш потом врачом станет.

Ученики, приступив к учителю, спросили, почему во время просмотра «Первого канала» у них возникает чувство рассинхронизации.

– Какой-то сюр, – покивал головой старший из учеников, – как будто на разных планетах живём.

Учитель отложил в сторону свежий номер «Сибирской православной газеты», присланный ему с оказией, и промолвил:

– Всё дело в том, что время движется по-разному в зависимости от гравитации. Чем дальше от Земли, тем медленнее. «Останкино» расположено в ста шестидесяти метрах над уровнем

моря. Высота телебашни – пятьсот сорок метров. Итого сколько получается?

– Семьсот метров, учитель, – вразнобой ответили ученики.

– Вот видите! У них там, поди, ещё Христос не воскрес, а мы тут ждём не дожёмся Его второго пришествия.

Не зная, чем побесить проректора по воспитательной работе, да так, чтобы им ничего за это не было, семинаристы придумали называть друг друга дядями и тётями.

– Дядя Фёдор, у вас сигаретки не будет? – спрашивал один другого в присутствии объекта курощения.

– Не курю и вам, дядя Миша, не советую. Курить – бесам кадить, – степенно отвечал вопрошаемый.

– Вы меня устыдили, мон шер. Не уважаю бевсов, – качал головой дядя Миша и раскланивался.

Отец воспитатель бесился, понимая, что троллят именно его, но предъявить ничего не мог за отсутствием состава преступления.

А довольные студенты в конце концов привыкли общаться в таком ключе и при всех преподавателях, и даже один на один, породив новую семинарскую традицию.

* Окончание. Начало в «ОК» № 5.

АДОДИН Сергей Сергеевич родился в Кемерове 22 декабря 1977 года. Священник РПЦ. Окончил Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет по специальности «теология», дважды КемГУ: по специальностям «генетика» и «зоология и биоэкология», СмолГУ по специальности «теология». Автор книг стихов и прозы: «По дороге вечной» (2007), «Ворваться в рай» (2016), «Цветоворот» (Кемерово, 2016), «Быть попом. Нежалобная книга» (2017), «Книжка для своих» (Смоленск, 2018), «Орто.docx. Записки непрозорливого священника» (Москва, 2019). Публикации поэзии и прозы в журналах «Огни Кузбасса», «Наследник», «Алтай», в газетах Кемеровской области, публицистика на портале pravoslavie.ru. Лауреат Кузбасской литературной премии имени святителя Павла Тобольского (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

* * *

Спешащего причастить больную отца Пью остановил один прихожанин и спросил, как правильно относиться к сектантам.

— Как вы хотите, чтоб они относились к вам, — ответил поп и собирался уже идти, но дядьку этот ответ не удовлетворил.

— Так они же еретики, и они все деструктивные.

— Но ведь то же самое они думают и о вас, — озадачил прихожанина отец Пью, извинился и умчался.

* * *

— Были люди вместо крыс. Были крысы вместо нас, — напевал владыка на мотив песни группы «Танцы Минус».

Он сидел за письменным столом и читал заметку в городской газете, в которой говорилось о создании детского дома на территории епархиального управления. Автор статьи не мог определиться: то ли церковники хотят прибрать к рукам бюджетное финансирование, то ли готовят армию христианских фанатиков, а может, ими вовсе движут извращённые половые интересы. Журналист пользовался псевдонимом Аввакум Растрига.

Архиерей закатил глаза:

— Господи, прежде чем расстригаться, он бы постригся сперва, что ли...

Позвонили с местного телеканала, попросив прокомментировать статью.

— Слово «расстрига» пишется через две буквы эс! — отрезал владыка и положил трубку.

* * *

Один преподаватель очень уважал монархию и проповедовал её семинаристам. А ребята, как и положено в их возрасте, были большей частью максималистами и относились к идее сильной руки со скепсисом.

Когда в очередной раз студенты услышали, что в раю монархия, а в аду демократия, то не выдержали и зашумелись.

— Что такое? — спросил священник.

— Да вот дядя Фёдор имеет нечто реши, — сказала одна студентка.

— Благодарствую, тётя Лена, — поклонился третьекурсник. — Видите ли, отче, в аду вовсе не демократия, а самое что ни на есть настоящее царство.

— Откуда вы это взяли, раб Божий? — недовольно спросил преподаватель.

— У блаженного евангелиста Матфея, — перекрестившись, отвечал дядя Фёдор, — аккурат в

двенадцатой главе. Это, конечно, противоречит словам вашим и не менее уважаемого мной праведного Иоанна Кронштадтского, но кто я такой, чтобы не доверять апостолу?

— Я не понял, вы за демократию, что ли? — возмутился отец Владимир под гадкое хихиканье класса.

— Если между нами, в глубине души я сочувствую теократии, но вот наш президент — он за демократию. А кто я такой, чтобы противиться президенту? — смиренно ответил семинарист, опустив голову.

Преподаватель обвёл глазами радостных студентов и объявил, что всё это, возможно, замечательно, но по его предмету раб Божий Фёдор получает неуд.

— Понимаю, — сложив крестообразно руки на груди, промолвил дядя Фёдор. — Идея монархии весьма удобна для подавления низших авторитетом и властью.

За это студент получил «тропарь» и был отправлен объясняться с проректором по воспитательной работе, но сам он почему-то остался доволен.

* * *

К отцу Тигрию через весь храм бежала заплаканная паломница.

— Батюшка, я вспомнила, что во время ночной рождественской службы съела освящённый хлебец, а потом забыла и причастилась. А уже днём после обеда вместо малой агиасмы по ошибке выпила крещенской воды!

Игумен остановился и молча посмотрел на женщину, ожидая вопроса.

— Я такая грешница! Я теперь умру, наверное? — навзрыд спросила она.

— Поскольку Христос медлит с приходом, то, скорее всего, да, умрёте когда-нибудь. Литийные хлеба и великая агиасма хоть и святы, но на райское Древо жизни не тянут, увы, — развёл руками настоятель.

* * *

Одна белка решила заняться золотыми приисками. Дело прибыльное и серьёзное. Обсудив его с остальными членами одиозного клуба, белка начала поиски с жилища Павиана, пока он обходил свои владения. Но никакого золота у царя зверей не оказалось. Зато там обнаружилась шкурка с мехом какого-то небольшого зверька.

Это внушило белке сильнейшие верноподданические чувства и долю презрения к гибельному металлу.

* * *

– Как правильно подготовиться к смерти? – спросили прихожане отца Пью после заупокойной литии.

– Нужно научиться любить, – ответил пастырь, – Бога и каждого, кого Он нам дал. Научиться любить природу, живую и неживую. Это наше достояние, которое мы должны привести в совершенство. Тогда смерть будет для нас приобретением, рождением в вечность, а не унылым концом тщетного ожидания алых парусов.

– Да мы не о том, – сказали прихожане. – Гроб, там, прикупить, может, подушку набить из троицкой травки и цветочков с плащаницы, погребальный набор освятить заранее, ладан херувимский чтоб...

Тут отец Пью осерчал, плюнул и ушёл в алтарь.

* * *

Один меценат, решив сделать пожертвование монастырю, начал колебаться, увидев, как игумен выносит вино за ворота и угощает им каких-то побирушек и прочих подозрительных лиц.

Представившись, он начал с того, что лично знаком с многими членами Синода, продолжил намёком на собственную состоятельность и значимость для Церкви, а закончил тем, что, бросив многозначительный взгляд на выпивающих бродяг, спросил:

– А что, ваше высокопреподобие, правду говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты»?

Нахмурившись, отец Тигрий ответил:

– Видите ли, любезнейший, даже если твой друг сам Христос, это вовсе не обязательно означает, что ты не Иуда. Вы меня, грешного, простите, пойду я: подруги-проститутки сами себя не навелят.

– А? – ошалело переспросил меценат.

– Козлища, говорю, не отсортированы, свиньи не окольцованы, змеи не заговорены, псы опять же без святыни сидят, – пояснил монах и ушёл куда-то вглубь монастыря.

* * *

К отцу Пью, уныло втыкающему в телефон во время дежурства в соборе, подошла женщина и заинтересовалась:

– Нужно ли бояться числа 666?

Протопоп заозирался и шёпотом сказал:

– Ну ещё бы! Оно страшное. Вот произнесите его. Шестьсот шестьдесят шесть. Как будто змея шипит. А ведь именно змий соблазнил на грех нашу праматьер Еву!

– Вы шутите, что ли? Не пойму, – сказала женщина.

– Да уж какие тут шутки! – ответил пастырь. – Я даже на всякий случай вырвал из Библии шестьсот шестьдесят шестую страницу, ибо мало ли как оно повернётся.

– А сами вон в смартфоне сидите. Уж не там ли эти три шестёрки?

– Возможно. А что делать? Засасывает, – признался отец Пью и сокрушённо уронил голову на руки, притворившись спящим.

* * *

– А правда же, что дети, зачатые в пост, будут больные?

Этот вопрос задал бородатый паломник игумену монастыря.

Уставший от бесконечных звонков, отец Тигрий хотел было уточнить, по какому календарю пост – юлианскому или григорианскому – и откуда он вообще взял, что дети должны из-за этого болеть? Но, увидев горящий взор мужчины, грустно поинтересовался:

– Вы, очевидно, один из этих детей?

И, не дождавшись ответа, побрёл к коровнику.

* * *

Отец Пью подошёл к руководителю клуба трезвости и сказал:

– Бать, у меня есть предложение провести флешмоб «Два дня без алкоголя».

Священник обрадовался и воскликнул:

– Отченька, наконец-то! Я всегда за тебя молился, чтобы ты освободился от влияния зелёного змия!

– Ну вот, дошли твои молитвы, – поклонился отец Пью. – Спаси тебя Христос!

– А какие даты ты предлагаешь охватить? – поинтересовался борец за трезвость.

– Тридцатое и тридцать первое февраля, – ответил протопоп.

Священник почему-то обиделся и ушёл.

* * *

– Сказать ли вам притчу о Страшном суде? – спросил отец Тигрий, выйдя на амвон.

– Ой, а можно лучше про НЛП? – поинтересовался парень.

– А чего там рассказывать? – удивился игумен. – Обычная манипулятивная практика, паразитирующая на психологии и лингвистике.

– Да просто у меня коллега – энэлпэшница. Я и хотел узнать, стоит ли мне её бояться? Вы же филолог, – пояснил юноша.

– Ну если как филолог, тогда – конечно, – задумался настоятель. – Возьмём сказку про Ко-

лобка, например. Страшное дело! Лиса-энэлпэшница лишила Колобка силы воли и съела его. Увидите нейролингвистического хакера – читайте заговоры и сворачивайте в кармане вот эту мудру.

И отец Тигрий показал всем фигу с амвона.

– А я всегда думал, что Колобок просто был дураком, – озадаченно протянул молодой человек.

– Ну а ты, брат, дураком не будь. Аминь, – добавил игумен, перекрестился и ушёл в алтарь за чашей.

– Учитель, Украина не собирается праздновать День Победы! – почти хором воскликнули ученики, ворвавшись в сад.

Учитель взволнованно отпрянул от яблони и стал возбуждённо ходить взад-вперёд.

– Вот что мы сделаем! – придумал он. – В ответ мы не станем праздновать День защитника Украины!

После чего подобрал брошенную кисть и спокойно возобновил побелку коры.

С утра на телефон отца Пью начали приходить картинки о Прощёном воскресенье. В принципе, никто конкретно прощения не просил, да и не за что было бы по большому счёту. Поэтому в ответ отец Пью ничего посылать не стал, зато подошёл после литургии к руководителю клуба трезвости и попросил прощения за свою выходку с флешмобом.

– Да пошёл ты на фиг! – ошетинился тот.

Отец Пью слегка поклонился и отошёл, дабы не бесить.

Отец Тигрий, приняв лекарство, уже мирно засыпал после тяжёлого дня, когда ему позвонили из какой-то газеты и спросили: «Нужно ли хоронить Ленина?»

– Мне вообще-то плевать. Позвоните по номеру сто двадцать пять, – сдержанно ответил собеседник ангелов и отключил телефон.

Наутро звонили из епархиальной канцелярии, уточняли.

– Да тут один бесноватый трубку взял, ага, – отвечал игумен. – Да-да, обязательно накажем мучительно навсегда! Боже, храни королеву!

Положив трубку, отец Тигрий позвал отца эконома и поинтересовался, сколько нужно не платить за телефон, чтоб уже отключили за неуплату.

– Батюшка, а вот ещё минутку можно? Меня замуж не зовут! Это значит, мне нужно в мона-

стырь идти? – спросила отца Тигрия на исповеди девушка лет двадцати.

– Так тебя и в монастырь не зовут, – ответил игумен.

– Э-э-э, ну так ведь меня там и не знают, в этих монастырях, ну в которые не зовут, а то, может быть, и позвали бы. Наверное. Я не знаю, – запуталась исповедница.

– Парни тоже, поди, не все в курсе твоего существования, – предположил отец Тигрий. – Иди давай причащайся и не выдумывай. Монастырь ей!

Задумали белки войну. Долго выбирали противника. Остановились было на совах.

– Погибнем же в неравном бою, покрыв себя вечной славой! – воскликнула белка-кавалергард.

Задумавшись о масштабах и здравом смысле, остальные участницы кампании посоветовались и назначили на роль неприятеля белых медведей, которые на битву так и не явились, навеки покрыв себя позором.

Владелица небольшой компании подошла к бывшему настоятелю отца Пью с предложением удалить из храма людей ниже неё по статусу и достатку, чтобы никто не мешал молиться.

13

Подробно расспросив её, священник предложил оборудовать домовый храм прямо в её конторе, чтоб там могли молиться она сама и равные ей по чину.

Таким образом, уже через месяц настоятель отчитался архиерею о новом храме и служил в нём молебны по большим праздникам за небольшую зарплату.

– Господа, вы читали поправки к конституции? – спросил дядя Фёдор прочих семинаристов во время полдника. – Что думаете?

– Треш, угар и кривословие? – предположил первокурсник дядя Петя, принципиально не читавший светских новостей.

– Честно, я пыталась осмыслить, но не поняла смысла многих формулировок, – пожаловалась тётя Лена.

– Пиши пьяным, редактируй трезвым! – вмешался дядя Миша.

– Первая часть как раз возражений не вызывает, – задумался дядя Фёдор, – но как быть с трезвостью? Хемингуэй в Госдуму не придёт.

Тут пришёл проректор по воспитательной работе и всем, кроме девочек, дал поклонов за красивые разговоры.

— Учитель, вот смотрите, эмвэдэшная статистика, — обратился ученик к учителю. — В семнадцатом году на Пасху в храмы приходит один и восемь процента населения, а через два года, в девятнадцатом, — один и семь. Почему такая духовная девальвация?

— Будь я проклят, если это всё нельзя как-то объяснить снижением цен на энергоносители, — воскликнул учитель.

Один петух спяну уснул на курином яйце. С утра из-за этого случился переполох, его обвинили в колдовстве, поскольку всякий знал, что от яйца, снесённого петухом, добра не жди.

Так и сожгли бы петуха на костре, если бы не белки, выкравшие яйцо раздора. Петуха отпустили за недостатком улики, а яйцо как вещдок было съедено, несмотря на пост, ибо сам, оскоромаясь, погибай, а ближнего от инквизиции спасай.

Прибывшие в епархиальный детский дом дети были сперва похожи на взъерошенных галчат, сбившихся в стаю. Но вскоре, когда ребята освоились, к воспитателям и самому отцу Пью уже потекли первые доноски.

Когда протопоп понял, что происходит, то созвал всех в концертный зал, выпроводил воспитателей за дверь и по секрету объявил, что в совершенстве владеет колдовством, а каждый донос ставит под сомнение его способности.

— Знаете моё прозвище? — спросил он.

— Отец Пью, — ответил тоненький голосок.

— Это потому, что я от юности и науки слепой, — понизил голос директор. — Но благодаря тайной зелёной магии я научился со временем многое видеть. Особенно то, чего не видят другие.

Воцарилось гробовое молчание.

— Кто сдаст ближнего своего, того заколдую. Всем ясно?

Дети молча закивали.

— А вы научите нас колдовать? — раздался всё тот же тоненький голос.

— Возможно, — после небольшой паузы сказал отец Пью, — но только тех, кто окажется этого достоин. Воров, лжецов и подлецов учить не стану. Разойдись!

И, эффектно взмахнув рясой, будто профессор Снейп, быстрым шагом вышел из зала.

С того дня доносы прекратились.

Медведь выступил с сенсационным заявлением об инопланетянах. Утверждал, что его при-

глашали в межзвёздный корабль и склоняли к тому, чтобы улететь на другую планету.

Лесной народ разволновался, гадая, как всё это повлияет на иерархическое устройство звериного сообщества. Поэтому Павиану пришлось запретить употребление в пищу мухоморов.

Заметив, что во время всей первой седмицы Великого поста в алтаре использовали самый дешёвый ладан, по запаху больше напоминавший канифоль, юный пономарь спросил о том дьякона.

— Это чтоб Господь тоже попостился, — важно ответил отец Лука.

На одном из занятий преподаватель поднял тему наркомании. Семинаристы сперва молча слушали священника, потом начали дискутировать.

— Ой, я вообще этих торчков за людей не считаю, — заявила одна студентка. — Сидят засыхают, слюни пускают, аж смотреть противно, фу!

— Просто никто из ваших близких, сударыня, не умирал с иглой в вене, — тихо сказал доселе молчаливый дядя Дима. — А когда ты его поднимаешь, укладываешь на кровать, распрямляешь руки и ноги, а потом дожидаясь полицию и носильщиков, глядя в его лицо...

Семинарист замолчал, скривившись в гримасе. Было видно, что он пытается удержать слёзы.

— Урок окончен, — сказал преподаватель и отпустил всех на улицу, оставшись в классе один.

Узнав слухи о посадке человека на Луну, белки устроили дебаты. Одним казалось, что это лишь мистификация, другие, напротив, уверяли, что отчётливо видят на небесном светиле человеческий лик. Дело чуть было не дошло до дуэли, но белка-поэтесса, прошептав непонятное: «Двадцать шесть их будет, двадцать шесть», вмешалась и напомнила, что их общим врагом является обезьянья деспотия.

Аристократки успокоились и договорились считать лунную рожу происшествиями Павиана.

В детский дом приехал известный меценат и депутат областного совета. Галантно пожал отцу Пью руку в стиле «дохлой рыбы» и отправился осматривать помещения, пространно рассуждая о вопросах демографии и защиты детей.

Мимо прошёл десятилетний мальчик. Увлечённый эскимо, он не замечал никого вокруг. Депутат замолчал на полуслове и проводил маль-

чишку взглядом, смерив с ног до головы. Обернувшись к собеседнику, он увидел, что священник смотрит на него тяжёлым взглядом.

– Э-э-э, а детишки разве не постятся у вас? – нашёлся меценат.

– Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними Жених? – процитировал отец Пью.

– А кто жених? – заулыбался депутат, теребя запонку.

– Иисус Христос, – не ответив на улыбку, сказал пастырь. – А пойдёмте-ка посмотрим спортзал, где я лично обучаю парней боксу.

Народный избранник сослался на плотный график и удалился, оставив после себя приторный запах духов.

Один человек был очень взволнован фильмом «Матильда». Ведь о нём говорили с амвонов, в трапезных, на папертях и в очередях за антидором. С одной стороны, посмотреть очень хотелось, а с другой – грех же, страшно. Как потом бесам в глаза смотреть на мытарствах? Тем временем Матильда преследовала его в разных обликах. Вот она мурлычет кошкой фрекен Бок. Смотрит гадюкой из кармана Моховой Бороды. Признаётся в любви киллеру Леону. Исполняет партию меццо-сопрано в опере Россини.

Чувствуя, что сходит с ума, человек разрубил гордиев узел, скачав кино с торрент-сетей. Почему не купил диск? Да потому, что платить за греховодные фильмы было не в его привычках.

«Вот ещё – всякую сатану кормить!» – фыркнул человек, надел наушники, чтоб не услышали соседи, и начал просмотр поздней ночью.

Когда плот с Козловским взорвался, человек швырнул мышкой в монитор и разразился истерическим хохотом, чем сильно напугал подслушивающую старушку за стенкой, наркомана-закладчика под окном и опергруппу в кустах.

А на следующий день на стене под его окном появилась неровная надпись: «Казёл».

Белка-живописец как-то раз написала портрет Павлиана и повесила его в туалете. А на вопросы подруг отвечала так: «В минуты затруднений мне всегда приятно ощущать поддержку царственной особы».

Отца Тигрия загнала в угол прихожанка и спросила:

– Батюшка, а в пост с мужем нельзя?

– У вас совесть есть? – спросил игумен.

– То есть нельзя, да? – огорчилась женщина.

– А мозги у вас есть? – не успокаивался настоятель.

– Ну есть, – обречённо протянула несчастная паломница.

– В таком случае, если и мозги, и совесть при вас, не задавайте больше подобных вопросов монахам. И вообще, не попробовать ли вам впредь решать такие вопросы с мужем наедине?

В целях повышения престижа верховной власти Павлиан основал высочайшее аристократическое общество, куда включил обезьян и наиболее благородных зверей.

Вскоре многие стали спрашивать белок, почему они не подадут прошение о включении в общество.

– Пусть лучше спрашивают об этом, чем будут вопросы, что мы там делаем, – гордо ответили белки-оппозиционеры.

В семинарии пришлось ввести запрет на все вариации слова «обнулить» ввиду невозможности проводить занятия. Любой ответ на уроке, любой диалог терял серьёзность.

– Перебесятся и забудут, они же максималисты, – вступилась было за ребят методистка, но её не послушали.

Однажды звери увидели, что Павлиан употребляет в пищу мухоморы.

– Как же так, о светлейший? – недоумённо спросили они. – Ведь ты сам запретил их есть.

Павлиан пришёл в ярость и рявкнул, оскалив страшные клыки:

– Законы пишутся для подчинённых, а не для начальства!

Отца Тигрия пригласили в Общественную палату.

– Скажите по секрету, у вас в палате дураки имеются? – заговорщически спросил он.

– Ну не без этого, к сожалению, – был честный ответ.

– Тогда на кой вам ещё дураки со стороны? – удивился игумен.

Узнав, что обезьяны на сбор плодов тратят слишком много времени, белка-изобретатель придумала для них корзины-рюкзаки. Работа закипела, и благодарные обезьяны донесли о том до царя.

Павлиан внимательно рассмотрел дело и назначил белке штраф в сто орехов, за то что она

не изобрела такую корзинку раньше и тем виновна в напрасных расходах обезьяноресурсов.

Белка плюнула и решила переквалифицироваться в юристы.

* * *

— Христос не женат был, следовательно, брак в Новом Завете не легитимен! Ведь мы должны уподобиться Христу!

Отец Тигрий с интересом посмотрел на интеллигентного вида бабушку, которая настаивала на предпочтительности девства браку.

— Христос и старцем не был, причём сознательно, — парировал монах. — Вы, стало быть, уже в проигрыше.

— Да как вы можете, ведь вы, батюшка, сам в чине ангельском! — воскликнула совопросница.

«В ...», — подумал игумен, а вслух сказал:

— Лет полста назад, возможно, был, а сейчас я просто бородатый поп, которому в юности отказала любовь всей его жизни. А другую я так и не полюбил.

— Тогда вы не монах, а ошибка. С кем я ещё могу на эту тему поговорить тут, в монастыре? — рассердилась старушка.

— С нашими монахами разговаривать не благословляю, — отрезал отец Тигрий. — Поговорите об этом с другими паломницами, кто, как и вы, не поняли жизнь.

* * *

Белке-поэтессе никак не удавалось написать гениальную поэму. Узнав, что у Байрона было четыре гуся, которые ходили за ним повсюду, она поняла, что делало человеческого поэта гениальным.

Подкупив нужное количество гусей, белка стала центром внимания, её популярность возросла настолько, что Павиану пришлось усилить наружное наблюдение за одиозным Клубом шестнадцати.

Поэма так и не была написана, впрочем, на популярности поэтессы это никак не сказалось.

* * *

— Скажите, а у кого можно благословиться на вериги? — спросил молодой мужчина у отца Пью, который мирно сидел на лавочке у епархиального управления и никого не трогал.

— А? — глубокомысленно спросил протопоп.

— У меня постом восстание плоти на жену происходит. Ну чтобы не оскверниться мне, — дополнил вопрошающий.

Пастырь молча продолжал смотреть на подвижника, сохраняя мудрое выражение лица.

— Все беды от тела происходят, а я хотел бы достойно встретить Пасху. Хочу веригами изну-

рять темницу своей души, дабы не с блудниками осудиться. А без благословения подвига не будет, — терпеливо пояснил мужчина.

Отец Пью величественно поднялся с лавочки, властно взмахнул рукавом рясы, покрутил пальцем у виска и пошёл к другой лавочке, подальше.

* * *

На белку-живописца снизошло вдохновение, и она изобразила эпичную сцену похищения белок гигантским летающим орехом. Похищенные радостно левитировали в раскрытое фундучье нутро, остальные толпились в очереди и с надеждой тянули лапки, ожидая неземного блаженства.

Картина по обычаю с утра была вывешена на всеобщее обозрение, а вечером Павиан интересовался у помощников: «Скоро ли уже этот орех прилетит за оппозиционно настроенными белками?»

* * *

Спросили как-то отца Пью о том, куда податься неофиту.

— Да хоть куда, — ответил пастырь. — У нас вся церковь из неофитов состоит.

— А духовного отца-то как выбрать? — не унимались прихожане.

— А никак. Всё равно каждый выбирает себе наставника, руководствуясь только теми заблуждениями, которые дороги его сердцу.

* * *

Ученики подошли к учителю и спросили:

— Учитель, тут один очень образованный протодьякон, но не Кураев, сказал, что не уверен в том, что коронавирус вообще существует.

— Не Кураев? — задумался учитель. — Честно говоря, я не уверен, что автор высказывания на самом деле существует. Может, врут, собаки?

* * *

Узнав от кого-то, что ось Земли сильно наклонена, шестнадцать умных белок догадались, что всему виной полярные медведи.

Свои, бурые медведи решали проблему зуда в спине посредством чесания о деревья. А откуда взяться деревьям в Арктике? Стало быть, трутся о земную ось, вот и погнули сдуру.

Планету нужно было спасать, поэтому отважные белки вторично объявили войну белым медведям, о чём уведомили их письменной декларацией, вывесив листок на поляне.

Лемминги впали в отчаяние, представив последствия, и хотели сброситься со скалы, но передумали и начали строить планы уничтожения военной декларации.

Павиан слабо верил в возможность военных действий на территории доверенного ему леса,

но бесстрашие шестнадцати внушало беспокойство. Поэтому царь отменил штраф в сто орехов для белки-изобретательницы, имея в виду также и тот факт, что она к сборам фундука так и не приступала.

* * *

Отца Пью обступили общественники, интересуясь, почему он не подписывается в защиту неприкосновенности человеческой жизни с момента зачатия?

— Потому что тогда можно будет рассматривать выкидыш как непредумышленное убийство, — ответил протопоп, — а также потому, что при угрозе жизни женщина сама должна решать, рисковать или нет. Лично я не готов брать на себя такую ответственность.

— Воистину, иезуитский ответ! — изумился один активист. — Мне тут звонили из ада, спрашивали ваш номер.

Общественники возмущённо закивали.

— У вас прямая связь, что ли? — поднял брови отец Пью, дослушал оскорбления и ушёл.

* * *

Отцу Пью однажды сказали, что не во всём стоит ориентироваться на Ветхий Завет. Подумав, тот ответил:

— Мне столько раз в самых разных случаях приходилось слышать эти слова, что, боюсь, от Ветхого Завета вообще не осталось на что ново-заветному человеку ориентироваться.

* * *

«Дайте мне точку опоры — и я переверну мир!»

© Архимед

Такой плакат повесили оппозиционные белки на поляне глубокой ночью.

Утром Павиан, подумав, издал указ: «Отказать Архимеду в просьбе ввиду опасности его предприятия».

* * *

Один бесобоязненный человек знал по именам многих бесов. Чтобы избежать их, конечно же. Узнав из интернета, что есть демон по имени Эфон, человек чурался айфонов и не ездил на Афоне, ибо созвучно. Команду «На старт!» органически не переносил, так как было похоже на Астарту. Из-за Абаддона не слушал группу «АББА», ради Бегемота не ходил в одноимённый универсам, не доверял маммологам в связи с Маммоной, а молока не пил, боясь Молоха. Вельзевул был причиной боязни человека зевать. Он не был уверен наверняка, существуют ли бесы с именами Айсус, Элджей и Сумсун, поэтому в честь апостола Филиппа купил себе

«Филиппс». А «Хуавэй» просто не уважал по причине неблагозвучия.

Человек мечтал об умной молитве и стяжании Святого Духа, но хитрые бесы маскировали свои имена под что угодно, и у него просто не хватало времени на свою мечту.

* * *

Белки в шутку придумали новую религию и назвали её зорроастризм. Повсюду, где только можно, они оставляли знак Z, царапая кору и камни.

Павиан всполошился и созвал обезьяний совет, который запретил лесным жителям замечать опасный знак.

* * *

Кто-то пустил слух, что отец Тигрий прозорлив. В результате у его кельи образовалась очередь из паломников, желающих узнать волю Божию. На уговоры православные не поддавались, будучи уверены, что самые стойкие узнают всё.

Через пару дней затвора игумен заказал в интернет-магазине шотландскую волюнку, которую ему отец эконома передал с едой через маленькое окошко.

Спустя неделю от звуков Scarborough Fair в исполнении неудавшегося прозорливца разбегались даже почитатели экстремального юроства себя ради.

* * *

Собрал Павиан обезьяний совет и поставил перед ним задачу расписать его генеалогическое древо так, чтобы он происходил от самого короля Артура.

— Повелитель! Но ведь историю изменить нельзя! — воскликнули обезьяны.

— А за что я вам тогда плачу? — справедливо заметил самопровозглашённый царь зверей.

* * *

Белки распустили слух, что медузы сделаны из желатина и мороженого. Крокодил сдуру сожрал одну из них и орал так, что солнце выкатилось из его брюха и улетело назад на небосвод.

Пока белки праздновали победу, Павиану пришлось срочно разрешить солнце специальным указом.

Крокодил был ужасно зол на одиозных аристократов, но они сидели на ветвях, держась от него подальше.

Солнце тоже старалось впредь не опускаться низко к воде и теперь вставало и садилось, пользуясь кронами деревьев.

* * *

Молодой человек пожаловался отцу Пью на то, что, имея богатое воображение и хороший

язык, пишет превосходные фантастические рассказы, но никак не может на этом заработать.

– Так это тебе, дорогой, либо в депутаты нужно идти, либо в СМИ. Или как вариант – писать школьные учебники по истории, – не задумываясь ответил протопоп.

* * *

Однажды Павиан задумал покончить с Клубом шестнадцати, уличив их в непочтительном отношении к королевской особе. Для этого он, окружённый обезьяньей гвардией, зашёл к белкам в самый разгар заседания одиозного клуба.

Белки выронили сигары, расплескали виски и засуетились, организуя место, на которое должен был воссесть царь зверей. Для этой цели целых три стула были водружены один на другой, поскольку, как уверяли аристократки, таким образом подчёркивается высота царственной персоны.

Польщённый, Павиан взобрался на эту пирамиду, но вскоре рухнул, ко всеобщему смятению и панике.

– О повелитель! – обратилась к правителю самая рассудительная белка. – В нашей ничтожной обители не нашлось мебели, достойной тебя!

И раздосадованному Павиану не оставалось ничего другого, как уйти несолоно хлебавши.

* * *

Жил да был морской водолаз. Поскольку моря он в глаза не видел, то не особо верил в его существование. Но по городу ходил всегда в скафандре.

Люди почтительно смотрели на него и говорили своим детям:

– Смотрите, быть водолазом – тяжёлый труд. И благоговели.

И только одна маленькая золотая рыбка смотрела на водолаза из аквариума сквозь витрину зоомагазина и качала головой. Она всё понимала, но говорить, увы, не могла.

* * *

Отец Тигрий, пытаясь избавиться от славы прозорливца, закрыл монастырь на двухнедельную самоизоляцию. Паломницы рассудили, что плох тот игумен, что верит в возможность заразиться в храме Божиим, и ореол прозорливости вокруг настоятеля на время угас.

* * *

В ответ на новейшие генеалогические изыскания о происхождении Павиана от короля Артура Клуб шестнадцати разработал теорию о происхождении Пендрагонов от валлийских белок.

Тезисы были представлены на суд лесных жителей, будучи записанными кельтским руническим письмом. Руны подозрительно смахива-

ли на беличьи хвосты, но возразить было нечем, поскольку специалистов не нашлось.

Обезьяний царь смекнул, что на Артуре свет клином не сошёлся, и замял генеалогическую задумку. Вместо этого Павиан объявил себя вечным отцом лесного народа, сыграв на созвучии слов «Раріо» и «папа». И, прослезившись, радовался, что переиграл белок.

* * *

У отца Пью отрубился интернет, и он сдуру впервые за много лет включил телевизор. В ящике молодой дядька в очках допрашивал двух пожилых попов о коронавирусе.

Спустя пару минут протопоп испытал сильнейший испанский стыд и воскликнул, обращаясь к аккуратно выбритому ведущему:

– Отпусти их! Они ж не ведают, что говорят!

Реклама на канале началась с попа помоложе, который попытался поцеловать белого голубя.

– Не целуй! – торопливо воскликнул отец Пью. – Сколько там хламидий!

Словно услышав, голубь вспорхнул до поцелуя, уступив эфир какому-то сердечному препарату.

Позже, держась за сердце, пастырь жаловался на исповеди духовнику:

– Я вижу тупых людей. Они не знают, что тупые, и ходят везде как обычные люди. Я, пожалуй, тоже хочу быть тупым, смотреть телевизор, видеть только то, что хочу, и жить счастливо.

А духовник разводил руками, не зная, что ответить.

* * *

В монастыре праздновали самоизоляцию. Игумен Тигрий объявил неделю келейной молитвы и «Массандры». На закрытых воротах монастыря красовалось объявление для паломников с просьбой временно воздержаться от грехов в связи с пандемией.

Монахи славили Бога и настоятеля, который заперся в своей келье и, пока никто не видел, щеголял в великой схиме, купленной десять лет назад.

* * *

Однажды, когда звериные грехи, очевидно, переполнили всё, что можно было переполнить, в лес пришёл Медоед.

– Эй, Барсук, ты что, облысел, что ли? – спросили на свою беду волки, проходя мимо.

– Болонкам слова не давали! – отозвался оскорблённый Медоед и кинулся драться.

Придя в себя, облезлые волки пожаловались львам и привели их на следующий день с собой.

– Это что за скунс? – опрометчиво поинтересовались лвы.

– Я вам сейчас, кошки драные, рыжие-то патлы пооборву! – злобно пообещал Медоед и обещание своё выполнил.

– Это ты, подлая ящерица, солнышко глотала? – задумчиво спросил этим же вечером поцарапанный Медоед Крокодила.

– Они, – подтвердили обезьяны, сидя на ветках.

– Никуда не уходите, – мрачно сказал задир, – вы мне тоже не нравитесь.

– А из тебя, шланг на ножках, – обратился Медоед к недоумевающему Крокодилу, – я сейчас сделаю уробороса.

И сделал. Понаехавшего хулигана не брал яд ни змеиный, ни пчелиный. Орёл лечил клюв, кабаны искали протезиста, обезьяны боялись ходить по земле, медведи заново залегли в спячку, а Павлиан уехал в Швейцарию по каким-то очень важным делам.

Тогда белки пригласили Медоеда в гости, угощали виски и сигарами и рассказывали о настоящих свирепых воинах с Севера, закалённых во многих битвах.

Белка-живописец представила портрет белого медведя в сияющих доспехах, а белка-поэтесса декламировала стих собственного сочинения:

*Злой медведь ползёт на берег,
Точит свой кинжал...*

Заинтригованного Медоеда белки утром проводили до границ леса, подарив на прощание золотой компас, указывавший строго на Арктику.

Никто не слышал их разговора, поэтому все решили, что Медоед был изгнан бесстрашными аристократками.

Вернувшийся Павлиан сделал вид, что ничего не произошло, но к одиозному клубу старался не цепляться. Так, на всякий случай.

Поскольку в монастыре отключили телефон на время самоизоляции, из епархиального управления прислали гонца.

Гонец долго колотил в монастырские ворота и переговаривался с отцом Платоном, замещавшим сторожа.

– Изыди, бес! – говорил старый монах через дубовую дверь.

– Сам ты бес! – бесился делопроизводитель. – Я архиерейский дьякон!

– А скажи-ка в таком случае: шибболет, – просил отец Платон.

– Какой ещё балет? – разозлился дьякон. – Я владыке пожелаю!

– Ты что, шибболет не знаешь? – удивился монах. – Какой же ты дьякон? Ты ведь даже в семинарии не учился.

– Я Загорскую академию закончил! – бушевал делопроизводитель.

– «Окончил» – ты хотел сказать. Да врешь ты всё, бесовска морда! Наши дьяконы-академисты Библию читали, а ты – нет. Сгинь, нечистая сила! Тьфу на тебя! – осерчал отец Платон, развернулся и ушёл восвояси.

Отец Пью зашёл в магазин за кальянным табаком. Впереди стоял парень в спортивной одежде и долго выбирал уголь.

– А мельче кубиков нет, – сказал продавец. – Вы кальян курите на фольге или на калауде?

– Какой ещё кальян?! – возмутился юноша. – Это для кадила в церковь!

«Блин», – подумал протопоп.

Парень отошёл в сторону, но, заметив отца Пью, из магазина не ушёл, а стоял и смотрел, как тот покупает табак.

– Вы же батюшка! – с вызовом сказал он.

– Да, – ответил священник.

– А как вы можете курить табак? Какой же вы тогда батюшка? – играя желваками, сердился молодой человек.

Продавец, приоткрыв рот, смотрел на неожиданное шоу.

– А нельзя разве? – спросил отец Пью.

– Не понял. В смысле? – опешил парень.

– Я нарушаю какую-то заповедь, церковное правило, пункт ставленнической грамоты, завет Ильича?

– Не, ну как? Церковь же запрещает. Курить – бесам кадить, – растерялся юноша.

– Ага. Кто пьёт чай – тот спасения не чай. А кто ест лук – Богородице не друг, – отозвался отец Пью. – Ты завтра в это же время занят?

– Ну нет, – прикинул парнишка.

– Ну вот тебе задание до завтра. Найдёшь авторитетный источник, где сказано, что мне, православному попу, нельзя курить, приходи сюда же, – сказал пастырь и ушёл домой.

На следующий день парня в магазине не оказалось.

– Я, кстати, тоже ничего не нашёл, – сказал продавец, – весь интернет перерыл. А почему тогда говорят, что это грех?

– Не знаю. Я не говорю, – пожал плечами отец Пью. – Возможно, потому, что из попов я самый худший.

– Учитель, в чём смысл карантинных мер в храмах, если никто не стерилизует поручни в общественном транспорте? – спросили ученики своего наставника.

– Смысл в том, чтобы государство великодушно оставило храмы открытыми, – ответил учитель. – Ведь сейчас весьма удобно воспользоваться фактом, что в храм регулярно ходит лишь полпроцента населения.

– Но в чём связь? – не поняли ученики.

– В том, что полпроцента – это не сила, – сказал учитель и углубился в какие-то свои думы.

В день, когда в семинарии было объявлено о переходе на «удалёнку», студенты самым волшебным образом «накидались» и курили за территорией, собравшись в небольшие группы. Дежлом, которого проректор по воспитательной работе всегда ставил в самые трудные дни, пытался урезонить молодых людей.

Молодые же люди, сговорившись, зачем-то предлагали ему пойти умыться в купальне Силоам, загадочно улыбаясь.

Дядя Фёдор, пуская клубы дыма, устроил диспут о связи курения с раком. Ему оппонировал дядя Миша, загуглив статистику онкологических заболеваний по странам мира. По данным ВОЗ выходило, что Куба занимает почётное сорок седьмое место. Спорили до хрипоты, пока не вспомнили, что кубинцы не курят сигареты и практически не вдыхают выхлопные газы. На этом спор был окончен за недостатком данных.

Однажды Павлиан узнал об идее делать золото из свинца и понял, что это его шанс стать царём не только всех зверей на планете, но даже и людей.

Был издан высочайший указ, суливший тому, кто осуществит древнюю идею, достойную пенсию и налоговые каникулы.

Белка-химик, раздобыв где-то реактивы и пробирки, взялась за работу. Спустя неделю, позабыв о золоте и награде, она с увлечением рассказывала подругам о свойстве таллия, соседа свинца по периодической таблице, замещать своими одновалентными ионами калий в клетках живого организма.

– Ну, скажем, к примеру, обезьяньего! – воскликнула белка, отчего секретная сотрудница обезьяньего сыска чуть не свалилась с дерева.

– А потом просто праздник какой-то, – продолжала влюблённая в биохимию аристократка. – Представьте: блокируется натрий-калие-

вый АТФазный насос, повреждаются структурные белки, а это в свою очередь вызывает функциональные нарушения нервной системы. Бах – и смерть! Полграмма всего-то. Солевой раствор всасывается через кожу как орех разгрызть! И это я ещё не поняла про его связь с апоптозом...

Белка ещё не закончила свой рассказ, а Павлиан в это время уже переносил свою резиденцию на вершину неприступной скалы, проклиная последними словами алхимию, биохимию, белки и бёлок.

В связи с коронавирусом на подходах к собору дежурило два пикета: один из людей светских, другой из верующих. Ключарь был облит зелёнкой дважды: первый раз за то, что церковь не самоизолировалась и является рассадником вируса и прочей заразы, а второй раз – за осквернение святыни изопропанолом и одноразовыми ложечками. Злой как собака, он позвонил в полицию и попросил разобраться с «несанкционированными сборищами».

Следом в алтарь зашёл отец Пью без малейших следов зелёнки. В руке он держал здоровенный газовый ключ.

– Кран протекает в туалете у детей, – ответил он на недоумённый взгляд ключаря. – Вот принёс из дома, подремонтирую после службы.

Одиозный беличий клуб на очередном заседании выработал положение о создании независимого СМИ «Лесной источник добрых новостей».

Первый экземпляр новостной ленты был представлен широкой публике на полянке в виде листа бумаги со следующим текстом:

«Внимание! Экстренное сообщение!

За прошедшие сутки:

Ни одна обезьяна не совершила ни одного преступления против лесного сообщества!

Наш августейший государь никого не казнил!

Ни один чиновник не украл ни одного ореха!

Крокодил не проглотил ни одного небесного светила или планеты!

Ни один лесной житель не дал ни единой взятки!

Читайте и не говорите, что не видели!»

Павлиан собрал внеочередное совещание, но повода запретить беличье СМИ так и не нашлось.

Поскольку по суше в монастырь проникнуть не удалось, отец делопроизводитель призвал в клеверты благочинного и одного сельского попа на ка-

тере. Решено было пришвартоваться к пристани, ворваться в обитель и устроить игумену голово-мойку. Одного не учли: отец Платон закрепил на причале длинную арматуру, и теперь он был похож на ежа, грозя поцарапать борт судёнышка.

– Что там за высадка в Нормандии? – спросил отец Тигрий у эконома, услышав шум и обрывки нецензурной брани со стороны речки.

Тот, взяв с собой отца Платона, сходил посмотреть, как дьякон-академист пытается накинуть швартовы на железные прутки, словно лассо. Деревенский поп ржал, а благочинный сиротливо жался к кабине. Берег был крутой и скользкий от растаявшего снега.

Сочувственно поцокав языком, отец эконом отправил старого монаха за «Массандрой» и, вернувшись, доложил настоятелю:

– Суета сует. Нищета и собаки.

Случился как-то раз между отцом Пью и неким меценатом спор на тему роли Церкви в истории государства Российского.

– А история свидетельствует об обратном! – горячился антиклерикально настроенный бизнесмен.

– Что есть история в свете разных интерпретаций? – спросил протопоп. – Иезекиилева блудница, раскидывающая ноги перед всяким, кто платит дороже. Продажная девка буржуазии. Всего лишь перхоть планеты, перемещаемая с места на место ветром. Видели ли вы смерчи? Они способны смешать с пылью канзасских лягушек и бычьи фекалии, затем раскрутить в причудливом вихре и пролить дождём в Изумрудном городе, составляя мнение жевунов о ценностях человеческого мира. Это прах, изменяющий цвет одежды в Голубой стране на серый, отчего вы будете недоумевать: что же на самом деле дало название всей местности? Уж не гендерные ли девиации? Фальшивая монета оруэлловского мира, новое платье андерсеновского короля, шапка-невидимка для любого скотства, пыль тысячелетий, пускаемая в глаза...

Меценат сплотнул и тихо спросил:

– Что там было нужно для твоего детского дома?

– Матрацы хочу поменять детям. Слишком жёсткие, – ответил отец Пью.

– Так бы сразу и сказал, – почесал в затылке бизнесмен. – А то фекалии, девиации...

Однажды над лесом появилась большая хвостатая комета, приведшая всех в замешательство.

Лемминги увидели в этом знамение грядущих бед и начали паниковать.

Львы стали осторожно поговаривать о возможной смене власти. Ну как смене? Не то чтобы они были готовы сменить власть. Но ведь она может как-то сама собой поменяться, правда?

Обезьяны с подачи Павиана пошли науськивать Крокодила, чтобы он ту комету проглотил, но тот ещё не отошёл от знакомства с Медоедом и хорошо помнил вкус собственного хвоста в пасти.

Птицы отнеслись к комете крайне недоверчиво и на всякий случай облетали её стороной.

Сильный ветер порой как следует раскачивал комету, и многие боялись, что она рухнет и передавит всех обитателей леса.

Белки же сделали вывод, что большинство лесных жителей не готово к высокому искусству, и ночью демонтировали инсталляцию.

Раздражённый открытыми храмами в дни карантина, нотариус, заверяя для отца Пью доверенность, не удержался и заметил вслух, что Церковь ведёт себя некорректно.

Выслушав, что Бог не в брёвнах, а в рёбрах, протопоп промолчал. Упрёки в завышенных ценах на требы пропустил мимо ушей. На требование прекратить наживаться на сиротах ответил повышенным вниманием к пейзажу за окном.

– Народное терпение не бесконечно, помните моё слово, – посмотрел нотариус на попа поверх очков. – Придёт время – и вас снова начнут ставить к стенке, как сто лет назад.

– Сто лет назад попов расстреливали вместе с адвокатами и нотариусами, – откликнулся отец Пью. – Так что там с моей доверенностью? Не терпится, знаете ли, уже нажить на сиротах.

Невыспавшийся отец Пью выслушивал дьякона, который желал низвести на Соединённые Штаты Америки огонь с небес, причём не силой Божией, а вовсе даже и сатаны, вернее межконтинентальной баллистической ракеты типа Р-36М. Он жаждал отомстить американцам «за всё».

– Странно слышать это от человека, который за каждой литургией молится за США, – зевнул протопоп.

Дьякон от неожиданности подпрыгнул:

– Это кто молится?

– Ну как же? «О граде сем, всяком граде, стране...» Забыл? – кивнул отец Пью на служебник. – Стало быть, и об Америке тоже молишься.

– Да это про нашу страну! – воспротивился дьякон.

– Э, нет, брат, о богохранимой стране нашей ты молишься аккуратно на предыдущем прощении. Так что уж либо орать носи, либо папаху, – резюмировал пастырь и пошёл домой, оставив сослужителя в растрёпанных чувствах.

Отец Тигрий прогуливался по двору монастыря, когда к закрытым воротам пришли паломники и стали шуметь, требуя настоятеля.

Узнав, что люди хотят разъяснений по поводу афонского помазывания дверных косяков оливковым маслом, игумен сказал:

– А, ну так это неправильный перевод с греческого. Петли надо смазывать, чтоб не скрипели, и голову, чтоб думала лучше.

И продолжил свой моцион.

На выходе из грузинского магазинчика отец Пью столкнулся с проходящей мимо свечницей, которая попыталась заглянуть в его пакет.

– Ой, батюшка, что-то прикупили себе? – приветливо заулыбалась бабушка. – Грузинское то вино дорогое нонче.

– Да вот окры взял, нажарю сегодня, – сказал священник, пытаясь обогнуть её.

– Окры? Это что за зверь такой? – удивилась свечница.

– Изначально африканский, – ответил отец Пью и раскланялся.

А на следующий день архиерей уже читал донос на директора епархиального детского дома, что он в пост ест мясо окры.

Пригласив к себе в кабинет делопроизводителя, владыка осведомился, читает ли он то, что *ложит* архиерею на стол. Услышав положительный ответ, епископ спросил, с какой целью он дал ему жалобу на отца Пью.

– Ну как? Вот написано же, что в пост мясо ест, – неуверенно ответил дьякон.

– Ещё раз увижу подобное на своём столе – рассержусь, – предупредил владыка. – Ты хоть гуглил, что за окра такая?

– Никак нет, – ответил отец Пётр и вышел, поклонившись.

А спустя пару минут в приёмной из-за монитора отца делопроизводителя донесли приглушённые ругательства.

Белка-поэтесса, желая большей известности, приобрела себе стильный шарф и шляпу для задумчивых прогулок вдоль ручья. А поскольку в лесу так больше никто не одевался, белка вскоре стала самой популярной.

Отцу Пью подарили постовое греческое обложение, и, освятив, он служил в нём утреню. А после службы к нему подошёл суровый прихожанин и выразил свою скорбь о том, что русские попы в Русской же церкви возлюбили всё греческое, не радея об исконном, родном.

– Ох, и не говори, Алексей, – покачал головой протопоп, – но у меня хотя бы имя еврейское, а у тебя как раз таки греческое.

Одна белка в качестве социального эксперимента покрасила левое ухо белой краской и так расхаживала по лесу. Всех вопрошающих о том, почему у неё белое ухо, она вносила в специальный блокнот и отвечала неизменно одно и то же:

– Чтоб дураки спрашивали.

– Что самое трудное для русского священника? – спросили ученики наставника.

Тот, подумав, ответил:

– Не охаметь.

– Но почему? – удивились ученики.

– Потому что наш народ доверчив к сволочи и любит хамов, воспитанность же и доброту принимает за слабость. На такой питательной среде всякая плесень и растёт, вытесняя всё хорошее, – пояснил учитель.

Однажды Павиан решил выяснить величину своих владений. Но поскольку устраивать замеры он счёл слишком утомительным, то объявил, что щедро наградит того, кто придумает самый эффективный способ.

Тогда белка-изобретательница заявила, что нужно собрать всю паутину в лесу. Царь зверей отдал приказ, и все обезьяны кинулись исполнять повеление. Спустя несколько дней большой моток паутины красовался на поляне. Павиан призвал белку и при всех лесных жителях поинтересовался, что делать дальше.

Белка чиркнула зажигалкой, и паутина мигом сгорела.

– Ну и каковы же размеры моих владений? – спросил повелитель.

– Да я, собственно, без понятия, – отвечала белка, – но зато теперь в лесу стало чуточку чище.

Отец Пью, причастив на дому пожилых супругов со всеми признаками респираторной инфекции, сообщил на кассе собора, что по следующим адресам он уже не поедет.

– Ну и что это значит? – спросила суровая к алкоголикам регистраторша.

– Это значит, что я не понесу инфекцию дальше, – ответил протопоп.

– А кто тебя благословил? – вспылила женщина.

– Простите, владыка, не узнал вас, – смиренно наклонил отец Пью голову, снял с себя епитрахиль, ловко набросил её на регистраторшу и под громкие угрозы пожаловаться архиерею ушёл домой самоизолироваться.

– Скажите, а вам открыто будущее? – спросил новоначальный ученик учителя.

– Ну ещё бы! А ты как думал? Завтра будет среда, а послезавтра... дай секунду... четверг! – ответил учитель и воздал хвалу Богу.

Белка-живописец устроила выставку портретов. Пришли также и волки, осмотрели работы и, как санитары леса, заявили, что звери на её картинах вызывают большие сомнения с точки зрения анатомии.

– Тем не менее мои работы будут жить значительно дольше, чем ваши так называемые пациенты, – парировала белка.

Один священник часто высмеивал привязанность старушек к дачам, от которой они выпадали из церковной жизни на целое лето.

– Не причащаться целое лето! Как же можно называться христианами после такого? – возмущался он.

И вот, после того как его жену отправили в отпуск без сохранения зарплаты, семейный бюджет затрещал по швам. Все деньги уходили на коммуналку и кредиты, а на еду уже не оставалось ничего.

Тогда сердобольные старушки стали приносить ему овощи и соленья прямо домой, поскольку ходить в храмы им не рекомендовалось по примеру Марии Египетской.

Пересмотрев приоритеты, батюшка навсегда зарёкся обижать прихожан и говорить не подумав.

Одиозные белки построили эбонитовую горку на опушке, которая моментально стала популярной. Все звери катались и прославляли великодушных аристократок.

А белки теперь сидели в своём штабе при свете лампочек и прославляли конденсаторы и статическое электричество.

Отец Тигрий проснулся в холодном поту. Ему приснился Понтий Пилат, укоряющий Христа за нарушение самоизоляции.

Встав с кровати, он взмолился:

– Господи, хорошо нам тут было! Как на Фаворе.

После чего поднял монахов на совет.

Отец эконо́м почесал бороду и сказал:

– Белорусы-то вон чего, и им ничего. Ну а мы чего?

– Златоуст! – прослезился игумен. – Есть возражения по этому поводу?

Монахи помотали головами.

– Ну так тому и быть, а то чего мы? – решил отец Тигрий, а наутро открыл монастырь и расчехлил волынку.

Однажды в лесу перессорились все птицы, споря, каким концом сверху должны лежать яйца в гнезде: тупым или острым. Дело почти дошло до драки, как вмешались белки.

– Сдайте все ваши яйца нам, и мы установим истину, – заявила белка-изобретательница, занимавшаяся юридической практикой.

Птицы подумали и сделали как было сказано. Спустя несколько дней они прилетели к белкиному штабу за ответами.

– Что сказать? Яичница оказалась одинаково превосходной из тех и других яиц, – резюмировала изобретательница. – Абсолютно никакой разницы!

Птицы задумались и более никаких споров не устраивали.

Один поп умел играть в домостроевского мужа и виртуозно управлял своей попадьёй с первого дня свадьбы: брюки не носи, губы не крась, в институте не учись, в соцсетях не регистрируйся, вина не пей, о подружках забудь, рожай побольше и выгляди уже как настоящая матушка, а не как проститутка. И всё-то она была дура, и всё-то она делала неправильно. Да кабы не батюшка, утонуть ей в грехах всенепременно. Бить, правда, не бил, поскольку побаивался отца Пью – известного противника домашнего насилия.

А попадьё та возьми да и уйди от супруга.

Прознала тогда вся епархия, что она маловерующая истеричка и вообще гулящая женщина. Прибежала бывшая матушка к отцу Пью на исповедь. Плачет, мол, репутация испорчена на веки вечные, муж платить алименты отказывается.

– Начнёшь оправдываться – не поверит никто. Не трать ни нервов, ни времени. Люди верят

во что хотят. А вот деньгами я тебе буду помогать по мере сил, я ведь один живу, — ответил протопоп.

Распустил тогда поборник ежовых рукавиц слух, что бывшая его с попом-пьяницей спуталась, да и подал жалобу в церковный суд.

Председатель отец Тигрий ознакомился с делом, привёл отца Пью к клятве на Евангелии о невинности и обратился к истцу:

— Не Павел ли говорит: «Кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией»? Коли Бог ума не дал, не выдавай себя, служи тихо и смиренно, не то заколдую.

— В каком смысле «заколдую»? — не понял поп.

— Был иерей, станешь брадобрей, — пояснил отец Тигрий и закрыл дело за отсутствием доказательств.

Перед епархиальным собранием, пока ждали владыку, секретарь огласил две проблемы. Во-первых, имеется слух, что где-то завелась православная секта, во главе которой находится какой-то учёный поп. Следовательно, под подозрением каждый, кто умеет читать не по слогам. Во-вторых, кто-то время от времени пишет на Ахиллу, Кураеву и дедушке Калаказо, поэтому хорошо бы вычислить крота.

О первой проблеме моментально позабыли и принялись обсуждать, кто бы это мог быть. Руководитель клуба трезвости толкнул в плечо семинарского преподавателя, задумчиво читавшего «Советский спорт», и с ухмылкой спросил:

— Не ты ли, равви?

— Ты, — кивнул отец Тимофей, не отрываясь от чтения.

Поп испуганно заозирался и пересел подале.

На епархиальном собрании архиерей, помимо прочего, объявил об отмене фиксированного налога на содержание епархии и закрыл оба монастыря для прихожан.

На вопрос отца Тигрия пояснил:

— Вы, батюшка, закрывались хоть и самочинно, но правильно. Большинство монахов — старики. А сейчас исполняйте моё благословение.

Вещий поп, встав с места, завёл разговор о том, что если даже верующий что смертное испиет, не вредит ему. Следовательно, нет нужды принимать защитные меры.

Тогда владыка повелел ему возложить руки на хромого епархиального бухгалтера, дабы он был здрав.

— Ну вот видите, не такой уж вы, батенька, и верующий, чтобы нам такие духовные советы давать, — сказал епископ. — Сядьте и помолчите. А я в свою очередь обращусь к властям с просьбой отсрочить коммунальные платежи по приходам и в семинарии. Время нехорошее, давайте уважительно относиться к здоровью друг друга и наших прихожан.

Павиан издал указ, чтобы в его присутствии все представители семейства кошачьих прятали когти. Гепарды огорчились, поскольку не обладали способностью втягивать когти, на что им было рекомендовано покинуть лес.

Узнав об этом, белка-философ заметила:

— Почему бы нашему повелителю не научиться прятать свой красный зад в присутствии быков?

— Почему христиане так нетерпимы друг к другу, выискивая в ближних недостатки? — спросили учителя ученики.

— Это всё потому, что ничто так не обесценивает нашу праведность, как праведность ближнего, — ответил учитель.

Узнав о слухе, что фазанов трудно ранить, Павиан решил, что их перья можно использовать в качестве бронежилета, для чего он издал специальный указ о добровольной сдаче оперения во имя государственных интересов.

Это постановление вызвало среди лесных обитателей определённое замешательство. Волки стали обсуждать, насколько легитимным будет съедать каждого фазана, не сдавшего перья добровольно. Сами фазаны задумались об эмиграции. Остальные птицы в связи с этим повесили на грудь таблички с надписью: «Я не фазан». А лемминги в панике просто начали бегать кругами.

Белка-психолог, подумав, саркастически заметила:

— А ведь Павиана что-то гложет, но вот что?

Другие белки не нашли, что ответить и просто разводили лапками.

Отца Пью спросили, зачем он собирает и хранит большую коллекцию еретической литературы, вместо того чтобы её сжечь, ведь, как известно, ереси опасны.

— Жечь книги и опровергать их далеко не одно и то же, — ответил протопоп.

Белка-поэтесса в шарфе, шляпке и в сопровождении двух гусей прогуливалась по лесу

и увидела на ветке дерева ворону. В клюве у неё был кусок сыра.

Остановившись, белка воскликнула:

*Нет, не тебя так пылко я люблю!
Не для меня такое оперенье!
Люблю лишь виски, табака куренье,
А перья я доставлю королю!*

— Да не фазан я, отстань! — каркнула ворона и обронила сыр, ставший добычей гусей.

Одна прихожанка постоянно осуждала окружающих за разврат. А развратничали, по её мнению, многие. Кто делами, кто мысленно, а кто внешним видом.

— Я так понимаю, разврат — это всё то, что обошлось без вашего участия? — дружелюбно спросил отец Пью, заслужив гневный взгляд и славу главного развратника епархии.

Павиан разделил лес на четыре региона: птичий, водный, наземный и подземный, чтобы каждым из них управлял всенародно избранный представитель царской власти. И устроил выборы, само собой.

Придя на выборы, лесные обитатели лицезрели четыре шеренги обезьян и стояли в недоумении, кого выбрать.

И только белки радостно скакали вдоль кандидатов наземного региона, вглядываясь в их одухотворённые морды.

— Чему вы так радуетесь? — спросили их.

— Радует, что только одна из уважаемых обезьян победит, — был ответ.

Одному новонаначальному монаху однажды пришёл помысел, что он победил свои страсти. Лицо его так просветлело, что отец Тигрий зажмурился и послал того насельника за хворостом через речку.

— А вёсла? — спросил монах.

— Так ты пешком иди, тут недалеко, — посоветовал игумен.

— Так тут же брода нет, да и холодно, — недоумевал чернец.

— Да ты прям по воде, брат, ступай, — махнул рукой настоятель. — Вода — она же только грех топит, как при Ное. Ты и ботинок не намочишь.

Посмотрел брат на быстрое течение — тут-то его помысел и прошёл.

Отец Пью не ходил на выборы, не поддерживал разговоров о политике, не считал правыми

ни белых, ни красных и не знал фамилий членов правительства.

На недоумённые вопросы он неизменно отвечал, что все правящие партии и всех правителей планеты объединяет главное: они тратят деньги налогоплательщиков по своему усмотрению.

Узнав о рибосомных белках от учёной подруги, пятнадцать одиозных белок, напившись виски, устроили гонки на сомах, заставив Павиана в свою очередь пить валерьянку.

Женщина гламурного вида жаловалась отцу Пью на бывшего мужа — скотину и неплательщика алиментов. Сразу после развода она сообщила в налоговую о нарушениях в делах благоверного, предъявив некоторые бумаги. А уже после того, как бизнес бывшего мужа был прикрыт, а на него самого было заведено дело об административной ответственности, подала на алименты. Внезапно оказалось, что размер выплат не соответствует ожиданиям, поскольку платить стало особо не с чего.

— Сказано же: «Не пей из колодца, в который плюёшь», — задумчиво произнёс отец Пью.

Птицы после победы одной из обезьян на выборах спросили белок:

— Как может обезьяна представлять наши интересы, если она даже летать не умеет?

— Как бы то ни было, теперь ни одной птице не забраться так высоко, как ни старайся, — мудро заметили белки.

— Мы знаем, что Бог благ. Почему же вокруг столько несчастных людей? — спросили ученики учителя.

— Проблема в том, — ответил учитель, — что, получая от Бога жизнь в подарок, большинство его так и не разворачивает.

Однажды медведь-пасечник нечаянно сел на улей, и тысячи неправильных пчёл полетели выражать своё недовольство правым и виноватым. В связи со сложившейся ситуацией Павиан запретил «Лесной источник добрых новостей» во избежание паники и возможного распространения ложной информации.

В ответ белки на скале, где жил царь зверей, плавиковой кислотой за неделю вытравили надпись, ставшую впоследствии крылатой:

«Лучший способ борьбы со свободой слова — набитые рты подданных».

Один настоятель очень уважал чиновников, усматривая в них аватаров сверхъестественного присутствия на Земле. Часто советовался с ними по любому поводу, поскольку те обладали большим опытом по управлению народом Божиим. Обсуждал со слугами народа других попов, которые разочаровывали своей несознательностью. Построил с помощью столоначальников доходную часовню в выгодном месте.

А вот собратьев своих, священников, недолюбливал. Городских – как конкурентов, деревенских – как потенциальных попрошаек.

Когда чиновники стали закрывать храмы, активно сотрудничал с ними во имя общего дела чрезвычайной важности.

И вот приснился настоятелю сон, что проверяющие нашли у него на службе постороннюю бабушку, невесту как пробравшуюся туда. Присудили штраф в триста тысяч частично конвертируемой валюты, а храм закрыли. Светские начальники внезапно перестали отвечать на звонки. Обратился настоятель к собратьям, мол, помогите с мира по нитке на штраф, а те лишь руками разводят, поскольку без прихожан нет и доходов.

Вспомнил о Боге, упал на колени перед Голгофой и взмолился:

– Помоги, Господи!

И вот не то с небес, не то ещё откуда раздался голос:

– Что, отче, помогли тебе твои ляхи?

Заметался несчастный поп и проснулся. Пришёл в себя и стал обзванивать известных ему чиновников.

– Успокойся, батюшка, – отвечали начальники, – ничего плохого не случится с тобой, ведь мы команда.

И батюшка воспрял духом, ибо сказано: «Надейся на князей и на сынов человеческих, в них же есть спасение».

Белок однажды спросили, почему они так часто спорят между собой, тогда как между обезьянами всегда царит согласие.

– Всё дело в том, – отвечала одна из аристократок, – что у глупых мысли всегда сходятся, а у умных – нет.

– Меня постоянно все поучают, и это реально бесит, – пожаловался новорукоположенный священник отцу Пью.

Подумав, тот ответил:

– Могу предложить два варианта: первый – начинаешь сам всех поучать и, соответственно,

бесить, второй – улыбаться и мысленно махать в ответ.

– Как пингвины из «Мадагаскара»? – уточнил ставленник.

– Как пингвины из «Мадагаскара», – подтвердил отец Пью.

Поев мухомора, Павиан завёл с зеркалом светскую беседу:

– Видите ли, коллега, лишь стоит дать подданному свободу, как они тотчас захотят равенства и братства. А там не успеешь оглянуться, как чернь отнимет у вас всё остальное.

Помявшись, он добавил:

– Так к чему это я? Пчёлы! Нас спасут только пчёлы. Осталось лишь придумать, как сделать так, чтобы они жалили кого надо, а не как сейчас. Например, белок. Давно уже пора устроить им молчание ягнят в тряпочку. Эх, власть – тяжёлое бремя, которое легче нести лишь в одиночку!

Однажды у белок спросили, почему они не желают устроить революцию, коль скоро они недолюбливают Павиана.

– Все революционеры – бандиты и террористы, а чумой холеру не вылечить, знаете ли, – мудро заметили белки.

У отца Пью спросили, почему расплодилось такое количество сект, да и среди православных немало псевдостарцев с поклонниками.

– Кого только не сделаешь богом, лишь бы самому выбиться в апостолы, – ответил протопоп.

«В лесу две беды: обезьяны и их количество», – любили говорить белки.

– Церковь говорит о торжестве православия, а давеча один батюшка с амвона такую непроходимую ересь нёс! – упрекнул отца Пью семинарист дядя Миша.

– Возможности медицины тоже, знаешь ли, резко ограничиваются конкретным врачом, – ответил пастырь. – Озаботься, брат, тем, чтобы самому православие не позорить ни с амвона, ни из замочных скважин.

Павиан собрал обезьян и приказал выяснить, что о нём думают подданные. Обезьяны же, не будь дурами, в свою очередь собрали овец и баранов, произвели опрос общественного бления и бодро отчитались о стопроцентной лояльности вожаку.

* * *

Одна женщина, выйдя на пенсию, уверовала в Бога и стала ходить в кафедральный собор. Прочитав несколько книжек духовного содержания, она развернула широкую деятельность по поучению других прихожан в области нравственности. К вящему неудовольствию поучаемых, конечно же.

— Внезапно проснувшись совесть вовсе не повод учить других морали, — как-то раз сказал ей отец Пью, мгновенно превратившись из «нормального батюшки» в «волка в пастушьей накидке».

* * *

Глядя на выходы царя зверей, белки заметили:

— Если звери эмигрируют из леса в результате такой блестящей политики, Павиан рискует стать царём одних лишь обезьян.

* * *

Выслушав жалобы незамужней прихожанки на мужиков-козлов вместо принцев, отец Пью заметил:

— Видишь ли, моя хорошая, в сказке принц достался Золушке, а не кому-то ещё в королевстве. Может, стоит попробовать сперва стать Золушкой? От такой девушки ведь ни один принц не откажется по доброй воле.

* * *

Однажды Павиан провозгласил в лесу свободу слова. Белки, хоть и знали это слово, тем не менее произносить его вслух не стали, потому что были очень воспитанными.

* * *

Один неопит однажды прозрел и увидел, что нет праведника, ни одного. Это чуть было не разбило ему сердце, но он вовремя вспомнил «Матрицу» и твёрдо решил принять синюю таблетку.

После чего уволился с должности приходского катехизатора и ушёл трудиться на канал «Спас». А что было дальше, неизвестно.

* * *

Однажды обезьяна, избранная представлять царскую власть у зверей, навестила беличий аристократический клуб и поинтересовалась, почему те не восхваляют, подобно прочим, всенародную избранницу и тем самым проявляют неуважение к высшей власти.

— Не подразумевая никакого неуважения, мы просто копили добрые слова на хорошую эпитафию, — ответила за всех белка-поэтесса. — Поверь, эту поэму будут разучивать наизусть.

Недовольная обезьяна, выйдя от белок, с горечью произнесла:

— Аристократия — это белая кость в горле общества.

* * *

Архиерей сидел в кабинете и читал ответ на своё обращение к губернатору по поводу отсрочки коммунальных платежей для прихожан, которые в связи с запретом на посещение прихожанами церковных служб испытывали нужду.

Налоги на содержание епархии были отменены, социальная работа оказалась свёрнутой, но настоятели всё равно докладывали, что из долговой ямы им не выбраться. Оно и понятно: обычно на пожертвования с Пасхи и Радоницы приходы едва дотягивали до окончания дачного сезона, уходя в сентябре в минус, теперь же минус образовался уже в апреле.

И вот ответ стыдливо лежит на письменном столе. Власти предлагали приходам разбираться с поставщиками коммунальных услуг в индивидуальном порядке.

— Иными словами, идите на фиг, — подытожил епископ. Погладив дымчатого кота, недовольно покосившегося на хозяина, он с горечью запел: — Жаль, подмога не пришла, подкрепление не прислали...

Кот зашипел и ударил лапой, целя владыке в бороду, но промахнулся и сбежал.

* * *

27

Глядя, как лемминги жалко копошатся среди корней деревьев, выискивая жуков, Павиан воскликнул:

— Моё величие только такими ничтожествами и уравнивается!

На это белки заметили:

— Большие дела творятся трудами маленьких зверей, а меньшинство ничтожеств оказывается иногда подавляющим.

* * *

Женщина жаловалась отцу Пью на мужа. Выслушав длинный перечень её претензий к благоверному, протопоп посоветовал определиться, хочет ли она с ним продолжать жить, и, если хочет, стоит готовить себя к компромиссам, поскольку изменить другого человека невозможно. Да и вообще, неплохо было бы устраивать конструктивные диалоги.

— Диалогов у нас хватает, — отрезала женщина.

— Два монолога ещё не диалог, а лишь способ самоутверждения, — заметил отец Пью. — Чтобы понять позицию ближнего, нужно любить его и Христа, который за него распялся.

Прихожанка не удовольствовалась таким ответом и сказала:

– Не будь вы таким противным, люди бы к вам тянулись.

После чего ушла с гордо поднятой головой.

– Чего ко мне тянуться? Я грешный поп, а не Христос, – пробормотал пастырь, глядя ей вслед.

По заданию свыше обезьяна, представляющая интересы Павиана, посетила белок, чтобы предложить им карьерный рост в обмен на лояльность.

– Чем мельче зверь, тем крупнее его амбиции, мы же ни на что не претендуем, – сказали белки.

– «Белка», конечно, звучит гордо, но «обезьяна» – перспективно, – обиделась сановная обезьяна.

– Ироды! Безбожники! Лишить людей храма и причастия! – ругалась одна почтенная тётушка на касе храма.

– Ой, ну подумаешь, разок не причастится кто-то, – не подумав, сказал дьякон Дионисий, проходя мимо. – Вон ещё сколько литургий в году!

– Тебе-то, может, и ничего, а я, может, дорожу причастием в отличие от тебя! – возмутилась женщина.

– Что-то я вас ни разу в храме летом не видел. Года три, сколько служу, кажется. Болеете, наверное, в дачный период? – участливо осведомился дьякон.

– Ох и огрела бы я тебя сумкой, не будь ты священнослужитель! Да как тебя до алтаря допустили-то? – разбушевалась прихожанка.

И пришлось тут бедному дьякону спастись позорным бегством.

Павиан провёл ревизию съедобных запасов и пришёл к выводу, что в лесу кто-то ворует. Создав верховный обезьяний суд, он объявил, что всякого лесного жителя ждут весы правосудия и горе тому, кто, будучи взвешенным, будет найден лёгким!

Поразмыслив, белки изрекли:

– Коль скоро созданы весы правосудия, стало быть, имеются в наличии и соответствующие продавцы.

Отец Пью уговаривал легкомысленно одетую девушку избрать на будущее чуть более целомудренную одежду для посещения храма.

– Пожалейте неженатых мужчин, им же нелегко будет сосредоточиться на молитве, ради которой они сюда обычно приходят.

– Между прочим, именно красота спасёт мир, особенно женская, – заявила девица.

– Расскажите это Гомеру, и он, возможно, перепишет «Илиаду», – ответил отец Пью. – А пока что мир спасает наличие у десяти стран ядерного оружия.

Ученики, приступив к учителю, помялись и предположили, что в стране отсутствует свобода слова.

– Неверное предположение, – сказал учитель. – К тому же одна из самых популярных телепередач у нас как раз называется «Пусть говорят». Если вам есть что сказать, милости прошу туда.

Один алтарник очень уважал Советский Союз и его вождей. Поговаривали даже, что вместе с натальным крестом он носит на груди образок Сталина. Его крепкую руку он почитал наравне с десницей Иоанна Крестителя. Посмотрев, как полицейские с волонтерами не пускают в собор плачущих бабушек на Пасху, он возмутился духом и в сердцах высказался обо всём этом в не свойственных ему обценных выражениях.

Отец Пью заинтересованно поглядел на пономаря и сказал:

– Добро пожаловать в Советский Союз, брате!

Любитель ежовых рукавиц заёрзал, но так ничего и не ответил.

– Чем беднее зверь, тем свободнее от реализации излишних потребностей, – однажды провозгласил Павиан и повысил налоги.

В ответ белка-живописец нарисовала шестнадцать плакатов «Да здравствует Павиан – самый заботливый из всех правителей!», и аристократки стали ходить с ними по лесу, громко слава царя зверей.

Павиан сразу понял, что белки замыслили неладное, и, пытаясь разгадать их план, повредился рассудком.

Молодой референт епархиального управления с утра сидел в канцелярии и играл в шестую «Цивилизацию». Дверь открылась без стука, впуслав двоих дядек при пиджаках и галстуках, с масками на подбородках.

– Ворвитесь! – любезно предложил иподьякон, опознав в пришельцах сотрудников областной администрации, после чего продолжил осаду Вестероса.

– Владыка у себя? – спросил дядька в синем пиджаке вместо приветствия.

Референт вместо ответа помотал головой и ударил по стенам города катапультой.

— Он не отвечает на звонки, — сообщил дядька в сером пиджаке.

— Он и на мои-то не отвечает, — участливо отозвался полководец и подвёл к городу арбалетчиков.

Дядьки переглянулись.

— Замгубернатора умер вчера, надо бы отпеть в соборе завтра в час, — сказал синий.

Иподьякон отрицательно хмыкнул:

— Власти запретили присутствие людей на церковных службах, если только это не сотрудники храмов. Хотя, — он поднял взгляд над монитором, — на Пасху в Никитский храм мою маму полиция не пустила, а она староста... Нельзя, короче.

— Заместитель. Губернатора, — со значением произнёс синий, сурово глядя на парнишку.

Тот встал, нашёл распечатку распоряжения, перечитал, пожал плечами и сказал:

— Нет, тут ничего не сказано об этом. Закон есть закон.

Серый знаком остановил покрасневшего синего и дипломатичным тоном предложил совершить отпевание вне храма: на кладбище, на улице, в ритуальном зале.

— Скопление людей запрещено, — покачал головой референт и ударил по Вестеросу мечником.

— Хорошо, а заочно? — продолжал серый.

— Заочно можно, конечно, — закивал иподьякон. — Свидетельство о крещении есть?

— Слышь ты, пацан! — взревел синий дядька.

— Ой, а вы что, сидели? — уважительно спросил референт, округлив глаза.

— Чего-о?! — ошарашенно протянул багровосиний.

— Ну вы ведёте беседу прям как мой двоюродный дядюшка, который пятнашку отсидел за убийство с отягчающими, — пояснил иподьякон. — Утро в хату, часик в радость! Респект!

Серый поспешно взял синего под руку и увёл из канцелярии по-английски, не прощаясь.

А канцелярский сотрудник безмятежно продолжил войну со шведами.

Поддавшись панике, Павиан назначил одну из обезьян своей помощницей по делам белок. Надев маску дружелюбия, уполномоченная нанесла визит в одиозный клуб для укрепления взаимопонимания.

— Бал-бал-бал-бал, — приветствовали аристократки чиновницу, — бол-бол-бол-бол.

Обезьяна почесала голову задней лапой.

— Лок! Вок! Мок! Рок! — раззадорились белки. — Лук! Лак! Лик! Лек!

«Дичь какая-то», — решила обезьяна и ушла ни с чем.

«Сложная это штука — взаимопонимание», — подумали оппозиционерки и продолжили заседание.

Ученики спросили мнение учителя о происхождении Благодатного огня: сходит ли он сам или его зажигают люди?

— Если честно, я без понятия, — ответил наставник. — В любом случае это не влияет на содержимое потиров на литургии.

— Скоро референдум, — сказали монахи вышедшему из отпуска сторожу. — Будешь голосовать за поправки?

— Зачем? — удивился дядька, почесав бороду.

— Ну как? Правовое государство строить, скрепы там, все дела, — предположил новоначальный насельник.

— Правовое государство — это как сказочный теремок, — ответил сторож. — Его стены действуют лишь на воспитанных зверей, которые и так ведут себя прилично, а против медведей, увы, бессильны.

— Жаль, что ты семейный, — мечтательно сказал отец Тигрий, — был бы неплохим игуменом. А я бы схиму принял.

Павиану надоело читать свои мысли, и он решил научиться читать чужие. Для этого он уселся напротив одной из обезьян и стал молча смотреть ей в глаза. Обезьяна занервничала и начала чесаться, а глаза её забегали.

«Замышляет против меня», — понял царь зверей и бросился на неё.

Несчастливая пустилась наутёк с жалобными криками. Остальные обезьяны поняли, что дело швах, собрались и покинули лес.

— Так проходит слава мирская, — глубокомысленно заметили белки, глядя на представление сквозь бокалы с виски.

А Павиан забрался в своё жилище и заперся там, поскольку ему открылись нелестные мысли своих бывших подданных.

Когда стало ясно, что Павиан недееспособен, лесные обитатели собрались, чтобы обсудить, кто будет новым правителем.

Много копий было сломано, пока не вмешались белки.

– Пусть царём станет тот, кто займёт жилище Павиана, – предложили они.

– Я на скалу не влезу, – возразил Крокодил.

– Замечательно, – откликнулись аристократки.

Львы, волки, медведи и прочие могучие звери также отказались лезть на скалу. Птицы, горные козлы и некоторые зверушки могли, но тут вперёд вышли лемминги и робко заметили:

– Но ведь Павиан кусается.

– Именно! – радостно воскликнули белки. – В этом-то и вся соль!

Посоветовавшись, лесные граждане решили, что как-нибудь обойдутся вообще без царей.

– А как же Павиан? – спросил Барсук.

– Пусть считает себя царём сколько влезет, а то жалко его как-то, – ответили оппозиционерки.

Один молодой чиновник зашёл в собор, дабы высказать отцу Пью, что православные всё нарушают и вообще тут Ухань, Содом, ад и Пакистан. Для наглядности он ткнул пальцем в женщину, пришедшую на огласительную беседу.

Женщина, вздрогнув, ударила слугу народа по руке и возмутилась:

– Какого чёрта вы тут мне свои вирусы разбрасываете? Где ваша маска вообще? Дистанцию за вас Онищенко соблюдать будет?

– Я, между прочим, представитель власти, – строго сказал чиновник, скрестив руки на груди. – Попрошу соблюсти христианское смирение. Церковь должна сотрудничать с властями и хранить духовные скрепы, – продолжал он.

– Командир какой нашёлся, – насупилась оглашаемая и отвернулась.

– А что с чем скреплять? – отозвался протопоп. – Церковь законодательно отделена от государства, а касательно смирения разговор может быть лишь с христианином.

– Я, между прочим, крещёный, – сказал чиновник, покосившись на недовольную женщину.

– Не припомню вас на службах, – отозвался протопоп.

– У меня Бог в душе, – парировал госслужащий.

– Сегодня у него Бог в душе, а завтра пару миллиардов в квартире найдут или как это у них обычно бывает, – вмешалась будущая христианка.

Чиновник поморщился.

– Эх, не восстал бы Иуда Искарот на суд с такими христианами, иначе осудит их, поскольку ему хотя бы несколько лет было с Христом не в тягость провести, – вздохнул отец Пью. – Вот пришли вы, представитель власти, и с ходу в конфронтацию с народом вступили. Зачем только?

– С каким народом? – удивился начальник.

– Да мы и есть тот самый народ, и вы снова станете его частью, когда уволят или на пенсию выйдете. Я, знаете ли, полжизни отпеваю покойников, что знатных, что попроще, а в гробу-то все пахнут одинаково, – поведал священник.

Чиновник нервно прочистил горло, ничего не сказал, огляделся вокруг да и ушёл.

Бывший царь зверей вышел из своего жилища на обзорную площадку и сразу стал центром внимания свободных обитателей леса.

– Я вас всех насквозь вижу, – неуверенно сказал Павиан.

Кто-то рассмеялся, и старый обезьян вздрогнул.

– А ты, ваше величество, спустись и выведи нас на чистую воду, – храбро предложили львы.

Павиан часто заморгал, потом вдруг распрямился. Его взор на какое-то мгновение приобрёл осмысленность.

– А я смотрю, внутри даже самого благородного зверя всё же прячется гнилой человечишко, – горько изрёк он и ретировался назад, в жилище.

– А вот есть ли смысл ходить на выборы? – спросили ученики учителя.

Отложив «Советский спорт», тот утвердительно кивнул:

– Но не раньше, чем сборная России по футболу начнёт побеждать на чемпионатах.

– А какова связь? – подумав, озадачились ученики.

– Если пока мы не можем набрать одиннадцать футболистов, за которых не стыдно, то где, по-вашему, мы возьмём таких же депутатов? – вопросом на вопрос ответил учитель и снова уткнулся в газету.

Отца Пью срочно вызвали в собор, мол, пришёл человек, хочет поговорить о чём-то очень важном.

– Понимаете, – сказал молодой человек, – Вселенная расширяется, а с ней расширяются все люди.

– Ну это если не выдыхать, – заметил протопоп.

– Я понял, что религии тоже должны расширяться, иначе гармонии не будет. Вы должны признать новую концепцию расширенной нави, чтобы преобразилась явь! – проникновенно сообщил парень.

– Расширяя стены сознания, несущие всё же следовало бы оставить, – заметил отец Пью. – А почему ты всё это мне рассказываешь?

– Ну вы же служитель культа, – неуверенно сказал расширенный молодой человек.

– Нарколог я. А пойдём, в баночку помочишься? – предложил священник.

– Сейчас, вот только кота привяжу, а то убежит, – согласился юноша и убежал.

А отец Пью пошёл рассказывать на кассу, как отличать по глазам обычных людей от наркоманов.

– На что похоже счастье? – спросили ученики своего наставника.

– На очки, которые ищешь повсюду, пока они находятся на твоём носу, – ответил учитель.

На монастырской трапезе раздражённый сторож, которому кусок не лез в горло, сказал:

– Вот люди антихриста ждут, боятся. А он уже пришёл и придумал ЕГЭ. У меня сын жрать не может, трясётся!

– Вот уж воистину бесовское изобретение, – задумчиво произнёс отец Платон. – Все эти камеры...

– Вот бы за чиновниками следили, как за школьниками во время этих унижительных экзаменов! – стукнул кулаком по столу сторож. – То-то бы экономика поёрла!

– Ваши слова да президенту в уши, дорогой друг, – прожевав пищу, резюмировал отец Тигрий.

– Что такое парадокс? – спросили ученики учителя.

– Это привычное состояние нашего общества. Порнография, к примеру, есть, а Министерства порнографии нет, зато есть Министерство спорта, но вместо спорта опять порнография, – спокойно ответил учитель и хладнокровно разорвал газету «Советский спорт» на мелкие клочки.

Отцу Пью приснилось, что он на параде, а с трибуны надывается экзальтированный чиновник в венецианской маске-бауте:

– Das Einkommen der einfachen Bürger sollte nicht mit der Inflation Schritt halten!

– Это похоже на главную цыганскую тайну: краденая лошадь дешевле купленной! – крикнул протоп, а сам подумал: «Откуда я знаю немецкий?»

* Доходы простых граждан не должны идти в ногу с инфляцией! (нем.)

– Du bist ein Kommunist! – возмутился оратор.

– Сам ты коммунист! – обиделся отец Пью. – Гитлер капут!

– Гитлер умирать, дело его жить! – парировала маска.

Священник оглянулся вокруг, ища поддержки у собратьев, но они молча надели маски Гая Фокса и отвернулись.

«Надеюсь, какая-нибудь террористическая организация возьмёт на себя ответственность за назначение этого чиновника», – подумал отец Пью и проснулся.

Белка-поэтесса задумала написать роман в двух частях. С месяц она продумывала сюжетные повороты и разрабатывала развитие персонажей. Затем аристократка взялась за перо, но, так и не написав ни одной строчки, отказалась от затеи.

– Отчего ты не стала писать? – спросили её подруги.

– Внезапно мне стало жаль детишек, которых потом заставят проходить мой роман в школе, – ответила сердобольная белка.

– Народ всегда будет жить плохо, а власть – хорошо, – заявил с утра в пономарке соборный звонарь.

– И почему же? – спросили его.

– Ночью мне приснился сон, что меня взяли в областную администрацию на какую-то синекуру с окладом в сто пятьдесят тысяч. Так вот. Я понимал, что это космические деньги ни за что, но был доволен и предпочёл забыть о нуждах простых людей. «Вот как это работает», – понял я, проснувшись.

Служители алтаря почесали головы и признали правоту собрата.

Представители Красного Креста, посетив епархиальный детский дом с бесплатными тестами на коронавирус, разговорились с директором – отцом Пью и высказали мысль, что крест как бренд принадлежит им.

– Если епархия направит нам официальный запрос на использование креста в церковной атрибутике, мы гарантируем положительное решение по данному вопросу, – сказала старшая из них.

– Как только тест владыки на IQ окажется отрицательным, он немедленно так и поступит, – заверил отец Пью.

Отцу Тигрию позвонили из районной администрации, приглашая к сотрудничеству с онлайн-фестивалем славянской культуры.

— Так он же ведический, — удивился игумен и вкратце объяснил различие между неоязычеством и христианством.

В ответ монах выслушал упреки в ослаблении скреп, неуважении к власти и жалобы на то, как тяжело работает с таким несознательным контингентом, как православные христиане.

— В конце концов, ведическая культура — это наши корни! — сказали на том конце трубки.

— Хватит мне про корни заливать! Вы лучше о своих плодах поведаете, если они хорошие, конечно! — осерчал отец Тигрий и положил трубку со своей стороны радиопровода.

К отцу Пью на улице подошли молодые волонтеры и пристыдили его за то, что он не носит маску.

— В борьбе со здравым смыслом главное — не победить. Вы если в школе биологию не проходили, так хотя бы следили за новостями, — ответил протопоп. — Всемирная организация здравоохранения уже догадалась, что это не имеет смысла. Впрочем, как и самоизоляция. Можете расходиться по домам, ребята.

— Зачем вы так? — обиделись волонтеры. — Мы все в одной лодке плывём.

— Отвязать только забыли от пристани лодку нашу. А так бы приплыли уже, помилуй Бог, — махнул рукой отец Пью и проследовал своим путём.

На собрании благочиния один вещий поп стал обличать собрата в симпатии к иудаизму, поскольку тот активно изучал иврит и даже преподавал его своим прихожанам, полагая привить им любовь к Ветхому Завету.

— Мы царственное священство, а не иудеисты какие. Не пристало русскому священнику приставлять новые заплаты к ветхим мехам!

— Как по мне, так лучше сто истинных иудеев, чем один искаротист, — подал с места голос отец Тимофей, не отрываясь от газеты «Советский спорт».

— В пиратстве каюсь! — закашлявшись, сказал пришедший на исповедь орденосный дедушка.

На всякий случай отец Пью скосил глаза в поисках серьги, но не нашёл.

— В смысле йо-хо-хо и бутылка эреспала? — уточнил он.

— В смысле качаю фильмы из интернета, вору, получается, — признался ветеран.

— Зарубежные — трофейные, наши — заслуженные, — ответил протопоп.

— Так это значит — можно, что ли? — засомневался дедушка.

Отец Пью сходил в алтарь и вскоре вернулся с бланком какой-то грамоты.

— Се почётное каперское свидетельство, кое аз, недостойный протоиерей, за заслуги перед Отечеством даю вам в индульгенцию во веки веков!

Как-то раз шестнадцать одиозных белок заметили тенденцию лесных жителей потешаться над умалишённым Павианом. Поймав львов за бросанием грязи в его хижину, аристократки строго посмотрели на них и сказали:

— Невозможно изгнать из себя шакалов, потешаясь над мёртвым львом.

Львы крепко задумались, пытаясь понять, оскорбили их или нет.

— Кто обидит бывшего царя, будет иметь дело с нами, — пригрозили белки и с того дня объявили себя, ко всеобщему недоумению, гвардейцами Павиана.

Черти устроили экстренное совещание.

— В двадцатом веке мы надумали некоторых правителей расстреливать попов, запрещать крестные ходы, колокольный звон, проповеди и духовное образование в школах, но люди вопреки нашим усилиям всё равно искали Бога, — выступал почтенный оратор. — Итак, нам нужна новая стратегия!

Черти зашумели. Одни предлагали уже не тянуть с антихристом, другие — устроить гражданскую религию, смешав христианство с поклонением героическим предкам, третьи ратовали за полный слив компромата на духовенство, несколько чертей вовсе придерживались коллаборационистских взглядов, но благоразумно помалкивали.

— Предлагаю всё, что раньше было запрещено, сделать обязательным. А Закон Божий чтоб в школах вели самые слащавые из христиан, а также те, кто по-настоящему ненавидит детей, — робко высказался один чертёнок и тут же получил повышение по службе.

Однажды лемминги стали носить шапочки из фольги. Белки не преминули спросить о назначении этой передовой технологии, на что получили ответ, что они боятся дистанционного воздей-

ствия на мозг, а так он не виден для злоумышленников.

– Да, мозг, само собой, не виден, но вот его отсутствие будет заметно и без шапочек, – заметили аристократки.

* * *

– А кто такие эти католики? – спросила перед службой одна старушка другую.

– Это у которых Папа Римский непогрешимый и командует всеми, – ответила её соседка, копаясь в сумке.

– А у нас?

– А у нас что ни поп, то непогрешим, да и вообще пастырь добрый, – сказал отец Пью, проходя мимо.

– И ему же несут овцы своя, – добавила вторая старушка машинально.

– Вот же вражья сила! – ахнула первая и перекрестилась.

* * *

В штаб шестнадцати заявили бараны и вызвали обеспокоенность тем фактом, что волки стали наряжаться в овечьи шкуры.

– Это, несомненно, обескураживает, – подумав, ответили белки. – Теперь берегитесь, как бы они не начали рядиться пастухами.

* * *

Юный алтарник на дистанционном школьном уроке по праву спросил учительницу:

– А зачем правительство принимает плохие законы?

Учительница напряглась и возмутилась:

– Чего это они вдруг плохие?

– Ну как? Их же переписывают всё время, правки вносят. Получается, либо законы плохие, либо глупых людей набирают в правительство, – ответил пономарь.

Учительнице внезапно стало жарко, и она прервала конференцию Zoom во избежание осложнений с карьерой.

* * *

– А почему никто не выполняет поручений президента? – спросили ученики учителя.

– Потому что всякий чиновник втайне надеется, что поручения даны телевизору, а не ему лично, – отозвался учитель, не отрываясь от газеты.

* * *

Во время видеоконференции в Zoom семинаристы подловили преподавателя на незнании существенного факта.

– Если я чего-то не знаю, это совсем не означает, что вы знаете мой предмет лучше меня и мне нечему вас научить, – ответил преподаватель.

* * *

– Так вот ты какое, число зверя! – в чувствах бормотал настоятель новопостроенного храма, созерцая новую сумму налога на содержание епархии.

– Это вы ещё коммуналку не видели, батюшка, – ответил ему бухгалтер, подавая платёжные документы. – Вот уж где inferнальная математика!

* * *

Отслужив на Вознесение, архиерей позвал соборное духовенство на шашлыки. Выбрали безлюдное место на берегу реки и решили испечь, пока готовится мясо. Кинули жребий. Заниматься шашлыками выпало ключарю. Тот стал отнекиваться, мол, ни разу шашлыки не жарил.

– Чего там жарить? – удивился владыка. – Вот хворост, спички, мясо и шампуры.

– А чего сразу я? – заупрямился протопоп. – Вон дьяконы есть.

– А жребий тогда зачем? – в свою очередь заартачились дьяконы.

«Будет вам шашлык!» – оскорбился ключарь. Запалил костёр, нанизал мясо на шампуры и воткнул их в землю вокруг огня.

Накупавшись всласть, злодеи, вернувшись, обнаружили, что мясо сгорело с одной стороны, а с другой осталось сырым.

– Я же говорил, что не умею жарить, – развёл руками протопоп.

Больше его с собой не брали.

* * *

– Откуда взялся образ волков в овечьих шкурах? – спросили ученики своего наставника.

– Настоящим волкам свойственно уверять овец, что все вместе они одна стая, – ответил учитель.

* * *

Один человек тайком сжёг вышку 5G неподалёку от своего дома, поскольку прочитал, что в Брюсселе они запрещены ввиду отсутствия исследований о влиянии оных на здоровье человека. Вышку 4G он, впрочем, жечь не стал, как и вайфай-роутер с микроволновкой. Целыми остались автомобили во дворе, отравляющие воздух выхлопными газами, заводы, бензоколонки и буровая установка за городом. По улицам города разгуливали маньяки и коррупционеры, наркоманы разрисовывали стены рекламой, а в администрации подписывали решение о перепрофилировании кардиоцентра в пятый по счёту ковидарий.

Но на душе у человека было невыразимо спокойно.

* * *

Ученики спросили учителя о беспорядках в США и расовой толерантности.

– Доведение до абсурда – вот скрытый смысл происходящего, – изрёк учитель. – Таким образом разница между чёрным и белым лишь подчёркивается и усиливается несложными манипуляциями извне.

* * *

– А что, отче, вы ведь филолог по первому образованию? Помогает ли в духовной жизни литературный багаж? – спросил отца Тигрия один госчиновник, посетивший монастырь по принуждению жены.

– Ещё как! – ответил игумен.

– А взять хотя бы басни Крылова. Какой в них духовный смысл? – оживился дядька.

– «Ворону и Лисицу» помнишь?

– Как не помнить? Учили в школе.

– Цена свободы слова: клюв раскроешь – сыр потеряешь, – поучительно поведал отец Тигрий.

Чиновник хмыкнул:

– А «Стрекоза и Муравей»?

– Артистка в беде и немилосердный министр.

– «Свинья под дубом»?

– Губернатор-временщик.

– «Мартышка и очки»?

– Глава департамента по культуре.

– «Кукушка и Петух»?

– Чиновники ленточку режут.

– А «Квартет»?

– Ротация чиновников по должностям.

– Да что же у вас всё про госслужащих-то выходит? – рассердился дядька.

– Так то Крылов. Ну, будь здоров! – сказал игумен, перекрестил паломника и удалился в свою келью.

* * *

К епископу пришёл «уполномоченный по делам религии», как его называло духовенство. Пожаловался на дьякона Дионисия, который в момент визита высокопоставленных лиц в Дмитриевский храм на престольный праздник стал напевать: «А-а, здравствуйте, рожи вот такой ширины!»

Архиерей участливо смотрел на уполномоченного.

– Наказать надо бы вашего подчинённого, – сказал чиновник.

– За что? – поинтересовался владыка.

– Как это за что? – опешил уполномоченный.

– А разве у кого-то из присутствующих были рожи? – удивился епископ.

Чиновник замялся.

– Вы ведь не считаете, что эти слова кому-либо подходят? – продолжил архиерей.

– Вы знаете, владыка, я надеялся на понимание и сотрудничество, – нехорошим тоном произнёс уполномоченный.

– Отец Дионисий немного юродствует по жизни. Если я стану наказывать своё духовенство из-за такой ерунды, какой я буду архипастырь? Надеюсь на ваше понимание.

Чиновник ушёл недовольный, а владыка вызвал к себе дьякона и дал ему задание за неделю посмотреть все советские фильмы про разведчиков.

* * *

Семинарист дядя Фёдор провёл трансляцию в соцсети, где он преклонил колено перед зоопарком в знак протеста против человеческих привилегий. Причём собрал кучу лайков, весёлых комментариев и один недовольный комментарий от «уполномоченного»: «Ну и к чему это разжигание?»

Комментарий собрал ещё больше других комментариев, чем сама трансляция, за которую дядя Фёдор получил месячный бан от администрации.

* * *

Ученики приступили к своему наставнику с текстом акафиста.

37

– Приемлет ю в путеводительницу воинству своему и в день брани на сеев в щит и покров, – зачитали они.

– А кто такие сееи? – спросил старший из учеников.

– Шведы, вестимо, – отозвался учитель.

– А почему нельзя было так и написать? – удивились ученики.

– Вдруг они обидятся? – был ответ. – Хотя, учитывая, с каким счётом они нас обыграли в феврале, я бы за них так не переживал,

– Зря, видать, хоккеисты не читали акафиста, – рассудили ученики и пошли его дочитывать.

* * *

Выйдя в храм покадить, дьякон Дионисий услышал приглушённые звуки перебранки в дальнем углу храма.

– Что у вас случилось? – поинтересовался он у пожилой прихожанки.

– Место моё заняла! – обвиняюще указала та на растерянную молодую женщину.

– Так не на кладбище же, – примирительным тоном сказал дьякон, за что тут же, на месте, и был проклят до седьмого колена.

* * *

Отцу Тигрию позвонили из администрации:

– В бюджете нехватка средств на ОМС, нужно бы в вашем монастыре провести пропаганду здорового образа жизни.

– Вейперы на вверенной мне территории не наблюдаются! – бодро отпартовал игумен.

– Вот вы снова ёрничаете, а между прочим, принуждение гражданина к выполнению обязанностей, которые он обязан выполнять, – это нормальное дело! – недовольно сказала трубка.

– Это приказ? – поинтересовался настоятель.

– Это реальность!

– А спонсор вашей реальности не героин, случайно? – задумчиво спросил отец Тигрий и повесил трубку.

* * *

К белкам пришла делегация зверей и пеняла им на бездействие. По мнению лесных обитателей, одиозный клуб должен был не только курить сигары и пить виски, но и формировать гражданскую позицию, участвовать в политической жизни, заниматься социальными вопросами и ещё очень многими другими делами.

Белка-поэтесса выдохнула дым красивыми колечками и предложила:

– А давайте мы Медоеда в лес приведём, чтоб не скучно было.

Звери почесали головы и удалились. Больше они к белкам не приставали.

* * *

Владыка взял дьякона Дионисия в собор на месячную практику, убедившись, что тот часто путается в молитвах и действиях.

На первой же архиерейской службе дьякон, узнав, что после заамвонной молитвы будут награждать некоторых чиновников, занервничал и, выбрав время, когда архиерею подавали записку, пробрался к нему.

– Владыка, а почему у нас в церкви нет богослужбных козлецов? – спросил он, моментально приведя протодьякона в состояние жесточай-

шего испанского стыда. Молодые иподьяконы открыли рты и переглянулись. Отец Пью подавился антидором.

– Козлецов, говоришь? – невозмутимо уточнил епископ, знаком остановив ключаря.

– Орлецы постилают под орлов, а козлецы бы под козлов! – бодро сообщил отец Дионисий.

Отец Пью незаметно выплыл из алтаря, чтобы не слышать продолжения.

– Ну и кого бы ты на них поставил? – внимательно взглянул на дьякона архиерей.

Дьякон замялся.

– А боишься сказать вслух – тогда и не балабол! – отрезал владыка и продлил ему практику ещё на месяц.

* * *

К отцу Тигрию пришли два семинариста просить благословения на монашество. Внимательно посмотрев на них, тот вынес из кельи волынку и велел исполнить на ней что-нибудь монашеское.

Услышав от ошалевших ребят невразумительные речи о невозможности исполнить его благословение, игумен сказал:

– Ну что вы за монахи такие? Жениться вам надо. Подите прочь.

* * *

Владыка сидел над прошением отпеть самоубийцу, которого довели коллекторы, когда ему позвонил губернатор. Глава области хотел, чтобы всё духовенство проявило сознательность, явившись на избирательные участки. Явно не говоря о том, как именно нужно проголосовать, он тем не менее дал понять, что сам думает о конституции и поправках.

– Если в поправках будет запрет коллекторской деятельности, я не то что отдам такое распоряжение, я анафему провозглашу всякому, кто будет хотя бы высказываться против, – устало сказал епископ и стал размышлять, чем займётся в случае отправки на покой.

Сергей
ДЬЯКОВ

НИ ЗВОНКА, НИ ЗВОНА КОЛОКОЛЬНОГО...

* * *

солнце гаснет
и к сладкой печали зовёт
первый снег застывает
скорлупкой яичной
и вокзальной разлуки
густой креозот
наполняет дыхание
и сердце девичье

кто-то тягой печной
за ночь вытянет душу
размотает-распустит
как выцветший свитер
и покатится мячик-
клубочек Танюшин
вдоль реки
что течёт в океан ледовитый

а бывало подкинешь
и ждать устаёшь
а когда упадёт
снова к небу взлетает
а бывало снежинку
в ладошке несёшь
и снежинка
в горячей ладошке не тает

а сегодня
ты книжку открыла с утра
лепесток незабудки
напомнил о лете
и тряпичная кукла
подружка-сестра
на вопросы твои
не сумела ответить

36

а сегодня
как выпавший снег холодна
как пустое жильё
после тихого взлома
ты весь вечер глядишь
в перекрестье окна
непомерною силой
к закату влекома

ах Татьяна
скажи
что с тобою случилось
пошатнулось
упало
погасло как свечка

водовозы уже возвращаются с речки
с ними верное слово
и светлая сила

ДЬЯКОВ Сергей Юрьевич родился 3 декабря 1967 года в городе Невьянске Свердловской области. С семьёй переехал в посёлок Барит Гурьевского района Кемеровской области. С 1973 по 1983 год жил в городе Юрге. Учился в Кемеровском художественном училище по специальности «декоратор». Член Союза писателей России с 2006 года. Автор двух книг стихов. Публиковался в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Огни Кузбасса» (Кемерово). Живёт в Кемерове.

кто-то входит
и мячик роняет в избе
перепачканный сажей
как старая выюшка

но Татьяна сказала
оставьте себе
это просто пустая
и злая игрушка

* * *

Мне не впасть бы ни в прелесть, ни в ересь.
Пусть ни жалость, ни ярость не ест.
Но, с другими гордынею мерясь,
про нательный свой помнить бы крест.

Ночь затянута кирзовым берцем.
Вышиванку под ватник надев,
кто-то греет холодное сердце
и читает стихи нараспев.

Да и сам я за камерной «решкой»
с оперившимся вдруг оперком
на допросе с ответами мешкал,
о побеге мечтая тайком.

Пустобрёха ты, ночь, растеряха.
Мало крови – ещё попроси...
Охрани меня, ангел, от страха
и от смелости лютой спаси.

Перемешаны ладан и миро.
Только б слышать сквозь звон бубенцов,
как плывёт и возносится: «Мир вам!» –
над церквушкой в тринадцать венцов...

БАБУШКА С УЛИЦЫ РУТГЕРСА

Говорила бабушка: «Жизнь – плакун-трава.
За Ивана Силыча вышла в двадцать два.
Завалило милого в шахте стволовой.
И навек осталась я смолоду вдовой.
Принесли ей валенки, выстроились в ряд.
«Это правда?» – всхлипнула.

«Правда», – говорят.

Тормозочек в торбочке, как сложила, цел.
«До обеда бахнуло – так и не поел».
Всю войну работала – тарила тротил.
Но потом конвейер ей руку закрутил.
В почтальонках бегала через райсовет.
Год спустя посватался хроменький сосед.

Заходил-обхаживал, помогал с углём.
«Чай не дети малые – веселей вдвоём».
Пятилетку прожили, деток Бог не дал.
На работе мужниной по ночам аврал.
Как другие, сладили б, да в селе чужом
закололи беглые сокола ножом...
Вот и стала бабушка жить да попивать.
Квартирантам на зиму комнатку сдавать.
«Подзабыла что-то я, кто у нас теперь?»
Говорит-то правильно, а пойдй проверь».
И трясёт бутылочку, смотрит в потолок:
«Что ж такие маленьки делаешь, милок?»
Квартирант за выпивкой к руднику бежит,
а трамвай четвёрочка рядом дребезжит.
В небесах шахтовые звёзды-фонари
из забоя вечного светят до зари.
Из забоя вечного, шахты стволовой...
Чтобы жил и здравствовал город вековой.

* * *

Горит закат. Сгорают Масленица в парке.
Лиловый дым с какой-то горечью в довеске.
И тополя растут, как стрелчатые арки,
а в них софийские мозаики и фрески.

37 Стекло витражное течёт расплавом вязким.
Густой орган как повторение узора.
Но не они звучат, а темперные краски
рублёвской радости Успенского собора.

Желток яичный здесь вернее, и движенье
сердечной крови – в синеву небес весенних.
Здесь слово «смерть» обозначает
лишь рожденье.
И всё, что выпало, даётся во спасенье.

Как бой кулачный и катанье на каурках.
И воскресенье с поминальными блинами...
Когда душа твоя – сырая штукатурка,
как будто мать сыра земля под пеленами...

И в этой влажности и слёзности до дрожи
сказать: «Прости меня, и я тебя прощаю».
Пусть будет совесть нам стыдливости
дороже.
Пусть тёмный демон наши души не смущает.

Когда мы сами обмолотная полова,
сухая краска из ковыльного пространства...
Господь меж нами как связующее Слово.
И вербный воздух православного славянства.

* * *

Когда разлука накрывает меня с головой
и ночная тоска затягивает в свою трясины,
я покупаю спирт на улице Луговой
и пишу письма мёртвому сыну.

И дым пороховой завывает в трубе.
И падает на снег тронутая снежирём рябина.
И поёт о своей свободе и о своей судьбе
глинобитная окраина-окарина.

Мол, сама породила, захочу – убью.
Эта наша семья, голытьба, слободка.
Самый действенный клич – это «Наших бьют!».
Не заменишь его романтикой или водкой.

Тот, кто видел смерть товарища своего,
не сменяет мстят свою на табак и сахар.
Молодость на войне ценнее всего.
А ещё ненависть и отсутствие страха.

Все мы верим в ребячестве, что не умрём.
Только давит нас время – шершавый глетчер.
На сугробике ягоды понаклёваны снежирём.
А что, сынок, на небе – оно легче?..

* * *

Ни звонка, ни звона колокольного.
На озимом сердце – борозда.
Незаметно с неба мукомольного
опустилась ранняя звезда.

Всё, что было, билось ли, болело ли,
что скулило брошенным щенком, –
всё уснёт под саванами белыми,
под шершавым ситцевым венком.

Старый друг зайдёт слегка подвыпивший.
Закурить попросит – закури.
Только как с птенцом, из жизни выпавшим,
я прошу, со мной не говори.

Я измучен тягостными встречами.
Всё труднее мне смотреть в глаза.
Даже если спросишь, не отвечу я.
Не смогу об этом рассказать.

Всё, что помню, всё, чего не помню я,
что цвело ромашкой полевой,
забросали глиняными комьями
вперемешку с жёлтой листвою.

И от скорби сердце не расплавилось.
Лишь навек прорезались слова:
«Постарайся, чтобы я поправилась.
Сделай так, чтоб я была жива.

Ты на юг, ты к морю отвези меня...»
Но, заметив жёлтый лист в окне,
прошептала тихо: «Обувь зимнюю
ты не покупай, наверно, мне...»

Сорок дней как в белом шуме прожито.
Закольцован жизненный виток.
«Бог прибрал». – «Ему виднее». Может быть.
Значит, просто не держал никто.

Старый друг о чём-то: «Будет нам ещё».
Только знаю, в горле боль ершом.
И уже с небес над новым кладбищем
экскаватор свесился ковшом.

Белый снег мой, брат мой, не растаивай.
Полежи подольше, подожди.
Пусть не режут память птицы стаями.
Не гремят весенние дожди.

Пусть в душе под тяжкими сугробами
прозревает светлое зерно.
Чтобы к сроку небохлеборобами
было Богу отдано оно.

Владимир
ГУЛЯЕВ

СОЛДАТСКАЯ ЛЮБАНЬ 1942 ГОД

Художественно-
документальная повесть

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книг, посвящённых подвигам и трагедиям Великой Отечественной войны, написано много как участниками, так и историками-исследователями.

Долгие послевоенные годы тема 2-й ударной армии замалчивалась по известной причине: предательство и сдача в плен генерала армии А. А. Власова во время Любанской наступательно-оборонительной операции на Волховском фронте в 1942 году. Впоследствии выжившие в Любанской операции и прошедшие рядом со смертью через всю войну не хотели вспоминать о том, что происходило там. И только иногда в семейном кругу они скупно делились переживаниями и воспоминаниями.

Мой родной дед Леонтий (Леонид) Сергеевич Гуляев – участник тех боёв у Мясного Бора с января по июнь 1942 года, рядовой красноармеец 236-го кавалерийского полка 87-й кавалерийской дивизии 2-й ударной армии. После выхода из окружения в районе Мясного Бора он продолжал воевать, защищая Ленинград, был трижды ранен: два ранения – средней тяжести. В начале августа 1944 года осколок разорвавшейся мины раздробил ему коленную чашечку. И после четырёх месяцев лечения в госпитале деда отправили на полгода в отпуск домой, до июля 1945 года.

39

Собирая воспоминания о нём и других родственниках для создания истории своей фамилии, я пришёл к мысли, что нужно бы написать историю о солдате, человеке, прожившем не очень длинную жизнь, всего пятьдесят три года, но честно и ярко, так, что многие из сельчан помнят его до сих пор.

Повесть – это память о том поколении сибиряков, которые родились в самом начале двадцатого века, прошли несколько войн и революцию, коллективизацию и становление советской власти. Основной моей целью было не описывать общеизвестные документальные факты и хронологию военных действий, а показать обычную жизнь простого русского солдата.

Справка

Леонтий (Леонид) Сергеевич Гуляев

Дата рождения: 04.05.1900.

Два класса образования, женат, 4 детей.
Коммунист.

Место рождения: Алтайский край, Павловский район, с. Новообинцево.

Дата и место призыва: сентябрь 1941 года, Павловский РВК, Алтайский край, Павловский район.

Начало службы: 236-й кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии 13-го кавалерийского корпуса. Дивизия формировалась

ГУЛЯЕВ Владимир Георгиевич родился в 1957 году в селе Шелаболиха Алтайского края. До 1972 года проживал в Норильске. После обучения в НВИИ СТФ получил распределение в Барнаул. Работал в проектно-институте, главным архитектором района, в 1986 году окончил Алтайский политехнический институт. Автор четырёх книг прозы. Публиковался в сборниках «Книжным детям», «Держава-2019», «Сердцевина», «Non/fiction», «Золотое перо Алтая – 2018», «Деревенские чудики». Живёт в Барнауле.

как в/ч № 2262. 21 сентября 1941 года в лагере под Барнаулом (разъезд № 18) весь личный состав дивизии принимал присягу, и полки получили от барнаульских организаций трудящихся красные шефские знамёна.

7 ноября 1941 года части дивизии в полном строевом составе принимали участие в демонстрации трудящихся Алтайского края.

Последнее место службы: рядовой, 194-й гвардейский стрелковый полк 64-й гвардейской стрелковой дивизии, 19.01.1943 – 09.05.1945.

Военно-пересылочный пункт: Ленинградский. Прибыл в часть 14.01.1945.

Военный госпиталь № 1114.

Выбытие из воинской части: 15.01.1945.

Куда выбыл: Павловский РВК, Алтайский край.

Тип лечебного учреждения: эвакуационный госпиталь.

Место дислокации: Ленинград.

Район дислокации: Ленинградская область. Лечебное учреждение находилось в этом районе с 16.04.1943 по 01.04.1945.

Дополнительная информация: г. Ленинград, ул. Институтская, 5, п/я 563.

Ранения: три. Последнее – август 1944-го.

Участие в боевых действиях: январь – март 1942 года – Любанская операция, июнь – сентябрь 1943 года – Синявинская операция, январь 1944 года – Пулковские высоты – освобождение Красного Села, февраль 1944 года – Нарвская операция, 10 июня 1944 года – Выборгская наступательная операция, 20–29 июля 1944 года – освобождение Пскова, Нарвы, август 1944 года – Рига – Курляндская операция.

Награждения: медали «За отвагу», «За оборону Ленинграда» (приказ подразделения от 10 октября 1943 года издан 194-м гв. СП 64-й гв. СД [ЦАМО. Ф. 2294. Оп. 2. Ед. хр. 50. № записи 1532947822 (5)]).

ФЕВРАЛЬ 1945-го

Февральским морозным утром 1945 года Леонтий сошёл с поезда на вокзале города Барнаула, вдохнул полной грудью родной сибирский воздух.

Почти три с половиной года он не был дома. Три долгих военных года! Казалось, что прошла целая вечность.

Его никто не встречал, он специально не стал сообщать о своём приезде домой из госпи-

таля, где ему на целых шесть месяцев дали увольнение после четырёхмесячного лечения. Шесть месяцев тишины, без войны! Шесть месяцев без стрельбы и потери боевых товарищей! Шесть месяцев дома, с женой и детьми!

Какое-то время Леонтий стоял не двигаясь, наслаждаясь привокзальным шумом. Из-под расстёгнутой шинели виднелись две блестящие медали: «За отвагу» и «За оборону Ленинграда». Только сейчас, только здесь, в Барнауле, он ощутил, что война далеко, а дом близко – вот он, рядом, каких-то девяносто километров. «Как долго я не был дома! Целую вечность! Манька-Марийка, дочка, уже во втором классе. Генке – шестнадцать. А Фёдор с Николаем вообще уже мужики. Николай даже повоевал, по инвалидности комиссован, но, главное, живой. Скоро-скоро свидимся!» – мысли вихрем неслись в голове.

Мимо пробегали гражданские, встречавшие своих солдат, военные, прибывшие, как и он, из госпиталей: кто-то в увольнение, а кто-то и совсем, по инвалидности, на костылях. Суета вокзала его радовала, где-то рядом в этой суетной толпе смеялись и плакали, но это были слёзы встречи, слёзы радости.

Из первых двух вагонов выносили на носилках тяжелораненых, эвакуируемых в барнаульские госпитали; для многих из них война, возможно, уже закончилась. «Ну что же, до июля побуду дома, а там видно будет, может, и война кончится, а нет – так на фронт! А сейчас бы самое время перекусить да попутку до деревни или хотя бы до Павловска поискать», – подумал Леонтий и, прихрамывая на левую ногу, опираясь на палку-трость, вышел на привокзальную площадь.

На площади былолюдно, поодаль стояли конные подводы из саней-розвальней и саней-кошёвок да пара полуторок, наполовину крытых брезентом. Некоторые возчики, одетые в длинные тулупы, были явно издалека. В надежде встретить знакомых Леонтий подошёл к группе пожилых возчиков, куривших самокрутки.

– Привет, мужики!

– И тебе, солдат, доброго здравия!

– Что, всё? Отвоевался, слава богу? Али как?

– Али как! В отпуск домой на полгода. Из госпиталя.

– Ну это, слава богу, живой остался! А там, глядишь, и война закончится, по ходу дела к лету фрица задавим. Кончилась его сила. Припёрли мы его к стене-то. Так, солдат?

– Похоже, так. Но уж больно он сопротивляется, сволочь!

– Да и народу-то сколько положил! У нас в деревне в каждом доме почти похоронка. А где и две. Вот такие дела.

Мужики некоторое время курили молча.

– А ты сам-то с какой стороны будешь?

– Из-под Шелаболихи я, из деревни Новообинцево. Думал, может, кто из земляков среди вас есть. Или из ближней деревни, или из Павловска.

– Да был здесь один из-под Павловска, из Рогозихи вроде. Кого-то привёз встречать тоже. Вон его сани стоят у чайной, а сам-то, наверно, для согреву зашёл чарочку принять.

– Где воевал-то?

– Под Ленинградом. С января сорок второго всё там, под Ленинградом.

– Долго в госпитале-то пролежал?

– С начала сентября сорок четвёртого.

– Долго, однако! Серьёзное ранение.

– Да, в бедро и колено попало. Третий раз за войну. Два раза-то более-менее, а вот в третий раз – хорошо задело. И, главное, опять в левую ногу, как на Гражданской. «Везучая» нога!

– Да уж!

– Ну ладно, мужики, спасибо вам!

– За что спасибо-то? Это тебе, солдат, спасибо за службу твою.

– Прощайте! Пойду в попутчики проситься, авось повезёт.

– Да повезёт, куда он денется-то!

Леонтий направился к чайной. В прокуренном зале, пропахшем пивными парами, несколько небольших компаний мужиков решали насущные вопросы за кружкой пива. За крайним столиком сидел мужичок в сером тулупе, перед ним полстакана с водкой, шматок сала с луковицей и хлеб. Это явно был тот возчик из Рогозихи, он-то и нужен был Леонтию.

– Привет, земляк!

– И тебе, солдат, не хворать. – Мужик степенно допил водку, закусил.

– Ты ведь, земляк, из Рогозихи будешь?

– С Рогозихи. А ты вроде как не с нашей деревни. Откуда знаешь про меня-то?

– Да мужики там, у вокзала, сказали. А я из Шадры, из Новообинцево, значит. Вот напроситься хочу к тебе, до Павловска добраться. А там уж я и пешком до деревни или в попутчики попаду к кому-нибудь.

Мужик, не торопясь, завернул сало, остатки хлеба и лук в тряпку, сунул свёрток в карман тулупа.

– Я-то что? Вот председатель даст добро – так, по мне, и поезжай.

Перекусить Леонтию не удалось.

Они вместе с возчиком вышли из чайной и направились к саням, количество которых заметно поубавилось – разъехались.

– Вона и председатель с супругой идут. Она у него на курсах каких-то была в Новосибирске. Поговори с ним, мужик он нормальный, тоже бывший фронтовик.

От вокзала к ним подходили женщина и мужчина. Мужчина немного прихрамывал. «Видимо, тоже ранение в ногу было», – подумал Леонтий.

– Добрый день, председатель! Земляка до Павловска не подбросите? Своим не стал сообщать, неожиданно решил приехать.

– Из Шадры он, из Новообинцево.

– Добрый-добрый, надеюсь! Отвоевал, значит?

– Нет ещё, на полгода, до июля на излечение еду. Фамилия моя – Гуляев. Леонтий Сергеевич.

– Ну что ж, усаживаемся в сани, а по дороге и поговорим. Не поспешая, часов пять до Павловска будет, так что время есть наговориться.

Застоявшаяся лошадь резво взяла с места, быстро перейдя с шага на мелкую рысь.

– Добрая лошадь – легко идёт.

– А ты где воевал-то, Леонтий Сергеевич?

– С января сорок второго всё под Ленинградом да около него. Вначале в кавалерии, а потом стрелком, пешим ходом да ползком.

– Да... Несладкое дело – война! Страшная и жестокая.

– А ты, председатель, видать, тоже фронтовик?

– Был фронтовик. А вот весной сорок второго уже и отвоевался. Комиссовали вчистую.

На этом недлинный разговор двух солдат и закончился, до самого Павловска Леонтий и председатель перебросились лишь несколькими короткими фразами: не любили фронтовики о войне говорить, не любили и не хотели. Укутанные в тёплые тулупы, под размеренное покачивание саней, мерный скрип полозьев о снег, похрапывание лошади попутчики периодически погружались в короткий сон.

К вечеру въехали в Павловск. В центре села остановились, чтобы размять ноги.

– Леонтий Сергеевич, я вот спросить тебя хочу: а Николай Леонтьевич из Шелаболихи, слушаем, не твой сын?

– Николай? Мой. Старший сын. А что?

– Да дельный парень! Сейчас он первым секретарём райкома комсомола работает в Шелаболихе. Серьёзный и деловой парень! Отличный будет из него руководитель и хозяйственник! Я как-то в городе на совещании с ним познакомился. Боевой парень, он тогда ещё с костыльком ходил, прихрамывал. Мы многие так, война пометила навсегда.

– Да, пометки на всю жизнь получились. Ну спасибо тебе, председатель! Приятно слышать хорошее о сыне! Ну и спасибо вам, что подвезли! Может, ещё и встретимся.

– А в Павловске-то есть кто? Свои?

– Есть! Переночую, а завтра и дома буду!

...Ближе к полудню Леонтий вошёл в родную деревню. То ли показалось ему, что солнце светит ярче, а воздух чище и мягче, а от снежных сугробов исходит такая лёгкость, какую он уже давно не испытывал, что хотелось бежать вприпрыжку, как в далёком детстве, то ли на самом деле было так. Комок подкатил к горлу, сердце застучало быстро-быстро, готовое выскочить и бежать впереди него, глаза увлажнились. Такого с ним ещё не бывало, а если и было, то когда-то давно-давно, в другой жизни, да затерялось, затёрлось и позабылось...

ВОЙНА

Война была ожидаема, но всё же, начавшись 22 июня 1941 года, прогремела громом среди ясного неба.

Войны и лихие времена не обошли стороной и эти два сибирских села: Шелаболиху и Новообинцево. В каждую семью постучала костлявая и провела своей косой. Побывала и в моей родне.

В Первую мировую войну погиб Савелий Сергеевич Гуляев (1890–1914). Имел сына. В Гражданскую войну (1918–1920) были призваны в Красную армию еще два Гуляевых: Архип Сергеевич (1897–1970) и мой дед – Леонтий Сергеевич (1900–1953). Архип был контужен на Польском фронте и вернулся инвалидом (стал почти глухим от разрыва снаряда), Леонтий отделался лёгким ранением в левую ногу.

Потом были сложные годы коллективизации и становления колхозов. Подрастали дети, часто слушавшие вечерами военные рассказы отцов, а днём в свободное от полевых работ время игравшие в белых и красных деревянными саблями и ружьями. И никто из них не знал, что где-то уже готовятся планы и на их судьбы, льются свинцовые пули, точатся болванки снарядов и гранат...

Ещё не совсем забыли люди потери родственников в тех войнах, а тут пришла новая страшная весть о войне с Германией: «В 3 часа 15 минут 22 июня 1941 года началось вторжение в СССР». Фашистские самолёты бомбардировали Киев и Минск. В тот же день войну Советскому Союзу объявили Италия и Румыния, союзники Германии, 23 июня – Словакия, а 27 июня – Венгрия.

Почти все сельчане были на полевых работах и на покосе за рекой, но уже после полудня в центре села Новообинцево, у сельсовета, организовался митинг с представителями райвоенкомата. Объявили фамилии наших сельчан, которые сразу после митинга считались мобилизованными и направлялись на фронт.

За всю войну из нашего села погибло 172 человека, многие вернулись ранеными – инвалидами, были и те, кто остался целым и невредимым, но, скажем прямо, немногим посчастливилось, пройдя все ады войны, вернуться без увечья домой.

Хотя и были, можно сказать, удивительные для такой войны случаи. Очень редкий случай имел место, и я думаю, редкий не только для нашего села, но, возможно, и на весь Алтай. Фёдор Егорович Павлихин, колхозный шофёр, на своей машине-полutorке прямо с митинга увёз мужиков в Барнаул на мобилизационный пункт. Там он тоже был мобилизован вместе с машиной и прошёл всю войну до самого поверженного Берлина, а после Победы, к осени 1945 года, вернулся на своей полutorке домой, в родной колхоз «Комсомолец». Живым и даже не раненым. Сельчане его часто спрашивали: «А ты, случаем, не в рубашке родился?» Вообще-то таких счастливиц было даже по стране мало, а у нас – один на весь район. (Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны Н. Л. Гуляева, р. п. Павловск. 1988 г.)

В первых эшелонах мобилизованных сибиряков (1941 года) ушли на фронт и мои родственники из поколения дедов: Леонтий Сергеевич Гуляев (04.05.1900 – 20.10.1953) – мой родной дед по отцу, Фёдор Сергеевич Гуляев (1902–1995), Семён Дмитриевич Кечин (1907–12.04.1942) – мой родной дед по матери, Иван Гаврилович Калинин (1905–1988), Александр Иванович Григорьев (1912–1981), Иван Яковлевич Гулимов (1904–...), Яков Петрович Кечин

(1913—...), Прокопий Петрович Кечин (1904—1943), Владимир Петрович Кечин (1924—1944), Прохор Сергеевич Гуляев (1896 — пропал без вести в 1942-м). Подвиги, совершённые ими, были отмечены государственными наградами и вошли в Летопись победителей.

МОБИЛИЗАЦИЯ. 1941-й

Леонтий Гуляев, придя домой из конторы колхоза, швырнул фуражку на лавку у печи и сказал куда-то в угол избы, не глядя на жену:

— Всё, Паша, немчура опять войну затеяла! Стало быть, на днях мобилизуют. Это не гражданская буча будет, прольётся, похоже, крови много. Ладно, что сыны ещё пацаны, может, и минует их лихо. А мне надобно будет собираться.

Прасковья, жена Леонтия, охнув, опустилась на лавку, поднеся к лицу кончик платка, зажатого в левой руке. Она молча посмотрела на мужа, как бы говоря ему: «А как убьют? Чё делать-то будем?»

Паша всегда мало разговаривала, такой у неё был характер — неразговорный, но все родные понимали её с полувзгляда, полуслова.

Леонтий понял её взгляд, и стало жаль её, эту маленькую, робкую, всегда спокойную женщину. Он, возможно, впервые увидел всю её беззащитность и осознал, что дороже этой женщины, матери его четверых детей, у него нет! Хотелось сказать какие-нибудь ласковые слова, но не в его характере было нюни распускать.

Присел рядом, обнял крепкой мускулистой рукой:

— Нет, Паша, не убьют! Вернусь я, Паша, вернусь.

Сказал и как-то сам себе поверил, что не могут его убить на войне, не его это время. Не его! Ничего, они и не такое преодолевали, хоть в Гражданскую войну, хоть в годы коллективизации: вилы всегда заточены были да берданка заряжена.

Деревенские мужики, получившие повестки в самые первые дни войны, собирались молча в центре села, прощались с жёнами, детьми и родственниками, усаживались в кузов полуторки, чтобы ехать в Барнаул на призывной пункт. С ними уехал добровольцем младший брат Леонтия — тридцатидевятилетний Фёдор, работавший заведующим шелаболихинским «Заготзерном».

После отъезда мужиков как будто образовалась в деревне пустота. Видимо, и природа почувствовала беду, потому что и птицы стали щebetать, а не в полный голос петь да насвисты-

вать, солнце хоть и пекло, но казалось, что светит через хмарь.

Через полтора месяца, в августе, Леонтий отправился воевать. В то время уже начали приходить похорожки в ближайшие деревни.

Рано утром Прасковья затопила печь, испекла шанежки. Дети тоже проснулись рано, расселись за столом все, всей семьёй, что было в последнее время не так часто. Леонтий сел, как всегда, в торце стола.

— Ну вот, сыны, такие дела, война, значит. Посидим позавтракаем все вместе на дорожку. Может, и не свидимся более. По-разному мы жили: и хорошо, и не очень, но дружно, как деды наши жили дружно и уважали свой род, Гуляевых, да и другим людям не врагами были. Так и вы живите далее. А бог даст, свидимся! Ну а нет, то помнить будете, — сказал он.

Шанежки ели молча, макали в мёд и запивали молоком. Все понимали, что отец может погибнуть. Одна маленькая Мария была радостная, видимо оттого, что все были рядом и что солнечное утро тёплыми лучами играло по комнате.

Провожала Леонтия вся большая родня: жена с детьми, старшие братья Прохор и Архип, каждый со своим многочисленным семейством. Прохору было уже сорок пять лет, а Архипу — сорок три, но на фронт его не призвали: в Гражданскую получил сильную контузию, почти глухой стал после того.

— Эх, Лёва, повоевал бы и я с тобой, как тогда, в Гражданскую, да, видимо, не возьмут.

— Нет, брат, точно, не возьмут. Здесь давай в деревне будь. Своих пацанов подымай да за моими приглядывай, — громко прокричал Леонтий Архипу на ухо. — Давай, Архип, прощаться будем.

Молчаливый Прохор протянул Леонтию руку, обнял крепко да разговорился:

— Прощай, брат Лёва! Фёдор уже воюет, вот и тебе время подошло. Если что, зла не держи, мало ли что было! Береги себя насколько можно! Бог даст, свидимся! Я, видимо, тоже скоро призовусь, заявление уже написал в военкомат. О детях не беспокойся, мы с Архипом да с жёнками присмотрим за ними. Да и в деревне почти все — родственники, так что обижены не будут. У меня самого семеро, а как на фронт уйду, тоже люди помогут им, поди. Вот такие, брат, дела.

— И ты, Прохор, на меня не обижайся. Вроде в мире жили, но если есть обида — не держи!

Полуторка с сидевшими в кузове мужиками из соседних сёл уже стояла у сельсовета в ожидании новообинцевских призывников. Прощался с семьёй Леонтий недолго: не любил он эти нежности разводить, но защебрило что-то в груди, заныло.

Чтобы не затягивать время прощания, он быстро обнял жену, крепко пожал руку старшему сыну Николаю, потрепал по плечу среднего Фёдора, прижал к груди младшего Геннадия, пятилетнюю дочку Марусю, которую он нёс на руках от самого дома, поцеловал, погладил по голове, поставил на землю и повернулся к сыновьям:

– Матери, сыны, помогайте, а Марию не обижайте. Вернусь – проверю!

С этими словами он забрался в кузов отъезжающей полуторки. Пыль, поднятая её колёсами, какое-то время ещё висела облаком, скрывая силуэты уезжавших мужиков.

Многие из них так и исчезли на тех военных дорогах. Только память осталась в семейных альбомах и фамилии на плитах мемориала в центре села...

Полуторка тряслась и подпрыгивала на ухабах дороги, раскачиваясь из стороны в сторону. Мужики, молча куря самокрутки, зажатые в кулаке, думали каждый о своём. Оглядываться не хотелось, смотреть вперёд особого желания не было.

Страх Леонтий не испытывал, была какая-то тревога, щемящая в груди, какое-то волнение, как перед грозой, когда начинала беспокоить раненная ещё в Гражданскую левая нога. Вспомнился старший брат Савелий, погибший в Первую мировую войну. Савелий, молодой и красивый, с белокурыми кудрявыми волосами, высокий и широкоплечий, похожий чем-то на брата Фёдора. Тогда он тоже уехал с несколькими мужиками на подводах на ту войну, которая была далеко, да и не вернулся. Не вернулись с войны в деревню ещё мужиков тридцать. Леонтий многих знал и помнил.

Воспоминания всплыли сами, как-то сразу и так явно, как будто всё вчера происходило. Деревенские пацаны и девки провожали своих отцов и братьев до самой Каменской трассы. Беременная жена Савелия Ольга, братья Прохор, Архип, Леонтий и Фёдор тоже шли рядом с телегами, прощались с Савелием, как оказалось, в последний раз.

Ольга родила раньше срока сына Алексея, практически в день гибели Савелия. Сейчас Алексей тоже, наверное, призывается в Новоси-

бирске на фронт. Чуть позже Савелия и Прохор был призван в армию, отвоевал немного, около двух месяцев, на Румынском фронте, получил ранение в плечо, лечился в лазарете Екатеринбург. Прохор вернулся, а вот Савелий так и сгинул где-то на полях войны четырнадцатого года.

Память напомнила Леонтию и давние годы, предреволюционные, когда они с братьями разнимали шадринских и самодуровских мужиков, дерущихся на льду, как бы на границе между двух деревень. Чего делили подвыпившие мужики, так никто и не узнал. А он сейчас вот вспомнил тот случай с улыбкой и внутренним удовольствием, как будто недавно это было. Несколько мужиков из той «свалы» сейчас тоже ехали с ним в кузове. Им, как и Леонтию, было уже порядочно лет: кому-то сорок, кому-то под сорок пять. Тогда эти мужики дрались, а они, братья Гуляевы, пошли их разнимать, с миром пошли, но получили кулаком кто в нос, кто в ухо.

Братья Гуляевы роста были небольшого, но широкоплечие, кряжистые. За себя могли постоять и своих не дать в обиду. И не стерпели. Понесли. Уложили на лёд тогда почти всех: и своих, и чужих. После этого случая стали их звать Куликами: «Кулик не велик, а всё же птица».

Вспомнил он и то, как они с Архипом уходили на Гражданскую войну, как вернулись. Архип – контуженный на Польском фронте, а он – хромящий от ранения в левую ногу.

И после Гражданской ещё долгое время бывшие колчаковцы, разбежавшиеся и расселившиеся по мелким поселениям и заимкам, вредили и портили кровь местным властям. Они и сынки местных кулаков создавали в округе сёл и деревень вооружённые летучие отряды, которые укрывались в лесах и сводили счёты с активистами, а то и просто занимались обыкновенным бандитизмом. Остатки банды Кайгородова скрывались за рекой в инском сосновом бору, откуда устраивали свои налёты на близлежащие сёла и деревни.

Поэтому в те далёкие годы всех председателей сельских советов вооружали винтовками и наганами. И ему, Леонтию, тоже, как председателю сельсовета, избранному в 1929 году, выдали винтовку-трёхлинейку, две берданки и наган, который он всегда носил с собой.

По всей Сибири был сильный голод и процветало воровство. Воровали всё, что можно было съесть или продать. В основном воровали

животных, поэтому селяне вынуждены были загонять на ночь скот прямо в дома, если не было хорошо укрепленного скотного двора. Сельским советам добавил хлопот и тревог большой наплыв кочующих цыган и выселение из Киргизии в Сибирь бывших богатых киргизов. Эти люди, не имея ничего своего: ни работы, ни жилья, вели себя как временщики, и воровство стало главным их ремеслом. Редкая ночь проходила спокойно; часто среди ночи кто-нибудь из сельчан стучался в дом Леонтия и просил помощи. И тогда он поднимал по тревоге свой актив, вооружал, и начинался поиск воров и краденного. Иногда получалось сразу обнаружить и пропажу, и преступников, которые сознавались в совершённом воровстве и раскаивались.

В памяти всплыл случай 1932 года, когда волами были уведены две «коммунарские» лошади. Их поиск в течение суток ничего не дал. Только после того, как один киргиз (которого Леонтий принял и пристроил на жительство в колхозной конторе, видя, что его большое семейство не сможет выжить, если не помочь с жильём и работой) сообщил, кто украл и где пропажа, вор был арестован, но не сознавался. Пришлось посадить его до утра в погреб-ледник «для обдумывания своего бытия».

На следующий день подозреваемого забрали сотрудники районного ОГПУ. Немного погодя его отпустили за недоказанностью вины, а через несколько дней Леонтия арестовали и осудили на семь месяцев по статье 110 УК (1929) «Превышение власти или служебных полномочий...», обвинив его в незаконном лишении свободы человека.

«Как быстро бежит время», – думалось ему. И эти думки о скоротечности жизни, постоянной борьбе за что-то и с кем-то двигали его желваки, а руки сами сжимались в кулаки. В голове неслись мысли: «И чего им всем надо? Бьёшь их, бьёшь, а они всё не уймутся! Живи, работай, рыбачь, детей расти. Только жизнь более-менее наладилась. Хоть немного бы спокойно пожить, так нет – на тебе! Войну опять затеяли... Ну что же, значит, будем биться, чтобы не убиться».

Проехали Павловск. Там на центральной площади тоже толпились люди, уходившие на фронт, и их провожающие. Ещё через час полуторка въезжала в Барнаул.

ФОРМИРОВАНИЕ ДИВИЗИИ

В Барнауле новобранцев расселили по баракам и на следующий день определили места

службы. Леонтий, как кавалерист Гражданской войны, был зачислен в 236-й кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии, который располагался в бывшем пионерском лагере в Сухом Логу.

В эту же дивизию, только в другой полк, попал и двоюродный брат Леонтия Тимофей Гуляев, как человек полная его противоположность. Хитрый и скрытный от рождения, Тимофей искал везде и во всём только личную выгоду, часто ничем не брезгуя. Он и тут сумел пристроиться – в продовольственном транспорте, чем и подтвердил свою кличку Тима Хитренький, которой его окрестили односельчане за постоянные приспособленческие уловки и хитрости.

– Что, Тимоха, требуху набивать теперь будешь? Смотри, аккуратней, не обожгись.

– Да чё ты, Лёва, я, может, ещё и тебе лишний кусочек мяса подкину. Мы же сродники!

– Кому сродник, а кому и не угодник! Проще-вай, Тимоха!

– И тебе ветер в спину, Лёва.

Вот такой диалог состоялся между Леонтием и Тимофеем Гуляевыми, и их дороги, у одного прямая, как он сам, а у другого – извилистая, как у ужа, разошлись окончательно.

Леонтий даже радовался тому, что служить они будут в разных полках, а то в бою обязательно подведёт, подножку подставит. Пускай уж подальше будет, так спокойней...

В полк поступало обмундирование, вооружение, лошади и фураж. Каждый день новобранцы с Алтая, из Красноярска, Новосибирска и Омска пополняли полк; в основном все они были из сельских мест, умеющие обращаться с лошадьми. Ежедневные занятия по боевой и конной подготовке проходили в усиленном режиме: с утра до обеда будущие кавалеристы отрабатывали посадку, удержание равновесия при разных движениях лошади (рысь, галоп, карьер), различные способы управления. Нужно было не только научиться правильно сидеть на лошади, но и найти контакт с ней для точного и правильного управления.

После обеда проходили стрельбы, лёжа и на скаку с седла; лошадь должна была привыкнуть к выстрелам, чтобы потом в бою не испугалась. Это оказалось целой наукой. Мужикам от сохи было проще, чем городским, улучшить свои навыки верховой езды, поэтому Леонтий через две недели уже плотно сидел в седле на своём коне по кличке Седой. Седой был резв, смел, послушно

и чётко выполнял команды, даже на стрельбу почти не реагировал, воспринимал как само собой разумеющееся. Казалось, он родился, чтобы быть кавалерийским конём, и именно у Леонтия.

Они научились так понимать и дополнять друг друга, что даже новый командир полка майор Романовский, на днях прибывший из госпиталя, при осмотре прохождения занятий, подъехав к группе всадников, завёл такой разговор:

— Здравствуйте, бойцы! Я командир полка майор Романовский.

Рядом с Леонтием гарцевали на разгорячённых лошадях несколько всадников-красноармейцев, с которыми он уже хорошо подружился. Мужики были деревенские, почти его возраста и такие же спокойные и рассудительные, как и он: из соседней деревни Старообинцево — Иван Бахарев, из Змеиногорского района — Алексей Обидин и Яков Матвеев, новосибирец Гриша Меньшиков.

— Красноармеец Гуляев.

— Красноармеец Бахарев.

— Красноармеец Обидин.

— Красноармеец Матвеев.

— Красноармеец Меньшиков.

— А как вас величать-то, красноармейцы?

— Меня — Леонтий, а это Иван, Алексей, Григорий и Яков.

— Хорошо, постараюсь запомнить.

Майор сразу распознал главного в этой компании и обратился к Леонтию:

— А ты, боец, похоже, прирождённый кавалерист? И конь у тебя добрый, понятливый!

— Да, товарищ майор, Седой — молодчина! А я просто служил немного в кавалерии, ещё в Гражданскую, ну и в деревне всю жизнь на лошадях. А тут прямо наука! Вот мы её с сотоварищами и изучаем.

— Ну что ж, хорошо, осваивайте науку, бойцы, пока время есть и на фронт ещё не едем. В бою поможет, там учиться некогда будет... Там стреляют... Вижу вас постоянно вместе, это правильно: если научитесь чувствовать друг друга, то и в бою вам будет легче. А сейчас, главное, надо запомнить, бойцы, что сегодня не Гражданская война, она сегодня совсем другая — механизированная. Поэтому шашкой махать нам не часто придётся, а коней надо использовать для быстроты передвижения как при преследовании врага, так и в рейдах по тылам, а может, и при отступлении для перегруппировки и накопления

сил. В общем, учитесь лавировать и думать, думать... Я в госпитале до этого дошёл.

— Ясно, товарищ майор, учтём.

— Ну вот и добре!

Майор ушёл. Мужики спешили, привязали коней к веткам деревьев, присели кружком, достали кисеты и свернули самокрутки. Некоторое время курили молча.

— Вон оно как, мужики, майор уже и в госпитале успел побывать, а всего три месяца война-то! Прёт немчура! Видимо, майор на границе служил.

— А у нас в деревне, жена написала, уже на троих похоронные письма пришли.

— Надо нам друг дружки держаться, майор правильно сказал. Может, и прорвёмся!

— Прорвёмся, обязательно прорвёмся. Ладно, покурили — и вперёд.

Леонтий молодцевато вскочил на коня, пригладил густые волнистые волосы, лихо водрузил фуражку и рванул с места в карьер. Ему как-то легче стало после разговора с майором, уверенности, что ли, тот добавил, снял камушек, давивший где-то посреди груди...

А майор шёл и думал о том, что многие из этих крепких сибирских мужиков будут убиты. Судя по первым месяцам войны, вооружению немцев, их технической оснащённости, она будет тяжёлой и жестокой. Он уже почти со всеми в полку повстречался, со многими побеседовал и сделал для себя горькие выводы: «Мало времени на подготовку и обучение, мало. Хотя практически все бойцы в возрасте, от тридцати до сорока пяти лет, и жизнь знают: кто-то Гражданскую прошёл, кто-то с кулаками и белобандитами в деревнях у себя дрался, но здесь другое сейчас, совсем другое. Что они, бойцы с саблями да винтовками, против танков и самоходок смогут сделать? Только видимость большой армии создать. Нет, убьют всех. Надо другой тактике их учить, совсем другой. Тому, чему учат кавалеристов в училищах, — учить этих бойцов времени нет, да и лошади не кавалерийские практически. Ну вот хотя бы эта пятёрка, они ведь верно делают: сошлись в маленькую группу и отрабатывают взаимодействие при ведении боя. Им будет проще перестраиваться в атаке, они чувствуют присутствие и действия друг друга. Хороша мысль, нужно командирам эскадронов и взводов дать задание поработать в этом направлении, поучить атаковать и обороняться малыми группами, оно будет более приемлемо. Но мало времени, ох как мало. Скоро,

должно быть, их уже отправят на фронт, формирование полка (да и дивизии) закончилось почти. Ещё бы недельки две-три...»

Майор вспомнил свою погранзаставу, начало войны. Тогда едва рассвело, как на военный городок был совершён массированный налёт: вначале несколько десятков бомбардировщиков сбрасывали, как горох, бомбы, за ними следом налетели истребители. В результате погибло и было ранено много командиров и бойцов из личного состава, а также много боевых коней. Остатки гарнизона отошли на оборонительные позиции и в течение суток сдерживали наступление немцев. Он, прошедший Туркестан, Халхин-Гол, не мог представить, что его эскадрон в считанные дни перестанет существовать и бойцы, которых он знал поимённо, будут гибнуть на его глазах под бомбами, будут раздавлены танками и самоходками. Пулемётные очереди выкосили эскадрон, как траву. Как выжил, как попал в тыл, в госпиталь, майор не помнил. Последнее, что запечатлелось в памяти: яркая вспышка, летящие комья земли, забивающие глаза, и чёрная пустота...

Потом был госпиталь.

Внешние его телесные раны подлечили, но внутренние остались открытыми. Майор думал: «Неужели все красноармейцы-пограничники, его бойцы, с которыми бок о бок два последних года охранял границу, обучал военному делу, погибли?! Может, хоть кто-то из них выжил в той мясорубке, был ранен и лечится где-нибудь в госпитале? Встретятся ли они когда-нибудь?» Как жизнь быстро закрутила, не думал не гадал, а вот он, живой, в Сибири, куда никогда и не собирался попасть, с новым назначением в качестве командира кавалерийского полка.

И сейчас, глядя на этих новобранцев, деревенских мужиков, он вдруг, как наяву, увидел их убитыми, лежащими навалом друг на друга, в неестественных позах, с вывернутыми руками и ногами. От этого заломило в затылке, холодный ветерок зашевелил волосы.

Придя в себя от страшных и непонятных видений, он увидел улыбающихся и уставших от занятий мужиков в военной форме, но без привычной его взгляду военной выправки. Они полулежали или сидели небольшими группами, курили и что-то обсуждали. Где-то в стороне, за деревьями, играла гармонь, гармонист пел песню, хорошо пел, душевно. Несколько голосов подхватывали припев.

*В далёкий край товарищ улетает,
Родные ветры вслед за ним летят.
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зелёный сад
и нежный взгляд.*

*Пройдёт товарищ все бои и войны,
Не зная сна, не зная тишины.
Любимый город может спать спокойно,
И видеть сны, и зеленеть среди весны.
Когда ж домой товарищ мой вернётся,
За ним родные ветры прилетят.
Любимый город другу улыбнётся,
Знакомый дом, зелёный сад,
весёлый взгляд.*

«Красиво поют, черти, спокойно. Как будто и войны нет. Как же мне их научить, подсказать им, как не погибнуть в первом бою...» – сокрушался майор.

Его мысли опять вернулись к пятёрке бойца Леонтия – так он автоматически выделил для себя эту группу.

Их задумка прямо вписывалась в тактику, в соответствии с какой и нужно будет иногда действовать кавалеристам. Суть была проста, она раньше применялась в кавалерии. В одном из учебных рейдов по пересечённой местности Леонтий спрыгнул с коня и несколько десятков метров двигался вместе с Седым, держась одной рукой за подпругу, в другой руке была винтовка. Сбоку казалось, что лошадь бежит одна, без всадника. Потом он быстро вскакивал в седло и производил выстрелы по мишени. В другой раз он спешил, залёг за небольшим холмиком и подготовился к стрельбе, а конь тем временем продолжал движение без него. В бою это могло дать бойцу преимущество и ввести в заблуждение противника, помочь выбрать удобную позицию и подготовиться к атаке или обороне.

«Да, завтра же начнём отрабатывать и эти уловки, введём их в тактику боя», – отметил для себя майор, продолжая свой обход...

В ДЕРЕВНЕ. 1941-й

С уходом мужиков на фронт некогда людное и шумное село как-то сразу осунулось, погрузнело.

На улицах стало безлюдно. Будто жизнь замерла, приостановилась. Не было того прежнего привычного людского гомона, разухабистых песен молодёжи на вечеринках, казалось, что всё окунулось в пустоту и мрак. Паники и растеря-

ности не было, но в душах людей поселилась боль и тревога за жизнь близких, ушедших на фронт, за судьбу Родины. Каждый независимо от возраста понимал, что настало тяжкое время.

Помнили ещё в деревне белобандитские расправы с жителями в Гражданскую войну, помнили и надеялись, что не допустят немца так далеко, до Сибири, всё равно побьёт его Красная армия, не допустят и мужья, ушедшие на фронт.

Помнили сельчане и пожар, произошедший в 1928 году, когда осенним днём из-за шалости детей загорелась деревня с ветреной стороны. Головёшки бросало на сотни метров. Люди находились в поле, тушить пожар было некому. Люди, увидев пожар, побросали все полевые работы и прибежали в деревню тушить пожар подручными средствами, но бушующее огненное море унять было невозможно.

Спасти практически ничего не удалось. Выгорела вся нагорная часть деревни, некогда красивая, с широкими и прямыми улицами, застроенная добротными пятистенными домами с резными наличниками на окнах. Большинство усадеб были огорожены, с крытыми въездными воротами и входными калитками, с бревенчатыми амбарами и надворными постройками, со многими посадками, декоративными и плодоносящими. К вечеру вся деревня превратилась в чёрную, зияющую зловещей темнотой пустошь.

Люди долго и трудно выходили из этой трагедии. И как всегда бывало на Руси – ближний помогал ближнему – так и в то время: помощь пришла из соседних сёл. Помогали кто чем мог: кто лесом, кто руками, кто тем, что присылал погорельцам продукты, в основном картошку и хлеб, а кто и делился последним из зимней одежды. Так уж испокон века повелось, что Русь жива скорбью и лихом, и в дни лихолетья самый бедный отдаст с себя бедствующему последнее, что он имеет. И тогда стараниями людей и помощью из государственной казны нагорная часть деревни была за два-три года почти полностью восстановлена, поднята из пепла и гари.

Вот и сейчас знали сельчане, что всем миром одолеют врага: кто с оружием в руках на фронте, а кто здесь своим трудом на полях да фермах.

Прасковья рано утром, приготовив завтрак, будила старших сыновей Николая и Фёдора:

– Вставайте, ребятки, скоро петухи закукарекают. На работу пора да и на учёбу ещё поспеть надобно, на курсы-то.

Старший Николай, семнадцати лет, рослый и крепкий парень, на целую голову был выше отца. Два раза ездил в райвоенкомат, просился на фронт – с отцом воевать рядом.

– Молод, парень. Вижу, что большой, но возрастом пока не подходишь. Подожди, на следующий год призовём, успеешь ещё навоюешься. Учись пока на тракториста, а потом, может, в танкисты пойдёшь, а может, бронь получишь! – говорил военком.

«Бронь, бронь... Нужна мне эта бронь! На фронт идти надо», – думал Николай.

Средний Фёдор ростом был мал для своих пятнадцати лет, полтора метра всего, но крепенького телосложения, часто подтрунивал над Николаем. Вот и сейчас за завтраком:

– Коль, вот нам бы с Генкой от тебя сантиметров пятнадцать росту забрать, мы б с тобой одного роста были. Тогда и мне, и тебе в тракторе удобно было бы сидеть. А так с твоим ростом тебя в танкисты не возьмут: голова из башни будет торчать. В кавалерию, как отца, тоже не возьмут: ноги длинные. Только в пулемётчики, сила у тебя есть пулемёт носить. А может, и командиром будешь! Да, Коль?

– Ладно болтать-то. Поели, ну и пошли коров кормить, а то ещё в Шелаболиху на занятия опоздать не хватало.

Серьёзный был Николай, ответственный.

Он вышел из дома, Фёдор догнал его уже возле калитки. По дороге к ним присоединился старший сын дяди Архипа Иван, одноклассник Фёдора. Немного словный и всегда немного угрюмый, Иван был заядлым рыбаком. В рыбалке равных ему было немного, даже лучшие рыбаки села признавали в нём себе ровню по умению и удачливости в рыбной ловле. Отец Архип, работавший кузнецом, тоже был настоящий рыбак, но Иван, которого он приучал к рыбацкому делу почти с пелёнок, обогнал его уже годам к четырнадцати. Это была его страсть, его призвание.

Братья первыми поздоровались с Иваном:

– Привет, Иван, чё это ты такой хмурой-то? Не выспался, что ли?

– «Не выспался, не выспался». Выспался! Вчера с Генкой перемёты ставили да мордушки ещё в затоне установили. Щас вон батя с Петькой и Генкой будут рыбу вынимать, так они ещё перемёт-то и утопят! А я коровам хвоста крутить буду! Тьфу! – ответил Иван, смотря куда-то в сторону.

– Ничего они не утопят, не впервой же.

– Утопят, как пить дать утопят.

– Давай-ка шагу, братья, прибавим, а то вон и девчонки уже впереди нас.

– Тебе бы только рыбачить! А на тракторе тоже нужно научиться. Девки, что ли, будут за тебя пахать? – не унимался Фёдор.

– Рыбу-то мы тоже в колхоз сдаём. Это тоже для колхоза, не только домой. Да и душа у меня к технике этой не лежит, как у вас.

Ребята догнали девушек, тоже идущих на ферму.

– А вот и женихи наши, а мы-то думали, вы уже сено кидаете!

Фёдор подскочил к ним, ловко подхватил двух под руки:

– Сено-солома! А мы с вами знакомы? Меня Фёдором зовут!

– Ух ты, ишь ты, ухажёр-то какой! Небольшой, а шустренький!

– Мал золотник, да дорог!

Все «курсанты-трактористы» утрами, часов в пять, встречались либо по дороге, либо на скотных дворах. Девчата доили коров, парни убрали загоны и приносили сено на корма. После они всей компанией направлялись на учёбу в соседнюю деревню, которая находилась в трёх километрах от их села. Им нужно было успеть на занятия к девяти часам.

Ребята и девчата в первую половину дня изучали теорию, а после обеда разбирали и собирали двигатель и ходовую часть гусеничного трактора «Сталинец-60». Изучалось всё до мелких частей и деталей.

Николай разбирал и собирал узлы трактора автоматически, не вникая в основу работы двигателя, трансмиссии и системы передач, понимая, что Фёдор, видимо, прав. «Не быть мне танкистом. Вон в фильмах танкисты, как и лётчики, все небольшого роста. Значит, либо артиллерия, либо морфлот. В мае мне будет восемнадцать, значит, после посевной могут забрать на фронт – в июле-августе, а может, и после уборочной, как отца. Как он там? То, что отец попадёт в кавалерию, сомнений нет, в военкомате знают, что он был в конной армии. Увидеться в ближайшее время не придётся: до Барнаула далековато, из колхоза не уйдёшь, не отпустят. Может, на фронте потом увидимся? Хотя вряд ли!»

Домой возвращались поздно.

– Скоро дожди начнутся, а там и зима не за горами. Надо бы нам лошадь с телегой в правлении выпросить. Поди, дадут?

– Ты у нас, Коля, самый представительный, поговори в сельском совете, глядишь, и выделят...

После ухода братьев сразу проснулся и младший Гена.

– Ты чего так рано встал-то? Спи ещё, в школу-то рано.

– Да я, мам, пойду сейчас мордушки проверю да перемёты гляну.

– Поешь сначала.

– Потом, вот приду с рыбалки и поем. Дядя Архип, поди, уже на берегу с Петькой.

Генка убежал.

Прасковья стала убирать со стола, а думки её были о детях да о Леонтии. «Как он там, сердешный? А ну как убьют! Коля с Федей уже почти взрослые, теперь вот на механизаторов учатся, некогда им по дому дела делать, отойдут вскоре от семьи. Маша ещё совсем мала, вся мужская работа на Генку ляжет. Да она и сейчас на нём. И огород вскопать, и дрова заготовить, вон и крышу надо к зиме залатать, а годков-то ему всего двенадцать! Трудно будет, ох трудно», – думала про себя, а вслух о своих бедах и тревогах никогда и никому не говорила.

29

Подходя к речному затону, кое-где достигавшему в ширину метров сорока и с берегами, густо поросшими камышом, Геннадий увидел Петьку с дядей Архипом. Они уже готовились к добыче рыбы.

– Братья задержали, – скороговоркой оправдал свою задержку Гена и включился в рыбацкий процесс.

Вначале проверяли мордушки. Архип, не торопясь, вытягивал одну, а братья Гена и Пётр таскали вдвоём другую. Рыбу выкладывали в плетёные корзины, потом подвешивали жмых внутри мордушки и погружали её опять в воду. Опростав и закинув вновь с десятком мордушек, они приступали к проверке перемётов.

Процесс ловли рыбы увлекал, а утренняя тишина и водная гладь затона, подёрнутая серебристой дымкой лёгкого и прохладного тумана, действовали на ребят успокаивающе. В эти утренние минуты вблизи реки особо ощущалась тонкая грань между тенью и светом, открывалась тайна жизни: рождение нового дня.казалось, что такая тишина и спокойствие были везде и нет никакой войны где-то там, далеко.

С первыми лучами осеннего солнца рыбалка заканчивалась, впереди предстояла работа по чистке, сортировке по размерам и засолке рыбы

в бочках. А пока уставшие рыбаки позволили себе небольшой отдых.

Архип достал кiset, соорудил козью ножку, раскурил её и, глядя вдаль за реку, заговорил:

– Вот так, сынки, и деды с отцами нашими рыбалили здесь. Когда я был такой, как вы, то тоже с братьями у дедов учился этому делу. Река тогда далее была да и шире чуток. Залив этот уже был, днями тут, бывало, мы такие чехарды с дружками устраивали, что о-го-го. Шумливые были, молодые... А дед-то ваш, отец мой, Сергей Лексеевич, заядлый рыбак, лучше его и рыбака-то в деревне не было. Уж ежели он пойдёт где сети ставить, так ты хоть рядом свою сеть забрось по ходу или после хода – всё одно рыба в его сеть пойдёт. Заговор знал, наверное. Вот Ванька, видимо, в него. И дед Лексей, говорили, тоже рыбак был! Может, и он вот так же на этом месте сидел, да смотрел на «за реку», да восход встречал, как мы сейчас. Может, ваши дети и внуки потом тоже здесь будут рассвет встречать да рыбу ловить. Только заводь эта лет через тридцать, наверное, в Обь уйдёт. Видите, как река течением забоку всё подмывает и подмывает.

Архип всегда что-нибудь вспоминал из прошлого и рассказывал ребятам, пока курил свою самокрутку. Ребята вопросов ему не задавали: кричать надо было по причине его глухоты после контузии. Да он и сам знал, что и когда рассказать, а слушать его истории было всегда интересно.

– Ну что, полюбовались утречком, понесём теперь женщинам улов готовить в засолку, а то вам скоро в школу бежать, а мне в кузню, кувалдой малость постучать для колхозных дел.

БАРНАУЛ. 1941-й

Вот уже больше месяца Леонтий находился в армии, в Барнауле, получая короткие и редкие весточки из дома: писали, что всё у них нормально, дети в школу пошли, уборочная закончилась, с зерном на зиму будут, грибы, огурцы и капусту засолили, картошки много накопили.

И вспомнилось Леонтию, как почти в это же время в 1937 году ему тоже не пришлось заниматься уборочной и подготовкой к зиме, а вынужден он был жить в городе у дядьки, материного брата, Туева. Он, Леонтий, коммунист и красноармеец-кавалерист, почти целый месяц скрывался от второго ареста.

Урожайный 1937 год стал тогда для колхозников великим трудовым испытанием. На уборку

обильного урожая были брошены все силы. Большую и трудоёмкую работу с раннего утра до позднего вечера выполняли женщины и девочки-подростки. Они вязали снопы, ставили их в кучи для последующего скирдования в клады, после чего производился обмолот кладей молотилками, а мужики-колхозники практически сутками находились в полях, на полевых станах, работая и днём и ночью, отдыхая попеременно по два-три часа в сутки. Леонтий был бригадиром одной из полеводческих бригад. С техникой было сложно, всего один трактор «Фордзон». Косовица выполнялась в основном конными жатками-лобогрейками и крылатками (жнейками-самоскидками). Пыль от них стояла над полем постоянно, не успевая осесть на землю. Привозной воды хватало лишь на приготовление пищи да немного промыть глаза, поэтому все были чёрно-серые от пыли и загара.

Леонтий на свой страх и риск отпускал тогда домой по одному человеку из бригады на парудругую часов для помывки, а сам исполнял работу временно отсутствующего.

В субботний день во время обеда мужики решили отпустить своего бригадира в баню:

– Иди, Сергеич, домой. В бане спокойно помоешься, отдохнёшь нормально хоть разок. А утром завтра и вернёшься. Мы справимся, не подведём.

– Точно, справитесь?

– Да не сомневайся, иди. Вымотался за неделю! А мы тут ускорим жатку-то.

Ближе к ночи Леонтий направился домой, поглядывая на ясное вечернее небо: «Вёдро стоит устойчивое, без облачка, стало быть, успеем убрать пшеничку-то».

Часа через три он уже сидел дома за столом, отмытый и разгорячённый после баньки. Картошка в мундире, солёные грибы и огурцы стояли в ряд, аромат наваристой, аппетитной ухи, зелёного лука и укропа расслаблял.

– Ну вот, Паша, теперь можно и стопаря под ущицу! Да грибочков с огурчиком! Хороший нынче урожай, Паша! Очень хороший. На трудодни будут зерно выдавать, с хлебом да с кашей будем, значит. Надо будет сусек подделать.

Вся семья сидела за столом, сыновья с серьёзным видом хлебали уху, годовалая Маша не спала, а вертелась у матери на коленях.

Ещё до рассвета по прохладе Леонтий возвращался на бригадный стан. Над полем стелился сплошной, приятно освежающий утренний туман.

Вдруг из тумана, как из воды, вынырнул прицепщик Ваня:

– Дядя Лёня, не ходите туда, там эти, в фуражках, приехали. Вас спрашивают.

– Чего ты мелешь? Кто приехал, кто спрашивает?

– Один из них ругается, говорит: «Куда он ушёл? Как он посмел бросить работу?» Говорит, что вас посадят. Дядя Лёня, мужики меня втихари послали вас предупредить!

То, что посадят, Леонтий знал. Время сейчас тяжёлое, вон Егора Понагушина, кузнеца сельского, как забрали непонятно за что, так уже скоро третий месяц ничего о нём и не слышать. Да и сам-то он, помнится, несколько лет назад целых семь месяцев ни за что отмотал!

Мысль сработала сразу: «Нужно рвануть в Барнаул, к родственникам матери, там отсидеться и поглядеть, куда эта чёртова кривая выведет! Город большой, может, и искать-то не будут».

Пробираться до Барнаула Леонтий решил вдоль Оби: подальше от дорог, да и деревьев вдоль берега много. К утру следующего дня он был уже в городе. А пока шёл, всё время думал о том, кто же мог донести-то на него, да так быстро! «Ушёл-то со стана домой поздненько вечером, затемно, вроде ни с кем по дороге не встречался. Но кто-то же донёс. Догадка, конечно, есть. Но это – догад, а он не бывает богат!» – размышлял Леонтий.

Родственники приняли беглеца. А что же делать-то, сами в своё время вынуждены были уехать из Барнаула, скрыться от расстрела всей семьёй, правда, это было в 1918 или 1919 году! Свой своему поневоле друг.

На третий день Леонтий неожиданно попал в больницу: у него начался сильный жар, ломота пошла по всему телу, аж кости выворачивало. Лечили три недели, а там и в деревне, и в районе постепенно всё улеглось. И Леонтия по прошествии почти целого месяца никто не разыскивал. Выписавшись, он с больничной справкой, похудевший вернулся домой. Получилось, что его никто и не искал, и с работы он не сбегал, а лечился в больнице. Так вот и вышло, что судьба не дала его в обиду, а то пилить бы ему лес где-нибудь на Севере.

«Как интересно жизнь распоряжается судьбами человеческими, – думал Леонтий. – Вот у брата матери, Туева, тоже судьба поработала с выдумкой, судя по его рассказам». В далёкие 1890–1896 годы он проходил службу на Дальнем Вос-

токе, около года работал по домашнему хозяйству у флотского чиновника высокого ранга, уже довольно пожилого, обрюзгшего и очень вредного старикашки лет шестидесяти с небольшим.

Работа была разная: уборка двора, конюшни, уход за четырьмя добрыми рысаками, попутно дрова порубить и прочее. А жена у старика оказалась молодой и статной дамой тридцати одного года.

И матрос Туев стал замечать заинтересованные взгляды молодой хозяйки. Потом начались расспросы: «Откуда вы? Как служба идёт? Скоро ли домой? Матрос, помогите это, принесите то...»

Одним словом, однажды произошло то, что и должно было произойти между молодыми мужчиной и женщиной. Через пять месяцев, в течение которых молодые люди продолжали тайком встречаться, у Фёдора Туева закончился срок службы и он уехал домой в Томскую губернию, в село Павловск.

Прошло много лет, Фёдор переехал в Барнаул, женился, занялся небольшим делом при пароходстве: поставлял некоторые продукты питания для буфетов пароходства, мало-помалу скопил капитал, выбился, так сказать, в люди. Потом приобрёл хорошую квартиру на первом этаже дома в районе речного порта.

А тут война, потом революция, после которой начались смутные времена в городе. Власть почти два года менялась, переходя от большевиков к белогвардейцам, шла Гражданская война.

В один из периодов очередной смены власти, в конце 1918 года, когда красные вновь захватили город, в квартиру семьи Туевых в сопровождении нескольких красноармейцев вошёл молодой комиссар. Пройдя в большую комнату, он сел на стул и осмотрелся.

Некоторое время внимательно рассматривал стоявших перед ним членов семьи, а потом спросил:

– Как ваша фамилия?

– Туевы мы.

– А вы служили в девяностых годах прошлого века на Дальнем Востоке?

– Да, служил.

– Всем выйти! – негромко приказал комиссар и после длительного молчания продолжил: – Значит, получается, что вы – мой отец! Знаете ли, а я представлял вас немного другим. Мать очень хорошо отзывалась о вас и долгое время думала, когда стала вдовой, что вы вернётесь. Только благодаря тому, что она вас любила, я посоветую вам забрать свою семью, самое

необходимое и сейчас же, немедленно покинуть город. Иначе вы будете расстреляны, как мироед и классовый враг, ваша фамилия – в расстрельном списке. Поспешите. Это всё, что я могу для вас сделать. Если будет нужно, я вас позже найду... Прощайте!

– А... ваша мать? Она...

– Она умерла пять лет назад. У вас мало времени! Через два часа мы будем здесь снова, так что у вас есть всего часа полтора на сборы.

На этом они расстались, и больше их дороги не пересеклись никогда.

Скорее всего, его сын погиб в том революционном огне. А тогда, при их встрече, всё произошло так быстро, что Туев даже не успел узнать ни фамилии, ни имени...

Почему-то именно эти воспоминания неожиданно всплыли из памяти Леонтия с такой ясностью, как будто это было вчера, и они придали ему уверенность в том, что и на этот раз его судьба сделает правильный ход и подскажет ему правильный путь.

НА ФРОНТ

В конце сентября пришло указание о прекращении встреч красноармейцев полка с родственниками: это означало, что скоро полк должен будет отправляться на фронт. Начался период ожидания приказа и подготовки к отправке, занятия продолжались, всё было вроде бы как прежде, но чуть по-другому. Вопрос, куда отправят, висел в воздухе. По ежедневным сводкам Информбюро, фашисты приближались к Москве. Значит, отправят под Москву!

В ноябре, после парада в честь Великой Октябрьской революции, полк погрузился в эшелоны и отправился на запад. Навстречу шли эшелоны с ранеными и гражданским населением, эвакуированным в тыл из фронтовой зоны. Железнодорожные станции напоминали муравейники из-за большого числа беженцев и военных.

Через несколько дней эшелон прибыл на станцию Чебсара Вологодской области, где в полк поступило небольшое пополнение из вологодских новобранцев.

Линия фронта была уже близко; немецкие самолёты периодически бомбили железнодорожные станции, деревни и дороги, по которым в обе стороны шло движение: армейские части – к фронту, беженцы – в тыл. В этих условиях, приближенных к боевым, полк в ожидании особого распоряжения о дальнейших действиях усиленно продолжал боевую и конную подготовку.

Приближалась зима. Морозящие дожди, переходящие в мокрый снег, ночные заморозки да холодные ветра давали понять, что она не за горами. Поэтому у кавалеристов добавилось забот: нужно было готовить лошадей к зимним условиям и самим привыкать к зимнему снаряжению.

Во время ухода за лошадьми после долгих дневных тренировок Леонтий сказал мужикам:

– Да, братцы, похоже, майор прав был, когда говорил, что шашкой нам махать не придётся.

С его старшинством мужики как-то сразу согласились в самые первые дни их знакомства, воспринимали его слова как слова рассудительного и принявшего правильное решение человека. Видимо, это произошло из-за его мужицкой прямоты, спокойствия при разговоре, убеждённости в своей правоте и уверенности.

– Прав! И нужно нам сейчас больше учиться прятаться за лошадью и прыгивать на ходу. Падать с неё учиться, чтобы не переломать себе рёбра. Вот что я думаю. Скакать-то мы почти научились. Теперь прятаться будем учиться.

– Падать мы тоже хорошо научились, – пошутил Иван Бахарев.

– А сейчас, в морозы, вообще будем соскальзывать как пироги с лопаты, – поддержал шутку Алексей Обидин.

Все дружно рассмеялись и продолжили чистить и обтирать лошадей от пота, чтобы потом накрыть их попонами.

В середине декабря была объявлена боевая тревога, прошло полковое построение.

– Товарищи красноармейцы, на днях получен боевой приказ командования. В результате успешного контрнаступления войск под Москвой снята непосредственная угроза столице нашей Родины. Наша дивизия направляется на защиту и спасение города Ленинграда, попавшего в блокаду в начале сентября 1941 года. Город погибает от голода и холода...

Срочно погрузились в эшелоны, которым был дан зелёный свет в направлении северо-запада.

Вскоре выяснилось, что эшелоны направляются через Вологду на Волховский фронт, под Тихвин, где идут очень тяжёлые бои.

ВОЛХОВСКИЙ ФРОНТ. 1942-й

В начале января 1942 года по дивизии было объявлено, что она теперь входит в состав 13-го кавалерийского корпуса, командир корпуса – Николай Иванович Гусев. Корпус входит во

2-ю ударную армию. Главная цель 2-й ударной армии – прорвать блокаду Ленинграда.

Готовилась Любанская операция. Замысел этой операции заключался в том, чтобы ударом войск центра Волховского фронта (силы 2-й ударной и 59-й армий) и 54-й армии Ленинградского фронта прорвать плотную оборону противника, развить наступление и соединиться в районе города Любань, тем самым окружив и уничтожив большую группировку немецких войск в этом районе. Выполнение этой задачи давало бы нашим возможность в дальнейшем выйти в тыл немецко-фашистским войскам, блокировавшим Ленинград с юга.

Наступление началось 7 января. Оно велось в лесисто-болотистой местности в условиях сильного бездорожья, по глубокому снегу. В войсках не хватало автоматического оружия, транспорта, средств связи, продовольствия и фуража. В течение трёх дней наши войска пытались прорвать оборону немцев, но успеха не достигли. 10 января командующий фронтом временно прекратил атакующие действия частей. В этот же день у 2-й ударной армии появился новый командарм – генерал-лейтенант Н. К. Клыков.

На Волховском фронте были перегруппированы силы, сосредоточены армейские резервы. 13 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки наступление возобновилось на всём участке центра Волховского фронта. К сожалению, только 2-я ударная армия имела основную и единственный успех в этой операции.

Её натиск, действительно, был страшен. Усиленные резервами, переброшенными с других участков фронта, войска 2-й ударной 17 января прорвали первый оборонительный рубеж противника. К концу января удалось вклиниться узкой полосой между деревнями Мясной Бор – Спасская Полисть, в расположение 18-й армии противника, и продвинуться вглубь немцев на 75 километров, перерезав железную дорогу Новгород – Ленинград. Передовые части 2-й армии вышли на подступы к городу Любань и охватили вражескую группировку с юга. Остальные армии фронта практически остались на исходных рубежах и вели тяжёлые оборонительные бои.

Между 2-й ударной и 54-й армией Ленинградского фронта оставалось всего 55 километров.

По прибытии на станцию Большой Двор спешным порядком была произведена разгрузка, и 236-й полк в составе 87-й кавдивизии конным

строем двинулся на Тихвин. Во время марша стало известно, что наши войска взяли Тихвин и успешно продвигаются к реке Волхов. Дивизия в составе 236, 241, 244-го кавполков продолжила марш на Волховский фронт походным порядком: все бойцы шли пешком, а на лошадях в седлах транспортировали боеприпасы и фураж.

– Ну вот, Леонтий, а ты – «падать учись, падать, чтоб рёбра не сломать»! Второй месяц на лошадь не садились, – ворчал Иван Бахарев. – Эвон змеиногорцы за лошадей как спрятались, не то что немец – я их уже неделю не вижу и не слышу.

– Это они с лопаты соскользнули. Да затаились, чтоб табачком не делиться, – поддержал его Гриша Меньшиков.

– А чё, у них ещё табачок остался? Я бы погрелся малость табачком-то. А то мороз гуляет под шинелькой.

Тридцатиградусные морозы, бомбёжки с воздуха и плохие дороги сдерживали передвижение дивизии, но тем не менее во второй половине января 1942 года она вышла на намеченные позиции. С 18 по 22 января дивизия находилась в резерве фронта в районе Большой Вишеры, где были сосредоточены достаточные силы для дальнейшего развития наступления.

После непродолжительного отдыха 26 января дивизия получила приказ выдвигаться в прорыв в район северо-западнее Мясного Бора и освободить от врага населённый пункт Ольховка. В дальнейшем наступать по направлению – Ольховка, Апраксин Бор и Любань. Не позднее 27 января перехватить шоссе, железную дорогу Чудово – Ленинград, а затем овладеть Любанью. С организацией обороны не связываться...

ПЕРВЫЙ БОЙ

Пришло время необстрелянной дивизии вступить в первый бой. Этим же днём 236-й кавалерийский полк впервые был атакован немецкой авиацией. Кавалерия бросилась враспыленную, но шедший всю ночь снег и глубокие сугробы помешали бойцам быстро рассредоточиться и укрыться от самолётов в перелесках и овражках. В результате более сорока человек были убиты и ранены, также было уничтожено несколько пулемётных расчётов.

По окончании воздушной атаки немцев полк, преодолевая бездорожье и глубокий снег, всё-таки атаковал деревню Ольховку.

Фашисты сопротивлялись отчаянно, у них было большое преимущество: хорошее вооружение и удобные, укрепленные пулемётные точки с отличным обзором для ведения боя. Одного они не знали, что их атакуют необстрелянные и наспех обученные бойцы – деревенские мужики.

В пылу боя Леонтий потерял из виду сотоварищей, только односельчанин Иван Бахарев держался рядом с ним. Они и ещё несколько бойцов, заскочив в деревню со стороны огородов, спешили, пролезли через разваленную изгородь, проползли по глубокому снегу и залегли возле бревенчатого сарая.

По всей деревне раздавались взрывы, пулемётные и автоматные очереди. Пули, казалось, летели со всех сторон, не давая поднять головы.

– Так, Иван, ты помнишь, как на охоту в за-
боку ходил? Или ты не охотник?

– Да охотник я. Я же тебе уже говорил, что охотник. И чё?

– Так вот лежи и слушай. Понял?

– Чего слушать-то?

– Чего-чего! Откуда пуль больше летит, а откуда меньше. Это и слушай. И вы, мужики, глядите, где нам фрица лучше отстрелить, – сказал быстро Леонтий, а сам подумал: «Надо же, попали по самые уши как кур в ошип. Что делать-то? Где эти наши командиры? Куда наступать-бежать? Куда стрелять?.. Вот как, как в полмыя бросили – и никого!»

Что предпринять, Леонтий не знал, а сдуру помирать большой охоты у него не было. Ждать надо, осмотреться. «Паша, Маша, Коля, Федя, Гена...» – как молитву, молвил он про себя.

Снег пошёл большими хлопьями, начинало смеркаться.

– Мужики, расползитесь хоть по сторонам-то чуток, кто-нибудь гляньте – в сарай можно залезть? И с того угла сарая посмотрите, чего там с той стороны делается. Может, пулемётчика или пушку приметите.

Леонтий уже сосредоточил своё внимание на чердаке дома, находящегося метрах в двадцати от них, откуда пулемётный расчёт немцев стрелял вначале в сторону сарая просто так, не видя их, а затем переместил размеренную стрельбу в улицу. Наверное, там залегли наши.

– Иван, видишь окно на чердаке?

– Вижу.

– Ты – лёжа, а я – с колена, стреляем на три. Бери в прицел чуть ниже и правей на локоть, я

возьму чуть выше и ещё правей. Потом ты сразу перезаряжай, бери чуть левей и ниже и сразу стреляй. Понял? На три. Раз, два, три.

Два выстрела слились в один, потом ещё вслед: бах, бах. Немецкий пулемёт смолк. Леонтий, согнувшись почти до земли, побежал от сарая к дому, на ходу достал лимонку, кинул её в окно дома и залёг за крыльцом. Рядом плюхнулся Иван. Взрыв лимонки вынес оконные рамы, в избе никто не вскрикнул, значит, там пусто.

А по улице уже бежали красноармейцы, впереди них, с немецким автоматом, майор Романовский. Леонтий с бойцами двинулись вдоль улицы по огородам, осматривая сараи, погреба и дома. В нескольких погребах прятались жители деревни, выгнанные из домов немцами. В одном из погребов обнаружили старика со старухой, женщину лет сорока и трёх ребятишек, закутанных в разные платки и лохмотья. Прятавшиеся при свете зажжённой лучины смотрели на солдат обречённым взглядом. Леонтию стало не по себе от их вида, колкие мурашки пробежали по спине. Он представил на месте этих ребят своих детей. Да так ясно представил, что ему стало зябко. «Ну нет! Этого не будет никогда!» – дал он себе клятву.

– Как вы тут? Никто не ранен?

– Да нет, милоч, раненых нема. Холодно зато только да боязно! Что ж вы их так далёко запустили-то?

– Ничего, мать, прогоним! Дайте только время обозлиться.

– Да вы уж их быстрее прогоните, что ли!

– Прогоним, прогоним, мать!

Стрельба не утихала, но показалось, что переместилось направление обстрела. Казалось, что прошла целая вечность.

На левом фланге начала стрелять наша пушка: это, видимо, взвод полковой батареи старшего лейтенанта Вачеева блокировал дорогу на Вдицко и вёл огонь по ещё уцелевшим немецким пулемётным точкам.

Через некоторое время в той стороне одна за другой умолкли три пулемётные точки фашистов. Это позволило нашим подразделениям к 16 часам, до темноты, полностью освободить деревню Ольховку. Во время отступления гитлеровцев по дороге на Вдицко артиллерийский расчёт Степанова продолжал стрелять картечью по отступающим и уничтожил ещё несколько гитлеровцев.

После почти семичасового боя немцы спешно покинули деревню под прикрытием насту-

пившей темноты и продолжающегося снегопада. В таких условиях преследование врага было бесполезным. Командир полка майор Романовский отдал приказ закрепиться в Ольховке, собрать трофеи, тела убитых и отправить раненых в тыл.

Один из домов в центре села был занят под штаб полка.

Поздно ночью майор Романовский собрал командиров взводов и эскадронов. Он выглядел больным. Все командиры тоже были очень уставшие, но в приподнятом настроении, ведь это их первая победа в бою.

– Поздравляю, товарищи командиры. Вы и бойцы хорошо поработали. Знаю, что было трудно. Ещё трудней будет. Немец – он теперь обозлился, что мы его в поля да леса загнали. Теперь ваша задача – собрать своих бойцов, раненых отправить в тыл, определить места сбора по тревоге, обеспечить связь и расставить караулы. Смена караула – каждые два часа. Исходя из результатов дневного боя проведите инструктаж взаимодействия бойцов по тактике ведения боя. Обеспечьте горячим обедом бойцов и население Ольховки и дайте отдых бойцам. – Оглядев присутствующих командиров, майор уже более бодрым голосом произнёс: – Молодцы вы, братцы, и красноармейцы молодцы. Первый бой выдержали достойно. Если нет вопросов, то все свободны. Поддержите добрым словом своих бойцов. Сбор здесь в шесть утра. Капитан Надирадзе, нужно установить связь с другими полками и штабом дивизии.

– Есть. Вам бы отдохнуть, товарищ майор! Плохо выглядишь, командир.

– Хорошо, часика два вздремну, потом разбуди. Пойду караулы проверю...

Справка

Георгий Александрович Надирадзе

Дата рождения: 1913 год.

В РККА с 1929 года.

Место рождения: Грузинская ССР, Ахалкалакский район, с. Килда. Доброволец. Капитан. До 07.02.1942 – замкомандира 236-го кавалерийского полка, с 07 по 09.02.1942 – и. д. командира 236-го кавалерийского полка.

После боя бойцы полка собрали свои первые трофеи: пять лошадей, повозки с фуражом и продовольствием. Были собраны тела убитых

немцев, более пятидесяти, и сложены в овражке за селом.

Погибших однополчан похоронили в ближайшей ложбине на краю села, но в другой стороне от немцев, молча почтили память. Это были первые потери тех, с кем ещё сегодня утром вместе завтракали, а днём бок о бок шли в атаку. Раненые были отправлены в тыл.

Ни среди погибших, ни среди раненых Леонтий с Иваном не нашли товарищей, только к утру отыскался Григорий Меньшиков. А Алексей Обидин и Яков Матвеев как пропали. Не объявились они ни на следующий день, ни в другие дни.

– Да, видимо, погибли наши друзья-однополчане Яков и Алексей.

– А может, в плен попали?

– А может, раненые лечатся теперь где-нибудь в медсанбате.

– Может, и так...

Не знали они тогда, что их сотоварищи А. Ф. Обидин и Я. Е. Матвеев погибли во время той первой авиабомбёжки в районе деревни Мясной Бор.

Справка

Алексей Фёдорович Обидин

Дата рождения: 1902 год.

Место рождения: Алтайский край, Змеиногогорский район.

Пропал без вести: 26.01.1942 в районе д. Мясной Бор.

Яков Ефимович Матвеев

Дата рождения: 1911 год.

Место рождения: Алтайский край, Змеиногогорский район, с/с Плосковский.

Пропал без вести: 26.01.1942 в районе д. Мясной Бор.

Ночь прошла спокойно; вымотанные за прошедший день бойцы, спавшие вповалку в нетопленных домах и сараях, утром просыпались с трудом. Огонь и костры жечь было запрещено. И никто из них не мог себе представить, что эту ночь те, кто останется в живых, до весны будут вспоминать как райскую. Больше такой спокойной ночи у них просто не будет...

Связь со штабом была налажена. Майор Романовский всю ночь ходил по Ольховке, проверял караулы, заходил в дома, где отдыхали солдаты. В некоторых домах были и хозяева, которые не эвакуировались перед приходом немцев, вчерашний бой переживали в погребах.

– Сынок, как же дальше-то жить будем? Неужели под немцем останемся, когда вы уйдёте? Ох, страшно-о-о!

– Нет, мать, не останетесь, мы их побьём всё равно.

– Да уж хоть бы. Деточек-то жалко...

В душе майора всё перевернулось, что-то больно кольнуло в груди и заныло под лопаткой, в голове запульсировало. Что он мог сказать этой старухе, этим деревенским тёткам и старикам? Он и сам не знал, что будет дальше. То, что Красная армия победит, это было ясно. Но когда это будет? Не знал про то майор Романовский. Враг силён.

Вдруг его голову сковала широким кольцом тягучая боль, в глазах на какое-то время потемнело, потом темнота отошла. Но что-то странное стало со зрением: перед ним стояли люди в разном цветовом изображении. Его заместитель капитан Надирадзе выглядел как обычно, а вот местные жители были как на чёрно-белом фото. «Что за наваждение?» – мелькнула мысль у майора. Он тряхнул головой, закрыв и открыв глаза. Голова кружилась, а перед ним стояли обычные люди. «Следствие контузии, наверное», – подумал он.

– Всё будет нормально, мать, – как-то не совсем уверенно сказал майор, выходя из дома. – Нор-маль-но... всё... будет...

Проходя мимо одного двора, майор увидел знакомого бойца, раздетого по пояс, обтирающегося снегом.

– Вроде Леонтий тебя зовут, боец? Не простынешь в такой мороз раздетым?

– Да нет, товарищ майор, я привыкший. Дома-то каждую субботу в баньку да в прорубь раз по несколько. И ничего.

– А где твои друзья-товарищи? Все живы? Что-то не видать.

– Да вот двоих пока нет. Ни в раненых, ни в убитых. Заплутали, может, где, вон какая метель вчера была. А может, и того хуже.

Из дома вышли два бойца и подошли к ним.

– Здравия желаем, товарищ майор.

– Здравствуйте, бойцы, кажется, Иван и Григорий. Вот смотри, капитан, про этих бойцов я тебе и говорил тогда в Барнауле. Сообразительные бойцы.

– Помню.

Вдруг в голове майора опять что-то щёлкнуло, на какой-то миг он увидел, что два бойца рядом с Леонтием выглядят как на чёрно-белом фото.

– Скоро в бой, держитесь вместе, бойцы.

Майор с капитаном вернулись в штабную избу. Вскоре собрались командиры взводов и эскадронов.

– Подведём итоги вчерашнего боя. Слушаю вас, товарищ капитан.

– Наши боевые трофеи 27 января 1942 года составили: пять лошадей, повозки с фуражом и продовольствием. В деревне собрано более пятидесяти тел немцев, за деревней, по дороге на Вдицко, полковой батареей уничтожено ещё около двадцати фашистов. Согласно спискам от командиров взводов, в бою отличился командир четвёртого эскадрона старший лейтенант Е. С. Заровный, он первым ворвался в деревню, был дважды ранен во время атаки, и только после третьего тяжёлого ранения его вынесли из боя. Лично он уничтожил две огневые точки и двенадцать фашистских солдат. Отправлен ночью в тыловую госпиталь. Красноармеец Строгов один из первых ворвался в деревню со станковым пулемётом и уничтожил до десяти солдат противника. Красноармеец Степанов, наводчик полковой батареи, – это он уничтожил около двадцати гитлеровцев на дороге на Вдицко. Также в бою отличились сержант Леонов, замполитрука Мартынов, красноармеец Бобков, старшина первого эскадрона Пометко, красноармеец Гуляев. Наши потери составили до начала боя, во время авиационной бомбардировки вчера утром, в общей сложности пятьдесят два человека: одиннадцать – ранено, тридцать два – убито, девять – пропало без вести. Во время боя в деревне Ольховка погибло двадцать шесть, ранено пятнадцать.

– Так, ясно. Потери большие. Но это война, враг сильный и хорошо обученный. Так что, товарищи командиры, постоянно ведите разъяснительную работу среди бойцов, подсказывайте и обучайте по возможности. Теперь о главном: нами получен приказ в течение двух дней провести глубокую разведку в направлении Ольховские Хутора – урочище Кривенский Мох – Сенная Кересть. Проводя разведку, смотрите своих не стреляйте: в районе Вдицко находится в наступлении 240-й полк, а в районе Новой Деревни – 241-й. До особого распоряжения наш полк закрепляется в Ольховке. Командирам взводов обеспечить караульную службу. Бойцам, находящимся на отдыхе, привести оружие в боевую готовность, отдохнуть, накормиться. По сведениям дивизионной разведки, немцы устроили укрепленные блиндажи и дзоты. Нужно разведать их

точное расположение, подходы к ним. В Ольховке решено расположить тыловые службы дивизии, стало быть, после разведки мы будем наступать. А вот куда – дождёмся приказа. И ещё раз напомним вам о необходимости вести с каждым бойцом личную беседу, инструктировать его, как ему действовать. Вопросы есть? Нет. Тогда все могут быть свободны.

РУЧЬИ. АПРАКСИН БОР

28 января 236-й кавалерийский полк получил приказ выдвинуться в наступление на деревню Ручьи. 30 января полк подошёл к окраине деревни, справа было село Крапивно, слева Червинская Лука, но овладеть Ручьями полк не смог. В этом районе немцами были созданы прочные укрепления. Дзоты вокруг деревень, пристрелянные артиллерией участки территории со стороны района Апраксин Бор задержали наступление полка.

Это было серьёзное боя за Ольховку. Как выяснилось после нескольких неудачных атак, днём вести наступление не представлялось возможным: почти полное отсутствие дорог, глубокий снег, покрывающий толстым слоем огромные территории, болота, неглубокие длинные балки и ложбины полностью парализовали кавалерию.

После полученного приказа спешиться конно-воды отвели лошадей в перелески. Спешенные кавалеристы предприняли атаку, но глубокий снег не давал возможности быстро атаковать. На открытом пространстве они стали отличной мишенью для немцев, засевших в дзотах. Артиллерия немцев размеренно обстреливала подходы к Ручьям. Перед немецкими позициями всё было изрыто снарядами и устлано трупами бойцов. Тяжело раненные, потеряв сознание, просто замерзали, легко раненные пытались ползти через эти трупы и погибали от пулемётных очередей из дзотов.

В дневных боях красноармейцы забирались в воронки и прятались за трупы. Леонтий с Григорием и Иваном завалились в ближайшую воронку. Пули свистели над головами, а влившиеся в мёрзлый грунт рядом с воронкой шипели, как ядовитые змеи, растапливая снег и лёд. Недалеко от их ненадёжного и маловатого для троих убежища лежали несколько мёртвых бойцов, иногда чуть пошевеливающихся от попадавших в них пуль.

– Хотя это и не по-нашему, но надо бы их поближе к воронке подтащить, бруствер защитный сделать. Да простят нас ребятки!

– Ты что, Леонтий, всерьёз это?

– Всерьёз-всерьёз, куда уж серьёзней. Им уже не помочь! Нету их, понятно? Нету! Нас ежели убьют, пусть другие так же сделают. Спрятавшись за них, мы хоть ещё повоюем, постреляем нескольких фрицев. А шальной пулей нас убьёт – каков толк от того? Мне тоже ребят жаль, но мы тут в бою все на равных под пулями! Так вот я мыслю. В Гражданскую мы так делали.

Стрельба прекратилась, как показалось, внезапно. Кое-где в отдалении, то справа, то слева, потявкали короткие очереди, но вскоре и они смолкли. Звонящая тишина накрыла колющим холодом. Мороз, который не чувствовался во время обстрела, стал предательски залезать под одежду, колоть лицо. Ветер нёс по полю снежную пыль, смешанную с землёй, поднятой снарядами.

– Судя по затишью – полдень: обед, наверное, у фрицев, – откашлявшись, произнёс Леонтий. – Пора нашу задумку исполнить, а то до темноты ещё далеко, а как начнёт немчура прицельно стрелять, то нам мало не покажется.

Над полем с левой стороны глухо неслась от воронки к воронке команда:

– Приказ командира. До темноты не атаковать, в ночь отойти на исходные позиции. Дальше по цепочке передать!

Григорий, лежавший на боку, тоже заорал в правую сторону:

– Приказ командира: до темноты не атаковать, в ночь на исходные позиции отползть. Дальше передать!

– Чего орёшь-то?

– По цепочке передаю!

– Вообще-то в приказе отойти сказано, а не отползть!

– Видишь ли, Леонтий, рифма такая получается: атаковать – отползть – передать!

– Твою мать!

– Это в приказ не вписывается!

– Ну вот, ожили в тишине, это хорошо. Похоже, у нас минут тридцать есть, чтоб укрепить воронку до следующего обстрела. Так что давайте поспешать. Я вылезаю, хватаюсь за тело, а вы меня быстро втаскиваете в воронку. Ясно?

– Ясно, ясно.

– Тогда начнём. Только быстро меня тащите.

Леонтий высунул шапку из воронки, подержал некоторое время. Тишина. Никто не стрелял. Тогда медленно, вжимаясь в снег, он выдвинулся

навстречу смерти, вытянув руки вперёд, пополз ужом, бороздя щекой колючий снег. Двадцать сантиметров, полметра, метр. Сердце колотилось так, что казалось, немцы в дзоте слышат этот стук. Руки уткнулись в мёртвое тело.

Зацепившись замёрзшими пальцами за одежду убитого, Леонтий прошептал:

– Прости, браток! Не по-нашему это, но так уж вышло. – А потом сказал чуть громче: – Тащите, мужики!

Тянули, казалось, медленно.

«Вот сейчас фрицы начнут стрелять... Вот сейчас!» – пульсировала мысль в голове. Но стрельбы не было. Снег забился под ватник, шапка снялась с головы и тащилась между рук. Вскоре Леонтия втянули в воронку. Труп лежал на краю, его лицо было повернуто к бойцам, заледеневшие глаза смотрели в упор.

– Закройте ему глаза-то! Да простит он нас за это, – сказал Леонтий, выгребая снег из-под ватника. – Надобно ещё одного подтащить, надёжней будет. Сейчас малость передохну, и повторим.

Со вторым убитым тоже прошло гладко.

– Документы, Гриша, надо бы забрать у ребят и медальоны... Ну вот, от пуль мы чуть схватились, а уж если снаряд упадёт – значит, судьба!

Полуденный мороз не отпускал, небо было затянуто серыми тучами. Лежать в тесной воронке, даже прижавшись друг к другу, становилось холодно. До наступления темноты было часа три. Эти часы могут стать последними для многих. Вдалеке послышался шум немецкого самолёта-разведчика.

«Сволочь! Сейчас рассмотрит всех нас сверху, а потом артиллерия накроет. И всё!» – подумали многие в тот момент.

После проведённой авиаразведки немецкая артиллерия начала размеренный обстрел. Несколько снарядов разорвалось неподалёку от их укрытия. Вот справа: бух-бух, потом слева и прямо чуть ли не у них в головах: бух. В ушах стучало глухо: бум-бум-бум. А тело убитого бойца скатилось им на головы... Примерно через час артиллерийская стрельба прекратилась так же неожиданно, как и началась.

Снежная и земляная пыль, перемешанная в морозном воздухе, провонявшем дымом, пороховой гарью и болотом, медленно опускалась на поле, а ледяная земля гудела и вибрировала, как от боли.

«Живы! Живы, опять живы!» С этой мыслью Леонтий пошевелил правой рукой, стряхнув землю, потрогал рядом лежащего Григория. И как будто издали услышал приглушённый голос:

– Чё ты меня лапаешь? Я ж тебе не девка. Живой я, живой!

– Фу ты, балабол.

Слева стал приподниматься Иван, тряся головой.

Леонтий придержал его:

– Иван, лежи! Не вставай. Ну слава богу, живы.

Придя в себя, они сообща вытолкнули тело убитого из воронки. Начало темнеть. Немцы короткими очередями постреливали из дзотов.

Под покровом ночи оставшиеся в живых ползком покидали поле боя, забирая у убитых винтовки и обоймы с патронами, тем самым пополняя свои скудные запасы: патронов бойцам выдавалось по одной-две обоймы, это десять патронов на одну винтовку!

Руки и ноги после многочасового лежания на морозе практически без движения отказывались выпрямляться и сгибаться.

Иван, Григорий и Леонтий, подталкивая друг друга, с трудом выбирались из своего укрытия. Только сейчас они ощутили настоящий холод, который пронизывал до самых костей. Стёганные штаны и фуфайка не спасали от мороза. Зубы стучали от холода и расслабления после нервного напряжения. «Ползти, ползти», – пульсировало в голове. Стыда оттого, что они отползают от немецких позиций, не было, было непонимание ситуации...

«ПОДСНЕЖНИКИ» И ДЗОТЫ

Отойдя на исходные позиции, до ближайших перелесков, куда не могла достать артиллерия немцев, уцелевшие бойцы полка, получив приказ командиров рассредоточиться и окопаться, разгруппировались по своим отделениям, взводам и эскадронам и стали готовиться к затяжному ожиданию то ли наступления, то ли обороны.

При сорокаградусном морозе о выкапывании щелей или окопов в земле не могло быть и речи, поэтому из воронок устраивали своеобразные землянки, накрывая их сосновыми ветками, сооружали шалаши, тоже из веток, засыпали сверху снегом.

Сложнее было спрятать лошадей.

В глубине рожи сделали несколько десятков укрытий. Полку был дан приказ: рассредоточить

ся небольшими группами по три – пять человек на расстоянии пятнадцати метров друг от друга, до утра полностью подготовить и замаскировать убежища, так как утром немецкие самолёты-разведчики обязательно будут изучать местность и определять квадраты для бомбёжки и обстрела.

Леонтий с товарищами Иваном и Григорием решили оборудовать укрытие в длинном овражке на окраине перелеска, максимально близко к деревьям, по всем правилам сибиряков-охотников. Работали молча. Выкопали в плотном, слежавшемся снегу под небольшим углом лаз-углубление до твёрдого дна овражка, установили плетёную еловую лесенку, расчистили вглубь в виде кувшина пещерку и устелили дно мелкими сосновыми ветками, более толстыми укрепили потолок, а снаружи еловыми ветками обозначили условный периметр своей «берлоги». В дальнем углу оставили место для разведения огня: воду вскипятить, погреться при случае. Под утро, съев по сухарю, голодные и уставшие, но согревшиеся от работы, прикрыв вход сплетённым из веток творилом, прижавшись друг к другу, они заснули.

Снаружи лютовал буран; морозный, колющий ветер заносил снегом тела погибших во вчерашнем бою, прикрывал ночные следы живых и места укрытий красноармейцев.

После окончания немцами артобстрела бойцы выползали из своих укрытий для ночного наступления. Командиры отделений собирали оставшихся в живых бойцов.

– Бойцы, перед нами поставлена задача: уничтожить противника в дзотах, прорвать его оборону и удержаться на занятых позициях. К нам на помощь идут две стрелковые дивизии. До их подхода будем удерживать занятые позиции. Задача ясна? Далее, бойцы, при продвижении необходимо проверять воронки и овражки, возможно, там могут быть раненые. В ночную атаку пойдём пешком. Всем проверить оружие, обмундирование, обувь. Выступаем через час.

В отделении Леонтия осталось семь человек вместе с сержантом.

– Ещё не воевали, а уже шестерых нет.

– Кто знает, что дальше будет.

– Бойцы, во время атаки держитесь в трёх-четырёх метрах друг от друга. Без особой необходимости не стрелять. Передвигаться перебежками, используя естественные укрытия: воронки, расщелины. Выйдя на позиции, оцениваете обстановку и ждёте моего приказа.

Шли молча, в голове ещё гудело от вчерашних взрывов. По ходу проверяли воронки, частично занесённые снегом. В некоторых в разных позах лежали бойцы, одни были убиты, другие, возможно, просто замёрзли, будучи тяжело ранеными или без сознания. Страха и жалости не было, была обида. Обида на то, что вот так может через минуту или час упасть и лежать любой из них.

«А фашист сидит в дзоте и ждёт свою мишень, – думал Леонтий. – И когда же они успели так быстро дзоты понастроить? Как узнали, что именно здесь надо строить, что здесь будут бои? Ну нет, я так просто не дамся! Паше и детям пообещал живым вернуться». Впереди на чёрном горизонте вырисовались шапки дзотов.

По цепочке пришла команда: «Бойцы, максимально приблизиться к рубежу противника. Залечь и подготовиться к атаке».

Где короткими перебежками, где ползком продвигались бойцы, защищённые ночной метелью. Леонтий чувствовал приглушённое дыхание Григория и Ивана справа и слева от себя. Как-то неожиданно шум и завывание метели разрезали пулемётные очереди слева из дзотов. Леонтий ткнулся в снег, стараясь глубже вмяться в него. Тут же началась стрельба по всей линии и перед ним прошипели пули, расплавляя снег.

Следующая очередь просвистела сзади, кто-то глухо простонал и умолк. «Пристреляли местность, сволочи. Ровно кладут. Ну нет, нас так просто не возьмёшь!» С этими мыслями Леонтий резко продвинулся вперёд на метр, буравя снег впереди себя, и свалился в воронку. Сзади, где он только что лежал, простучали пули, вспарывая мёрзлую землю.

Прикладом винтовки обстучав край воронки, Леонтий оборудовал себе позицию для стрельбы. Впереди, метрах в сорока, над снежным полем торчал дзот, из которого размеренно вёлся пулемётный обстрел. Периодически с немецкой стороны взлетали белые ракеты, освещая вспаханное взрывами поле и цепочки немецких дзотов, простреливающих свои сектора. Прямая атака была невозможна.

– Леонтий, ты здесь? Живой? – донёсся до него справа голос Григория Меньшикова.

– Живой! Ты как?

– Я тоже пока нормально. Вот жмёт немчура, совсем патронов не жалеет!

Ночные вылазки в наступление приносили мало пользы. Подползали максимально близко

к немецким позициям и лежали в ожидании появления случайного фашиста в поле выстрела и в бойнице дзота. Иногда предпринимались атаки, но немцы открывали пулемётный огонь, и приходилось с потерями отходить на позиции, недоступные обстрелу.

Нужна была артиллерия и поддержка авиации. Но ни того, ни другого не было.

Буран всё усиливался, засыпая лежащих красноармейцев. Немецкие дзоты скрывались из виду в снежной круговерти и потому ещё интенсивней стали вести обстрел.

Над воронкой, где находился Леонтий, возник заснеженный взводный Никонов:

– Живой? Не уснул, случаем?

– Живой.

– Приготовиться к атаке, самое время. Метель нам помощница. По сигналу ракеты – в атаку.

Взводный так же быстро исчез, как и появился.

Погладив винтовку и взяв её удобней, Леонтий изготовился к атаке.

Пулемётные очереди ложились дружно, размеренно взрывляя мёрзлую землю, разлетающуюся ледяными брызгами.

«Много же у них патронов заготовлено, строчат без остановки! А у нас тут по десятку на брата!» – думал Леонтий.

Справа донёсся голос Григория:

– Леонтий, сколько это у них патронов-то? Хоть передохнули бы, что ли!

– Про то же сейчас думал. Готовься, скоро сигнал подадут.

– Готов уже.

– Слышь, Леонтий, если что, ну, убьют меня, ты не бросай здесь, хорошо?

– Не дури, Гриша, прорвёмся. И мысли эти брось!

По сигналу ракеты бойцы цепочкой двинулись к дзотам. Те, кто встал в полный рост, были положены сразу. Те, кто выдерживал по несколько секунд после пулемётной очереди, сумели мелкими перебежками приблизиться к дзотам метров на тридцать. В ход пошли гранаты. Где-то справа, вдалеке, осветился от взрывов боеприпасов сначала один, а немного погодя и второй немецкий дзот.

Внезапно Леонтий ощутил кусающую и жгучую боль возле рёбер в левом боку и упал, боковым зрением увидев, как какой-то боец слева от него резко остановился и, словно ударив-

шись о невидимую преграду, медленно опустился на колени, уронил винтовку, уткнулся лицом в снег.

Жжение под мышкой растекалось тёплым и липким.

Леонтий пошевелил пальцами руки, потом слегка рукой. Всё работало. С облегчением подумал: «Значит, скользом прошло и нужно остановить кровь». Перевернувшись на спину, он расстегнул ватник, достал кисет с махоркой и положил его на рану, прижав рукой. В голове стучало и шумело.

Подполз Григорий:

– Леонтий, ранен? Куда? Давай перевяжу.

– Да уже. Махоркой перевязался!

Немцы перенесли пулемётный обстрел на ближайшие подступы к своим позициям. Немецкая артиллерия молчала, видимо, чтобы не попасть в свои укрепления, но атака прекратилась: был получен приказ снова отойти на исходные позиции, забирая раненых и оружие убитых.

Позже к Григорию присоединился Иван и они сопроводили Леонтия до полевого госпиталя, который располагался в перелеске недалеко от их «берлоги».

В госпитальной палатке было много раненых; одни громко кричали, кто-то стонал, а кто-то сидел молча, закусив от боли губы до крови.

Молоденькая медсестра обработала и перевязала рану, вернув окровавленный кисет:

– Вы правильно сделали, что вот так остановили кровотечение и обеззаразили рану. Я сразу и не додумалась бы до этого.

– Махра, дочка, давнее средство лечебное. У нас в Сибири все про то знают. Не раз выручала, даже зубную боль вмиг снимает. Ну спасибо тебе, дочка. Подлечила. Пойду я.

Пока Леонтий был на перевязке, Григорий с Иваном проводили своих лошадей и узнали новости прошедшего боя.

– Представляешь, Леонтий, молодой лейтенант Малахов, помнишь? Это он целых два дзота забросал гранатами.

– Не помню, но молодец лейтенант! Григорий, ты шлындаешь везде и всех знаешь. Как там кони? Седого-то видели?

– Нормально всё. Коневоды ухаживают, блудут службу справно. А седой твой так вообще красавчик! А ещё говорят, что нам на смену подходят две стрелковые бригады. Не обманул взводный. А мы, значит, почти в тыл отойдём на отдых и пополнение. Живы пока, слава богу!

– И когда ты, Гриша, всё успеваешь выведать? Прямо дар у тебя на новости.

– Планида у меня такая, Лёва. А лейтенанту, наверное, орден дадут, это точно, не меньше! Два дзота за раз завалить! А мы вот по амбразурам стреляли... А интересно, хоть одного фрица свалили? А? Как ты думаешь, Иван? Попал в кого-нибудь?

– Мож, и попал, почём я знаю? Стрелял вроде точненько в дырку.

– В дырку это ты в сортире стреляешь, а у дзота – амбразура! Усёк, Ваня?

– Григорий, ну ты и ботало, у меня прямо от смеха повязка сползает.

– Смех, Лёва, это хорошо! Раны быстро заживает. Всякие – и тельные, и душевные! А вот ещё, братцы, более всего заживает раны, всякие дела там – борщец с мясом да капустой! Может, сегодня-то покормят горячим, пятый день сухари жуём.

По морозному воздуху и впрямь растекался приятный запах от полевых кухонь...

Ночные наступления в течение недели (при сорокаградусном морозе, господстве немецкой авиации и практически без прикрытия нашей, полном отсутствии артиллерии и миномётов) не приносили успеха. Но кавалеристы в спешном строю наносили определённый урон противнику, хотя и сами несли большие потери. После ночных наступлений оставшихся в живых отводили на исходные позиции и там кормили.

Ряды бойцов полка после сегодняшнего боя ещё заметней поредели.

МАЙОР РОМАНОВСКИЙ

На второй день февраля на помощь конникам и для их смены стали подходить 58-я отдельная стрелковая бригада и 57-я отдельная бригада. А за ними двигалась 191-я стрелковая дивизия. На правый фланг этих соединений к Сенной Керести выходила 4-я гвардейская дивизия генерал-майора Андреева. Через горловину Мясного Бора в прорыв втягивались всё новые и новые части.

– Ну, что я говорил? Смена подошла. Отдельные стрелковые бригады, да ещё с лыжниками. А то мы на копытах – никак!

– Ну и добре. Теперь дело пойдёт.

– Конечно, пойдёт. Вон и майор наш говорил на построении, что мы выполнили большую задачу, вон какие просторы заняли и сдерживаем. Погибло, правда, много... А вы обратили внима-

ние? Как-то плохо майор выглядит. Измотался весь. Мы, правда, тоже не подарки, но он чего-то того, здорово сдал.

– Заботы много, вот и сдал. Весь спрос-то с него.

Днём бойцы повзводно около часа проходили политобучение, но в основном находились в своих ненадёжных укрытиях: от ветра и мороза немного спасало, а вот от случайного попадания бомбы с самолёта не спасло бы. В этом случае как бог указывал, туда и судьба поворачивала. Больше холода досаждал голод: продукты в полк поступали с большой задержкой. Выручал иногда постный бульон, приготовленный поварами из конины, да чай из хвои и коры. И чтобы отвлечь себя от нудного урчания в животе, разговаривали.

Леонтий уже почти поправился. Даже опять стал обтираться снегом по утрам. Григорий это быстро подметил, а долго молчать он не мог.

– Дюжий ты, Леонтий! Как на собаке всё быстро зажило. У нас в деревне тоже один дед, ему лет сто, наверное, никто не знает точно, а он не говорит, живёт бобылём на окраине. Всё травки собирает, отвары какие-то лечебные варит. Вся деревня к нему ходит за отварами этими при хворобах разных. Помню, один раз он шипом боярки веко под глазом разорвал, так дня через два ничего и не видать было. Чисто, даже шрама не осталось. Во дедок какой! На него даже собаки не лают, уважают. Так и у тебя мясо с руки и боку снесло, а глядишь, уже как и ничего. Чудно!

– Так к нему, поди, ещё и девки ходят?

– Вань, вот насчёт девок не скажу. Не знаю. А некоторые молодки, после сорока, одинокие вдовушки, заходят. Совета спросить, поговорить, наверное.

– А чё, моложе-то не могут найти? Мужиков, что ли, больше нет? Вот ты, например, чем не мужик?

– Понимаешь, Вань, у нас в деревне бабы дородные, дюже серьёзные собственницы. Если что не так, сразу в глаз или кочергой. Не допускают, понимаешь, нашего мужика к блуду. Сами ни-ни и нам не моги! Такая вот у нас идиллия в деревне. Бывали случаи, случались редко, так вся деревня собиралась концерт посмотреть, комедь сплошная. Часа на три хоро-вод.

– Не, у нас проще. Хотя тоже на показ не побежишь, а так бывает.

– Леонтий, а как у вас в деревне народ проживает?

– Да живут как все, как везде, наверное. Я вот тут вспомнил чего: мне сорок два года, а уже, считай, пятая война: Русско-японская, германская, Гражданская, Советско-финляндская и вот эта, опять с германцем. Вот сижу и думаю: в Русско-японскую немного мужиков воевало из деревни, человек двенадцать. Погибло трое. В германскую уже тридцать два убило, в том числе и брательника моего старшего, Савелия. А в Гражданскую человек сорок колчаковцы порубали – и молодых, и старых, в Советско-финляндскую убило четверых. Вот я и думаю: сколько в это раз нашего брата поляжет, скольких бабы не дождутся да сколько детишек сиротами станут? Вот и думаю. А ты, Гриша: бабы да девки!

– Да то не я, Леонтий, то жизнь говорит. Вот убьют нас тут, а жёнкам-то как жить одиноким да молодым без мужика? Вот и думаю тоже, что внесёт эта война коррективы жизни и в мою деревню. Бабы ж без мужика всё равно не смогут. Особо молоденькие, которые овдовеют. Чего им-то делать, коли мужиков им хватать не будет? Вот он и расклад жизненный.

– Тут ты прав, не спорю. А ещё я вот что думаю...

Наверху заскрипел снег, и творило из еловых веток отодвинулось.

– Здравия желаю, бойцы, спуститься к вам можно? – Это был голос хоть и охрипший, но узнаваемый, голос майора Романовского.

– Заходите, товарищ майор.

В углу «берлоги» тускло мерцала коптилка.

– Нормально обустроились. – И немного погодя, привыкнув к полумраку, узнал старых знакомых: – Это вы, братцы! Вот как мы с вами частенько встречаемся. Накурено у вас добре.

– Так теплее, товарищ майор. Покурите? – Григорий протянул командиру самокрутку. – Вот по кругу обогреваемся.

Майор затянулся и закашлялся:

– Что-то махра у вас крепкая...

– Так боец Гуляев её своей кровью смочил, чтоб крепче за душу хватала.

– Что, ранен?

– Скользом, товарищ майор. Всё нормально.

– Ага, скользом. Подмышку насквозь прошило, теперь подсвистывает.

– Да ладно тебе, Гриша, балаболить! Мы вот тут, товарищ майор, говорили с мужиками про войны эти бесконечные. Вот, к примеру,

в Русско-японскую у нас отцы и деды из деревни воевали, так потом долго вспоминали о бездарности и безграмотности царских полководцев, которые проявились во время военных действий. Наш сосед, отец моего друга детства, Илья Волков, тоже часто вспоминал о том, как они, молодые солдаты-сибиряки, были на маньчжурских полях брани практически безоружны. Как вместо винтовок и снарядов к орудиям им привозили иконы, а люди были беззащитным пушечным мясом... И на германской у нас в деревне много кто погиб, а многие калеками вернулись. Тоже говорили, что всё было плохо и с оружием, и с питанием. Вот и сейчас мы по десятку патронов имеем, про еду я уже и не говорю. Немец под Ленинградом и Москвой. Как он быстро добрался-то! Как-то не так опять получается, что ли?

– Прав ты, Леонтий. Во многом прав. Не всё предусмотрели, много дров наломали, доверившись некоторым да и заверениям гитлеровским. Но вот что, мужики. Время сегодня тяжёлое, лучше не затевайте эти разговоры, особенно с кем попало, всякое может быть. Народ у нас разный. Со мной можно. Про себя думайте, а вслух не надо! Всё образуется, армия и народ у нас сильные, выдюжим. Заводы военные заработали на полную мощь, так что скоро сломаем хребет фашисту. Обозлиться только надо. Ну да ладно. Хорошо с вами, прямо отдохнул, как дома побывал, дальше двину. Скоро снова в ночную атаку пойдём, отдыхайте пока. А вообще, братцы, обозлиться надо крепко на немчуру! Надеюсь, что ещё увидимся, братцы-славяне!

Майор ушёл, а мужики ещё некоторое время сидели в тишине, молча докуривая самокрутку.

За неделю ночных боёв, преодолевая с трудом многочисленные снежные заносы на своём пути, где спешенными, а где в конном строю, измотанный 236-й кавалерийский полк, страдающий от отсутствия боеприпасов, продуктов и фуража, находясь в полной оторванности от тылов где на пятьдесят, а где и на добрую сотню километров, наконец-то закрепился в селе Конечки. Там и пришла малоприятная новость: командир полка майор Романовский не выдержал нервного напряжения, сошёл с ума и был отправлен в тыл.

– Ну вот, я же говорил, что мне не нравится вид майора. Жалко, хороший мужик был, – почувствовал Леонтий, как узнал весть.

– Ну почему «был»? Подлежат, подправят. И опять в бой, – отвечали ему.

– Вряд ли. Хотя всё может быть в нашей жизни. Неисповедимы пути... Вот неделю назад мы думали: в тыл на отдых отойдём, а километров триста отмахали за это время. Сегодня, видимо, опять не сильно придётся отдохнуть. А командир у нас теперь капитан Надирадзе, тоже мужик вроде бы ничего, дельный. А то что молчаливый, так это и хорошо, значит, спокойно всё обдумывает, размеренно.

В ДЕРЕВНЕ. СЕМЬЯ

Во сне Прасковья увидела мужа, почему-то стоявшего посреди серого снежного поля, в расстёгнутой нараспашку фуфайке и с непокрытой головой, она даже почувствовала холод колючей метели, которая рвала одежду и сильно трепала его густые волнистые волосы. Леонтий стоял и смотрел, слегка прищурившись, прямо ей в глаза и улыбался. А на белой рубашке слева под распахнутой полкой фуфайки виднелось красно-коричневое пятно. Он был ранен и хотел ей что-то сказать, но не успел. Прасковья попыталась бежать к нему, но тупая боль под лопаткой, а может, ещё и грудной сухой кашель пятилетней дочки вернули Прасковью из тяжёлого сна в реальность.

Она села, приходя в себя, а сердце колотилось быстро и громко. Рядом на печи лежала укутанная в толстую шаль Маруська – так её с любовью звали старшие братья. Вторые сутки жар и кашель мучили девочку.

– А я ей говорил: «Не ходи со мной: холодрыга на улице – простынешь!» А она: «Пойду – и всё тут!» Увязалась – не утонишь! Ни к соседям, ни к дяде Архипу идти не захотела! «С тобой пойду» – и всё тут. Теперь вот заболела, – говорил Генка, самый младший из трёх сыновей.

Николай и Фёдор на колхозных работах были заняты да на учёбе трактористов в МТС, а всё домашнее хозяйство по мужской линии: дрова заготовить, снег отгрести, скотину накормить, воды натаскать, в хлеву прибрать и многое другое – лежало на плечах тринадцатилетнего Генки. За это старшие братья прозвали его Хозяиственником. Генке это прозвание нравилось. Хоть и тяжело, но зато Хозяиственник!

Зима выдалась морозная и снежная, заготовленные дрова таяли на глазах. Вот и приходилось Генке почти каждый день ходить с санками в забoku, за реку, по дрова. Много за один раз не на-

берёшь, а тут ещё Маруська за ним увязалась прицепом. На ту сторону реки они перебрались весело: Маруська, сидя на санках, которые Генка и две его любимые дворняги лихо тянули по скользкому льду, была довольна и заливисто хохотала, да и ясная, хоть и морозная, но солнечная погода располагала к подъёму жизненных сил. «Ладно, шут с ней, пускай прокатится! Чуть меньше валежника наберу сегодня! А куда её девать, дома-то никого. Одной тоже страшно, наверное! Можно было бы к дяде Архипу её спроводить, но он в кузне на работе, и Петька тоже с ним, и бабка Миланья куда-то убежала, как назло. Да и сама она в рёв: «Не пойду!..» Ну да ничего, один раз возьму с собой, пускай сопли поморозит немного, в другой раз не захочет. Да и погодка сегодня хорошая, солнечная», – думал Генка, таща санки и стараясь не смотреть на реку, покрытую толстым слоем льда.

Чернота под ногами каждый раз, как он от-
правлялся за дровами, навевала дурные мысли. Не любил он смотреть на эту реку через лёд. Другое дело летом! Ему всегда казалось, что подо льдом кто-то есть, большой и нехороший. Он всегда глядит снизу, а летом такого ощущения никогда не бывало. Летом проще: волны будоражатся или так, мелкой рябью. Там всё понятно, а подо льдом никогда не знаешь, что будет и что там внизу, в черноте.

За рекой было убрдно: зима насыпала снега порядком, деревья и кустарники не давали воли ветрам выдувать снега, а январские и февральские морозы добротнo уплотнили его. И пока Генка выкорчёвывал из глубоких сугробов сухостойные ветки и рубил топором их в размер, Маруська вскарабкивалась по плотному насту на горку и кубарем с визгом скатывалась вниз к реке. «Пускай, пускай катается. Умается малость, тогда меньше и хныкать будет!» – размышлял Хозяиственник.

Уложив на санки дрова и перевязав их бечевой, Генка направился к месту, где каталась сестрёнка. Но её было не только не видно, но и не слышно. И лишь из сугроба под горкой торчала шубейка и едва слышался негромкий плач.

Маруська почти полностью лежала в снежной расщелине вниз головой, пытаясь вылезти. Спустившись к ней, Генка быстро вытащил её из снежного плена, уже замолчавшую и глядевшую на него чёрными глазами из-под ресниц, покрывшихся большими крупинками льда, как бы с укоризной: «Где ты был?»

– Взял тебя на свою голову! Сидела бы на печке! Нет, «я с тобой... дома одна не буду...» – выругался он.

Она была вся в снегу, одна рукавичка потеряна, снег пришлось вытряхивать из-под одежды. Перевязав эту куклу заново шалью и отдав свои рукавицы, Генка усадил её на сани поверх дров. Короткий зимний день перевалил в сторону вечера, и обратная дорога оказалась намного трудней: мороз крепчал, а февральский ветер пронизывал насквозь...

Прасковья промокнула пот со лба дочки, чуть раскрыла её руки и ноги. На печи было ещё тепло, хотя снизу от пола уже поднималась прохлада. Сыновья спали на топчане, укрытые поверх одеяла отцовским тулупом.

«Совсем уже большие выросли, – подумала Прасковья, глядя на сыновей, освещаемых скудным светом зимней луны через замёрзшее окошко. – Колька всё на фронт рвётся, который раз уже в военкомат ходил. В мае восемнадцать будет. Ведь уйдёт на фронт, окаанный. Да и не удержать его, вон какой дылда вымахал. Самостоятельный больно. Федька-то с Генкой, слава богу, ещё малые. Они, поди, на войну-то уже и не попадут, а может, она скоро и закончится. Да, достаётся Генке по дому работы. Он хоть и младше на два года Федьки, но уже одного роста с ним, а всё равно – малой ещё, но жилистый и упрямый, прямо как Леонтий... Как он там, сердешный? Что же это за сон-то такой приснился? Никак ранен, родимый. А вдруг... Нет-нет, он говорил, что вертается. А если сказал, значит, так и будет. Спаси-помилуй его, Господи!»

Прасковья тихонечко, чтобы никого из детей не потревожить, спустилась с печи. «Надо чуть подтопить, дочке молока с мёдом навести и попить, да и завтрак уже пора готовить: скоро ребятки вставать будут».

– Мам, как там Маруська? В жаре? – Генка всегда просыпался раньше старших братьев.

– Да ничего! Спи, ещё рано вставать-то.

– А ты чего так рано?

– Печь затоплю да молока ей согрею.

– Сейчас, мам, я приду и сам печку затоплю. – Поднявшись, он быстро сунул ноги в пижамы, накинул телогрейку и выскочил в сени.

«Генка-Генка, сердечный ты мой! Что бы я без тебя делала-то? Хорошие всё-таки у нас с Леонтием дети, душевные и работающие!» – радовалась мать.

Под тулупом зашевелился и Фёдор:

– Чё, уже пора вставать, что ли?

– Поспи, пока завтрак сготовлю.

Из сенок вошёл Генка, заноса с собой в избу холод.

– Двери-то скорей затворяй, не выстуживай.

– Во, зараза, морозяка на улице жмёт! Аж колени окоченели.

– Чё раздетый-то шмыгаешь? Мало мне Маруськи простылой!

– Я не она. Не простыну!

Из-под тулупа высунулась немного заспанная, но улыбающаяся голова Федьки:

– Напустил в дом холода, а нам вставать! Давай, Хозяйственник, затопляй печку! Пимы-то опять мои надел?.. Разрешаю. Походи, пока я не встал, погрей их.

– Ничего, и погрею!

– Ген, смотри-ка, а вояка-то наш, Николай, даже не пошевелился! Вот у кого сон богатырский. Это мы с тобой маленькие ростом, потому и спим меньше. А он дрыхнет себе и хоть бы хны!

– Ага, с тобой как раз задрыхнешь и выспишься! Вечером всё бу-бу-бу и утром с самого ранья тоже! – взрослым басом ответил проснувшийся Николай.

На печи зашлась сильным кашлем и заплакала Маруся.

Прасковья стала успокаивать дочь, Генка молча начал растапливать печь. С постели уже вставали старшие братья.

Было обычное утро начинающегося обычного зимнего дня в сибирской деревне.

А где-то далеко шла война, отголоски которой долетали и до Сибири в виде похоронок и редких писем-треугольников.

ВОРОШИЛОВ

Под сводом снежной «берлоги» повисло гнетущее молчание. Три крестьянина, волей судьбы ставшие солдатами, расположившись на лежаках, устроенных ими из тощих сосновых веток по ледяному насту, думали о чём-то своём. Слабое пламя коптилки колебалось, как лучик надежды, а снаружи гудела февральская метель. Леонтий закрыл глаза. И далеко-далеко в темноте показались ему силуэты жены и детей. Одна рука Паши лежала на груди, а другой она прижимала к себе дочурку, а за её спиной стояли три сына. Такими он их и запомнил, уезжая на фронт. Пол-

года прошло, а будто годы минули. Но он ясно помнил то последнее утро, когда они сидели все за столом молча, не зная, что их ждёт дальше. Маруська, маленький смеющийся комочек, запомнилась ему больше сыновей, и эта память приятной негой растекалась по уставшему телу.

– Да! – раздвинул густую тишину голос Ивана. – Но всё равно жаль майора! Душевный был мужик. Вот так и гинут не за понюх табака. Неужто и мы поляжем так же, вон ребят-то сколько уже погибло.

Видения исчезли, и Леонтий с сожалением открыл глаза:

– Ну вроде бы закемарил чуток, а тут ты со своими причетами, Иван. Чего в душу себе страхи нагоняешь? Прорвёмся, коли поменьше плакаться будем. Так я, Гриша, говорю?

– Так-то оно так. А вот скажи-ка мне, Леонтий, как это так выходит? Неделю назад через тебя пуля прошла, мы ещё табачок с твоей кровью не искурили, а ты уже опять как огурец-молодец! Заговорённый, что ли?

– Заговорённый, заговорённый. Ладно, хоть вас не задело.

– Тут ты прав на все сто! Я как вспомню ту ночь, так душа в пятках щекочет. А ты молодец, не пикнул ни разу, я уж тогда за тебя знаешь как перепугался? Мне тут бабка наша деревенская как-то приснилась, колдунья она у нас, ну, все так её называют. И аккуратно ведь она перед твоим ранением приснилась. Так она мне и сказала, чтобы я тебя держался. «Пока, – говорит, – он с тобой, ты живой будешь». Ага, так и сказала. Во сне это было. Вроде бы с четверга на пятницу этот сон. А с четверга на пятницу сны всегда сбываются – это мне ещё моя бабушка говорила!

– А она тебе ничего про твой язык не говорила?

– Не, ничего такого. Только вспоминала, что я лет до шести вообще не разговаривал. Ну а потом как прорвало – и понеслось!

– То-то и видно, что прорвало! – засмеялся Леонтий. – Легко тебе, наверное, с разговорами. Ну и ладно, ну и говори, коль прорвало!

– Ты вот, Леонтий, всё смеёшься, а я представил себе, что столько лет молчал, так даже самому страшно стало. Как это так?! Всё видеть, а сказать ни-ни. Жуть!

– Да уж! У тебя в родне, наверное, все такие разговорчивые, – проворчал Иван.

– Я вот и говорю, что тёмный ты человек, Ваня. Все не могут быть такими, как я, иначе знаешь

какой шум на Земле был бы? Вот смотри, я говорю, Леонтий улыбается и говорит подумавши, а ты всё ворчливо и с недоверием воспринимаешь. Вот и получается среди нас идиллия. А если ещё в нашей компании был бы один как я, тогда всё – хана компании. Вот молчуна бы одного маломальского можно было бы. Для противовеса.

Немного помолчав, сделав паузу, как бы взвешивая наступившую тишину, Григорий выдал новость:

– А вы знаете, что к нам сам Ворошилов приехал? Мужики говорят, значит, наступление скоро будет.

– Когда ты всё успеваешь прознать, Григорий? Прямо разведка! Надо капитану посоветовать, чтобы тебя в разведчики определил. Вроде бы никуда не ходишь, а всё знаешь.

– А насчёт разведки – это не, не получится. Я же долго молчать не могу. А в разведке – там тихо надо, молча. Не, не пройду, это точно! А то кто же тогда вам пайку с кухни принесёт? Не подумал? На кухне, Леонтий, самые что ни на есть первые новости и узнать можно. В Дубовике, говорят, он, Ворошилов. Может, и к нам наведается, тут всего-то ничего, вёрст десять – пятнадцать.

– Ага, приедет, чтобы с тобой поговорить перед боем. Погибать чтоб нам легче было.

– Вот я про то и говорю, что тёмный ты человек, Иван, ну прямо как поддувало в печи. Всё в чёрном цвете у тебя! Вон Леонтий сказал: «Выдюжим!» Значит, выдюжим.

– Будешь тут тёмным. Смотри, скольких уже потеряли. А то ли охота помирать-то? Жизни ещё не видели. Вон с Алексеем и Яковым сколько месяцев вместе коротали, а вот их уже и нет! Сгибли сразу. И другие из взвода полегли, больше половины уже нет.

– Ну, завёл волну. Я же говорю, молчуна нам для комплекта надо. Он бы тебя, Иван, молча слушал и в такт тебе: «Угу-угу!» А может, филина нам в лесу выловить, а, Леонтий? И будет он тут Ивану угукать!

Леонтий встал, поправил фуфайку, затянул ремнём:

– Пойду до командира схожу. Узнаю, что к чему.

Он выбрался в морозный и вьюжный вечер. Судя по скверной погоде, никаких наступательных действий не предвиделось. Жёсткий и колючий ветер, пронизывая насквозь, бил в лицо крупными и острыми льдинками, которые, тая, оставляли на губах неприятный болотный привкус. «Гиблые места, сказали бы у нас в Сибири.

И воздух здесь тяжёлый. Одно слово – болото. Летом-то как они здесь живут? Комарья, поди, полно и гнуса разного», – подумал Леонтий.

Вскоре, преодолев снежные заносы и сильные порывы ветра, он добрёл до командирской землянки. Назвавшись и сообщив часовому, что он пришёл к капитану Надирадзе, Леонтий вошёл внутрь. Тут было теплее и намного просторней, чем в их «берлоге», здесь располагались все взводные. Посреди теплилась буржуйка, возле неё стоял стол, сооружённый из тонких берёзовых стволов, вдоль стен располагалось несколько топчанов с отдыхающими командирами. Капитан Надирадзе сидел за столом, смотрел на карту и курил трубку.

Повернув немного голову в сторону вошедшего Леонтия, он устало спросил:

– Что, дара-гой? Пра-ходи. Садись. Вот как... с майором-то. Ну, ни-че-го. Прорвёмся! А? Солдат?

– Чего же не прорвёмся? Конечно, прорвёмся! Не впервой... А майор? Как он?

– Увезли, да-ра-гой, майора. Успели. Подлежат. Ты охрану-то оставил?.. Я вот, видишь, здесь дежурю. Па-ни-ма-ешь, Ленинград рядом! Я там никогда не был. Дядя мой был. А я – нет. Ленинград! Тбилиси – это да, мой город. Но Ленинград... Он – наш!

– Я тоже не был. Я из деревни. Далеко в Сибири это. Я в Барнауле-то был раз десять, ну, может, чуть больше.

– Ничего, солдат. Прорвём окружение и пагоным фры-ца до само-го Берлина! И в Ленинграде па-бываем.

– Я, товарищ капитан, зашёл про майора узнать. Узнал. Да коня хотел своего, Седого, дойти глянуть...

– Схо-ды, солдат, па-смотри друга!

Леонтий направился к выходу. В этот момент дверь отворилась и вместе с клубами мороза в землянку стали заходить генералы, среди которых был сам Климент Ефремович Ворошилов. Леонтий невольно отступил в сторону и замер от неожиданности. Капитан Надирадзе, видимо, тоже не ожидавший такого визита, выронил трубку и быстро встал из-за стола; накинутый на его плечи полушубок упал на пол.

Ворошилов прошёл к столу, снял папаху, сел и, посмотрев на капитана, сказал:

– Ну что, капитан, чаем угостишь?

Один из командиров, прибывших с маршалом, движением головы указывал Леонтию на дверь, давая понять, что тому нужно быстренько покинуть блиндаж. Этот жест не остался незаме-

ченным Ворошиловым и присутствие красноармейца тоже.

– Чего это ты там головой дёргаешь? Контузило, что ли? – пошутил Ворошилов. – Садись, капитан. И вы рассаживайтесь, – предложил он прибывшим с ним, – чего столбами-то стоять? А ты, боец, похоже, конник? Фамилия?

Спавшие в блиндаже взводные и полковые стали просыпаться и спросонья не сразу соображали, что тут происходит и кто перед ними.

– Рядовой красноармеец 236-го кавалерийского полка 87-й кавалерийской дивизии Гуляев.

– А вторая рука где?

– Под фуфайкой она, товарищ маршал. Ранение небольшое было.

– Сильно небольшое?

– Да так, навывлет.

– А что не в госпитале?

– Да я кисет с махоркой к ране приложил, потом сестричка обработала. Всё уже почти и зажило.

– Какой такой кисет с махоркой?

– Да обыкновенный, товарищ маршал. Кисет с махоркой.

– Ну-ка, ну-ка! Присядь-ка рядом да расскажи.

– Да дело-то обычное. Бой был. Уж больно быстро фрицы дзоты понаделали. Мы вечера три их атаквали. На третий день меня и зацепило. Ну, я кисетом рану придавил.

– Помогло?

– Помогло. Это верное средство. В забое, бывало, лес рубишь, поранишься случаем, так махрой залепишь – быстро заживает.

– Ну да? А немец-то – он сильно бьёт?

– Пристреляно у него хорошо. Каждый метр. Его бы артиллерией прищучить, нам бы проще было. На конях мы его не свалим, нет, не свалим, снег убродный.

– Ну да. Ну да. Артиллерией... Ну ладно, боец, спасибо! Иди, а мы тут поглядим насчёт артиллерии.

Леонтий встал, откозырял по всем правилам и быстрым шагом вышел из блиндажа. Уже на улице он почувствовал, как сильно вспотела его спина, и всё произошедшее было в каком-то тумане. «Чего сказал? Как сказал и зачем? Про махру, про артиллерию! Они, генералы, лучше знают, а я тут со своим шкворнем», – сокрушался он на ходу.

К Седому идти по ночному морозу Леонтию уже расхотелось, и он, сам не зная почему, пошёл к полевому санпункту.

МЕДСЕСТРИЧКА ТАНЯ

— Ой, вы на перевязку, наверное? Я сейчас, только руки оботру.

— Да нет, дочка! Я просто мимо шёл...

— Давайте я посмотрю и перевяжу вашу рану. А у нас пока перерыв, операций нет, а раненых много. Слава богу, не сильно. Вот вчера прямо один за одним весь день, и всё тяжёлые. Жалко, такие дядечки, как мой папа или братик старший, а уже без рук и ног!

— Да ты, дочка, не переживай так-то. Война — она так: кому сразу, а кому ещё и пожить долго! Зовут-то как?

— Таня.

— Вот, Танечка-Танюша! Я тут просто мимо шёл. А ранение моё уже махорочкой полечено да твоими стараниями и зажило! Лёгкая у тебя рука, дочка!

— А давайте я вам новую перевязку сделаю. Всё лучше будет!

Он сел на угол топчана и освободил рану. Лёгкие и проворные руки медсестры аккуратно снимали бинты, а Леонтий, чувствуя это, окунулся в свои мысли. И мысли его были далеко отсюда: он был там, у себя дома. И эта война сегодня ночью, в эту минуту, несколько его не тревожила. Его тревожило то, что Паша, такая хрупкая и маленькая жёнушка, сейчас там одна с детьми. И только сейчас, успокоенный перевязкой этими нежными, почти детскими ручками маленькой санитарочки Тани, он понял, что главное-то в его жизни была она, Паша! Та, которую он и полюбил когда-то давно за её спокойствие и молчание. Она, наверное, любила его, дурака, с его неуёмной гордыней, и рожала ему детей так же молча и с любовью! А сейчас вот он здесь, далеко. И немчура вокруг. А его семья — далеко. Трудно ей с четырьмя-то, хотя сыновья уже совсем большие и самостоятельные, а всё равно ноет под рёбрами-то. «Но ничего, я вернусь, чего бы мне это ни стоило! Нельзя погибать, нельзя. Вот и Ворошилов приехал, видимо, неспроста, наверное, на днях будет что-то серьёзное. Глупо, конечно, умереть в сугробе, а потом весной уйти в болото. Немец-то, сволочь, укрепился, успел когда-то...» — думал про себя Леонтий, а вслух произнёс:

— Нет-нет, нельзя мне.

— Чего вам нельзя, дядичко? — перебила его мысли санитарка.

— Мне? Да это я про себя. Задумался, дочка. Прямо уснула ты меня. Так вот подумал, первый бой у меня был в Ольховке, там и мы нем-

цев видели, и они нас. А пули, как осы, роем летали. А вот ни одна не задела. А тут шальная какая-то — и прямо под мышку. Чудно!

— Ольховка? Это деревня такая была, да?

— Почему была? Она есть.

— Да тут на днях к нам двоих раненых привезли, один-то сильно раненный, а второй поменьше. Я их перевязывала, а они как раз про эту деревню говорили. Немцы, говорят, там всех жителей поубивали. И детей, и всех.

От этих слов мурашки холодком побежали по его спине, а волосы на голове стали шевелиться, во рту внезапно пересохло.

— Где они? — прохрипел он, сам не узнав своего голоса.

— Кто? Чё с вами, дядичко?

Первые мысли, которые пронеслись у Леонтия: «Как так? Немцы всех в деревне убили? И стариков, и детей, что ли? Суки! Сволочи! Как так? Что они, совсем не люди?» Потом, глядя на испуганное лицо девчонки-санитарки, которая смотрела на него округлёнными глазами, он взял себя в руки, но в голове всё равно стучал молоточек: «А если эти двое вдруг Яков и Алексей? Вдруг живы?!»

— Солдаты, эти двое, где? — Леонтий, увидев испуганное лицо Тани, уже спокойнее добавил: — Дочка, где эти солдаты? Проводи меня к ним... Пожалуйста, Танечка-Танюша!

— Так я провожу. Только спят они, наверное, уже.

— Проводи, посмотреть надо на них! — уже более спокойным голосом произнёс Леонтий. — Понимаешь, мы под Ольховкой двоих однополчан-земляков потеряли. А вдруг они это? Я только гляну на них — и всё. А перевязываешь ты умело, у меня прямо всё уже и зажило! Будет из тебя хороший врач.

— Скажете тоже. А рана-то ваша и вправду почти полностью зажила. Я перевязку закончила. Дня через два можете и бинты снять. Можно к нам прийти, нам бинты нужны, мы их прокипятим, и другим они ещё пригодятся. Пойдёмте уж, поглядите, может, и вправду ваши друзья-товарищи. Тут недалеко, вон в том околке их палатка...

Зайдя в санитарную палатку, Таня подвела Леонтия к лежакам, где лежали двое раненых.

При скудном свете нескольких коптилок было трудно разглядеть их лица. Леонтий наклонился, чтобы лучше рассмотреть одного из них.

— Чего уставился? Доктор, что ли? — неожиданно спросил раненый.

– Да нет. Не доктор. Думал, что вы мои земляки-однополчане. Потерял я их недалеко от деревни Ольховки. В конце января мы там наступали и немцев оттуда выбили. А их вот потерял. Думал, а вдруг вы – это они! И санитарочка сказала, что вы оттуда, что были там.

– Тебя как зовут-то, друг? По слову слышу – нашеньский, из Сибири.

– Леонтий я. Из-под Барнаула.

– А я Никола, из Бийска. Там интенданты были, это, получается, после вас уже. Потом деревню фрицы заняли. Мы их неделю атаковали, потом и выкурили. А когда зашли... Я всякое видел, но такого – ни разу! Сволочи, они всех деревенских, всех до одного убили. Представь: дети там штыками порублены, а старухи и старики с разбитыми головами. Я этих фрицев теперь голыми руками душить буду, ни одного не пожалею!

Леонтий слушал, а в его сознании всплыли воспоминания того дня после освобождения Ольховки. Они с бойцами шли огородами, осматривали сараи, погреба и дома. В нескольких погребах были жители деревни, выгнанные из домов немцами. От вида сельчан, находящихся в одном из погребов, Леонтию тогда стало не по себе. От этого воспоминания он и сейчас чувствовал холод. А тогда он представил на месте этих ребят своих детей.

Леонтий молча встал и вышел из палатки. Всё у него внутри бушевало: «Да что же это такое? Как? Как такое можно?» Кулаки сжались, впиваясь ногтями в ладони, мороза и ветра он не чувствовал, чувствовал боль в груди от неисполнения данного слова тем людям в деревне, той бабке и женщине с тремя детьми, которых уже нет! Страшно! Страшно и больно!

Как в тумане он дошёл до своей «берлоги» и спустился внутрь.

– Ну ты, Леонтий, как в молодости: ушёл на пять минут, а два часа нагулял! Или огулял кого?

– Ты, Гриша, можешь помолчать? Что ли, совсем не спишь?

– Сейчас он только храпел, аж ледок с потолка сыпался. – Иван тоже не спал.

– Чего-то ты мурной какой-то, Леонтий?

– Хмурной? Я не просто хмурной, я вообще злой как собака!

– Ну-ну, понял, понял! Молчу.

Леонтий сел на свой лежак, молча достал кiset и ещё слегка дрожащими пальцами стал скручивать большую козью ножку.

Григорий вправду замолчал, притих и Иван. Они оба знали, что Леонтий так просто не будет

зол. Значит, что-то произошло. А расспрашивать его сразу было бесполезно. В «берложке» наступила тишина.

Дым самосада был более приятен, чем запах гнилой болотной воды, протекающей под небольшим клозетным отверстием из соседней конурки, сооружённой рядом с их жилищем. Конурка та была отделена небольшим проёмом и завешена лоскутом, оставшимся от полы шинели, прихваченной после боя запасливым Григорием. Иван лежал, как всегда, молча, он никогда не встречал в разговоры первым. Привычка.

Григорий не мог долго терпеть тишины и молчания:

– Дай зобнуть-то хоть разок, Леонтий. Уж больно дымок самосада вкусно пахнет.

– На.

– Ну вот. Это уже по-нашему. А то сидит себе и смолит в одиночку, как куркуль! Добрый табачок! Вань, будешь?

– Немцы после нас Ольховку заняли. Потом наши их выбили опять оттуда. Но немчура, сволочи, всех, понимаешь, Гриша, всех убили! И тех ребятишек троих с матерью, и бабку с дедом! Всех. Всю деревню под корень! А ведь я им обещал, что мы их не дадим в обиду.

– Ё... – только и смог выговорить Григорий, а Иван сел.

Тишина перемешалась с дымом самосада. Говорить больше никто не хотел. Да и что можно было сказать? Леонтий устало прислонился плечом к стенке своей ниши, глаза сами собой закрылись, а мысли закрутились вихрем и полетели далеко, расталкивая сумбурные наслоения последних дней. Мысли несли его домой, на родину.

В ДЕРЕВНЕ. ВЕСНА 1942-го

День заметно прибавился. Почти уже весеннее солнце, несмотря на стойкий мороз, в полуденные часы понемногу старалось растопить огромные сугробы, но за короткое время ему удавалось лишь слегка приплюснуть их верхушки, образуя ледяную корочку. И всё же весеннее настроение уже чувствовалось во всём. Воробьи, прятаясь от холодной зимы в сараях, небольшими стайками уверенно рассаживались на крыше, деревьях, штакетнике, дружно и заливно чирикали, радуясь заканчивающейся зиме. И ветер, дующий с реки, был вроде бы уже и не таким злым и колючим.

Старый лохматый кот по прозвищу Пушок, всю зиму лежавший возле трубы на печи, утрами

сползал вниз, потягиваясь и скрипуче урча. Он лениво, но с присущим ему достоинством и независимостью подходил к миске с молоком, косясь на хозяев, как бы говоря: «Раньше мне на печку молоко подавали...», начинал неторопливо лакать. Потом долго потягивался в лучах солнца, падающих на пол сквозь оконное стекло, затем, степенно дойдя до лаза, скрывался в подполе, а через некоторое время появлялся на улице. И медленно крался к ограде, на которой грелись на весеннем солнце и чистили пёрышки воробьи. Он готовился к охоте.

Это был верный признак того, что зима отступает. С каждым утренним лучом солнца становилось яснее видно скорое приближение весны и уход надоевшей своими ветрами и морозами зимы.

Сыновья уже ушли на работу; Прасковья, убрав за ними со стола, накрыла крынку молока и ещё тёплые лепёшки полотенцем, одевшись, поправила одеяло у спящей дочки и пошла к старенькой соседке с просьбой о пригляде за дочкой.

– Пригляжу, чего же не приглядеть-то, чай не впервой. От Левонтия-то есть весточка какая-нибудь?

– Да нет. Никакой весточки!

– Ой-ё-ё, горемычные они, наши мужики-то. То там Гражданская война, будь она неладна, то опять с немцем! Сколько теперь не дожждёмся мужиков-то? Ныне поболее, наверно! Ну, ты иди, иди себе, не слушай меня-то, старую, причеты-то мои. Пригляжу я за Машей твоей. Вот сейчас оденусь, полешек чуток подброшу да и к вам пойду. Посижу, пока дитяtko спит. Иди, не переживай, управлюсь, не впервой.

– Там молоко и лепёшки на столе.

– Да иди с богом.

Прасковья спешным шагом направилась на ферму.

Солнце только что первыми и слабыми лучами начинало выбираться из-за деревьев за рекой, а деревня уже проснулась. По дороге Прасковью догнали ещё несколько доярок.

Старый бригадир Быстров стоял у ворот коровника, постукивая бичом по валенку, а второй рукой поправлял и подкручивал свои будённовские усы. Сколько лет деду Илье, никто и не знал. Говорили, что он с самим Сталиным с одного года и почти двадцать лет служил в царской армии, а потом вроде бы у белых был, а после и в кавалерии у Будённого. И усы у него были пря-

мо будённовские. Меж собой деревенские почему-то прозвали его Колчаком. Может быть, за его строгость: не любил он разгильдяйского и ленивого отношения к работе, строго пресекал всякие нарушения и непорядки.

– Долго спите, бабоньки, солнце уже встало, коровки вас заждались. А они, глянь-ка на них, не торопятся! Больно спать охочи! Так я вас вот бичом-то быстрёхонько отучу!

– Ишь ты, бичом нас пугать! Не зря тебя, Илья Афанасьевич, Колчаком прозвали! – кто-то ответил ему из доярок.

– Вот я вам за слова-то такие всем сейчас всыплю!

– Да ладно, будет тебе, дядя Илья! Не обижайся на глупости наши бабские!

– Глупости?! Глупости – они от безделья бывают. Темновато ещё, не увидал, кто это там эти глупости пустозвонит. Всыпал бы по самое не горюй! Я у самого Будённого служил, он лично мне вот эту руку жал, благодарил за службу, значит! А вы – Колчак, Колчак! Давайте уже, хватит уже трещать, трещотки. Работы полно, – явно с обидой в голосе произнёс длинную речь дед Илья. – Давайте-давайте, заждались коровки-то уже.

69

Внутри коровника от ста с лишним мычащих коров, готовых к доению, было влажно и тепло; пахло прелым сеном. Парни, пришедшие раньше, уже почти очистили стойла от навоза, смешанного с соломой, и заканчивали раскладывать свежий корм по кормушкам.

Утренняя дойка началась: звонко загремели вёдра, притихли коровы, вскоре стало слышно только довольное чавканье бурёнок и звяканье острых струек молока по стенкам вёдер.

– Дарья, шельма ты такая! Опять позже всех на дойку явилась! Уж я на тебе сегодня отыграюсь! – Громкий голос деда Ильи разнёсся по морозному утру и эхом прошёлся по коровнику.

Доярки захихикали, коровы повернули головы в сторону ворот. Всё было как всегда. Дарья, жена Ильи Афанасьевича, всегда приходила чуть позже всех. Дед постоянно её ругал и грозился каждый раз отходить бичом за опоздания. Но она была моложе его на двадцать лет, сама ему всегда грозила пальчиком, мол, посмей только, чёрт усатый!

– Я же твоих же дочерей завтраком кормила, сопли им вытирала, вот и опоздала чуток. С завтрашнего дня сам будешь их кормить и одевать,

а я заместо тебя здесь, у ворот коровника, постою, бичом пощёлкаю! Ишь расходился тут, как самовар! Домой придёшь – вот и бригадирствуй! А я посмотрю!

Весело было дояркам слушать каждодневную семейную перепалку Ильи и Дарьи, теплее и спокойнее становилось от этого.

И казалось, что обычное весеннее утро наступило во всём мире, нет никакой войны, а есть вот эта музыка струек парного молока о цинковые стенки ведёр.

ФРОНТ. ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

Быстро приближающаяся весна, несмотря на ещё морозные ночи, вносила свои коррективы: днями снег стал быстро буреть, набухать от влаги и в совсем недавно заснеженных полях вскрылись болота. Солнечные дни и почти ежедневные авиационные бомбардировки убыстрили этот процесс. По зимним дорогам, ещё существующим и покрытым ледяной коркой, днём проехать было уже довольно сложно. Техника вязла в болотной жиже.

Ночные атаки на немецкие позиции тоже вносили коррективы: в свои шалаши и землянки после изматывающих боёв возвращались не все. Кто-то отправлялся в санчасть, а кого-то хоронили в братских могилах.

В один из вечеров в крыше «берлоги» образовалась большая дыра: снежный потолок обрушился и, рассыпавшись на куски, присыпал отдыхавших красноармейцев.

– Я прямо как чувствовал, что недолго нам здесь осталось загорать! – как всегда, первым отреагировал вскочивший с лежанки Григорий, стряхивая с себя комья снега. – Днём ещё подумал, а оно вот тебе и раз!

– Мог бы предупредить, раз подумал. – С ворчаньем встал и Иван, тоже стряхивая с себя снег и ледышки.

– Ладно, в следующий раз предупредительный выстрел сделаю. Ты смотри, аккурат прямо к ночи жильё наше рассыпалось. Чудеса! Видимо, придётся менять дислокацию, в наступление опять нас бросят.

– Всё ты знаешь, Григорий, наперёд.

– Так я же не сижу на одном месте, а то к поварам добегу, то к снабженцам. С вечера уже, говорят, и приказ получили. Закончился, стало быть, наш короткий отдых.

– Ещё знаешь, наверное, куда двинем?

– А то как же. Само собой, знаю. В ночь, скорее всего, выступаем в сторону Каменки. Там,

говорят, фашистов до сотни видели. Разведка! А мы-то вот как раз без жилья остались, так что самое то: в бой пора! Да и пополнение у нас уже закончилось. Пора и нам вперёд.

– Ну, Гриша, я даже и не сомневался, что ты всё уже разведал, – произнёс Леонтий, выбираясь наверх из обрушенного жилища. – Наверное, ты прав. Вон все наши зашевелились. Видимо, построение скоро.

– А то! Когда я просто так говорил?

Григорий поднимался следом.

– Иван, хватит там прохладяться, давай двигай на свежий воздух.

– «Двигай, двигай». Мне и тут свежо, – бурчал Иван, встряхивая от снега трофейную шинель. – Сейчас поднимусь. Тоже мне, командир выискался.

В поредевший всего за один месяц и несколько боёв 236-й кавалерийский полк к концу февраля тоже прибыло пополнение. Отделение Леонтия пополнилось пятью красноармейцами, уже обстрелянными и понюхавшими запах пороха и крови. Все они были родом из сибирских деревень: кто из-под Иркутска, кто из-под Томска и Красноярска. Знакомство закрепилось стуком алюминиевых кружек с энзэ, без лишних распросов и разговоров, кроме коротких фраз: «Фамилия?», «Имя?», «Откуда родом?».

После недолгого построения и переклички 236-й кавалерийский полк выдвинулся в сторону села Дубовик.

– Леонтий, а ты, случаем, не партизанил в Гражданскую войну? То, что ты не очень-то много разговоров ведёшь, это мы уже уяснили меж собой. Точно я, Иван, говорю? Похоже, что не просто партизанил, а разведчиком был, – завёл походный разговор Григорий. – Вот уже почти неделя прошла, а ты ни одним словечком не обмолвился. Ладно я тут случайно узнал, а то так в незнании всю войну бы и провоевали. А он, Вань, молчит ведь!

– Ты про что это? – спросил Леонтий.

Иван, не понимая, о чём речь, но сообразив, что может пропустить что-то интересное, высвободил ухо из-под шапки.

– Так вот про то, что сейчас бы мы с дополнительным пайком топали, да и в бою легче было бы сытыми быть.

– Не пойму я, куда ты клонишь, Гриша!

– Так вот как раз туда и клоню. Про встречу твою и разговор с самим Ворошиловым! Вот вче-

ра хотя бы рассказал нам про то, как ты беседы вёл с самим маршалом Климентием Ефремовичем, так сегодня я с утра пару-тройку дополнительных пайков бы и выбил, пока было ещё что выбивать! Рассказал бы снабженцам, как тебя сам Ворошилов поздравил с прошедшим Днём Красной армии, так они бы мне вещмешок битком набили! И шли бы мы сейчас по этой ночи сытые и довольные бить вражину.

– Морду бы они тебе набили, это точно, а не вещмешок! – пробурчал Иван.

– Вот, Иван, ты даже пометать человеку не дашь! Только я, значит, чего-нибудь надумаю, чтобы срезать углы всякие, а ты прямо тут как тут с причетами. Я, может быть, мыслями своими от голодухи нас спасаю, а ты сразу «в морду, в морду»! Глянь в вещмешке, там в уголке сухарь не завалился, случаем?

– Тебе-то это надо?

– Надо, надо! Вот идём мы сейчас фрица бить, а на желудке голодно! Разве это правильно, а, Леонтий? А Ваня, мне так кажется, точно, что-то заныкал!

– Да ладно тебе, Гриша, доводить-то его. В бой идём, не до жиру тут! – Леонтий решил немного придержать коней Григория.

И тут раздался взрыв.

Так неожиданно и без всякого свиста летящего снаряда. Леонтий как-то неестественно остановился и стал заваливаться набок. Рядом идущий с ним солдат поднялся над сугробом и упал, уткнувшись головой в снег. Его нога упала рядом.

Гриша с Иваном упали почти одновременно, закрыв голову руками. Липкая и солоновато пахнущая жидкость потекла по лицу Григория. Следом рвануло ещё и ещё...

Григорий приподнял голову и осмотрелся. Иван тоже шевельнул рукой, потом ногой.

– Вань, жив?

– Кажись, жив. Вот сволота... Насовал тут мин... Сука!.. А Леонтий где?

Григорий подполз к недвижимому Леонтию, распахнул фуфайку, приложив ухо к груди.

– Жив, курилка! Жив, чертяка! В госпиталь его надо. Срочно. Давай, Ваня, живо давай!

В госпитальной палатке, куда принесли Леонтия, мест не было.

– Дочка, – обратился Григорий к пробегающей мимо медсестре, – дочка, помоги моему лучшему другу! Очень прошу!

– Да господи! Куда же я его? Видите, все палатки полны!

– Доча, ну очень нужно ему помочь! Пойми ты! Очень!

В свете вспыхнувшей в небе ракеты сестричка увидела лицо Леонтия:

– Так это же дядя Лёня! Он же у меня два раза перевязку делал!

– Он, он! – Григорий взял руку медсестры и, глядя ей в глаза, соврал: – Он нам про тебя все уши прожужжал! Вот, видимо, судьба такая! Опять к тебе попал. Всё говорил: «Дочка, дочка».

– Сильно его ранило? Вроде бы крови-то нет.

– Да сильно, сильно! Без сознания он, а сердце, как барабан, стучит!

– Знаете, у нас тут подводы тяжелораненых грузят в тыл отправлять. Может, и его туда же?

– Молодец, дочка! Не зря Леонтий всё про тебя нам талдычил. Молодчина! В тыл его, сердечного, надо! В тыл!

Так волей судьбы и благодаря настойчивости друзей-однополчан Леонтий в бессознательном состоянии после тяжёлой контузии был отправлен в тыл.

Война в окружении под Любанью в кавалерийской дивизии для него была закончена, но после его излечения она продолжилась в стрелковой дивизии – за освобождение городов Псков и Ленинград вплоть до тяжёлого ранения в августе 1944 года.

Справка

Григорий Лаврентьевич Меньшиков

Дата рождения: 1902 год.

Место рождения: Новосибирская область.

Дата и место призыва: Новосибирская область, Топкинский РВК, рядовой, кавалерист.

Умер от болезни: 24.06.1942. Парихино. Дом культуры, 1924-й ЭГ ВФ.

Захоронен: Окуловский район, северо-западная окраина г. Окуловка. Братская могила.

Иван Ермолаевич Бахарев

Дата рождения: 1900 год.

Место рождения: с. Обинское.

Убит: 30.05.1942.

Захоронен: д. Мясной Бор.

Август 2015 г. – январь 2020 г.

**Виталий
МОЛЧАНОВ**

НОВОСВЕТЛОВКА*

* * *

Светлане Мячиной

*Пьют облака рассветы, красят бледные дали.
Только бы тучи где-то в небе не заплутали,
Вылили б дождь холодный и остудили раны
Скорбной земли бесплодной,
ужас познавшей бранный.*

*Танками пропахали без сожаленья нивы,
Зёрен бы вместо стали –
стал бы весь край счастливым.
Взорванного асфальта режут по сердцу грани.
Голубь исполнил сальто и растворился
в тумане.*

*Рядом слепые хаты, дыры и гарь на стенах.
В этом посёлке каты с лютой отравой в венах
Праздник справляли бесу, смерти подняли веки:
Солью крутой – к порезу, годных парней –
в калеки.*

* 13 августа 2014 года украинские каратели вошли в посёлок Новосветловка Луганской области. Ополченцы, а тем более жители посёлка не ожидали такого развития событий. Немало ополченцев попало в плен, некоторые из них были расстреляны, местные жители подверглись террору со стороны карательного батальона «Айдар».

МОЛЧАНОВ Виталий Митрофанович родился в 1967 году в Баку. Председатель Оренбургского регионального отделения Союза писателей России, директор областного Дома литераторов им. С. Т. Аксакова. Лауреат премии им. С. Т. Аксакова, Международной Волошинской премии и др. Публиковался в «Литературной газете», «Независимой газете (Экслибрис)», журналах «Дети Ра», «Наш современник», «Зинзивер», «День и ночь», Prosodia, «Южное сияние», «Огни Кузбасса», лит. газете «Зарубежные задворки», альманахах «45-я параллель», «Лёд и пламень», «Паровозъ», «ЛитЭра», «Земляки», «День поэзии», «Московский год поэзии», «Гостинный двор» и др. Автор семи поэтических сборников. Живёт в Оренбурге.

*Били, в лицо стреляли, вешали и топили,
Будто любви не знали, матери их не растили.
Холод вместо прохлады – осени злая мета,
Близкой зимы засада: нет ни тепла, ни света.*

*Выпьет рассвет обмана – сгустки тумана
в глотке.
Голубю в клетку рано, флаг ЛНР на высоте,
Выше него бы к солнцу –
волю в лучах купаться.
Туча в ответ смеётся:
«С тьмой ли тебе тягаться?»*

* * *

*Снова между миром и войной
крыльями в небесный свод стучится,
Прошное оставив за спиной,
будущего раненая птица.
Нелюди, забывшие про стыд,
вырвавшие вековые корни,
Каждый клят, нет – проклят... мят... немый...
застят свет спасительный и горный.
Им плевать на слёзы чад и жён,
не тревожит матерей страданье,
«Гуацинт» злой волей заряжён –
в отчий дом прямое попаданье.*

Можно прожить вслепую,
Вешать замки на двери
И, ни во что не веря,
Молча считать гроши.
Или в минуту злую
Маленькой стать потерей
В битве больших империй,
Светом сверкнуть души.

– Бог, милосердный Боже,
Правых ведут на плахи...
Крылья певучей птахи
Сломаны дробью влёт.
Родины нет дороже.
Кару приняв металлом,
Преданный идеалам,
Верный за них умрёт.

Там, в неизвестной выси,
Здесь, в неизвестном грунте,
Телу покой, до сути
Хочет душа дойти.

Живы стихи, в них мысли:
«Смерть моя не напрасна?
Стала ли жизнь прекрасной?
Счастье смогли найти?»

Можно прожить жируя,
Тявкать, что люди – звери,
Хитрым аршином мерить
К выгоде личной дни.
Ты так не мог – впустую.
Смело шагнул за двери,
Став роковой потерей –
Светочем для семьи.

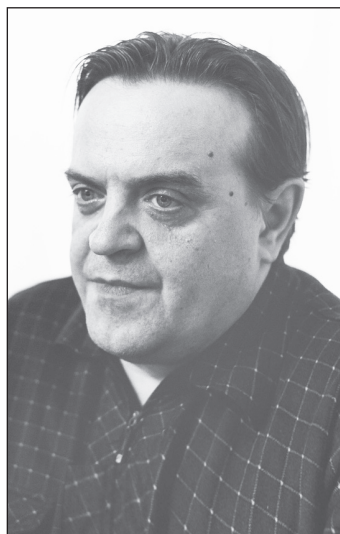

Новосветловка. Расстрелянный дом

**Игорь
НАЗАРОВ**

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Административно-
фантастическая пьеса
в 12 сценах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фей, начальник департамента сказок в Управлении сказок и фэнтези.

Секретарша, его ближайшая помощница.

Сказочница, она же Настенька, она же Алёнушка, штатная сотрудница департамента сказок.

Отец Настеньки.

Орк-каретник.

Первый ходок, человек из-за Урала.

Второй ходок, человек из-за Урала.

Черепанов, сказочник.

Лёша, сказочник.

Вий, финансовый директор, первый чиновник, второй чиновник, ангелочек, человек.

Действие происходит в параллельной реальности, любые совпадения с нашей реальностью невозможны, а буде и появятся, то виной тому только буйная фантазия почтеннейшей публики. А за чужие фантазии автор ответственности не несёт.

1

Перед закрытым занавесом под музыку из передачи «В гостях у сказки» появляется Сказочница, одетая в сарафан.

Сказочница. Расскажу я вам, ребятушки, сказочку. Про героя – Ясна сокола да про... (Замечает в зрительном зале взрослую аудиторию.) Эм... хм... извините. Накладочка неболь-

75

шая. Секундочку. (Достаёт телефон и убегает за кулисы. Оттуда слышится её возмущённый шёпот.) Ну чё за на фиг опять? Чё за левый текст мне подсунули? Чего? А вот представь себе, родная, здесь ни разу не детский утренник. Здесь взрослый вечерник. Ты, коза пуховая, если в циферблате не разбираешься, хоть за окно смотри, когда сказку запускаешь. Достал уже этот бардак! Чё-чё ты там провянькала? Да пошла ты... (Снова появляется на сцене.) Значит так, дамы и господа, сказки вам сегодня не будет, потому что кой у кого случился паралич головного мозга. Но рассказывать мне вам всё же что-то надо. Это во-первых. А во-вторых, мне по некоторым причинам уже на всё наплевать. Я вам расскажу не сказочку, а правдочку. Дело в том, что на самом деле ни одна сказка не сказывается сама по себе. Исправное функционирование столь любимого детьми и взрослыми сказочно-фантазийного мира обеспечивается неустанным трудом целого штата скромных административных сотрудников, работающих в двенадцатизатжном здании Главного управления сказок и фэнтези, которое, в свою очередь, подразделяется на департамент сказок и департамент фэнтези. Которые, в свою очередь, подразделяются... А знаете что? Чё уж там рассказывать, я вам лучше покажу. Мне теперь их секреты хранить резона нету. (Поворачивается лицом к занавесу.) Сим-сим, откройся! (Зрителям.) Смотрите на всё это. А я пошла. Я уже посмотрелась.

Уходит, и одновременно раскрывается занавес.

На сцене Фей за столом, рядом с ним

Секретарша с планшетом в руках.

Фей. Ну, приступим. Итак, пиши: «Приказ».

Секретарша (*печатающая в планшете*).

Приказ по департаменту сказок.

Фей. Далее пиши: «Пункт первый. Об оптимизации».

Секретарша. О! Моё любимое. Кого сегодня будем?

Фей. Сегодня будем создавать один кукольный театр.

Секретарша. Как?! Ещё один?!

Фей. Да не. Вообще один. У нас же два кукольных театра, так?

Секретарша. Так.

Фей. А зачем нам их столько? Будем из двух делать один.

Секретарша. Очень правильное решение. Оптимальное, я бы сказала. Хотя, знаете, по мне, так и одного много. А давайте лучше из двух сделаем минус один? Вот это будет оптимизация так оптимизация! Всё управление обзавидуется.

Фей. Заманчиво, конечно.

Секретарша. А то.

Фей. Чувствуется творческая дерзость, полёт фантазии.

Секретарша. Ну а когда я что другое предлагала?

Фей. Но мы не станем поддаваться соблазну и перескакивать через этапы. Сначала сделаем один театр.

Секретарша. Скукота. Ладно, на безрыбье... (*Берёт в руки планшет.*) Диктуйте, я готова.

Фей. Значит, так. В целях оптимизации сказочно-бюджетных расходов...

Секретарша. ...расходов.

Фей. Нет. Погоди. Сотри это. Как-то обоснование неоптимально звучит. Основание для оптимизации должно звучать оптимистически, а у нас сухо получилось.

Секретарша. А давайте начнём так: «В целях улучшения культурного обслуживания населения...»

Фей. Во! Умница! Это и пиши, а продолжи так: «...и дальнейшего развития театрального искусства». Ты что там хихикаешь?

Секретарша. Не-не-не, ничё-ничё. Продолжайте-продолжайте.

Фей. Приказываю...

Секретарша. Расфигачить два театра. Хи-хи.

Фей. Так. А ну, прекрати! А то сейчас заклятье наложу. Вон тем жезлом да по рогам.

Секретарша. Чё по рогам-то?! Привыкли: чуть что – сразу по рогам. (*Смотрится в зеркало.*) Между прочим, у меня и не рога вовсе, а маленькие симпатичные рожки. А если вот так причесаться, то их и не видно вовсе. А если так, то немного видно. Шеф, по-вашему, как лучше?

Фей. Мы сегодня работать будем?

Секретарша. Всё-всё. Я готова.

Фей. На чём я остановился?

Секретарша. Вы там приказать чего-то собирались.

Фей. Точно. Приказываю объединить Кукольный театр Карабаса Барабаса с кукольным театром «Золотой ключик», создав на их базе сказочное унитарное культурное учреждение «Объединённый театр кукол».

Секретарша. Сокращённо будет: СУКУ «ОБТЕКУ».

Фей. Хм. Чё-то как-то не очень звучит.

Секретарша. А мне нравится. Вот вслушайтесь: СУ...

Фей. Стой. Не надо это вслух.

Секретарша. Ну пусть на бумаге остаётся. А вывеску я прямо сегодня закажу.

Фей. И на бумаге не надо. Тем более на вывеске. Сейчас другое название придумаем.

Секретарша. Другое – не имеем права.

Фей. Как так?

Секретарша. Наименования учреждениям даются в соответствии с утверждёнными правилами. Поэтому мы этот театр можем назвать только так, а не иначе.

Фей. Первый раз слышу. А вот тут неподалёку от нашего управления я видел: школа для детишек, а называется МОУ ДОД. Тоже по этим правилам?

Секретарша. Конечно. У нас с этим очень строго.

Фей. А как это на русский переводится?

Секретарша. МОУ ДОД? Да очень просто. Это муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей. Всё по правилам*.

Фей. И какой моудод эти правила придумал?

Секретарша. Подпись ваша стоит.

Фей. Моя?! А кто мне это на подпись принёс, а?

* МОУ ДОД придумал не автор. Автор так не сумеет. МОУ ДОД – это реальное название всех детско-юношеских школ в России.

Секретарша. А чё вы на меня так смотрите? Я не устанавливаю здесь правила! Я просто их пишу и приношу вам на подпись.

Фей. Да ты мне каждый день по две сотни бумажек несёшь. Ты чем думаешь, когда мою работу организовываешь? Моудодом?

Секретарша. Будете так со мной разговаривать – встану, уйду, и через час вас тут с головой бумагами засыплет. Да я, если хотите знать, каждый день эти бумаги тысячами от вашего кабинета отшибаю. К вам уж совсем чуть-чуть пробивается. *(Всхлипывает.)* Я как могу вам работу облегчить стараюсь. Уже и резолюции на этих бумагах сама пишу, чтоб вам только расписаться быстренько осталось. И вот дождалась вместо спасибо.

Фей. Чего я такого сказал-то?

Секретарша. Моудодом обозвали.

Фей. Я?! Нет, посмотрите на неё. Сама же это слово выдумала. Обогастила русский язык новым ругательством.

Секретарша. Да вот. А это непросто, между прочим. А вы вместо спасибо...

Фей. Да за такое обогащение я сейчас тебе вот этим жезлом...

Секретарша. Так. Мы работать сегодня будем?

Фей. Будем! На чём мы там остановились?

Секретарша. Мы сделали из двух театров то, что вы вслух называть запретили. Дальше чего?

Фей. Дальше руководителя надо назначить. Вот только кого: Барабаса или Карло?

Секретарша. Конечно, Барабаса.

Фей. А почему не папу Карло? Он вроде ничего.

Секретарша. Положено, чтоб руководитель образование профильное имел. У Барабаса диплом магистра кукольных наук. А Карло кто? Шаромыжник.

Фей. Шарманщик.

Секретарша. Это одно и то же в его случае. И жмот к тому же. В том году попросила его пару кукол мне прислать. Ну, маме моей на день рождения, подарок сделать хотела. Так он знает что мне ответил?

Фей. Что?

Секретарша. Не скажу. Вы такие слова запретили в сказках говорить. Разрешите – скажу.

Фей. А не надо. Я уже догадался.

Секретарша. С куклами он, видите ли, отношения портить не захотел. А со мной можно портить отношения, да?

Фей. Ну ладно, пиши Барабаса. Ох, Карло разорётся. Ты сама поговори с ним. Работу какую-нибудь подыщи.

Секретарша. То есть как с Карло говорить, то я уже не моудод, да?

Фей. Ох и злопамятная ты у меня.

Секретарша. Я злопамятная? Я справедливая. И добрая. Не в меру. На меня все орут, все обзывают, а я всем всё прощаю.

Фей. Кто это все на тебя орут?

Секретарша. Ну вот эта, например, овца лупоглазая, Сказочница первой категории, разоралась сегодня. Текст ей, видите ли, перепутали – так она вопила, как пьяный орк. Обзывалась по-всякому. Я же её простила. И даже должность другую подыскала. С повышением. Вот и проект приказа подготовила.

Фей. Ну давай посмотрим, куда ты её повысить предлагаешь. *(Читает.)* «Перевести в сказку «Морозко» на должность Настеньки с окладом согласно штатному расписанию». По-твоему, из управления в сказку – это повышение?

Секретарша. Ну, по зарплате-то повышение. В сказках же доплаты всякие.

Фей. Ага. За вредные условия труда. И льготный стаж за должность падчерицы.

Секретарша. Ну вот. Разве плохо?

Фей. Ты в другой раз, когда такие же добрые приказы на подпись давать будешь, хоть причешишь так, чтоб рожек видно не было.

Секретарша *(причёсываясь)*. Вот так, да?

Фей. Прямо древний символ добра. Ладно, подпишу приказ. Надо же, в конце концов, кому-нибудь и на местах работать.

Секретарша. Конечно, надо. А то там такая текучка.

Фей. Опять же, и местные кадры пора укрепить работниками из центра.

Секретарша. Да, давно пора. Печать приложить не забудьте. Большую, круглую.

Фей. Ну подай её.

Секретарша. Не-не-не. Это вы сами. Я к ней и подходить-то боюсь.

Фей ставит печать на приказ.

(забирая приказ). Вот и укрепили местные кадры квалифицированным работником. Падчерицы – они тоже нужны.

Фей. Я, кстати, сейчас тоже в сказку отправляюсь.

Секретарша. Вам-то зачем?

Фей. Вчера меня пригласила Крёстная Фея и сделала предложение, от которого я не смог отказаться. Золушку знаешь?

Секретарша. Это Синдереллу-то? Конечно, знаю.

Фей. Ты прекрати мне тут выражаться. Это ж сказка. Соображать надо.

Секретарша. Как я выражалась?

Фей. Ну вот это... Синди... Как её там. Это что за слова в сказке?

Секретарша. Синдерелла, что ли? Так это Золушка, только на басурманском языке.

Фей. И при чём тут басурмане с их языком?

Секретарша. Ну, эта Золушка – она же, типа, заграничная вся такая. Коза противная. А раз она импортная, её по-импортному и надо называть.

Фей. А что, у нас такое правило, чтоб всё заграничное по-заграничному называть? Уже тоже есть?

Секретарша. Пока нет.

Фей. И проследи, чтоб никогда не появилось. Нет! Лучше я сам прослежу!

Секретарша. Ну а кто ж лучше вас проследит? А я прослежу, чтоб вы проследить не забыли.

Фей. Звучит подозрительно.

Секретарша. Опять придираетесь начинать? Опять я плохая, да? Стараешься-стараешься...

Фей. Ты не начинай, а лучше дальше слушай. Эта самая Золушка теперь крестница Крёстной Феи.

Секретарша. Во выдра мокрая! Ну без масла пролезет в любую...

Фей. Тш-ш.

Секретарша. В любое место – я сказать хотела. Ну и что там дальше?

Фей. А что дальше? Попросила Золушка, чтоб её на бал отправили. А Крёстная Фея попросила меня всё это устроить. По дружбе.

Секретарша. А взамен?

Фей. Скажешь тоже. Разве среди друзей так ведётся, чтоб за дружескую услугу что-то брать?

Секретарша (всхлипывая). Ах как трогательно!

Фей. А Крёстная Фея пообещала нам расширение штатов и бюджета пробить.

Секретарша. Также чисто по дружбе?

Фей. Представь, тоже.

Секретарша (всхлипывая). Я так взволнована, что теперь весь день работать не смогу. Как же радостно и светло на душе! (Вполголоса Фей.) Кто нас сейчас снимает-то, понять не могу?

Фей. Нас? Никто. С чего ты взяла?

Секретарша (утирая глаза). С чего я взяла? А вы с чего тут роль Верного Друга играть стали? Внезапно.

Фей. Так это я по привычке. В молодости в одной сказке я в этой должности работал. Всё забыть до сих пор не могу.

Секретарша (смотрясь в зеркальце). Вы забыть не можете, а у меня глаз из-за этого потёк.

Фей. Я ж тебе говорил, что на этом этаже никогда никаких съёмок не ведётся. Здесь можешь не играть.

Секретарша. Да помню я. Потому и удивилась. Кстати, о Золушке. У нас жалоба по той сказке поступила.

Фей. Что за жалоба?

Секретарша. А вот послушайте. (Достаёт из папки лист бумаги.)

«Директору департамента сказок
г-ну Фею
от ученика волшебника

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Довожу до Вашего сведения факт возмутительного поведения огородного овоща из сказки «Золушка», по имени Сказочный Тыков. Когда я по поручению руководителя своей практики попробовал превратить означенного Тыкова в карету, то он категорически и в грубой форме отказался превращаться. А когда я стал настаивать, говоря, что хотя я не волшебник, а только учусь, но права у меня такие же, как и у штатных работников Управления сказок и фэнтези, то означенный Тыков обценно обругал меня, перевернулся на другой бок и обценно замолчал. Это уже не первый случай такого отношения Сказочного Тыкова к нам, ученикам волшебников. До каких пор мы будем выслушивать от этого овоща грубости типа: «Мне больше делать нефиг» или «Понаберут тут школоту»? Прошу принять меры».

Фей. А ведь я давно собирался принять меры. На Тыкова это не первый сигнал. Говорят, он там, на огороде, дурь разводит да приторговывает ей.

Секретарша. Да ну?

Фей. Он уже за это привлекался. Там. За бугром. Говорят, за ним и пострашней делишки водились. Ты про сказку «Хэллоуин» слыхала? В департаменте фэнтези досье на неё запроси и ознакомься.

Секретарша. Ой, круть. А это точно про нашего Тыкова?

Фей. А про какого? Чего он тогда оттуда к нам перебежал и на огороде затихарился? И то-

же у иностранки, заметь. Прямо гнездо какое-то. И мы его распотрошим. Но аккуратно.

Секретарша. Испепелим?

Фей. Это аккуратно?

Секретарша. Это надёжно.

Фей. Слухи пойдут нехорошие.

Секретарша. Не будет свидетелей – не будет слухов.

Фей. Ты всю сказку предлагаешь, что ли, того?

Секретарша. Ага. Точечным ударом.

Фей. Ты и вправду добрая.

Секретарша. Ой, не надо, а? Я добрая. Даже самая добрая. В нашей семье.

Фей. А, вон ты о чём.

Секретарша. Да я, может, потом ночей спать не буду. Я, может, два ведра слёз наплачу. Но пойду на это, раз для дела надо. И почтеннейшая публика довольна будет. Большой бабах всегда народу нравится. Ну, так я позвоню, скажу, что вы распорядились?

Фей. Стой. Не будет никаких бабахов. Уберём Тыква тихо и незаметно.

Секретарша. Скучота. А что будет?

Фей. Я тебе скажу, что будет. А ты учись. Подбери сказочников получше и закажи им изготовить новую сказку. И пусть там все будут вегетарианцы.

Секретарша. Все-все?

Фей. Абсолютно все. И пусть там будет Змей Горыныч.

Секретарша. Зачем?

Фей. А так. Люблю я чегой-то Горынычей. Трёхголовые такие.

Секретарша. И он тоже вегетарианцем должен быть?

Фей. А как же.

Секретарша. Ну, я даже не знаю. Конечно, обычного Змея Горыныча нам любой сказочник изобразит. Но вегетарианца... На это, пожалуй, способен только один сказочник. Черепанов со своим другом.

Фей. Эта пьянь?

Секретарша. А вы хотите, чтоб и сказочник трезвый, и Горыныч вегетарианец? Так не бывает. Черепанов хоть представить себе такое сможет. У меня вот никак вообразить не получается: Горыныч – и вдруг веган. А Черепанов – тот сможет.

Фей. Ладно. Уговорила. Посылай техзадание своему Черепанову. Ну, я пошёл в сказку.

Секретарша. Берегите там себя. Я беспокоиться буду.

Фей. Ты вот о чём побеспокойся: найди финансового директора и пусть он мне деньги перечислит. Карточка совсем пустая. Я как платье и карету покупать буду?

Секретарша. Да где его найдёшь? Вторую неделю никто его не видит. Он же, гад, как срок подходит квартальные бонусы выплачивать – невидимым становится.

Фей. А ты постарайся. А я пошёл.

Уходит.

2

Секретарша. «Постарайся, постарайся». Я ли не старалась? Этот козёл мне столько бабок должен – и прикинулся невидимкой. Для себя найти не смогла, а чтоб овцу заграничную на бал отправить, вот прямо на рога встану. У меня и другой работы хватает. *(Садится за стол и начинает перебирать папки с делами.)* Так, это мы отправим на согласование. Это на консультацию. Это... хм... куда ж его спихнуть? А, ладно, пусть будет на доработку. А это... ой, форма с ошибками заполнена. Вообще вернуть заявителю. Ишь ты, формы правильно заполнять не умеют, а всё туда же. А это кто тут у нас такой пухленький? Надо же, с третьего согласования живым вернулось. И как поправилось! А помнишь, каким ты первый раз сюда поступило? Худощее, тощущее, в чём только душа держалась. А сейчас вон какая пышечка, смотреть приятно. И что там в тебя наворотили? *(Открывает папку, читает.)* Ой, мамочки. И не поймёшь, где начало, где середина, где что? Не-не. *(Захлопывает папку.)* Теперь в тебе сама я ногу сломлю. И что ж мне с тобой делать-то? На подпись, что ли, отнести? Не, рановато. А вот что. Отправлю-ка я тебя на согласование вот в это место. *(Пишет что-то на папке.)* Там ты второй том мне родишь.

Звонит телефон, Секретарша берёт трубку.

Кого надо? А, это ты, Карло? Узнала, узнала. Чем могу помочь? Что значит «уже помогла»? Это оптимизация, Карл. Слышал про такую? Вот это она и есть. Тебя ещё по лёгкому варианту оптимизировали, а посмотри на Лихо Одноглазое. Оно ведь до оптимизации было Лихо Многоглазое. Чего? Ты чем-то недоволен, шарманщик хренов? Кто-кто ты? *(В сторону.)* Ой, не могу, музыкант он. Рахманинов. *(В трубку.)* Ну раз музыкант, с голоду не умрёшь. В метро тебе всегда мелочи полную шапку набрасают. Что-что? Ах, значит, вот кто я такая? Понятно. А ещё кто я?

Ага. Ага. И это тоже я? Угу. Не-не, а вот это не пойдёт, это для меня комплимент. Давай другое что-нибудь. Вот так. Всё, достаточно. А теперь, музыкант, послушай меня. Я сама не знаю, в кого это такой доброй уродилась, но даю тебе аж целых пять секунд, чтоб ты слова свои поганые назад забрал и к себе применил. Тогда, может быть, я тебя прощу и, может быть, разрешу приходить в управление и просить работу. А вот если ты этого не сделаешь, тогда ты у меня будешь не просто музыкант, а Бах. Потом Бух. А потом Бултых. Кароч, музыкант, пять секунд у нас пошли: раз... Молодец, быстро среагировал. А теперь скажи, кто ты? Вот. Правильно. А ещё кто? Тоже неплохо, но темперамента не хватает. Энергетика не та. Попробуй ещё раз. Уже лучше, но всё равно как-то не так. У тебя недавно замечательно получалось. Ладно. Прощаю. Понаведайся как-нибудь на днях. Поговорим о твоей работе. *(Бросает трубку.)* Я тебе, козёл, подыщу работёнку. Благодарить устанешь.

3

Каретная мастерская. За столом сидит Орк-каретник и сосредоточенно обедает. Поодаль от него Фей разговаривает по мобильному телефону. На стене камера видеонаблюдения.

Фей. Что значит «не нашла финдиректора»? А работать мне, моудод твою так, без денег как? Ну, я вернусь – не обрадуешься у меня! *(Прячет телефон, приближается к Орку-каретнику.)* Добрый день.

Орк-каретник. Угу.

Фей. Хлеб да соль.

Орк-каретник. Я ем свой, а ты подальше стой.

Фей. Вижу, у вас тут каретная мастерская.

Орк-каретник. Угу.

Фей. А вы, стало быть, каретами торгуете.

Орк-каретник. Угу.

Фей. У меня, видите ли, сегодня бал.

Орк-каретник. Хорошо тебе.

Фей. И мне нужна карета. Хотя бы одна-местная.

Орк-каретник. Вон кареты. Вон ценник.

Фей. Видите ли, в настоящий момент у меня некоторые затруднения с финансами. И я хотел бы просить о рассрочке. Вы меня понимаете?

Орк-каретник. Понимаю. Вали на фиг отсюда.

Фей. Боюсь, вы меня не поняли. Мне срочно нужно отправить на бал одну бедную девушку.

Несчастную сиротку. А денег нет. И что же мне остаётся делать?

Орк-каретник. Свалить на фиг отсюда.

Фей. По-хорошему не понимаем, да?

Орк-каретник. Угу.

Фей. Да ты хоть знаешь, кто я такой?

Орк-каретник. Нет. Зато хочу знать, когда ты свалишь отсюда. Помочь? Я могу. Правда, немного больно будет.

Фей. И кто ты после этого?

Орк-каретник. Ну и кто я после этого?

Фей. Моудод! Вот натуральный моудод! Сидит жрёт при клиенте!

Орк-каретник. Так. Значит, вот кто я такой, да? *(Поднимается.)* Я ведь хотел тебя просто на хрен послать, а сейчас ещё и надругаюсь!

Фей бросается бежать.

Стой, сквернословец! *(Бросается следом.)* Удавлю!

На сцене появляются Первый и Второй ходок, одетые по-старинному.

Первый ходок. Ну, кум, кажись, добрались.

Второй ходок. Добрались, слава те господи. А куда теперь-то? Где тут самое главное начальство?

Первый ходок. Найдём. Коль уж в такую даль пришли, непременно найдём. Народ поспрошаем. Язык – он до Киева доведёт, не то что до начальства.

По сцене пробегает Фей, за ним Орк-каретник. На полдороге Орк-каретник останавливается и грозит вслед Фей кулаком.

Орк-каретник. Ничего, мерзотник, Земля-то плоская, дальше края не убежишь!

Первый ходок *(Орку-каретнику)*. Здравствуйте, уважаемый.

Орк-каретник. Проживу без твоего «здрате». Чего нать?

Второй ходок. Нам бы к начальству. Где у вас тут начальство?

Орк-каретник. Да везде! Это вот подмастерье я себе никак найти не могу, а начальства полным-полно. Хошь, сейчас швырну тебя в любую сторону? Беспременно на какого-нибудь начальника упадёшь.

Первый ходок. Спасибо, но мы уж лучше своими ногами. Ты только дорогу покажи.

Орк-каретник. А вон видишь, домина стоит многоэтажный? Вот там на каждом этаже от стены до стены сплошь начальство.

Уходит.

Второй ходок. Ну и домище! Ты, кум, видал ли такой когда?

Первый ходок. Не доводилось. Там начальников, небось, тыщ-ща. Как же нам наиглавнейшего сыскать?

Второй ходок. Посмотрим, послушаем, бог даст, найдём.

На сцене появляются Настенька и Отец Настеньки.

Настенька. Вот что, папаша, ты своей же не передай: если она ещё раз так со мной заговорит...

Отец Настеньки (*показывает на камеру*). Настя, Настенька, глянь туды.

Настенька (*передразнивая*). «Всё зерно перебери да пересчитай». Я ей переберу! А попробует ещё раз на меня руку поднять, я ей все зубы вышибу! И пересчитаю!

Отец Настеньки. Да глянь на камеру-то. Работает же.

Настенька. Ой, это нас сейчас дети смотрят, что ли?

Отец Настеньки. Ага.

Настенька (*приближаясь к камере*). Пожалей меня, зорька ясная. Пожалей меня, солнышко красное.

Голос из репродуктора. Настенька, к руководству зайдите срочно.

Настенька. Разреши мне закончить вязание. А то будет мне наказание.

Голос Секретарши из репродуктора. Слышь, принцесса Пучеглазка, это не рабочая съёмка была, а контрольная. На предмет потери берегов некоторыми сотрудниками. Так что кончай играть – и быстро сюда. На прочистку мозгов и прочего.

Настенька и Отец Настеньки идут со сцены.

Первый ходок. Слышь, кум. Вот эти двое точно к наиглавнейшему начальству идут.

Второй ходок. Верно. Давай-ка за ними уйдемся.

Уходят следом.

4

Кабинет Секретарши. Присутствуют Секретарша, Настенька, Отец Настеньки. В углу робко жмутся Первый и Второй ходоки.

Секретарша (*Настеньке*). Ну а если бы действительно какой ребёнок в этот момент

сказку посмотреть захотел? Ты хоть иногда голову используй, а не только другие места, как до сих пор!

Настенька. Ты чё на меня орёшь, коза канцелярская? Ты мне начальство, что ли?

Секретарша. Ну что ты, Настенька. Я тебе не начальство. Просто я та, кто выбирает для тебя начальство. Вот захочу – и над тобой пятый зайчик из массовки начальником будет. Поняла?

Настенька. Да пошла ты, выхухоль рогатая. Тебе не кажется, что ты последнее время борзеешь?

Уходит. Отец Настеньки пытается уйти следом, но его останавливает Секретарша.

Секретарша. Пст, дед. Сюда иди. Отвези её в лес, негодную. С глаз долой, змею подкопную.

Отец Настеньки. Сделаю, госпожа.

Уходит.

Секретарша (*заметив ходоков*). А это чьё? Вы как здесь оказались?

Первый ходок. Ой, матушка, издалёка мы. Из-за Уральских гор сюда прибрели.

Секретарша. Да плевать мне, из-за какой вы горы. Я спрашиваю, как вы на этом этаже-то оказались? Как вас двери пропустили?

Второй ходок. А мы вот за той девицей-красавицей увязались. Перед ней двери раскрылись – и мы следом.

Секретарша. И это называется «магические врата»? Говорила я, лучше там вахтёра с собакой поставить. Так нет, несовременно, видите ли. И вот итог: две незванные бороды в приёмной. И чего мне с вами делать, а, люди из-за Уральских гор? Чего вы припёрлись в даль такую?

Первый ходок. Ходоки мы, от всего общества посланы к наиглавнейшему начальнику над сказками.

Секретарша. Ой, незадача-то какая. А наиглавнейшего начальника как раз сейчас и нет на месте. Так что вы идите себе по холодку. А на недельке понаведаетесь. Ну, не сюда, конечно. На первом этаже на приём запишитесь. И ждите.

Второй ходок. Матушка-голубушка, уж ты не обессудь, мы люди-то простые, но вот постояли тут, посмотрели, послушали да и смекнули, что ты здесь наиглавнейший начальник и есть.

Секретарша. Ох ты, борода многольстивая. А если ошиблись вы? Я тут на побегушках, можно сказать. Бумаги собираю вот в эту вот папку да наиглавнейшему на подпись подаю.

Первый ходок. Милая, да нам больше ничего и не надо. Только бумагу от общества наиглавнейшему начальнику передать. Кум, где она там у тебя?

Второй ходок. Да вот она. *(Достаёт бумагу.)*

Секретарша. Стоп! Стой там, где стоишь, со своей бумажкой. Смотрю, больно вы быстрые там, за Уралом.

Первый ходок. А нам медлить некогда. Беда у нас приключилась.

Секретарша. Беда? Ну-ка, ну-ка расскажите, распотешьте меня. А я пока пообедаю. Буду кушать и внимательно вас слушать.

Второй ходок. Уж послушай. Жили мы себе не тужили. Тихо-мирно. Мастерили шкатулки малахитовые, цветки каменные.

Первый ходок. Как вдруг невесть откуда приволоклась к нам Волокита Судебная. И говорит: «Желаю быть на вашем заводе волшебницей».

Второй ходок. Ага. Огневушкой-Поскакушкой. Мы ей говорим: «Побойся Бога, какая ты Поскакушка? Ты ж если раз подпрыгнешь – тебя скрутит, скрючит да ещё и перекондубасит».

Первый ходок. А она в ответ давай нам грамоты да дипломы всякие совать, где написано, что она самая настоящая Огневушка-Поскакушка.

Секретарша. Ну и взяли бы, коль диплом есть.

Второй ходок. Да мы бы взяли, но пусть она сначала прыгать научится. Бумажка же не будет за неё прыгать да скакать.

Секретарша. Ой, удивили. Да у нас тут таких пол-управления. Все при дипломах, кандидаты да доктора. А в сказку работать послать некого. Потому и приходится терпеть всяких чучундр наподобие той, что вы тут видели. Которые хоть чего-то умеют. Так что напрасно вы с этим делом к нам пришли. Ничего в нём такого, чтоб я шефа беспокоила, нету.

Первый ходок. Вот так раз! И что ж нам делать теперь?

Второй ходок. А теперь нам, кум, только пропадать.

Секретарша. Ладно, люди из-за Урала. Коль вы ко мне с уважением, то и я вам подскажу. Если уж эта Огневушка-Поскакушка вам сильно надоела, так вы просто пошлите её к моей бабушке. Она у меня по старинке работает. Без бумажек.

Первый ходок. Посылали. Не идёт, зараза.

Секретарша. Ишь ты! Ну, тогда пошлите её... пошлите её... знаете к кому?

Второй ходок. Да, голубушка ты наша, мы уж ко всей твоей родне её посылали. И к ближней, и к дальней.

Секретарша. И не ушла?

Первый ходок. Не ушла. Да ещё и начала эта Волокита Судебная волочить нас по приказам судебным да по палатам воеводским. И вконец изволичила.

Второй ходок. Погибаем всем заводом! Заступись, матушка!

Секретарша. Ох, ходоки, ходоки. Пожалеть вас, что ли?

Первый ходок. Пожалей, матушка. Век за тебя Бога молить будем.

Секретарша. За меня? Ну попробуйте. Даже интересно, что получится. Вот вы вначале говорили про шкатулку малахитовую. А я только слышала про такие, а видеть ни разу не видела. Посмотреть бы.

Второй ходок. Ох, кум, что ж мы с тобой оплошали? Надо было захватить.

Секретарша. Надо было.

Первый ходок. Ну, мы в другой раз непременно захватим.

Секретарша. Как мило. А вот слышала я ещё, что у вас там водится Серебряное Копытце.

Второй ходок. Точно. Есть такое. Редко, но встречается.

Первый ходок. Только у нас оно есть. Больше нигде.

Секретарша. И что, правда монеты серебряные прям из-под копыт летят?

Второй ходок. У-у-у, дождём летят, матушка.

Секретарша. Ни разу монет такой чеканки не видела. Вот бы посмотреть.

Первый ходок. Ох, что ж мы? Надо ж было прихватить с собой-то.

Секретарша. Надо было.

Второй ходок. Ну, мы как-нибудь непременно тебе покажем.

Секретарша. Как-нибудь? *(В сторону.)* Ну надо же, какой редкий вид оленей. *(Ходокам.)* Ой, что-то, гляжу, вы уж совсем простые. Ладно. Приму я вашу бумагу.

Первый ходок. Да, кормилица ты наша! Кум, кум, чего стоишь? Падай на колени да неси бумагу благодетельнице!

Секретарша. Стой-стой. Куда? Разбежались. Назад посмотрите. Видите, бумаги лежат? Вот туда свою и суйте.

Второй ходок. Ой, матушка. Это что за куча такая?

Секретарша. А это, простые вы мои, обшая очередь. Слыхали про такую? Там бумаги лежат себе, лежат, а как очередь подойдёт, я их в папочку – и на подпись.

Первый ходок. Дак когда ж она подойдёт, очередь эта? Больно уж куча велика.

Второй ходок. И подойдёт ли? В такой-то громадине, гляди, ещё и потеряется бумага-от наша.

Секретарша. Ну что вы! Никуда она не потеряется. Если, конечно, не случится потопа, пожара, землетрясения, оползня, инвентаризации, реорганизации, модернизации, цифровизации или инновации, то ваша бумага непременно к шэфу попадёт. Я даже пару таких случаев знаю.

Первый ходок. Не-не, кормилица, ты уж не гневайся, а нам это не подходит.

Второй ходок. Я уж лучше бумагу нашу вот так на твой столик пристрою. Чтоб на глазах у тебя.

Кладёт бумагу на стол Секретарши. Входит Фей. Быстро пересекает помещение, открывает дверь в свой кабинет, говорит Секретарше: «Ко мне зайди» – и захлопывает дверь. Поток воздуха бумагу со стола сносит на пол.

Секретарша. Ну. Видали, какие здесь сквозняки? Сдует вашу бумажку – и концов не найдёшь. Пихайте её уж в общую кучу. Там, по крайней мере, ветром куда-то не унесёт.

Первый ходок. Нет, матушка. Мы лучше так сделаем. Бумажку тебе на столик. *(Кладёт бумагу.)* А сверху её грузиком придавим. *(Кладёт на бумагу золотой самородок.)* Так, небось, не сдует?

Секретарша *(подкидывая самородок на ладони)*. Ну что ж с вами поделаться? Так и быть. Положу я вашу бумагу в папку. *(Кладёт самородок в ящик стола, а бумагу в папку.)*

Второй ходок. Только уж, матушка, ты попроси, чтоб заклятье наложили на Волокиту Судебную эту посильнее. Чтоб расплющило её, окаянную.

Первый ходок. Да чего там заклятье? В кувшин её да в море. И вся недолга.

Секретарша. Круть! Вы там чего, за Уралом, кино, что ли, обсмотрелись?

Второй ходок. Ты, кум, правда, чего плетёшь-то? Это ж столица. Тут так уже давно не

делают. В наше-то время, наверно, как-то по-другому издеваются.

Секретарша. Обяжем ежемесячно отчётность сдавать – сама утопится. *(Встаёт, берёт папку.)* Ну, мне работать надо, а вы ступайте.

Первый ходок. Мы пойдём. А ты, матушка, не сомневайся, шкатулку малахитовую мы тебе пришлём, как на завод вернёмся.

Второй ходок. И набьём её доверху такими самоцветами, каких здесь никто отродясь не видывал.

Кланяясь, уходят.

5

На сцене Фей и Секретарша.

Секретарша. Ну и как там, в сказке?

Фей. Без денег и в сказке плохо. Финдиректор где?

Секретарша. Сказать?

Фей. Э-э-э. Думаю, лучше не надо. Если, конечно, это всё, что ты о его местонахождении сказать можешь. Понадеялся на тебя.

Секретарша. Ну не смогла я, не смогла.

Фей. Ты не смогла, а меня там из-за этого орки гоняли.

Секретарша. Орки в «Золушке»?! Круть! С детства об этом мечтала.

Фей. Да не в «Золушке» – на базаре. Карету у них в рассрочку взять хотел.

Секретарша. У орков в рассрочку?! Ваще круть! А я и не знала, что вы такой герой.

Фей. Ну, я всё же эльф по маме.

Секретарша. А я о чём-то таком всегда догадывалась. И что с каретой?

Фей. Нет кареты. Платье и туфельки вот только взять удалось. И то напрокат, до полуночи. А карету – нет.

Секретарша. Оппа. Значит, овца на бал не едет?

Фей. Не в ту сторону думаешь! Мы расширения бюджета не получаем – вот в какую сторону подумай.

Секретарша. Чё-то я и правда берега маленько потеряла. Сейчас найду. Сейчас, сейчас. А вы пока вот эти бумаги подпишите.

Фей *(начинает не глядя подписывать бумаги)*. Поищи, поищи.

Секретарша. Всё. Нашла. Давайте её испепелим.

Фей. Кого?

Секретарша. Золушку. У неё и имя подходящее.

Фей. Ты чокнулась, что ли?

Секретарша. Да вы до конца план-то дослушайте. Значит, мы её испекаем, а потом докладываем, что она иностранный шпион, экстремист и пятая колонна. Фактуру я подберу. Нам за это не только бюджет увеличат, но и по ордену дадут.

Фей. Ты правда чокнулась. Ну хоть вдумайся, что ты предлагаешь? Чтоб я вот эту фигню про шпионов и колонны экстремистов попробовал Крёстной Фее впарить?

Секретарша. Не поверит?

Фей. Ты бы поверила? Ну и Крёстная Фея не глупее, уж будь уверена. И будет нам с тобой вместо увеличения бюджета оптимизация.

Секретарша. Ой. Не надо. Это негуманно.

Фей. Тогда умней что-нибудь выдумывай.

Секретарша. А ничего тут больше не выдумашь, как обратиться к Тыкву. Он в карету умеет превращаться.

Фей. Обращался уже. Он меня в пим дырявый послал.

Секретарша. Так вы, наверно, к нему тоже, как к оркам, с пустыми руками обращались.

Фей. Ну конечно! А с какими ещё-то?

Секретарша. Вы прям как ребёнок у меня. Надо с полными.

Фей. На. Наполни.

Секретарша. Я могу. Записочку могу Тыкву черкануть – он в карету и превратится. А может, даже в автомобиль.

Фей. И что там, в этой записочке, будет?

Секретарша. А в записочке той будет написано, от моего имени, конечно, не от вашего, что мы можем с пониманием отнестись к его торговле дурью, если он с таким же пониманием отнесётся к нашим транспортным проблемам.

Фей. Дурью? В сказке?!

Секретарша. Тш-ш-ш. Что вы кричите?

Фей. Нас не слышит никто.

Секретарша. А вдруг?

Фей. Как ты додуматься могла до такого предложения: наркоту в сказке разрешить?

Секретарша. Во-первых, только лёгкую. Это сейчас мировой тренд.

Фей. Только через мой труп!

Секретарша. Во-вторых, исключительно в лечебных целях.

Фей (*берёт в руки магический жезл*). Всё. Моё терпение на сегодня лопнуло. Сейчас ты у меня схлопочешь.

Секретарша. А в-третьих, кто сказал «разрешить»? Да ни в коем случае! Только через ваш

труп! Я ж не разрешать предлагаю, я предлагаю «отнестись с пониманием». Это совсем другое дело.

Фей. Да в чём разница-то?

Секретарша. Разница в том, что в этом случае ничего на бумаге фиксировать не надо.

Фей. Ой, не знаю.

Секретарша. А вы представьте. Карета. Несчастливая сиротка веселится на балу. Крёстная Фея довольна. Бюджет растёт. Штаты увеличиваются. Ну как, шеф, я пишу записочку Тыкву?

Фей. Вот что. Помнишь, я новую сказку заказывал? Про вегетарианцев? Как там с ней дела?

Секретарша. Черепанов говорит, уже к тестированию на местности приступили.

Фей. Ну тогда фиг с ним. Потерпим. Пиши записку.

Секретарша. А вот она.

Фей (*пряча записку в карман*). А точно, сработает?

Секретарша. Пусть только попробует не сработать.

Фей. Ну, я в «Золушку».

Секретарша. Берегите себя. Вы такой отчаянный. Наверно, и по папе тоже эльф.

6

На сцене Настенька и Отец Настеньки.

Отец Настеньки. Вот, наверно, этот лес подойдёт. Густой, тёмный.

Настенька. Ну и папаша мне в этот раз достался!

Отец Настеньки. Здесь, пожалуй, тебя и брошу.

Настенька. Да по тебе ювенальная юстиция плачет. В три ручья.

Отец Настеньки. Ничего не могу поделывать. У меня строгий приказ.

Настенька. Это ты следователю расскажешь.

Отец Настеньки. Ну, доченька...

Настенька. Чё, мухомор маринованный?

Отец Настеньки. Бывай здорова. Может, тебе пирожков оставить?

Настенька. Себе заberi. И засуши. Тебе сухари скоро пригодятся.

Отец Настеньки. Ну, пошёл я.

Настенька. А и правда, пошёл ты!

Отец Настеньки уходит.

Телефон не ловит. Вот завёз, козёл. Ладно, обойдусь. Как там учили? С северной стороны у сосен мох? Или с южной? Тьфу, да здесь со всех

сторон мох. Тоже мне, делают сказки. Экономят на консультантах, халтурщики.

Появляется Фей. Останавливается. Озирается.
(тихо). Оба-на. Вот кого тут увидеть не ожидала. Спокойней, Настя, кажись, маза прёт.

Фей. Как-то я неудачно в сказку зашёл. Навык, видать, растерял.

Настенька (бросается к Фею). Помогите!

Фей. Настенька? А ты здесь как?

Настенька. Завезли меня сюда и бросили. Мне так страшно! (Прижимается к Фею.) Я такая слабая! Такая беззащитная!

Фей. Ты одна здесь, что ли?

Настенька. Совсем-совсем одна. Тут вообще ни души на сто вёрст.

Фей. Фига се, занесло меня. Надо нам с тобой как-то выбираться.

Настенька. Конечно, надо. Я тут тропинку видела. Но одна по ней идти боюсь. Пойдёмте, я покажу. (Уводит Фею.)

7

Секретарша в кабинете. Работает с документами.

Секретарша. А здесь что у нас? Ага, опять письмо от Скуперфильда. Ну посмотрим, до чего ты там дозрел. Так, так, так, ага, ага, ага. Вижу, не дозрел ты ещё до настоящего разговора. (Убирает письмо и начинает печатать на ноутбуке.) Слишком ты Скупер, господин Фильд. Потому вот такой тебе ответ:

«От начальника департамента сказок
г-на Фея
начальнику коммерческого отдела
г-ну Скуперфильду

По-прежнему не могу согласиться с Вашим предложением об установке холодильников с продукцией «Кока-кола» во всех лавках и кабачках сказки «Лоскутик и Облако». Я понимаю, что именно там это особо выгодно, но это сделает ненужной штатную единицу Облако, а на сокращение штатов в настоящий момент мы пойти не можем по причине всё ещё длящегося конфликта с Профсоюзом неантропоморфных работников. Вряд ли в этих условиях они дадут согласие на сокращение своего профсоюзного активиста.

Дата. Подпись».

(Поднимается из-за стола.) Ну, и большая круглая печать, которую я так боюсь, что шеф её даже и не прячет. (Ставит печать.) Вот так. Думай, Скуперфильд, думай. Мой телефон ты знаешь.

Появляется Настенька. Весёлая, довольная, помахивает какой-то бумажкой.

А эта сирота в третьем поколении здесь откуда?

Настенька. Я зашла к тебе, ондатра плюшевая, показать кой-чего.

Секретарша. А здороваться тебя не учили, Настенька?

Настенька. Я теперь не Настенька. Знаешь, как меня зовут?

Секретарша. Давно знаю. И не я одна.

Настенька. Ой-ой-ой. На, читай. Это приказ про меня. Подпись узнаешь?

Секретарша (берёт у Настеньки бумагу, читает). Бла-бла-бла... «Перевести в сказку «Аленький цветочек» на должность Алёнушки».

Алёнушка (забирает приказ). Поняла, выдра? Я теперь младшая дочь купца-олигарха. И, заметь, любимая дочь.

Секретарша. Я так рада за тебя, Алёнушка. Вот ты не веришь, а я правда-правда рада! Ты такая жизнестойкая, нигде пропасть не можешь. Мне только интересно, а за что тебе такое повышение? Впрочем, не говори. Я уже догадалась за что.

Алёнушка. Вот совсем не за то, за что ты подумала.

Секретарша. Ну я вообще-то подумала, что за высокие квартальные показатели. А, оказывается, причина в другом, да, Алёнушка?

Алёнушка. Ладно. Заболталась я тут с тобой. Ты хоть убедилась, что я не совсем ещё енот?

Секретарша. Ну что ты, какой же ты енот? Ты антилопа. Безрогая.

Алёнушка. Почему это?

Секретарша. Сколько лет ты у нас работаешь и до сих пор не поняла, с кем здесь дружить надо.

Алёнушка. С тобой, что ли, скрепка канцелярская?

Секретарша. Ну что ты, Алёнушка. Зачем со мной дружить? Я тут так, побегушка-поскакушка. Куда уж мне до любимой дочки олигарха.

Алёнушка. Вот и торчи здесь, в конторе. А мне на тропический остров пора. К принцу. Папочка мне жениха титулованного подогнал.

Секретарша. Как я за тебя рада, Алёнушка! Какая ты счастливая!

Алёнушка. Я тебе оттуда, так уж и быть, ананас в подарок пришлю.

Секретарша. Ой спасибо. Только, Алёнушка, как сама ананасики кушать будешь, не забудь с них сначала кожуру снять. А то у тебя

уже раз было. Хотя ты их лучше вообще не кушай. У тебя же желудочек больше к морковочке привык. Животик схватит. Папочка-олигарх расстроится.

Алёнушка уходит. Секретарша подсказывает с кресла, хватает зеркало и плюёт в него.

Дура рогатая, сама во всём виновата! Отпустила шефа одного! Почему он у тебя по сказкам шляется?! Почему у него на это время есть?! Ой, чего это я? *(Начинает вытирать зеркало.)* Прости меня, моя хорошая, моя любимая. Ты такая добренькая, такая красивенькая, такая умненькая. Как же ты можешь быть в чём-то виновата? А кто тогда виноват? Ага, знаю, это вот эти, люди из-за Урала! Задурили мне голову своей Огневушкой-Потаскушкой! Это из-за них всё! Испепелю всех троих! Ой, а кто тогда мне самоцветы подгонит? Да что же это за день-то сегодня? Пожертвовать, что ли, самоцветами? Нет, не могу. Жалко! Придётся этих ходоков простить. *(Смотрясь в зеркало.)* Какая же ты у меня добренькая. Хотя они, наверно, и не виноваты. Вспомнила я, кто тут на самом деле виноват. *(Взмахивает рукой.)* А нука, дед, встань передо мною, как лист перед травой!

Из-за кулис выпрыгивает Отец Настеньки.

Отец Настеньки. Чего по-нормальному-то не вызвала? Больно же.

Секретарша. Коряга старая, трухлявая, волками ободранная, я куда тебе приказала эту путану пучеглазую деть?

Отец Настеньки. В лес.

Секретарша. А ты куда её отвёз?

Отец Настеньки. В лес и отвёз.

Секретарша. В какой именно лес, старая ты сволочь? Их много.

Отец Настеньки. В самый-самый дальний. Чтоб наверняка.

Секретарша *(хватается за голову)*. Наверняка!

Отец Настеньки. Да, наверняка. Уж вёз-вёз, вёз-вёз. Потом гляжу, вокруг все в одеждах заграничных ходят. Ну, думаю, в самую даль завёз. Стало быть, место подходящее.

Секретарша. В одеждах заграничных? *(Ошарашенно.)* Он её отвёз в «Золушку». Бабушка, матушка, вы слышите? Этот идиот её отвёз в «Золушку»! Другого леса ему не нашлось!

Отец Настеньки. Ежели что не так, извиняюсь. Я зла-то не хотел тебе, госпожа. Добро хотел сделать.

Секретарша. Дед, хочу, чтоб ты перед смертью знал: зло на земле появилось в тот день и час, когда дураки добро делать начали. Злу больше появляться-то неоткуда.

Отец Настеньки. А почему перед смертью?

Секретарша. А потому, что я сейчас тебя испепелю. *(Расстилает простынь.)* Вот, дед, вставай на эту простынку. Чтоб уборщице потом было удобней твои останки выносить.

Отец Настеньки *(падает на колени)*. Помилуй!

Секретарша. Зачем?

Отец Настеньки. Как – зачем? Жить хочу.

Секретарша. Я не про тебя, я про себя спрашиваю: «Мне зачем тебя миловать?» Ладно. Правила ты знаешь: у тебя есть пять секунд, чтоб объяснить, на кой чёрт ты мне живой сдался. Раз...

Отец Настеньки. Морозко!

Секретарша. Чего – Морозко?

Отец Настеньки. Лесом он на сторону торгует, морда кулацкая.

Секретарша. Вот это интересно. Сможешь доказать?

Отец Настеньки. А как же! У меня всё записано: когда, кому, сколько и за сколько.

Секретарша *(подумав)*. Знаешь, дед, самое важное – это понять, в чём смысл жизни. Тебе повезло, я сегодня поняла, в чём для меня смысл твоей жизни. Поэтому поживёшь пока. Вали отсюда. Завтра принесёшь мне свои бумаги.

Отец Настеньки убегает.

Ах, Морозко! Ах, Санта-Клаус генно-модифицированный! И ни разу не поделился. Ни разу даже подарочка не заслал. Обмануть решил. *(Смотрится в зеркало.)* Ну как же можно такую хорошую, такую красивую – и обманывать? Да за это...

Раздаётся сигнал смартфона. Секретарша достаёт его, смотрит.

Она мне уже селфи шлёт с тропиков! *(Швыряет смартфон в стену.)* Испепелю я сегодня кого-нибудь или нет?!

Появляется маленький скрюченный человек с толстой папкой в руках.

Человек. Как мне увидеть господина Фея?

Секретарша. Кругом! В коридор шагом... марш!

Человечек разворачивается и уходит за кулису.
Секретарша идёт следом. Раздаётся громкий хлопок. Валит дым. Секретарша выходит на сцену.

Ой как сразу полегчало-то! (*Смотрит в зеркало.*) Ути, как у нас мордочка закоптелась. Прямо чучелко какое-то. Сейчас мы вытрем всё. Сейчас, сейчас. Вот если взбесишься, испепелить кого-нибудь – первое средство. Так тихо на душе становится, так светло. И сразу чертовски тянет поработать. (*Садится за компьютер.*) Сейчас шефу план жизни составим. А то он что-то разбаловался у меня совсем, эльф Трахаэль. И про эту тоже не забудем. Ананас она мне пришлёт, лошадь блохастая. Я тебе сейчас таких ананасов накидаю.

8

Появляется Фей.

Секретарша. Судя по лицу, всё прошло успешно?

Фей. Ты даже не представляешь насколько.

Секретарша. Ну почему же? Могу представить. Вы выглядите так, будто у Тыква товар его попробовали. Я так понимаю, карета есть?

Фей. Есть.

Секретарша. Очень хорошо. Орки не встречались?

Фей. Нет.

Секретарша. Тролли?

Фей. Там – нет. Сейчас одного вижу. Чего это у нас в приёмной скелет обожжённый валяется?

Секретарша. Да так, шлимазл какой-то под горячую руку подвернулся. Не обращайтесь внимания.

Фей. Ну ты даёшь. А как его звали?

Секретарша. Понятия не имею, первый раз видела. Да не парьтесь вы, проведём по отчёту как оптимизацию.

Фей. Как он выглядел-то хоть? До оптимизации.

Секретарша. Хуже, чем сейчас. Мелкий такой, тощий, скрюченный.

Фей. Ты что наделала?!

Секретарша. Стресс сняла! А виноваты во всём вы!

Фей. Я?!

Секретарша. Ну не я же! Сколько раз я вам предлагала, давайте устроим комнату для релаксации. Чтоб сауна, бассейн, музыка лёгкая. И было бы где напряжение снимать. А вы всё:

бюджет, бюджет. И вот к чему мы пришли с вашей экономией! Ну и отвечайте теперь за всё!

Фей. Это же такой полезный человек был.

Секретарша. Если он такой полезный, чего он такой мёртвый? Мои полезные все живы-здоровы. А вы вот как о кадрах заботитесь.

Фей. Ой, что наделала, что наделала!

Секретарша. Вы меня заинтриговали. Чем это он вам так дорог был?

Фей. Да он же надзирающий был за всеми сказками. Смотрящий и слушающий. Следил, у всех ли мысли правильные? Все ли нравственно себя ведут? Нет ли где экстремизма? И всё мне тайно сообщал. Он даже хотел какой-то совет по общественной нравственности создать. Вот сколько креатива в нём было! Я ж без него как без глаз.

Секретарша. И опять выходит, что я права. Моя бабушка рассказывала, что в старину для таких вот надзирающих правило было: доносчику первый кнут.

Фей. Какая старина?! При чём здесь старина?!

Секретарша. А я консерватор. И из консервативной семьи. Для меня обычаи предков святы. Это для вас, либералов, ничего святого нет. На традиции наши вам – тьфу!

Фей. Чё она городит?!

Секретарша. На людей – тьфу! Пусть горят.

Фей. Горшочек, не вари уже!

Секретарша. На меня – тьфу! Даже не поинтересовались, с чего это я в стресс впала?

Фей. Дай угадаю: из-за меня.

Секретарша. Это само собой! А из-за чего именно? А именно из-за вашей кадровой политики. Нашли тоже кого в «Аленький цветочек» назначать.

Фей. Ах вот в чём дело! Знаешь уже?

Секретарша. А вот представьте, знаю. Обхожусь без общественных надзирающих.

Фей. А то начала здесь городить чёрт-те что: «консерваторы», «либералы», «традиции». Теперь всё понятно.

Секретарша. Наконец-то. А мне непонятно, как можно так кадровые вопросы решать?

Фей. Ну, понимаешь... мне же тоже стресс снимать надо.

Секретарша. Добились противоположного.

Фей. Я уже чувствую.

Секретарша. Не туда чувствуете. Эта Алёнушка вам ещё устроит. Нашли кого под по-

кровительство братья. Увидите, как она вас отблагодарит. Со мной бы хоть посоветовались. Я же знаю всех этих Алёнушек, Настенек, Машенок и прочих синдерелл как облупленных. Только и делают, что ищут, как бы им за принца или за царевича выскочить. За работягу ни одна ещё не вышла. Даже Белоснежка, хоть работяги её спасли.

Фей. Может, тему сменим?

Секретарша. А о чём с вами говорить после этого? Вообще не о чем. Вот. *(Протягивает папку.)* Пока вы там стресс снимали, я, как обычно, работала. Подпишите.

Фей. Ну давай. Посмотрим, что за бумаги.

Секретарша. А у вас времени нет. Только на подписать осталось.

Фей. Как времени нет?

Секретарша. А вот так. Через пять минут у вас совещание с начальниками отделов по вопросу модернизации. Потом аппаратное по вопросу цифровизации. Потом коллегия по вопросу оптимизации цифровой модернизации. А завтра вы летите на пятидневный съезд сказочников-инноваторов.

Фей. Ну и ну. А работать-то мне когда?

Секретарша. А это и есть ваша работа. Думать о стратегических вопросах, о великих делах. Ну а черновую работу я на себя возьму. Не впервой. Уже и благодарности не жду. Меня-то вы на тропический остров никогда не отправите.

Фей. Да полно тебе. Ну, если так уж хочешь, можно устроить тебе тропики.

Секретарша. Только и думаете, как от меня избавиться! Ну давайте, давайте, отправляйте на остров необитаемый. Или вообще падчерицей к самой злой мачехе.

Фей. Нет, вот к злой мачехе я тебя не отправлю.

Секретарша *(кокетливо)*. Почему?

Фей. Потому что ни одна злая мачеха ещё до такой степени не провинилась.

Секретарша. Вот вы как про меня думаете? Все меня обижают. Ладно, сама виновата. Безответная – так, значит, можно.

Фей. Слушай, безответная, я вот чего тебе скажу...

Секретарша. У вас минута до совещания осталась.

Фей. А, чёрт! Скелет убери. *(Убегает.)*

Секретарша. «Скелет убери, скелет убери». Не по фэншую лежит, что ли? Уборщицу тут нашли. Стоп. А чё это я? Ща уберём. *(Берёт телефон, набирает номер.)* Привет, Айбо-

лит! Узнал? Слушай, доктор, помнишь, ты на той неделе спрашивал, где бы тебе скелет настоящий купить? Я тебе достала. Оплачивай и забирай. Самовывоз из моего кабинета. Конечно, прямо сейчас можно. Да не за что, не за что. *(Выключает вызов.)* Всё-таки как же хорошо добрые дела делать! Айболит так обрадовался, что мне и самой радостно стало. Нет, что ни говори, а нам, добрым, жить хоть и тяжелее, но приятнее.

9

Совещание. За столом Фей и два чиновника.

Первый чиновник. Таким образом, на этом пленнинге мы наглядно видим, как имплементация интеркоучинговых моделей в данном кластере может привлечь средства инвесторов, в том числе с помощью эндаумента. Этот кейс вам понятен?

Второй чиновник. Но не надо забывать, что конкресцирование абстрактных идей в сфере пластики представляет ту фазу самоищущего духа, в которой он, определяясь для себя, потенцируется из естественной имманентности в гармоническую сферу образного сознания.

Фей. А может, на русский перейдём?

Первый чиновник. А мы на каком говорим?

Фей. Не знаю.

Появляется Секретарша.

Секретарша *(громким шёпотом)*. Шеф. Пст. Шеф. ЧП у нас, шеф.

Фей *(с облегчением)*. Так. Всё. Перерыв. *(Заметив недоумённый взгляд чиновников.)* Я хотел сказать, кофе-брейк.

Чиновники уходят.

Секретарша. Оба-на! Они у вас что, только пиджин-инглиш^{*} понимают?

Фей. Если бы. У них теперь вообще какой-то свой язык. Ну говори, какое ЧП? Где?

Секретарша. В «Золушке», конечно. Я вам сто раз говорила: от этих сироток-ангелочков одни беды.

Фей. Что там?

Секретарша. Вы овцу предупреждали, что ей до полуночи ускакать с бала надо было?

^{*} Пиджин-инглиш – упрощённый вариант английского языка, разработанный в конце XVIII века специально для общения в британских колониях. Представлял из себя смесь английского языка с местным. По причинам, науке неизвестным, обрёл большую популярность в России XXI века.

Фей. Конечно!

Секретарша. Значит, плохо предупреждали. Короче, часы полночь пробили, когда она на столе танцевала.

Фей. Ой!

Секретарша. На ней одни туфельки и остались.

Фей. Чего её на стол-то понесло?

Секретарша. Упилась девочка. Говорят, она приехала уже хорошо ужаленная. Из кареты вылезла – чуть не упала.

Фей. Вот сволочь!

Секретарша. А я говорила.

Фей. Я не про Золушку. Я про карету. У нас в роли кареты кто был? Забыла?

Секретарша. Думаете, он Синдерелле дурь толкнул по дороге?

Фей. А кто?

Секретарша. Круть, а не карета. Ни у кого такой нет.

Фей. Так, что со сказкой о вегетарианцах?

Секретарша. Черепанов говорит, что всё готово. Может уже и действующую модель показать.

Фей. Вызывай его немедленно. Пора прекращать этого Тыква.

Секретарша. Лучше сироток прекратите. Я вам что про вашу Алёнушку распрекрасную говорила?

Фей. Всё говорила.

Секретарша. Я вам говорила, что отблагодарит она вас? И отблагодарила. *(Достаёт из папки несколько листов бумаги.)* Любуйтесь. Жалобу она на вас накатала. Самой Крёстной Фее.

Фей. А как жалоба у тебя оказалась?

Секретарша. Ну вы даёте. Совсем порядков, что ли, не знаете? Жалоба же на вас?

Фей. На меня.

Секретарша. Ну вот её вам и переслали. Кому ещё-то?

Фей. А чё, порядок хороший. Правильный. Мне нравится.

Секретарша. А кто придумал? Я придумала. Стараешься, стараешься...

Фей. Лучше скажи, что там в жалобе?

Секретарша. Она жалуется, что на тропическом острове ни принца, ни чудовища так и не нашла. И кроет вас по этому случаю последними словами.

Фей. Как не нашла? А где чудище?

Секретарша. В запое.

Фей. Почему?

Секретарша. Потому что чудище.

Фей. Но он же ещё и принц.

Секретарша. Хватились. Это он до оптимизации принц был. А сейчас просто чудище. Его теперь куда ни целуй, всё та же страшила пьяная и останется. Ну, он с горя и запил.

Фей. Когда это мы его оптимизировали?

Секретарша. Забыли уже? В тот самый день, когда вы эту крысу Алёнушкой назначили. Вот приказ. Подпись ваша?

Фей. Подпись – моя. Как писал – не помню. Но это какая-то неправильная оптимизация. Как это: был принц – стал чудище?

Секретарша. И очень хорошо. Принцев у нас полным-полно. От Калининграда до Владивостока ставить не переставить. А годные чудища в наше время редкость. Хорошо, что сегодня Вия с капремонта вернули. Я его пока в коридоре у нас поставила.

Фей. Ну про это ты не мне, а подружке своей Панночке расскажи.

Секретарша. А что, я Панночку очень уважаю. Девка правильно жизнь понимает. Не то что ваша Алёнушка любимая. Вы почитайте, что она пишет про вас.

Фей. Читаю, читаю... Ах, дрянь!

Секретарша. Да ваще шушера румынская.

Фей. Вот дрянь какая... Уволить на хрен. Пиши приказ!

Секретарша. Ой, чего это вы так круто? Чего сразу увольнять-то?

Фей. А тебе что, её жалко, что ли? Она ведь и про тебя тут пишет. Вот слушай: «Эта рогатая прости...»

Секретарша. Я читала.

Фей. И жалеешь?

Секретарша. Ну вот такая я добрая уродилась. Меня уже и бабушка, и матушка за доброту ругали, ругали. А я ничего с собой поделить не могу. Я как представлю, что эта Алёнушка будет тут бродить – безработная, неприкаянная, постоянно у меня на глазах. И сразу так сильно простить её хочется...

Фей. А вот в другом месте она слушай что про тебя пишет...

Секретарша. Да читала я, читала.

Фей. И прощаешь?

Секретарша. Изо всех сил. Давайте её увольнять не будем, а просто из «Аленького цветочка» уберём. Чего ей там без принца?

Фей. Ну, делай что хочешь. А мне в «Золушку» опять спешить надо. Может, как-то ещё получится ситуацию исправить.

Секретарша. Ну а у кого ещё лучше вас получится?

Фей. И чтоб к моему приходу сказочники с моделью сказки здесь были.

Секретарша. Они с утра здесь. Только не в приёмной, а в баре.

Фей уходит. Секретарша садится за компьютер. Так-так, а кому это в тропиках не работалось, а? Кто это у нас шибко грамотный? И кто это, кстати говоря, так мне ананас и не прислал? (*Берёт из принтера распечатанный текст приказа.*) И кто это теперь поедет работать в сказку «Умка»? (*Напевает.*) Спят твои соседи, белые медведи. Обморозишься, коза.

10

Секретарша с пачкой бумаги в руке отчитывает какого-то ангелочка.

Секретарша. Слушай меня, херувимчик... Ангелочек. Серафимчик.

Секретарша. А мне плевать. Ты, если и дальше хочешь у меня в секретариате работать, делай, что я, и только я, говорю. Вот это что? (*Кидает пачку бумаги ангелочку в лицо.*) Я сто раз тебя учила: нормальный документ – это минимум десять страниц мелким шрифтом. Переделай все бумаги сейчас же. Понакупят дипломов, а мне возись тут с детками блатными. Я на твои связи в верхах не посмотрю, ты у меня быстро из управления в сказку о Великом Маниту вылетишь. Там из таких, как ты, головные уборы делают. О, наш шеф идёт. И опять с подозрительно довольным лицом. Так, серафимчик, расправь пёрышки на попке и лети к себе в кабинет.

Ангелочек убегает. Входит Фей.

Дайте угадаю: всё опять прошло так хорошо, что я и представить себе не могу?

Фей. Ага. Не только ты, даже я представить себе такого не мог.

Секретарша. И она теперь не Золушка, а кто?

Фей. Принцесса!

Секретарша. С какой стати?

Фей. Ну, жена принца кто, по-твоему?

Секретарша. Овца кенийская.

Фей. Нет. Именно принцесса.

Секретарша. Это одно и то же. Значит, счастливый конец?

Фей. Да. Принц сделал ей предложение. Прямо там, на балу.

Секретарша. Надеюсь, в столь торжественный момент на ней хоть что-нибудь кроме туфелек было?

Фей. Нет. Впрочем, на принце тоже.

Секретарша. А это почему?

Фей. Я его в ту самую карету запихнул и прокатил. Круга три. Он потом выполз из неё и давай всем предложения делать. Сначала карете, потом статуе какой-то, ну а на третий раз уже Золушке. Тут-то я их и оженил.

Секретарша. Самое время продолжение к «Золушке» заказать.

Фей. А какое там может быть продолжение?

Секретарша. Немецкое. С грифом «18+».

Фей. Интересное предложение. Но нашему департаменту это не подойдёт. Сказок «18+» не бывает.

Секретарша. Скукота. Скрываем правду жизни от детей.

Фей. Кстати, о новых сказках. Где твой Черепанов с моделью сказки про вегетарианцев?

Секретарша. В приёмной они вместе с Лёшей спят. Вы не заметили, что ли?

Фей. Я думал, это Вий после капремонта.

Секретарша. Нет, это наши сказочники. Вий чуть подальше топчется.

Фей. А они другого места не нашли, чтоб дрыхнуть?

Секретарша. Нашли. Они уснули-то в баре. Ждали, ждали там, когда вы их вызовете. Ну и устали. Я распорядилась, чтоб их сюда перетасили. А то проснутся в баре и опять устанут.

Фей. Буди и зови сюда.

11

Секретарша уходит за кулисы. Оттуда слышится громкий хлопок и чьи-то дикие крики. Секретарша возвращается. За ней идёт сильно поддатый Черепанов с большим ящиком под мышкой и тащит на себе ещё более пьяного Лёшу.

Секретарша. Вот полюбуйтесь: горностаюшка идёт, бела соболя ведёт.

Черепанов (*ставя ящик на стол перед Феем*). Привет кормильцам. Вот, как заказывали. Сказка о вегетарианцах. Действующая модель в масштабе один к сколько-то там.

Лёша (*тянет руки к горлу Фее*). Чё?

Черепанов (*отводит Лёшины руки*). Лёша, не надо.

Фей (*вглядываясь в Лёшу*). А я этого узнал. Это же он нам в том году создал дятла, который не долбит деревья, а сверлит?

Секретарша. Он, он. Кто ж ещё-то? Укушается «в полено» и творит. Творения.

Лёша. Чё? Полено?!

Секретарша. Ты чё-то вянькнул, маленький?

Черепанов. Он сказал: «Чиполлино».

Фей. А что это такое? Дятел, который строгаёт?

Лёша (*тянется к горлу Фея*). Чё?

Черепанов. Не надо, Лёша. (*Фею*.) Это не дятел, это название нашей новой сказки.

Секретарша. Первый раз такое слово слышу.

Черепанов. Это потому, что ты тёмная.

Секретарша. Черепанов, ты у меня берега путать не начал, а?

Черепанов. Ну что ты, любовь моя! Как можно? Я ж хотел сказать: «Ты тёмная, как июльская полночь, и такая же прекрасная».

Секретарша. Ох, Черепанов. Ох, змий райский.

Фей. Ладно. Хватит вам любезничать. Давай покажи мне, что тут и где в вашей модели. А то там все мельтешат, кричат чего-то.

Черепанов. С превеликим удовольствием. За основу мы взяли стандартную схему и добавили к ней вегетарианство. Вот тут – кровавые тираны, народа угнетатели. Вот это – свирепая оппозиция, тиранов убиватели. Вот эти вот – злобный народ, на всё забиватели. А вот там у нас – кровожадные...

Фей. Тебе бы сказки писать не детям, а омовцам.

Секретарша. А мне нравится. Бодрая такая сказка получается. Прямо фэнтези про веганов.

Фей. Стоп. До меня дошло. У тебя все персонажи – овощи и фрукты, так?

Черепанов. Ну.

Фей. И они же одновременно вегетарианцы? Так чем же они питаются-то?

Черепанов. А они вегетарианцы-каннибалы.

Секретарша. Круть! Такого, Черепанов, я даже от тебя не ожидала.

Фей. Я, когда сказку заказывал, как-то иначе всё это представлял. Ой, вы гляньте, что они творят-то друг с другом. Ой... ой.

Секретарша. Ути, маленькие такие, а шустрые. Прямо пусеньки. И какие изобретательные, вон на тех гляньте. Правда, круть?

Фей. Ну, эту круть придётся редактировать и редактировать, прежде чем детям показывать.

Лёша (*тянется к Фею*). Чё?!

Черепанов. Не надо, Лёша. Нешто мы с тобой не понимаем: сочиняют люди – редактируют боги.

Фей. То-то. Ладно. Сказку принимаем. (*Секретарше*.) Бери планшет, будем писать распоряжение о вводе сказки в эксплуатацию.

Черепанов. Аванс бы с вас, кормилец.

Фей. У меня моды такой нет – авансы платить. Вот запустим сказку, тогда всё и получите.

Черепанов отпускает Лёшу, и тот рушится на пол.

Черепанов. Не для себя прошу. Друг Лёша помирает. От голода. И обезвоживания. Ну что ж вы? Художник же гибнет на ваших глазах.

Секретарша (*Фею*). Дайте вы им чего-нибудь в клюв. Эти ж упыри не отстанут.

Фей. Ну ладно. (*Пишет записку и отдаёт её Черепанову*.) Найди нашего финансового директора и отдай ему эту записку. Получишь у него свой аванс. (*Секретарше*.) Пойдём работать.

Уходят.

Черепанов (*поднимая Лёшу*). Вставай, Лёш. Труба зовёт.

Лёша. Чё?

Черепанов. Лёша, чего ты сегодня заладил «чё-чё» да «чё-чё»?

Лёша. Черепанов, мы где, а?

Черепанов. Это неважно, Лёш. Важно, что сказку мы продали. И вот аванс вырвали. Только финдиректора найти осталось.

Лёша (*оживляясь*). Черепанов, ты гений!

Черепанов. Я знаю, Лёшенька.

Лёша. А я?

Черепанов. Ты тоже, Лёша. Мы с тобой, Лёш, два гения в поисках финдиректора. Вот только у кого бы узнать, где он?

Лёша. А вон в коридоре кто-то топчется. Пойдём спросим.

Уходят за кулисы, дальнейший диалог слышится оттуда.

Лёша. Ну и морда! Черепанов, глянь, прямо ты с похмелья.

Черепанов. Неостроумно, Лёшенька. Уважаемый, а покажите нам, где у вас тут финансовый директор?

Ви. Поднимите мне веки! Не вижу!

Черепанов. Лёша, давай. Раз-два, взяли! От так!

В и й. Вот он! Хватайте его!

По сцене пробегает финдиректор, за ним сказочники.

Финдиректор. Отстаньте, бессмысленные!

Черепанов. Лёша, вправо, вправо его гони!

Скрываются за кулисой, дальнейший диалог слышится оттуда, удаляясь и затихая.

Лёша. Я его поймал! Черепанов, сюда!

Финдиректор. Люди! На помощь, люди!

Черепанов. За горло его, Лёшенька, за горло!

Финдиректор. Караул!

Черепанов. Покричи мне ещё, покричи.

Финдиректор. Кара...

Черепанов. Покарай мне ещё, покарай.

12

На сцене Фей и Секретарша.

Фей. Ну и пункт сто двадцатый, последний: «Считать на территории сказки «Чиполлино» книги «Радости вегетарианства» и «10 тысяч рецептов блюд из фруктов и овощей» экстремистской литературой. Предупредить, что за хранение и распространение этих книг в данной сказке виновные будут направлены на срок от трёх до пяти лет в «Сказку о том, как пингвинёнок искал свою маму». Всё. Распечатывай и на подпись.

Секретарша. Вот. Держите.

Фей (*подписывая*). Устал я сегодня чего-то.

Секретарша. А вы езжайте домой. Я вам уже и машину вызвала. Все уж разошлись, контора пустая. Только вы тут заработались.

Фей. А ты?

Секретарша. Ой, я уж забыла, когда последний раз дома была. Мне сегодня ещё Вия Панночке отправлять. Ну и так, по мелочам кой-чего.

Фей уходит.

(*закидывая ноги на стол*). Ой как хорошо-то, когда весь этот муравейник расползается. Тихо. Спокойно. Ну-ка, посмотрим, что за товар у Тыква. (*Достаёт папиросу и закуривает.*) Хм, смотри-ка, не обманул овощ. Качественный товар заслал. Правильно жизнь понимает. (*Набирает номер на телефоне.*) Здравствуй, Алёнушка. Узнала? Нет, что ты, меня не так зовут. Я чё звоню-то, узнать хотела, тепло ли тебе, девочка, тепло ли тебе, красная? Ой, Алёнушка, ты ругаешься прям как Иванушка. Но я на тебя не сержусь. Я тебе даже ананас в посылке послала. Своих денежек не пожалела, чтоб тебе удовольствие доставить. Покушай, а то когда ты теперь их увидишь? Куда-куда ты его засунешь?! Во у тебя фантазии девичьи! Ах, не себе... А кому? Не-а, не догадываюсь. Грубая ты, Алёнка. Уже не Алёнушка? И как же теперь тебя зовут? Какая-нибудь Алелекэ-итыган? (*Выплёвывает папиросу и вскакивает с места.*) Снежная королева?! Ты посмотри – и там не сдохла. Ой, простите, ваше величество. Ну, конечно, куда уж мне с коронованными особами разговаривать. Правильно, ваше величество, невежа я. Как кто? Ах, как последняя кухарка вашего дворца? Ни ступить, ни молвить не умею? Очень верно заметили, ваше величество. (*Швыряет телефон в стенку.*) Спокойней, спокойней. Тут с кондачка решать нельзя. Надо подумать, посоветоваться со старшими товарищами, почитать литературу соответствующую. Например, брошюрка есть хорошая. «История гильотины» называется. А шеф ещё спрашивает, почему я днём и ночью в офисе? Потому что сказка не сказывается сама по себе. Особенно в нашем департаменте...

Звучит музыка из передачи «В гостях у сказки».

Занавес закрывается.

Русский музей

В Музее изобразительных искусств Кузбасса открылись две выставки из коллекции Государственного Русского музея. Это выставка одной картины «Святая Русь» Михаила Нестерова и «Пейзаж в творчестве художников XIX – начала XX века».

Картина «Святая Русь» Михаила Нестерова – одно из главных живописных произведений Серебряного века, плод духовных исканий художника. Сюжет картины: к Христу, окружённому наиболее почитаемыми на Руси святыми, пришли богомольцы.

Выставка из 40 картин «Пейзаж в творчестве художников XIX – начала XX века» включает в себя работы не только признанных мастеров, таких как Алексей Саврасов, Архип Куинджи, Василий Поленов, Исаак Левитан, Константин Коровин, но и менее известных пейзажистов, творчество которых сформировало художественный фон своего времени. Основанное в 1870 году Товарищество передвижных художественных выставок объединило под знамёнами реализма все передовые художественные силы России.

Выставки проходят в рамках деятельности филиала Русского музея в городе Кемерово. Их работа продлится до 15 февраля 2021 года.

М. В. Нестеров. Святая Русь. 1906

А. К. Саврасов. Ранняя весна. 1880–1890

М. К. Клодт. На пашне. 1871

Ф. А. Васильев. Деревня. 1869

А. Е. Архипов. Рыболов (На реке). 1898

А. К. Бегров. Петербург. Вид на Неву. 1912

А. П. Боголюбов. Турция. Ортаке. 1865

Ольга
ХАПИЛОВА

НЕ ГОВОРИ, ЧТО ВРЕМЯ УТЕКЛО

ГОРИХВОСТКА

Очнулась сумрачная рань.
Слезой скатилась капля воска.
Воспрянь, душе моя, воспрянь:
Уже проснулась горихвостка!
На верхней ветке примостясь,
Под сенью горнего чертога
Ликует, в листьях не таясь, –
Так ждут Творца, так славят Бога.
Не страшен хвоящему суд –
Гряди юдолию земною!
Лишь в час, в который понесут,
Спой, горихвостка, надо мною!

* * *

Ты знаешь, конечно, о том,
что смертельно уставший
И жутко больной никогда
не становится в позу.
Однажды, наверно, я стану мудрее и старше,
Наш спор безрассудный
закончится в Божию пользу.
Не тем мы страдаем по жизни,
не тем себя лечим...
В душе обнажённой
расплатится Божья сиротка,

И с радостной болью признаю,
что крыть уже нечем,
И руки по швам опушу утомлённо и кротко.

Великое чудо: ещё улыбаются с неба,
В которое, верю, смотрела всегда
без лукавства;
И хлопья пушистые белого-белого снега
Падут на лицо моё самым желанным
лекарством.

93

ЯСТРЕБ

А когда на отчий край псы не лезли-то,
Не скрывало вороньё солнца ясного?!
Что ты ведал, милый друг, в жизни, если ты
Не держал ещё в руках птицу-ястреба?

Не видал его полёта былинного,
Оперения рябого, кольчужного?
Он стрелой играет, словно былинкою,
Он чурается спокойствия чуждого!

Ястреб спит и видит зорькой рассветною
Золочёную хоругвь, поле чистое,
И хранит тепло плеча Пересветова
Сквозь столетья его лапа когтистая!

Эх, бывлые времена, невозвратные,
Промелькнули, словно сон, в Лету канули!

ХАПИЛОВА Ольга Сергеевна родилась 14 июля 1981 года в пгт Темиртау Кемеровской области. Окончила Ново-кузнецкое медицинское училище. Фельдшер-лаборант участковой больницы. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «После 12» (Кемерово), «Русское эхо» (Самара), «Камчатка» (Петропавловск-Камчатский), «Дон» (Ростов-на-Дону). Автор двух книг стихов: «Молодое вино» и «Заповедное русское слово». Член Союза писателей России. Живёт и работает в Темиртау.

Покидали грешный мир люди ратные,
Но парили ястреба над курганами.

И сегодня, погляди, шулки в сторону,
Надвигается, гремит мгла зловеющая.
Пусть над Родиной моей зорким сторожем
Зависает ястребок, птица вещая!

ВИШНИ

Предоставил октябрь денёк лишний:
Это надо же так – без дождя утро!
Я сажаю на заднем дворе вишни –
В сорок лет начинается жизнь будто.
Надо мной, завывая, гудит ветер;
Слабый кустику дрожит в нагоме Ноя.
И никто не ответит на всём свете,
Отчего так тревожно в груди ноет.
Средь житейских невзгод и земных тягот
Ты тянись-принимайся, росток малый.
Я хочу, чтоб однажды твоих ягод
Непременно набрали отец с мамой;
Чтобы жить им на этой земле долго
Даровал милосердно Господь Вышний.
В сорок лет начинается жизнь только –
Я сажаю на заднем дворе вишни.

Не говори, что время утекло, –
Оставь надежду, всяк сюда входящий.
Мерцает свет сквозь тусклое стекло,
И жив вовеки свет тот низводящий!
В руладах птиц, гудении шмелей
Дыханье мира призрачно и глухо;
Здесь терпкий запах клейких тополей
Разбавлен мглой сиреневого духа.
Бредёшь чредой оградок извитых –
Настигнет сердце горнее радушьё:
Тепло, тепло неявленных святых
Одарит лаской родственную душу.
И горизонт пресветел и лучист,
Росой подёрнет веки и ресницы.
Покой, покой. Не шелохнётся лист,
И с неба крестит Божия десница.
Вся суета земная позади,
И стрелок ход споткнулся, охнул, замер...
И Ксения на кладбище сидит
И смотрит ввысь разумными глазами.

Неправда, что павшим
достаточно памяти близких!
Доехать, дойти и коснуться рукою оградки.
В часы пред рассветом
покрыты росойobeliski –
Солдатские судьбы страны
в алфавитном порядке.
Где мокла пехота и двигалась техника юзом,
Теперь, погляди, забаяканы страшной годиною,
Спят тихо герои всех малых местечек Союза,
Прижавшись друг к другу,
как братья в утробе единой.
Ты станешь бояться, что всё перепишут иуды
И как-то иначе об этом расскажется в школах...
Но тысячи тысяч бойцов, погребённых повсюду!
Но дед мой, погибший в бою
за деревню Вашково!

А дома всё так же,
лишь чёрный платок наготове,
И век до могилы здесь мнится
особенно длинным –
Ещё не однажды Сибирь обернётся по-вдовьи
На сдавленный клоч
новгородских полей журавлиных.

97

Пусть за резным окном так же цветёт сирень,
Машет вишнёвый сад белым своим крылом.
Господи, сотвори в Твой Невечерний день
Нашей большой родне сесть за одним столом,
Внуки моих детей, предки моих дедов,
Пусть за трапезой той всякий найдёт приют.
Буду идти, идти меж дорогих рядов,
Буду смотреть, смотреть,
слушать, о чём поют.
Пусть надо мной рука время совьёт в кольцо,
Канет в небытие смерти слепой оскал;
Станет так просто вдруг
каждого знать в лицо,
С каждым найти слова,
с каждым поднять бокал.
Всех вековых обид память сгорит дотла.
Нечего мне просить, только скажу: «Изволь,
Боже, остаться здесь, сесть во главу стола
И разделить-поесть с нами Твои хлеб-соль».

**Инна
КИМ**

ЗАВЕТНОЕ

Рассказ

Я проснулась от солнца и подумала: «Ещё один день. Господи боже мой!»

Нет, конечно, это счастье – всё лето в Крыму. И подружки, рассортированные по бабушкам, разумеется, мне завидуют. Но, если честно, посёлок Заветное, покоривший маму своим названием, – это совсем не то, о чём мечтают девочки-подростки.

Я тут торчу уже два месяца и ни с кем не подружилась. Мы с мамой живём, как древние люди, по солнцу и звёздам. Едим инжир с деревьев, снаружи он фиолетовый и нежно-зелёный внутри. А вайфай у нас такой медленный, хоть плачь.

Маме-то хорошо: она писательница, она от Заветного в восторге. Сидит у распахнутого окошка, стучит по клавиатуре. А мне что делать?

Я уже загорела и выгорела так, что похожа на собственный негатив: тёмное лицо, солнечно-белые волосы, ресницы и брови. Даже короткие волоски на руках и ногах светло-золотистые – от этого меня будто окружает сияние.

Мама смеётся: «Ты как дочка титана Атланта». А что? Имя у меня подходящее – Майя. Вот только мне совсем не помешали бы сестрёнки-плеяды: одной невыносимо скучно.

Первые дни было ещё ничего. Я тогда по цвету была похожа на луковицу без кожуры. Дорвавшись до моря, оттуда вообще не вылезала. Хотя оно казалось просто ледяным: всё-таки начало июня.

Я заплывала на глубину и висела над гигантскими разноцветными медузами, а они шевелили розовыми и голубыми, синими и сиреневыми перламутровыми парашютами-спинками и словно стеклянными щупальцами, раскрываясь, как дикий цветы.

В общем, моим единственным здешним другом стало море. Закаты. Рассветы. Бродить по обжигающему босые ноги полуденному берегу. Нырять под кипящую прозрачным бирюзовым холодом волну.

В пугающей близости от волны, но каждый раз успевая вспорхнуть выше, куда-то в невообразимую, непонятную даль самоотверженно летела бабочка. И чайки подныривали и снова взмывали с полным клювом отчаянно вырывающегося серебра.

А вместо неба надо мною колыхалось марево белоглазой туманной дымки, точно там, наверху, кто-то тёплый и сонный тихонько её надышал.

Я лежала на горячем от солнца песке и, ни о чём не думая, смотрела, как всё вокруг становится белым. Это было похоже на большую стирку, даже море отстиралось: белая вода, белый берег, белое небо.

Песок был твёрдый, волнистый, с намертво вмурованным внутри ракушечником, застывший узорными плитами, будто в громадном дворце

КИМ Инна (Степанищева Инна Юрьевна) родилась 9 октября 1971 года в Осинниках. Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. Работала на ТВ, в новокузнецких газетах «Фронт», «Кузнецкий рабочий», «Седьмой день». Освещает тему культуры на NK-TV.com. Живёт в Новокузнецке.

с сияющим небесным сводом. Идешь, идешь и вдруг попадаешь в небольшую мелкую лагуну – она как бассейн во дворце, где когда-то жили бо-спорские царевны.

Вода там почти горячая, прозрачная, где-то до щиколотки. Сквозь неё просвечивают пальцы и видно, как перекачиваются ракушки. Шлёпашь ногами по воде, а она мягко гладит твои пятки. Приятно!

Море белоснежно шипит, растекаясь вокруг, точно ты попала в стакан газированного молока. Оно уже до колен. До пояса. До груди. До горлышка. Можно нырять в голубую глубину – пока хватает дыхания. А вынырнув – судорожно и сладко дышать.

Однажды я заметила прижимавшегося ко дну шустрого маленького ската и плыла над ним, пока он не сбежал. Потом еле выплыла – очень устала.

А на берегу, лёжа животом на жёлтом песке, пропускала нестерпимо блестящие крупинки между пальцев – будто чьё-то живое дыхание. И внутри у меня ещё долго было так холодно, точно там ледник.

Я согревалась, и под моей кожей словно бежали щекотные колючие ручейки. Перестав дрожать, я искала ракушки и камешки в приливе, а солнце накидывало на море искрящуюся золотую сеть.

Разумеется, всё это закончилось болью и сметаной. Мама, сочувственно ойкая, зачерпывала её горстями прямо из банки. А теперь меня ничего не берёт: от солнца и соли кожа стала как обожжённая глина.

По утрам я будто вынырываю из загадочной глубины сна, как из-под тёмной волны, под которой таится что-то невыразимое и захватывающее, только никак не вспомнить что. Солнце уже скользит по подушке, а в распахнутые окна гомонят счастливые птицы, рассказывая, чему за вчерашний день научились их потешные дети.

Наспех позавтракав, я разгоняю облупленный скрипучий велик (похоже, он в Заветном старожила) и еду на раскопки.

Сначала до озера со смешным названием Яныш. Оно маленькое, очень солёное, с полным небом птиц. А между ним и морем, таким синим, что на сетчатке глаз отпечатываются непереносимо яркие вспышки, находится Акра.

Говорят, если лето жаркое – озеро пересыхает. Как-то я забрела в воду Яныша по скользкому

мягкому дну, и мои ноги от соли побелели, как у древнегреческой статуи.

Дорога по крымской степи начала лета – это чудо. Она похожа на детскую книжку, вкусно хрустящую глянцевыми страничками: карамельно-зелёная запутанная трава, акварельные брызги прозрачно-красных маков, душистые лавандовые поля, какие-то чрезвычайно милые невысокие сиреневые пушистики и тонкие ножки цветов с головками цвета засахаренных лимонных корок. Так бы и съела!

Я никогда не выдерживаю: бросаю велик и захожу в это сказочное карамельное море, чувствуя щекотку колких стебельков и мягких лепестков, усиков и крылышек трудолюбиво гудящих насекомых – здешних «рыбок».

Кажется, солнце тоже гудит. И будто это оно так сладко и душисто пахнет. Только у самого Яныша в солнечных степных запахах сверкают ослепительно-горькие крупинки соли.

Отсюда до раскопок уже рукой подать. И видно людей, исследующих загадочную Акру – древний город, основанный ещё до нашей эры, который все называют Крымской Атлантидой.

Никто не знает, почему однажды она почти вся ушла под воду. Там, под тяжёлой толщей воды, и сейчас тянется оборонительная городская стена от степных кочевников, высятся башни-бойницы, темнеет глубокий колодец.

Я здороваюсь с маминым старым товарищем – это он ещё мальчиком открыл Атлантиду Боспора, а теперь, став профессором, её изучает. Тут меня не гоняют – наоборот, угощают бутербродами с сыром и разрешают нырять в море сколько захочется.

Опускаю лицо – и точно лечу над парящими в голубой невесомости скатами и подводными скалами, похожими на горные ущелья, зачарованных великанов, прекрасные полуразрушенные дворцы и статуи, и внезапно открывающимся бирюзовым дном. Оно как заколдованные долины в этих сонных ущельях.

А время тянется бесконечно-солнечной смолой – будто до нашей эры.

Дядя Лёша Профессор кормит меня горячим обедом (первое, второе и персиковый компот привозят для археологов из посёлка) и заставляет позвонить маме, чтобы она не волновалась.

Он сегодня ждёт группу школьников из Керчи и поэтому никуда не уходит. А я и рада – расспрашиваю, как он нашёл Боспорскую Атлантиду.

Видно, что дяде Лёше приятно вспоминать, как он подростком выискивал в прибое монетки, которые всегда бросают люди, чтобы снова сюда вернуться, и тратил свою морскую добычу на мороженое и кино.

Однажды возле прибрежного камушка что-то вспыхнуло от солнца. Мальчик Лёша торопливо нагнулся и зажал в руке древнюю монету из золота. А там было изображение человека с лавровым венком на голове – оказалось, царя Боспора.

Школьник от волнения сунул монету в рот – это чтобы не потерять – и бегом к археологам, у которых раскоп был только на берегу, а в море они тогда не искали. А боспорского царя он сдал потом в исторический музей, за что получил порядочно денег – купил себе невероятные джинсы, о каких мечтали все его друзья-подростки.

Дядя Лёша говорит: «Скоро июль и начнутся шторма, так что подводный город станет недоступным».

Но ещё раньше зацветут морские водоросли – и море превратится в густую зелёную кашу, которая закроет Акру, как облака солнце. Надо спешить! Он вздыхает, наверняка жалея время на сегодняшних керченских школьников.

Слышно какую-то суету: похоже, они наконец-то приехали. Профессор убегает к подъехавшему автобусу, а я иду к морю.

Я вижу Акру: она так близко, что в горле щечкоется непонятный комочек то ли нежности, то ли грусти.

Моя тень, превратившаяся в гигантскую полупрозрачную рыбу, скользит по древнему городу, который две с половиной тысячи лет назад оказался на дне моря и больше не увидел солнца: оно отсюда как далёкий тёплый отсвет и мечта.

Я-тень, не торопясь, шагаю по улицам Акры – мимо давно опустевшей восточной гавани и домов под беспомощно-трогательными черепичными крышами. Они по макушки занесены песком – укрыты и защищены им заботливее некуда, как хрупкие ёлочные шары из старинного стекла, которые мама прячет в вате для сохранности.

И ничего не пропало: золотые и серебряные рыбки монет, наконечники стрел, деревянные низкие столики на фигурных ножках, клеймённые чёрно-лаковые амфоры Понтийской Гераклеи.

Все они были как в замке Спящей красавицы – кажется, хватит одного поцелуя, чтобы Акра ожила. И тогда в очаге вспыхнет весёлый огонь, в чашку польётся студёная вода, из-под длинной чёлки насмешливо заблестят глаза.

Античный город на дне моря словно спал. Зачарованная, я разглядывала стены домов, покинутых людьми, будто это было только вчера, и засыпанные песком остродонные гераклеийские амфоры, из которых мужчины, смеясь, пили вино, держась обеими руками за крепкие лаковые ручки.

Искушение было таким сильным, что я стала погружаться всё глубже – точно меня звали, что-то шептали, о чём-то просили. Я плыла по подводным улицам брошенного города и нежно трогала его обросшие скользкими водорослями камни.

И вот мои ноги коснулись здешней земли. Я потянулась к красивой нетронутой амфоре, которую намертво держал морской песок. Я тянула и дёрнула, пока он не поддался. Вдруг амфора оказалась в моих руках. Она была неожиданно лёгкой – пустотой ракушки без моллюска – и приятно круглобокой и гладкой.

И тут я поняла, что мне уже не хватит воздуха, чтобы вынырнуть. Бросив свою чудесную добычу, я отчаянно устремилась к свету: сердце стучало прямо в ушах, в глазах потемнело.

Вдруг я почувствовала чьи-то заботливые руки, которые крепко меня держали, с силой выталкивая из воды, и рванула вверх с удвоенной скоростью.

Рассмотреть своего спасителя я сумела только на берегу – это был незнакомый мальчик с насмешливыми глазами и выщипанными мягкими колечками волосами.

В отличие от меня, чёрно-белой, как негатив, он был разноцветным. Синие глаза. Каштановые завитки. Удивительно светлое (в прожаренной солнцем степи!), лукаво улыбающееся лицо. И ослепительная солнечная капелька в мочке уха – золотая серёжка в виде львиной головы.

Странно, но я будто когда-то его уже видела и даже запомнила: тот же изгиб губ, линия носа и лба, сила и грация весёлого львёнка. Он мне смутно напомнил иллюстрацию из книжки. Вот только какой?

Я благодарно улыбнулась:

– Привет! Я Майя – как дочка титана Атланта из древнегреческих мифов. Может, читал? Он

ещё держал на плечах небесный свод. А как зовут тебя?

Мальчик ответил не сразу, словно задумался, обезоруживающе весело тряхнул мокрой каштановой гривой и солнечно заплывавшей от этого львиной серёжкой.

— Алексей. — И, неожиданно став серьёзным, пояснил: — Это значит — защитник.

И вдруг мой спаситель-защитник на меня накинута!

— Сумасшедшая! Ты чуть не утонула! — сердито выговаривал Алексей. — Больше никогда не погружайся одна на такую глубину! Только если я с тобой рядом!

Вообще-то он был прав, но никакой девчонке не понравится выслушивать это от мальчика, тем более незнакомого и очень симпатичного.

Заметив, что я обиделась, Алексей смущённо замолчал.

А я облегчённо затараторила:

— Ты из Керчи приехал, да? Дядя Лёша Профессор полдня вас сегодня прождал. А сколько вы тут будете?

Мальчик почему-то печально улыбнулся:

— Пока не зацветут водоросли и не начнутся шторма.

Я понимающе кивнула:

— Ну, конечно, тогда ведь нельзя исследовать подводный город.

Назад в Заветное я летела как на крыльях, сама понимая, что бесповоротно влюбилась в Алексея. Какой он умный! Сильный! Красивый! Он меня спас. Я такого мальчика никогда не встречала.

А теперь мы будем вместе гулять по Акре. Он сказал, что нырять мне можно только рядом с ним. Так что впереди столько дней счастья, пока не наступит июль! И я была намерена использовать их на полную катушку.

Замечтавшись, я слетела кувырком в траву. Велик-старожил, жалобно взвизгнув, упал сверху. О, ужас! Оказалось, что встать я не могу: левая нога нестерпимо болела.

Позвонила маме, и та испуганно примчалась. Я попала в велосипедное ДТП в пяти минутах от посёлка. Оценив масштаб катастрофы, она вернулась за машиной и повезла меня в Керчь.

Мы провели в городском травмпункте около часа. Выяснилось, что это банальное растяжение, но теперь мне нельзя нагружать ногу: гонять на велике, гулять и даже нырять в море. А можно

только сидеть дома, читать книжки и лопать инжир. В общем, тоска.

А главное — я завтра не увижу Алексея! А может, даже никогда! Ведь до июля осталась всего неделя. К тому времени, как я встану на ноги, школьная экскурсия из Керчи, возможно, уедет домой.

Это было непереносимо. Конечно, я могла позвонить дяде Лёше и попросить его предупредить моего нового друга или сказать маме, чтобы она позвонила и попросила. Но при мысли об этом я заливалась краской, как степной мак.

Весь вечер грустила, уныло рассматривая в окошко закатное море. Я знала: поднимаясь, оно шумит, шипит, клокочет, бьёт наотмашь, встаёт, как собака на задние лапы, и крутится, словно пытаясь укунить себя за хвост.

Волны то полностью накрывают берег, превращаясь в водоворот, выносящий на песок ракушки и камешки, то тут же рассыпаются искрящейся ласковой пеной. А горизонта нет: море и небо там кажутся совершенно одинаковыми. И по нему на восток, выстраиваясь фигурами высшего пилотажа, несутся чёрные и белые птицы. Они будто торжественно прощаются с солнцем, может, и не понимая, что завтра оно снова взойдёт и снова закатится.

А когда небеса над Заветным уже полыхают и плаваются, точно алые и золотые платья танцующих муз, из гладкого моря совсем близко к берегу подплывают доверчивые дельфины, беззаботно играя и догоняя друг друга, то погружаясь под потемневшие волны, то снова выныривая к пламенеющему небу.

Я сижу в кровати с загипсованной ногой, обложившись для уюта книжками, подушками, мишками и хозяйским мурлыкой-котом с хитрой сонной физиономией. И смотрю в окно, ярко голубеющее вечерним небом.

Нет, это небо смотрит на меня огромным темнеющим глазом, снизу которого поднимаются гигантские солёные слёзы морской воды. Будто кто-то, кто меня любит, тихо плачет о чём-то прекрасном и пока мне неведомом.

Все звуки земли: шум волн, невидимых после заката, и горькие птичьи крики — сливаются в оглушительную тишину. Как эти птицы, устраивающиеся на ночь в зарослях, и заснувшие в тепле друг друга местные дворняжки, и ракушки, оставленные морем на песке, я ощущаю страшное одиночество.

Будто меня покинули. Словно я навсегда осталась здесь одна, как на морском дне, в печальной тишине, без надежды, защиты и спасения.

Спала я кое-как, а проснулась так рано, как никогда: на улице было ещё темно. Вдруг я услышала призывно стучащую россыпь весёлых камешков по шершавому дереву открытой оконной рамы.

Гляжу, а в окне маячит уже знакомая мне красивая мальчишеская физиономия: синие глаза, мягко выщипанные реснички каштановых волос, лукаво улыбающиеся глаза. Алексей!

Я обрадовалась:

— Как хорошо, что ты догадался меня найти! Тебе, наверно, профессор сказал, что я растянула ногу и не смогу приехать на раскоп?

Алексей, не ответив, улыбнулся:

— Давай встречать рассвет.

Я выразительно постучала по гипсу, не дающему растянутой левой ногой болеть и ходить.

Но мой защитник весело отмахнулся, тряхнув золотой серёжкой-львёнком:

— Я тебя отнесу.

И подхватил меня на руки, как маленькую! Аж голова закружилась.

Я закрыла глаза, а когда открыла — мы были на берегу. Вставало солнце. Сначала оно было золотым, а от него в голубом море бежала золотая дорожка.

Неожиданно будто кто-то крутанул калейдоскоп — солнце стало красным, стоящим над оранжевой дорожкой, вскипающей сиреневыми волнами сказочного чёрно-зелёного моря. А по нежно-голубому небу парили вылепленные из почти насквозь просвечивающих облаков огромные розовые дельфины и белоснежные птицы.

Обхватив руками мокрые от летящих брызг коленки, я сидела на берегу, и внутри меня будто качалось огромное, всё время меняющее цвет и течение Чёрное море. Мне казалось, что синие волны вот-вот накроют меня с головой и я вдруг окажусь на улицах подводного древнего города Акры.

Неужели я всё это вижу и чувствую потому, что рядом Алексей? Так вот она какая, любовь.

Любовь оказалась приятной, но очень сложной: покраснев до слёз, я отвернулась от мальчика, который мне отчаянно нравился, смущаясь и боясь, что он об этом догадается. А моё сердце пело от счастья: он взял меня за руку!

Было удивительно, что все без исключения однажды переживают такое. Маме тоже хотелось плакать и одновременно смеяться, когда она впервые встретила папу.

Алексей появлялся каждый день на самом рассвете или после заката. Бросал в мою открытую раму горсть разноцветных морских камешков, похожих на покрытые не сладкой, а солёной глазурью блестящие гладкие конфетки.

Насмешливо и печально блестели ставшие самыми родными синие глаза. Танцевала в мочке уха диковинная солнечная капелька золотой серёжки с львиной головой.

Он нёс меня на руках к прибою. И я замирала, уткнувшись ему в шею, которая пахла солнцем и морем.

Я удивлялась, сколько он, оказывается, знал об Акре! Видимо, как его тёзка-профессор (когда тот был таким же подростком), мой друг мечтал стать археологом.

Мы устраивались на берегу, и Алексей рассказывал, каким был древний город до того, как ушёл под воду.

А я словно видела всё сама: сверкающую от солнца и соли восточную гавань, где всегда стоял оглушающий весёлый шум и безостановочно, как муравьи, сновали грузчики с блестящими от пота голыми спинами, матросы с белозубыми улыбками, купцы и рыбаки.

Простые глиняные пифосы, неприметно украшенные, размером с человека, наполненные тяжёлым гладким зерном, уплывали на широких мужских плечах по пахнущим смолой и морем трапам. А вниз уже плыли тюки диковинных тканей, амфоры с текучим маслом, красивые сосуды и статуи, сундуки с зеркалами и бронзовыми стригилями, редкими украшениями, безделицами, духами.

Туманный горизонт почти полностью закрывали высокие гордые корабли, которые мягко качались на синих волнах, нестерпимо сияющих сквозь золотые солнечные сети.

Из Афин, Александрии и Синопа в порт Акры прибывали суда, гружённые пеликами из обожжённой глины и затейливыми металлическими диносами, гребешками и мраморными надгробиями, хитонами и пеплосами, милыми ручными зверьками и деревянными куклами, у которых двигались руки и ноги.

А взамен дети далёкой Эллады получали солёную рыбу, кожу, пшеницу, просо, ячмень и рабов.

Моряки, отдав дань богам, праздновали удачное возвращение в прохладных полутёмных тавернах, не жалея монет и вина. Они спорили, кричали и чуть что пускали в ход ножи, а дома их ждали нетерпеливые сыновья и счастливые, укутанные тонкими покрывалами женщины, которые, жарко и нежно шепча, прижимались к своим мужчинам в уютной душистой темноте душных спален.

Большой портовый город Акра был неописуемой красоты – прекраснее не найти во всём Боспорском царстве. Хотя на берегах Боспора Киммерийского, между жёлто-зелёным Меотийским озером и синим Понтом Аксинским, столько красивых городов – сколько глаз-звёзд у всевидящего великана-неба Аргоса Паноптеса.

Но Акра не уступает ни Нимфею, ни Киммерики, ни Мирмекию, ни самому Пантикапею. Низкий мыс, выдающийся в море, пологие берега и никогда не замерзающая гавань – лучшего места не придумаешь для земледелия и торговли.

Жители благословенной Акры круглый год вытаскивают полные сети живого серебра и выращивают чистое золото – редкую пшеницу, за которой из-за моря приплывают хитроумные афинские купцы. Слава Акры летит по ойкумене! Даже говорят, что горячий от солнца здешний берег облюбовала когда-то дева-рыба Фетида, чтобы родить могучего Ахилла.

Правда, этим именем называли не только героя, отличившегося в войне ахейцев против Илиона, но и важного загробного бога, хозяина морских ветров и подземного мира, распоряжающегося судьбой урожая и моряков. В Акре его почитают сильнее Гермеса и Аполлона, в честь которых устраивают игры и пиры.

И ничто не омрачает безмятежности города-порта, а если кто-то не возвращается из-за моря или погибает в бою с пришедшими из степи кочевниками, на то воля мойры Атропос. Она перерезает нить каждой человеческой жизни, которую даёт другая дочь ночи, по имени Лахесис, а сплетает сестра мойра Клото.

В обычный день мужчины ходят по улицам, торгуются, пьют вино; женщины судачат у городского колодца, ссорятся с соседками, ждут возвращения мужей; девочки играют в куклы и тайком надевают мамины браслеты, а мальчики дерутся палками, будто мечами. И вдруг происходит небывалое, страшное. Раздаются крики

непонимания и ужаса: земля толкается, словно в её огромном чреве ворочается готовый к рождению невиданный великан – новый Порфирион, с телом человека и хвостом дракона, собирающийся свергнуть Зевса.

Что-то невыносимо грохочет – это ревёт Порфирион – и над городом появляется столб непроницаемо-тёмного густого дыма, как великановы косматые волосы и борода, который поднимается всё выше. Красно-чёрная туча закрывает всё небо и начинает падать на землю, рассыпаясь пеплом и горячими камнями и калеча взрослых и детей.

Жители Акры с криками прячутся в домах. До заката ещё далеко, но день меняется местами с ночью. И Нюкта, мать мойр, совсем не ласковая, какой она обычно бывает на побережье Понта Аксинского. Она злится и плюётся горячей пылью. А Гея трясётся от гнева, как будто снова узнаёт, что Зевс заключил её детей в Тартар. Одежда земли рвётся, она в ярости опрокидывает людей и рушит дома.

Нечем дышать: воздух раздирает лёгкие. Бьётся обезумевшая юная мать, у которой на руках задохнулся первенец.

Никто не может бежать, чтобы спастись: по улицам несётся раскалённый поток. Все, кто попадают на его пути, заживо сгорают. Вырвавшиеся из стойла испуганные лошади превращаются в живые факелы.

Невидимое небо ревёт, оно всё страшнее и ниже. И земля, будто испугавшись, пытается от него спрятаться: она покрывается трещинами, становящимися разломами, превращающимися в пропасти. Акра проваливается в загробное царство Ахилла, на дно синего моря, где вечно томится Фетида.

Я застываю от страха, словно всё это происходит не с кем-то, а со мной. По лицу Алексея, рассказывающего о гибели древнего города, пробегают быстрые лунные тени.

Он пришёл до рассвета, ещё в темноте, когда со сладкой улыбкой сна я путешествовала по заросничной Акре, а большая круглая луна, плывущая в облаках, пятнала густую траву, похожую на шкуру диковинного зверя, и над ней на тонких ножках стояли цветы, истекающие сладкой тяжестью осязаемого-живого аромата.

Небесный свод был обтянут тёплым бархатом ночи, стремительно превращающейся в утро. Где-то совсем рядом мягко пела бегущая

вода, глубоко и печально дышала земля. И в свете луны, выскальзывающей из облаков быстрой белой рыбой, мальчик, в которого я позавчера влюбилась, был похож на мраморное изваяние, будто это статуя какого-нибудь древнегреческого бога или героя.

Внезапно небо, обнимающее Заветное, покачнулось и приблизилось, бледнея, будто лицо Алексея. И обесцвеченные ночью деревья, дома, трава начали проявляться, как на напечатанных фотографиях.

Но мир ещё долго оставался чёрно-белым, точно птичье крыло, до боли отчётливым, пронзительным – и нереальным, как история Акры.

Вдруг все звуки исчезли, и меня словно обожгло непереносимо горячее дыхание её залитых кипящей лавой площадей.

Я знаю: дядя Лёша Профессор считает, что Акра оказалась на дне моря из-за извержения вулкана и землетрясения. Это случилось в четвёртом веке до нашей эры, когда все упоминания о ней исчезли, словно такого города и не было никогда на свете.

Конечно, он и существовал-то всего лишь двести лет – слишком мало, чтобы тебя запомнила цивилизация, которая была центром ойкумены в течение трёх тысячелетий, распространившись по немыслимым землям сотнями портовых Акр.

И всё-таки как она погибла? Затонул ли город постепенно, а люди, собрав пожитки, спокойно разошлись по другим городам? Но тогда почему они оставили столько добра: оружие, посуду, мебель, деньги и даже драгоценности? Или это и правда была природная катастрофа из теорий профессора и рассказов Алексея?

Глядя в синие глаза, в которых словно искрилось солнечное море, я не сомневалась, что так оно и было: закрывшая небо красно-чёрная туча, кричащие люди, горящие лошади.

Но думать об этом совсем не хочется, ведь сегодня такой чудесный день! Сразу после завтрака мама отвезёт меня в Керчь – и прощай, дурацкий гипс, отравлявший человеку жизнь почти целую неделю.

Мама, конечно, будет немного паниковать, но сдастся и отпустит меня на раскоп. Мы с Алексеем – обо всём уже условлено – встретимся на берегу и станем нырять и исследовать подводный город.

Бросив велик в траву, успевшую из карамельной стать какой-то ежистой, сухой и бесцветной, я побежала здороваться с дядей Лёшей – нога была как новенькая!

Но того взяли в осаду, точно Трою-Илион, о чём-то сердито спорящие бородатые товарищи-археологи, так что мне пришлось кричать, иначе он меня бы не расслышал:

– А где ребята из Керчи?

Профессор посмотрел непонимающе, пока до него не дошло.

– А! Школьники. Они давно уехали домой. – И отвернулся к загорелым бородачам, чтобы снова вступить в непримиримую словесную битву.

А мне хотелось плакать. «Как уехали? Не может быть. Мы же договорились с Алексеем сегодня встретиться!»

В растрёпанных чувствах, повесив облуленный нос, несчастная плеяда (я) поплелась к морю, окинув тоскующим взглядом пустынный берег...

Правда, он оказался совсем не пустым: на встречу мне поднялся Алексей – он сидел у причоя, играя ракушками. И мы поплыли над Акрой.

Море было гладкое, будто стеклянное, и подводный город казался игрушкой внутри утерболла, заполненного голубыми и золотыми искринками.

Держась за руки, мы медленно опускались, а когда наши ноги коснулись песка, подняв сияющие вихри золотистых снежинок, я вдруг поняла, что мне больше не нужно сдерживать дыхание: я дышала!

Вот это да! От шока я даже поперхнулась. Наверняка бы утонула, как Акра, но только на дне моря, где я сейчас стояла, не было никакой воды!

И морского дна там тоже не было. Я оказалась внутри какого-то абсолютно сухопутного просторного белокаменного помещения.

Меня окружали такие яркие и чистые краски, какие бывают только на детских рисунках и картинах великих художников: пурпурные, алые, синие, белоснежные, золотые.

Я находилась в небольшой прямоугольной комнате с изображениями играющих и спящих львов на стенах. Невысокий стул-трон, скамейки по бокам, широкая низкая чаша, в которой весело размахивал оранжевыми крыльями птенец-огонь, – всё было из розоватого мрамора.

На ступеньке рядом с мраморным стулом сидела девочка-подросток, примерно моего возраста, со странной куклой на коленях – никогда такую не видела.

Заметив мой ошарашенный взгляд, девчонка приветливо улыбнулась и даже протянула мне свою чудо-куклу, деревянную и плоскую, с двигающимися на шарнирах руками и ногами и уложенными в причёску золотистыми волосами.

Но я продолжала стоять как вкопанная, невежливо разглядывая удивительную незнакомку, которая была полной копией Алексея: нежное лицо, красивые каштановые колечки, синие глаза, только не насмешливо-печальные, как у мальчика, а просто грустные.

И тут я поняла, что сам Алексей куда-то исчез!

Девочка тоже меня разглядывала с нескрываемым любопытством, она даже слегка порозовела и, встав со ступеньки, подошла ближе.

– Ты Майя, – обрадованно сообщила копия Алексея. – Ахилл мне всё-всё рассказал. Я ужасно испугалась, когда ты чуть не умерла, пытаюсь достать любимую амфору няни. Она там хранит мёд и вечно её прячет. Говорит, что я ужасная сладкожка, но это неправда. А ты, Майя, любишь мёд? Я так очень люблю.

– А ты тут одна в куклы играешь? – наконец сумела я выдать нечто вразумительное.

Но девочка смутилась.

– Я, конечно, не ребёнок, только быть царевной вообще-то невыносимо скучно, – начала она оправдываться. – И потом, мне нельзя дружить с детьми городских жителей: царевнам это не положено. И что же прикажешь делать? Может, ты знаешь про каких-нибудь царевичей поблизости, если не считать Ахилла? Видишь ли, нам в Акре не приходится выбирать, с кем и во что играть.

Теперь голос девочки звучал вызывающе, и я, хотя ничего не поняла, примирительно, но неуверенно улыбнулась:

– Ты лучше скажи, как тебя зовут, кто такой Ахилл и куда делся Алексей?

Девчоночье лицо от важности стало непроницаемым, словно принадлежало древнегреческой статуе: она знала тайну, которая была неизвестна мне, и не хотела ею просто так, за здорово живёшь, делиться.

Только смолчать оказалось выше её сил.

– Я Фетида, а брата зовут Ахилл, – выпалила царевна Фетида. – Он Αλέξιος – защитник Акры и

всех нас. И тебя он защитил, когда ты чуть не погибла, слишком глубоко нырнув!

Я послушно кивнула, вспоминая, как потянулась к красивой амфоре, которую намертво держал морской песок, и вдруг поняла, что мне не хватит воздуха, чтобы вынырнуть. Тогда я рванулась вверх, но в глазах потемнело. И тут почувствовала чьи-то руки, с силой выталкивающие меня из воды.

Я сумела разглядеть своего спасителя – Αλέξιος! – только на берегу. Синие глаза. Каштановые завитки. Улыбающееся лицо. И ослепительная солнечная капелька в мочке уха – золотая серёжка в виде львиной головы.

Он и сам походил на весёлого львёнка с непонятно печальными глазами. А ещё на изображение древнегреческого царевича из книжки, которую мне когда-то в детстве читала мама.

Теперь понятно, почему дядя Лёша Профессор сказал, что школьники из Керчи уехали. Они и были-то тут всего ничего, а сам Алексей, то есть Ахилл, вообще ниоткуда не приезжал, ведь он царевич Акры. И поэтому он оказался в нужном месте в нужное время, когда я стала тонуть.

Но как такое могло случиться? Он же должен был умереть непредставимо давно – две с половиной тысячи лет назад.

А названная в честь морской нимфы синеглазая царевна Фетида? Неужели она призрак? Я тихонько коснулась её руки, правда, боясь, что мои пальцы пройдут сквозь пустой воздух, но та оказалась тёплой и гладкой: обычная рука обычной девчонки.

Пока я проверяла царевну Акры на паранормальность, она стояла, понимающе замерев, и вдруг тоскливо прошептала:

– Знаешь, когда мы были настоящие, здесь было весело и всё время устраивались пиры, на которые съезжались женихи из Нимфея, Киммерика и самого Пантикапея. Но отец говорил, что мне только пятнадцать, так что с замужеством некуда торопиться: впереди-то вечность.

– Да уж, – хмыкнула я поневоле, – царь Акры вряд ли догадывался, что окажется настолько прав.

Я посмотрела на свою сверстницу Фетиду другими глазами. Это ж надо, я чуть не умерла от скуки всего за три недели в чудесном Заветном, а она была заперта в прошлом два с половиной тысячелетия, навечно лишившись шанса однажды повзрослеть.

Но как такое вообще могло произойти? Может, я просто сплю и всё это мне снится? Я даже себя ущипнула, но это ничуть не помогло.

– Ты совсем перепугала Майю, – неожиданно раздался знакомый печально-насмешливый голос.

Пока я украдкой щипалась, из-за закрывающих дверь драпировок вышел Ахилл-Алексей и остановился у мраморной чаши с танцующим огнём.

– Смотри, она уже готова убежать. Наверное, думает, что мы с тобой призраки или пришли к ней во сне.

Быстро переглянувшись, брат и сестра рассмеялись. Ахилл заметил, что я надулась, и ласково взял меня за руку:

– Видишь, я не привидение, как и Фетида. И Акра тоже не призрак. Хочешь убедиться в этом сама?

Царевич Ахилл ведёт меня по городу, прекраснее которого нет на свете: он словно из сказок и снов.

И всё-таки он обычный, хотя очень древний. Здесь Арсиноя, няня царевича и царевны, что-то задумчиво шьёт, сидя у окна, в которое широко и весело льётся солнце.

Здесь мужчины прячутся от зноя в прохладных тавернах и на симпозиях в своих домах, где рабы черпают вино киафом с выступающей ручкой и разливают его по чашкам-мастосам, которые невозможно поставить на стол, если ты не допил. А служанки готовят обеды – похлёбки и мясо – над закопчёнными очагами.

Укутанные в красивые покрывала женщины торгуются на рынках, ссорятся с соседками, сплетничают у городского колодца. Девочки играют в куклы и хвастаются новенькими браслетами, а мальчики дерутся палками, точно это взрослые мечи.

И в сверкающей от солнца и соли восточной гавани стоит оглушающий весёлый шум и безостановочно, как муравьи, снуют грузчики с блестящими от пота голыми спинами, матросы с беззубыми улыбками, купцы и рыбаки.

Незатейливо украшенные глиняные пифосы размером с человека уплывают на широких мужских плечах по пахнущим смолой и морем трапам. А вниз уже плывут тюки тканей, амфоры, статуи, сундуки. И на золотых волнах, сияющих сквозь солнечные сети, мягко покачиваются гордые корабли.

Я иду, едва успеваю за синеглазым мальчиком, который по-прежнему ласково держит меня за руку, и с нетерпеливым любопытством смотрю вокруг: так вот ты какая, Акра! Была...

Хотя почему – была? Я вижу Акру, которая никуда не исчезла. Прекрасный город отражается в любимых глазах, которые смотрят не отрываясь на меня. Я чувствую себя по-настоящему живой и счастливой.

– А где твой папа? – Я знаю, что выгляжу сейчас смешной и смущённой.

Но Ахилл ничего не замечает: он слишком захвачен печальными воспоминаниями.

– Когда началось землетрясение, отца не было в городе, – торопливо рассказывает мне царевич. – Его и наше войско царь Боспора призвал против кочевников, которые пришли из степи, а меня отец оставил защищать Акру, сестру и жителей. Но я ничего не смог сделать! – горько добавляет мальчик.

Ахилл пытался увести всех из города, но люди от испуга попрятались в дома, а потом стало слишком поздно.

Видя, как кипящая лава заливает улицы, отрезая пути отступления, он дал няне и Фетиде выпить вина с сонным порошком, чтобы им было не больно умирать.

Женщина и девочка, обнявшись, уснули, а царевич стал молиться Ахиллу (то ли герою, то ли богу, он и сам толком не понимал). Семнадцатилетний Ахилл-мальчик просил обоих Ахиллов даровать бессмертие Акре.

Он невесело усмехнулся:

– И моё желание сбылось!

Мы, как лучшие подружки, обнимаемся с царевной Фетидой. В её глазах блестят слёзы, да и я, признаться, хлюпаю носом.

Царевич Ахилл тоже меня обнимает и просит зажмуриться. От этого бережного объятия – и предвкушения поцелуя! – сердце стучит прямо в ушах.

А когда я, так и не поцелованная, разочарованно разожмурируюсь, то всё становится как прежде: плачущие чайки, солнце и море, на дне которого виднеются руины подводного города.

Синеглазый мальчик снова исчез! Но, похоже, я к этому уже начала привыкать.

Машинально прощаюсь с дядей Лёшей и кручу педали старенького велика до самого Заветного, даже не глядя по сторонам, а дома что-

то не попад отвечая маме, ужинаю и ложусь спать.

Ворочаюсь, ворочаюсь... Засыпаю, наверно, только под утро, а на рассвете вижу волшебный сон: надо мной склоняется серьёзное мальчишеское лицо – и Алексей-Ахилл всё-таки меня целует.

Мы сидим на рассветном берегу. Встаёт солнце: оно как монета древней Акры, которую нашёл профессор дядя Лёша, когда был подростком. От этого золотого солнца бежит золотая дорожка, нежно голубеет море и розовеют небеса.

И вдруг будто крутится гигантский живой калейдоскоп: солнце становится красным, солнечная дорожка – оранжевой, а море – чёрно-зелёным с сиреневыми волнами. А по пурпурному небу величественно парят вылепленные из облаков дельфины и чайки.

Так вот она какая, любовь, превращающая обычный мир в сказочный! Жмурясь от летящих по ветру брызг, я прижимаюсь к Алексею – и мы снова целуемся.

Он смеётся, говорит, что я мокрая и солёная. Я тоже смеюсь, а внутри меня словно качается огромное, всё время меняющее цвет и течение Чёрное море.

Точно таким же оно было вчера, и две с половиной тысячи лет назад, и на рубеже восьмого и седьмого веков до нашей эры, за столетие или два до появления Акры, когда по Понту Аксинскому спешили бесчисленные ахейские корабли, а на одном из них стоял синеглазый Ахилл.

Ни в голосе, ни в глазах моего любимого не осталось ничего насмешливого – они просто печальные. Глядя на туманный горизонт, Ахилл говорит: «Скоро начнётся шторм, мне пора уходить. Завтра Акра снова скроется от мира людей – до мая».

Я молчу. Да и что я могу сказать? Что стану его ждать? Что мы навсегда будем вместе? Но я даже не знаю, смогу ли приехать в Заветное на следующее лето, ведь это зависит не от меня, и вообще, мало ли что может случиться за целый год?

А если и приеду, что это изменит? Каждый раз я буду становиться на год старше, а Ахилл навеки останется семнадцатилетним.

На прощание он кладёт в мою ладонь что-то маленькое, тёплое и щекотное. Я знаю, что это такое, и не разжимаю пальцы.

А ночью и правда начинается шторм. Море ревёт так отчаянно, что кажется, оно стоит у самых окон и сейчас накроет меня с головой.

Наутро вместо неба, хотя не видно ни облачка, парит нежный мерцающий туман, от которого всё вокруг словно выцветает. Я лежу на горячем от солнца песке и, ни о чём не думая, смотрю, как мир становится белым.

Вода у берега горячая, прозрачная, где-то до щиколотки. Сквозь неё просвечивают пальцы ног, разноцветные камни, морские ежи. В пугающей близости от пенящихся высоких волн, но каждый раз успевая вспорхнуть, куда-то в непонятную даль самоотверженно летит бабочка. И чайки подныривают вниз и снова взмывают – с полным клювом отчаянно вырывающегося серебра.

Я раскрываю ладонь: там лежит щекотная солнечная капелька – золотая серёжка в виде львиной головы.

В будущем мае я должна её вернуть моему Αλέξιος.

Время как светлый песок, как тёплая галька. Кажется, что оно выскальзывает из пальцев. Но сколько песчинок на дне морей и солнечных камешков на их берегах – разве сосчитаешь?

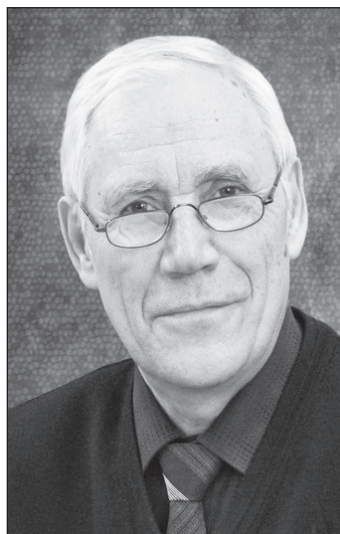
Время превращается в тайну, и эта тайна – любовь.

А ещё надежда на новую встречу, которая обязательно случится, если твоя любовь настоящая.

**Владимир
КОНЬКОВ**

ЕСТЬ ПРОФЕССИЯ ТАКАЯ

ОН ПРИШЁЛ

*Трёхлинейной винтовки истлевший приклад,
Каска острым осколком пробита.
Вот и всё, с чем пришёл неизвестный солдат
На поверку ребят-следопытов.*

*Кем он был в том далёком жестоком бою?
Почему до сих пор не схоронен?
Что за взвод выполнял здесь задачу свою:
Шёл в атаку иль был в обороне?*

*По останкам, изъеденным влажной землёй,
Молодое представилось тело,
И почудилось, будто бежит рядовой,
Пригибаясь от взрывов умело!*

*И как будто бы снова в одной из атак
Вдруг его взрывом мины скосило,
И от этого взрыва припомнить никак
Даже имя своё он не в силах!..*

*Потому, знать, в краю неизвестных солдат,
Где уже не убить и не ранить,
Ни имён, ни фамилий, ни званий, ни дат,
А лишь взрывом затёртая память.*

*Там лежит трёхлинейки истлевший приклад,
Рядом каска, осколком пробита,
Там ведёт разговор безымянный солдат
С группой юных ребят-следопытов!*

РАЗЛИТЫЕ ЧУВСТВА

*Разлился импрессионизм
В оконной раме.
Текут цвета послушно вниз
В осенней гамме.*

*Текут небрежно сквозь запрет
На тишь бульвара,
Как будто осень шлёт привет
От Ренуара.*

*Там чувства в капельках простых –
К мазку мазочек.
О, как там много запятых
И мало точек!*

*Там осень дышит между строк
Светло и нежно...
А в запятых – всегда намёк,
Всегда надежда!*

АПРЕЛЬ

*Весна... Как на детском рисунке,
Залит акварелью апрель.
На водной струящейся струнке
Играет сонаты капель.
А там, вдалеке, где лужи,
Где люди идут в пальто,
Мешают мне Баха слушать
Везущие рэп авто.*

105

КОНЬКОВ Владимир Иванович родился в 1948 году в городе Раздельная Одесской области. Служил в армии. Окончил Кузбасский политехнический институт по специальности «инженер – химик-технолог». Участник поэтической студии «Притомье». Автор книг стихов «Лекарство от грусти» (2016), «Этюды любви» (2017). Живёт в Кемерове.

ЕСТЬ ПРОФЕССИЯ ТАКАЯ

*Жизнь ведя под мирным небом,
В круговерти лет и дней
Кем, друзья, я только не был
По профессии своей!*

*Был зенитчиком, пока я
Службу в дальнем нёс краю.
Есть профессия такая –
Защищать страну свою.*

*После службы мы всей ротой
Дали ход на целину.
Есть профессия – работой
Поддержать свою страну.*

*Жизнь бежала, жизнь гудела
В ритме планов и побед...
Помню я, что даже делал
Кое-что и для ракет.*

*Сколько прожито моментов,
Сколько пройдено дорог...
Нынче я среди студентов –
Их наставник, педагог!*

*Приобщаю их к науке,
Мысль водя по острию,
А когда доходят руки –
Под гитару им пою.*

*И веду я их по краю
Новых жизненных стихий:
Есть профессия такая –
Под гитару петь стихи!*

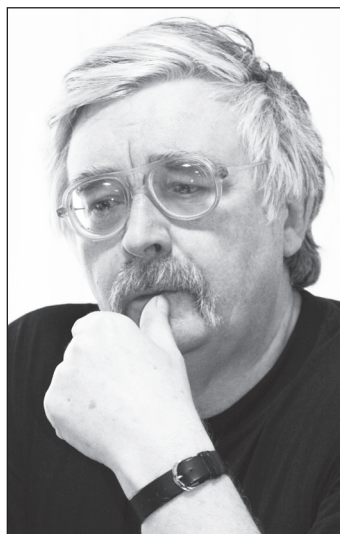
*И взывать, тревожа совесть,
Чувств разматывая нить,
Что профессия ещё есть –
Нашу Родину любить!*

**Владимир
КРЮКОВ**

ЖИЗНЬ

Конспект романа

Гриша просыпается, но не хочет открывать глаза. Здесь перед ним будут другие стены. Стены небольшой, но давно обжитой квартиры. Не того памятного навсегда общежития. Он старается опять заснуть, и это удаётся.

Во сне понесло его к этой комнате сокурсниц. Придумать что-то легко: спросить конспект, выпить чаю, просто поболтать. Вдруг она там? Она нередко заходит к ним в гости. И страшновато показаться там ненужным, лишним. И влечёт неостановимо. Он стучит, ему отзываются. Приоткрывает двери и, быстро пробегая глазами знакомых девушек (их всего-то четверо), спотыкается на ней. Горячая волна бьёт в голову, он чувствует, как загораются щёки. Видит ли кто-нибудь это? Она болтает с Тamarой из его группы. Но вот и на него внимание обратила, кивнула. Смотрит без особого интереса: ну вошёл да вошёл. Что-то бы сказать весёлое, как он привык в этой компании. Боже мой, и она, кажется, ждёт, что он скажет. Он заставляет себя отвести взгляд. А, была не была!

– Привет, девочки. Вы только проснулись? И надо вам сказать, я не помню утра более голубого и свежего! В этот раз, больше чем когда-нибудь прежде, я любил природу.

Улыбаются филологини. Он привык их баловать цитатами. А ей не показалось пошлостью?

Вдруг она спрашивает:

– Правда любите Лермонтова или это так, в шутку?

Он смущается, но отвечает всерьёз:

– Правда люблю. И прозу больше, чем стихи. У них уже вскипела кофеварка.

– Давайте будем пить чай. Вот Люське прислали настоящий индийский иркутского развеса.

107

Общий разговор позволяет снять это странное напряжение. А вопрос был совсем не случайным. Когда они сблизились, он увидел, что не знает никого, кто бы так любил, понимал, чувствовал двух любимых её авторов: Лермонтова и Блока.

Случалось, что он западал на какую-то девушку. Вот недавно так вообще была у него серьёзная влюблённость. Познакомился с одной милой первокурсницей, будущим биологом. И она ответила взаимностью в тех для начала подходящих обстоятельствах: гуляли, целовались, беседовали, смотрели кино, где он уже держал её колено.

Юля жила не в общежитии и как-то пригласила в воскресенье домой чаю попить. Сказала: «Мама с нами посидит». Он, преодолев робость, пришёл. В двухкомнатной хрущёвке встретился с мамой Юли и её старшим братом, который доучи-

КРЮКОВ Владимир Михайлович родился в 1949 году в селе Пудино Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета. Поэт, прозаик, краевед. Автор многих книг стихов и прозы. Публиковался в антологиях «Лёд и пламень» (Москва, 2009), журналах «Звезда», «Знамя», «День и ночь», «Сибирские огни», русскоязычных альманахах Германии «Эдита» и «Пилигрим». Член Союза российских писателей. Живёт в селе Тимирязевском под Томском.

вался на инженера-строителя. Сидели они в комнате за прибранным столом. И цветы его поставили в красивую вазу. Пили чай с тортом. И, рассказывая о чём-то, брат завернул мотом раз и другой. Грише жар в лицо бросился. На первой нецензурщине он ушам не поверил, но вторую точно услышал. Материться при маме — это было выше его понимания. Но мать и сестра как будто этого не замечали. Видно было, что все трое друг друга любят. Забавно, что брат больше не сыпал матами. Но Грише хватило. Мерзкое, грязное словцо из обихода жителей поселковых бараков. Гриша, конечно, его слышал, но так и числил в лексиконе чужих для него людей. Там оно употребимо, пусть там и остаётся. И вдруг оно здесь.

И как обломало его с этой Юлей, всякую ерунду приплёл, наврал с три короба и свёл их встречи на нет.

И вот — гостя его сокурсниц, спокойная, умная, немногословная. И он возблагодарил судьбу даже за то, что довелось познакомиться и общаться с такой. Он полюбил её, как тогда говорили в студенчестве, со страшной силой. Но, боже мой, и она его полюбила!

Он просыпался рано, просыпался позднее. Разницы большой не было. Спешить некуда. Это обрётённое спокойствие, независимость, относительное благополучие. Зачем они ему теперь нужны?

Привычным, проверенным многими способом разнообразить, расцветить жизнь был алкоголь. Начал он сдержанно, уходя с бутылкой коньячка к реке, где ещё можно было отыскать укромное место среди прибрежного тальника. Он всегда любил бегущую воду, мог сидеть и смотреть на её движение, не думая ни о чём, либо ловил себя на возникающей в голове банальности: «Вот так и наши годы...» Или Фет вспоминался, всё о том же:

*Будто воды, наши годы
Станут прибывать.
Сядь у моря, жди погоды.
Отчего ж не ждать?*

Или даже Конфуций: «Стоя на берегу реки, Учитель сказал: «Всё уходит, как эти воды, всякий день и всякую ночь».

Григорий Михайлович говорил себе: «Смотри-ка, я что-то читал и что-то запомнил. Эрудит! А к чему всё это?»

Начал выпивать потихоньку да вдруг увлёкся. Как-то с утра уже и не в силах был добрести до магазина. Хорошо, подвернулся сосед Виталик. Попросил его. Тот принёс бутылку, но, вручая, посмотрел укоризненно и сказал, покачивая головой: «Ох, не надо бы это, дядя Гриша. Как-то не идёт вам». И ведь пронял так ненавязчиво. Остановился.

Он тогда, в студенчестве, сочинял стихи. И далеко не сразу, но решился прочесть ей. Она слушала, и её красивые тёмные глаза смотрели доброжелательно, со вниманием. Она сказала: «А ты в стихах умнее, чем в жизни». Сомнительный комплимент? Но ведь это правда. Главная-то его жизнь была внутри, там, откуда и рождались стихотворения.

Родители Гриши жили в райцентре за сто километров. Простая семья: мать — бухгалтер, отец — экспедитор в отделе рабочего снабжения леспромхоза. И дети — он да младшая сестра. Звёзд с неба не хватало. И с чего это матушке втемяшилось (посчиталось правильным, мягче сказать) выбрать ему невесту, разумеется по её усмотрению. Ничего из этих планов не вышло. Не довелось устроить его счастье.

Гриша выбрал сам, и этот выбор не пришёлся ей по душе. Он сразу увидел это, когда привёз свою избранницу в гости и сказал о серьёзности своих планов. Мать и не собиралась скрывать раздражение, обиду за несостоявшееся сватовство, за то, что были сорваны её, материнские, планы устройства жизни сына. «Боже мой, — думал Гриша, — каким таким принцем, который составил бы партию любой красавице, виделся я ей? Кого она хотела осчастливить?»

Так сложилось, что у Гриши с мамой взаимопонимание осталось на уровне начальной школы. Она заботилась о нём, кормила, одевала, гордилась школьными отметками и успехами, принимала в доме приятелей, угощала чаем с булочками. Но уже в старших классах наметилось у них отчуждение.

Кто был в том виноват? Гриша повзрослел, а мать не хотела воспринимать его личность, особый мир. Не потому, что не разделяла его интересов и установок. Ей это было просто не нужно. Ладно бы она признала право на некую самостоятельность. К сожалению, тут дело обстояло по-

другому. Категорическое неприятие было непоколебимым. Гриша, не знавший иных отношений, иногда даже думал, что такое непонимание нормально.

Теперь, когда они окончили университет, начались скитания по квартирам. Ни ей в библиотеке, ни ему в многотиражке жилья не обещали. Выхода из этой неустроенности не виделось. Зато иногда до смешного доходило. Правда, это был мрачный юмор. Сдал им комнату старик, сказав: «Сын сидит, и сидеть ему ещё года два». Вдруг – бац! – сын вышел условно-досрочно и появился в квартире. Они пришли с работы и застали заплаканного от чувств старика и сына. Те сидели на кухне за бутылкой водки. Угрюмый человек едва кивнул на их приветствие и осмотрел его Таню снизу вверх. Отводил глаза и снова на неё озирался. Гриша с женой прошли в комнату, понимая, что надо как-то объясниться. Вдруг в дверях возник этот мрачный человек с недобрыми глазами и сказал глухо: «Сегодня я у друга переночую». Остальное было понятно. Гриша только в сердцах чертыхнулся: «Ох, эта гуманность советской системы отбывания наказаний!»

А вскоре обнаружилось, что Таня беременна. В приличном жилье стали отказывать. Бабушка на окраине приютила: самой уже тяжело было и дрова рубить, и воду из колонки носить. Родилась девочка. Гриша послал открытку родителям: какие-то необязательные связи подерживались.

Отец отыскал их в городе и сказал, что надо ехать в родной дом. Этот идеалист-мировотворец решил, что после такого события, как рождение внуки, всё должно пойти по-другому. Грише и раньше казалось, что отец и мать – разные по складу люди, не было у них взаимопонимания.

Но они поехали. Нет, ничего не изменилось. Если не сказать хуже. Теперь-то они не были гостями: посидели, попрощались да отбыли. Теперь они жили в этом доме. И поселились в комнатке, где Гриша поначалу жил с сестрой, а когда та повзрослела, перебралась в большую комнату. Комнату называли залом, в ней был уютный уголок за печью. А Гриша обосновался один. Появился у него рабочий стол, на левом краю стоял магнитофон «Чайка» – совсем не у каждого такая вещь в доме была, но отец-экс-

педитор сумел заполучить. Потом и книжный шкаф появился, стал заполняться хорошими книгами, потому что Ксения Петровна – продавец книжного магазина – увидела в Грише родственную душу.

Сейчас в комнатке было тесновато: кровать Ани, сумка с её распашонками, чемодан с их вещами. Теснота не главное неудобство. Уют создаётся, когда меж людьми ладится. Грише повезло: в районной газете место ему нашлось. Но в родительском доме места для них не было. Мать и с ним-то говорила холодно, скупой, а жена из общения исключалась. И отец, заходивший приласкать внучку, поболтать с ними, ничего не мог поправить. Ощущение временности пребывания здесь не проходило. И в конце концов всё разрешилось.

Приехала Лена, сестра Григория. Училась она в городе по стопам матери – на бухгалтера, но сказала, что какие-то у неё нелады произошли, побудет немного здесь. Мать к ней благоволила, они с отцом подпитывали её летние поездки на юг. Лена полюбила такое времяпрепровождение. Гриша был поражён: она сразу, не вглядываясь, не задумываясь, приняла сторону матери. И неприязнь свою не скрывала, и девичья неприязнь эту не смягчила.

Гриша пришёл домой пораньше, ещё до отца и матери. Это время они использовали для постирушек. Но сегодня молодая жена сидела взаперти, потому что к сестре пришли подруги, и они, расположившись в большой комнате, шумно отмечали встречу. Вдруг Анька подала голос, то ли радуясь его приходу, то ли по своему капризу.

Подруги в комнате притихли, одна из них спросила:

– А это кто ещё там?

– А, это? – переспросила сестра. – Да приплыла тут к нам по реке одна железяка из города Чугуева.

Расхохоталась первой. И к ней присоединились подружки, знающие популярную тогда матерную частушку.

Гриша побледнел, привстал с табуретки. Жена схватила его за руки, усадила на место.

Через день они уехали. Гриша в редакции попрощался накануне, но с отцом объясняться не хотел. Собрались с утра, после того как родители ушли на работу, а сестра то ли спала, то ли книжку листала в постели. И вскоре катили рейсовым автобусом в город. А там – к однокурснику

Гриши. У того была комната в общежитии, и он не подвёл, разместил их на несколько дней. Здесь надо было не очень светиться.

И тут пофартило. Грише на улице встретился молодой человек Валера, о котором он когда-то написал в газету, электромеханик, передовик, спортсмен. Перебросились о жизни, и парень радостно вскричал:

– Вовремя же ты мне попался! Меня начальник просит найти надёжного человека! Потому надёжного, что надо работать на удалении, уединённо. Место – оператор на телевизионной трансляционной станции в далёком райцентре.

– Какой оператор? – изумился Гриша. – Я же гуманитарий. Это же авантюра чистой воды.

– Ерунда, – возразил Валера, – оборудование работает в автоматическом режиме, есть резервный блок. Профилактическая бригада является раз в полгода. Главное – ответственный человек на месте. Таким я тебя и представляю.

И вот Гриша увиделся с начальником центра. Тот сказал, что Валера за него поручился и можно выезжать на место. И отвалили они на край области, взявшись за дело обоим одинаково чуждое.

Но там был дом. Дом был поделен надвое: в одной половине стояли шкафы с оборудованием, принимавшим сигнал и передающим его давно жаждущим этого жителям. А другая половина была жильём, уютным гнездом, которое они делили только с подрастающей дочерью.

Но это счастье не продлилось даже и двух лет. Начальство настоятельно намекало, что надо бы получить соответствующее техническое образование. И пришлось покинуть этот обжитый угол, уехать в никуда.

Через пару дней они ехали на поезде в родной город жены. Не город даже, а рабочий городок, главным делом которого было производство больших огнеупорных кирпичей из магнезита.

Григорий был несколько напряжён. Для Таниных родителей он был полным незнакомцем. Хотя разве бывают незнакомцы частичные?

Вот пошли за окном совсем несибирские пейзажи. Лесистые возвышенности, а потом и настоящие каменные горы. Поезд достиг Южного Урала, миновал Челябинск. Спустя пять часов они сошли на небольшой станции. Их встречал полноватый мужчина, на вид лет пятидесяти пяти. И его добрые глаза успокоили Григория.

Тест бережно принял девочку, они пошли к машине. Потом поднимались по этажам в их квартиру, вошли. И там Гриша встретился с тещей. С этим словом у него ассоциировались персонажи из анекдотов и рассказов приятелей, как правило малосимпатичные. А здесь его сразу поразили мягкость черт, тёмные грустные глаза. Сели-откушали по приезду. Гриша ждал так называемого семейного разговора. А его не было. Не было и не случилось до дня их отъезда. Говорили о жизни, родители делились своими заботами, расспрашивали, что сегодня волнует новое поколение. Гриша рассказывал о детстве, о бабушке и видел, как внимательно слушала Татьяна Семёновна, видел, что ей это взаправду интересно. И со стыдом вспоминал, как приняли в родительском доме его избранницу.

Остаться в этом городке – такого Таня даже в мыслях не допускала. Она говорила, что ему скоро станет тесен этот городок, что он будет скучать по тем немногим своим друзьям. Потому что таких здесь не обретёт. Она понимает, что Грише хорошо с её родителями, но жизнь за пределами кухни совсем не та, к которой он привык. Она и по себе знает, насколько расширились горизонты, когда она начала учиться в сибирском городе.

Они уезжали, оставив девочку на неопределённое время.

В этот раз устроились за городом: полчаса на электричке. Но обнаружилось, как много денег уходит на дорогу. Это при том, что билеты брали до ближней станции, а ехали до своей. И неприятности с контролёрами надоели. В электричке познакомились с тихой пожилой женщиной. Помогли ей донести сумки до мичуринского домика как раз на той станции, где они окопались. Вскоре опять встретились и говорили в вагоне как свои. Она пригласила в гости. Зашли. Узнала их историю. «Так вы у меня поживите, пока что-то лучше не образуется, думаю, дочь не будет возражать», – предложила женщина. Дочь не возражала.

И вот – комната в их распоряжении. Хозяйку навещала дочь, такая же спокойная женщина. Вчетвером пили чай. Такое спокойствие воцарилось. Но как-то утром они не услышали уже привычных шаркающих шагов на кухне. И, постучав в дверь хозяйкиной комнаты, жена вошла и обнаружила её неприснувшейся. Позвонили дочери. Она их не торопила: и девять дней справили,

и сороковины. Вечером того же дня тихая дочь сообщила, что квартиру будут продавать.

Когда она ушла домой, жена сказала Грише, что хочет познакомить с одним читателем.

– Чего это вдруг? – удивился он.

– А это сам поймёшь.

Вскоре они пришли в квартиру, расположенную недалеко от центра города. Встретил их любезный хозяин лет шестидесяти. (Оказалось, пятидесяти пяти. Гриша не умел определять возраст.) Умные глаза за стёклами очков.

Жена их познакомила:

– Игорь Викторович. Григорий.

«Да-да, – вспомнил Гриша, – она про него говорила. Новый читатель у них появился. Придирчиво инспектировал библиотеку, остался доволен. Сказал, что привык к большой областной, да как-то не по пути она последние годы, а эта – в трёх шагах. Стал заходить. Открыл в его жене достойную собеседницу. Обращался к ней «милая Татьяна».

– Да, – говорил он, разливая чай по кружкам, – замечательная у вас жена, Гриша. Будь я на двадцать лет моложе, непременно увёл бы. Ну так что с моим предложением? – спрашивал он Гришу.

Тот непонимающе пожал плечами. Жена смеялась.

– Неужели не в курсе?

– Представьте себе, – смеялась жена.

– Ну однако же и плутовка вы, Татьяна.

Всё прояснилось. Оказывается, в одном разговоре в библиотеке возникла и бытовая тема. Жена обрисовала их незавидное положение.

Игорь Викторович задумался и вдруг предложил:

– А знаете что, переезжайте-ка жить ко мне.

И вот теперь он повторил предложение для них обоих.

Он рассказал, что давно на Дальнем Востоке разбился вертолёт, среди погибших был его сын – университетский аспирант. И случилось это накануне уже объявленной свадьбы. Жена умерла пять лет назад, кажется, болезнь поселилась в ней после ухода сына. Сам Игорь Викторович, по образованию биофизик, работал тогда в одном из НИИ города. Ушёл с любимой работы, чтобы ухаживать за женой.

Оставив грустную тему, заговорили о писателях, книгах, литературе. Школьная юность Игоря Викторовича пришлась на конец пятидесятых,

вузовская – на самое начало шестидесятых. Он вспоминал про Дни поэзии той поры.

– И что самое замечательное, – Игорь Викторович поднимал указательный палец, – во главе этого дела были не филологи, а мы – технари, политехники. А какие ребята к нам приезжали! Соснора! Представляете? Соснора! А следом – Кушнер!

Гриша подпал под его обаяние. Глядел во все глаза. Вдруг испугался: как бы Таня не проговорила про то, что он пишет стихи. Нет. Промолчала, умница. Но надо же было дать ответ. И тут обозначалась ещё одна фигура – девочка, дочь Анна.

– Да что вы, ей-богу, – даже как будто обиделся Игорь Викторович, – она же у вас вполне самостоятельная, взрослая.

И взрослая дочь отправилась из этой квартиры в третий класс.

Как некий посланец небес вошёл в их жизнь Игорь Викторович. Предоставленная им комната легко разделилась на две, им было не тесно. Этот независимый метраж, конечно, стал чудом и компенсацией за отравленную бесприютную юность.

Вечера проводили на кухне за общим разговором. Изменилось мировосприятие: снова стали интересны выставки, концерты, кино. Как будто вернулось чувство прелести жизни, свободы, лёгкости.

Это можно было назвать счастьем. «Мы за трудное счастье благодарны судьбе», – вспоминал Гриша песню, слышанную в детстве, где воспевалась палатка, вальс на таёжной поляне. А тут было лёгкое семейное счастье. И наконец образовалось время на спокойное чтение. Игорь Викторович дал им на прочтение распечатку на машинке – «Москва – Петушки». «Гениальная вещь», – откомендовал он, не дожидаясь их оценки. Гриша прочёл с интересом, но не более того. А вот у Татьяны со старым читателем самиздата затеялся живой разговор, и Гриша, слушая их, лишней раз посетовал на свою ограниченность.

Именно в это время случилась в стране перестройка – испытание дефицитом всего самого необходимого. Но жена была прекрасной хозяйкой, он это знал давно. Из того немногочисленного, что было в магазине, она готовила на четверых сытно и вкусно.

Гриша открыл местопребывание отцу. Тот, бывая в городе, всякий раз к ним заезжал. Пере-

давал приветы от матери, но Грише они казались вымученными. Придуманными. Привозил угощение внучке, и не только ей. Приносил копчёное сало и солёную рыбу, пусть не собственного, но домашнего изготовления: соседи этим занимались. Тогда уж выставлялась на стол бутылка водки. Отец и Игорь Викторович понравились друг другу. Годы шли, отец говорил, что мать иногда прибалывает, и однажды принесли телеграмму: «Умерла». Гриша поехал хоронить один, всё устроено было как надо. После поминок сестра ему с глазу на глаз сказала, что это он ускорил кончину матери. Гриша догадался, куда она гнёт. Ответил не очень складно: «Но раздражители здесь не бывали». Сестра усмехнулась.

Не задержался на земле и отец. Он на здоровье не жаловался (не потому, что был отменного здоровья, а просто не привык), но выяснилось, что сердце-то давно надо было побережь, не раз давало сбои. Сестра продала квартиру, обустраиваясь в городе, прикупила себе однокомнатное жильё, передала и ему некую символическую долю.

И вот она появилась в их городской жизни. Как-то поутру в воскресенье дочь-подросток вышла к утреннему чаю, пристукнув каблукками новых туфель.

— Ух ты, а это откуда? — изумилась Татьяна. 112

— А это тётя Лена, — ответила дочь, хитро поглядывая на отца с матерью.

Оказывается, они встречались уже несколько раз после школы. Тётя Лена заводила её в кафе-мороженое, вот и подарок сделала.

— Я же не виновата, что вы не дружите, правда? — спросила она простодушно.

И показалось Григорию, что и не совсем простодушно это было сказано.

— Нет, не виновата, — пожал он плечами.

Дочь отправилась погулять в новой обуви.

— А ты не хочешь с ней замиришься? — спросила его жена.

— А ты? — перевёл он стрелки.

— Нет-нет, это тебе решать. Моё мнение тут никакого значения не имеет.

— Тогда нет, — жёстко сказал Григорий. — Не прощу её. Понимаешь?

— Понимаю.

И больше ничего. Не возразила, не поддержала.

Минули ещё годы. Ушёл из жизни Игорь Викторович, предусмотрительно оформивший на

них дарственную. Сейчас у дочери образовалась собственная комната, и это было очень кстати, потому что девушке и нужна была уже отдельная жилплощадь. Она успешно окончила школу, поступила на экономический в университет. Она была способной и самостоятельной. Появились подруги-ровесницы, приходили молодые люди. При встрече с родителями Аня их знакомила.

Сестра Гриши, пресловутая тётя Лена, никуда не делась. Дочь рассказывала, что она вполне состоятельна, была замужем, да развелась. Нынешнее своё финансовое благополучие обрела отнюдь не благодаря каким-то способностям: интеллектуальным или организаторским. После заочно оконченного истфака вела обществоведение в одном из городских училищ. В годы перехода к стихийному капитализму его переименовали в колледж и перепрофилировали на подготовку кадров для нефтегазовой отрасли. «Нефтянка» стала спасательным кругом для новой России, когда разрушились одни структуры и не успели сформироваться другие. Обществоведение (или теперь обществознание) сохранилось почти в первозданном виде, а вот оклады преподавателей увеличились: денежки у Газпрома были.

И вот богатенькая тётя предложила их дочери совместную поездку на турецкий курорт. Разумеется, за её счёт. Получилось. Ну а затем и на юга, как она называла это с тех пор, как родители её туда снаряжали. Опять успешно.

Взрослая дочь вдруг обнаружила настоящую привязанность к своей тётке. Так легко она её приручила. Как объяснить это? Неужели всё измеряется в материальном, точнее, денежном выражении? А почему бы и нет? Самой девочке в детстве она каких-то обид не нанесла, не оскорбила.

И всё-таки Григорий после некоторых колебаний решил поговорить с дочерью один на один. Спокойно, не живописуя, рассказал дочери о неблагоприятном или даже непорядочном поведении её ныне любимой тётки.

— Нет, — сказал он, — ты совсем не обязана была принять от нас эстафету недоверия к этому существу. Думай сама.

Когда увидел, как дочь поморщилась, понял, что его слова запоздали. Да, дочь и вправду нуждалась в поддержке, какую не могли они с женой оказать. Многотиражка, к которой он прикипел,

гикнулась вместе с крушением большого и, казалось, так необходимого стране завода. Прирабатывал по договору в городской газете, но тут его обходили на гонорарах более ловкие молодые коллеги. Татьяна сохранила место в библиотеке при той же скромной зарплате.

Он думал: «С чего вдруг в сестре, холодной и расчётливой, проснулись такие родственные чувства? Чем это было вызвано? Покаянием за обиды, нанесённые матери девочки? Вряд ли. Неким снисходительно-высокомерным отмщением мне, почти маргиналу? А это уже отдаёт прямо-таки бразильским телесериалом. Да и за что мстить? С моей стороны никаких действий не было. Я просто исключил сестру из своего жизненного окружения».

Можно ли было посчитать это со стороны дочери предательством? Григорий решил, что да. Конечно, дочь не слышала мерзостей, которые тётка говорила в адрес её матери. Но теперь она знала об этом. Теперь знал и Григорий, что их тёплые, дружеские отношения продолжаются.

Когда умерла Татьяна после скоротечной лёгочной болезни, он строго сказал дочери, что её старшая подруга не должна узнать об этом в ближайшее время. Как-нибудь потом. Дочь пообещала. А ведь узнай сестра о том, что случилось, вполне могла появиться, выразить сочувствие.

В детстве Гриша прибежал на бабушкин зов обедать, сидел за стол. Она сразу видела: с ним что-то не так.

– Рассорился с кем-то? – спрашивала она, обнаруживая причину его подавленности.

Он рассказывал, что сосед и вроде друг закадычный обозвал жадиной, потому что Гриша не дал ему поиграть железного мотоциклиста.

А он просто боялся, что друг может затерять подарок двоюродного брата Вениамина.

– Не расстраивайся, вот нашёл причину. Всё будет хорошо, помирись не сегодня завтра. Не в словах дело. Не по словам суди, а по делам, – говорила бабушка и ставила на стол кашу с молоком.

И правда, Витька, забежав к нему под вечер, уже и не помнил свою обиду. А Гриша забывал свою.

Но бабушка была не права. Это открылось ему позже. Слова разводили далеко. Порою и насовсем.

Вот и жизнь практически прошла. Он один в двухкомнатной квартире. Нечто трудновообразимое в его юные годы. Да нет, не трудно, а вообще невообразимое. Но это так. Дочь его вышла замуж за способного программиста. Молодой человек вполне понравился Григорию Михайловичу, да и он показался зятю симпатичным стариканом. Но поселились они отдельно в квартирке с евроремонтом, которую «организовали», как это называла дочь, его родители, жившие в северном городе.

– Хочешь посмотреть? – спрашивала дочь, навещая его.

Он отказывался. Почти ничего его не интересовало.

Вот тогда он и попробовал разнообразить эмоции алкоголем, обновить восприятие жизни. Нет, не удалось. Самообман не для него. Остались книги и сны. Новых книг он не покупал, а зайти в библиотеку – с её полками, столами, стойкой для выдачи книг – исключалось. Перечитывал собранные самими и перешедшие от Игоря Викторовича. Это были хорошие книги. И сны были хорошими, светлыми. Вот только пробуждение, мягко сказать, невесёлым. Ну что уж тут поделаешь.

Ирина
КАРЕНИНА

БОЖЬЯ ПТАХА ДЕВЯНОСТЫХ

* * *

*«И тебя ушатают однажды,
Бормочи там, не бормочи...»
Недобиток, солдатик бумажный
Обгорают в грудной печи.*

*Где его не скосило шрапнелью,
Там есть поводы для стиха.
Под шуршащей и белой шинелью –
Рукописные потроха.*

*Он-то сказочник, он-то обманщик,
Настрекочет да напоёт!
Отставного слона барабаник,
И огонь его не берёт.*

*«Ты меня, дорогая, не слушай,
Золотым поведи плечом.
А вот явится Штуша-Кутуша –
И поймёшь тогда, что почём».*

* * *

*Как это просто, просто, просто:
В водовороте бурных дней
Найди себе печаль по росту
И всюду появляйся с ней,*

*Как с лучшим, задушевым другом,
Как с тенью длинной из-под ног.
Держи свою в объятьях муку
И верь, что ты не одинок.*

*Терзай замученные струны
И злое сердце укрощай.
«Не обещайте деве юной...»
Ах, ничего не обещай!*

111

* * *

*«Хочешь – живи, хочешь – сдохни. –
Пожмёт плечом. –
Мне недосуг говорить с тобой ни о чём».
Горе накрыло, сомкнулось над головой.
Глядя в себя, сорвёшься: «Есть кто живой?»,
Колокол боли дёргая за язык...
И – ни ответа, ни отблеска, ни слезы.*

*«Хочешь, – скривится, – пой,
ну а нет – молчи».
Что же тебя мотает, как пьянь в ночи
Возле ларька с рыбьей лампочкой в темноте?
Глотка хрипата? Песни тебе не те?
Только и можешь мороженым языком,
Как под наркозом, мычать ни о ком тишком.*

КАРЕНИНА Ирина Васильевна родилась в Нижнем Тагиле. Училась в Уральском государственном университете, окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Работала корректором, фотомodelью, администратором рок-группы, переводила с английского техническую литературу, вела драмкружок в ашраме кришнаитов, пела в ресторане, была режиссёром экспериментального театра, театральным критиком, шеф-редактором деловых и глянцевого журналов. Член Союза журналистов России, Союза писателей России. Автор семи книг стихов. Лауреат премии журнала «Знамя», Всероссийской премии им. В. Астафьева. В настоящее время живёт в Минске.

...Тыл мой уральский, покинутая земля,
Слышали б стон снеговые твои поля,
Горы лесные, гиперборейский край,
Плач разнесли бы северные ветра,
Реки мои, от Тобола до Чусовой, –
Выкрик мой беззащитный и горловой,

Чтоб над могилами встали кого люблю,
Хлебную пайку круто кому солю –
Слово моё из сырой земляной муки:
Лагерники, каторжане и кержаки,
Белоармейцы, мальчишки родных кровей,
Светлая память неслетлой души моей.

ПИСЬМА К ДЕДУ МОРОЗУ

1

Между снегом и снегом, срывая огни фонарей,
В Литквартале зимой
с газированной водкой в жестянке
Потеряться – и верить,
что выпью, мол, станет теплей,
И тянуть алкоголь
из помятой, простуженной банки.
И блуждать, от тоски замерзая,
моргая от слёз.
Так тихонько идти соискателем сна и ночлега.
Знать: воскреснут любимые,
если тебя Дед Мороз
Повстречает сейчас –
на пути между снегом и снегом.

2

Верни моих любимых, Дед Мороз,
Ты можешь всё, нас с детства так учили.
Ты старый алкоголик – красный нос,
Тебя, как и меня, не долечили.
Да, ты поймёшь! Не надо ничего
Мне в этот год, о чём всегда просила.
Верни мне только друга моего,
Пусть я проснусь – и будет всё как было.

* * *

Из-под снега засохшая сныть –
Травяные седые скелеты.
Поезд мчится, и впору забыть,
Как недёшево встали билеты.

Что теперь-то мне речи твои –
Грош цена им в заснеженном поле!
Как я вышла из этой любви?
Из тюрьмы так выходят на волю.

Так из боя выходят – хрипя
И не веря, что смерть миновала.
И дышу, и не чую себя,
Как спасённая из-под обвала.

* * *

На клоунессах не женятся укротители.
Взгляд твой – до боли больно
и такой же мстительный,
Мол, ничего не будет да ничего и не было.
На манеже весь вечер трагедия –
эка невидаль!

Вместе с собачкою рыжей мы улыбаемся,
Тихо уходим, шепчем:

«Видать, не судьба ещё...

Впрочем, ведь этому,
привыкшему жить с тиграми, –
Он так хорош! – ему не стыдно проигрывать». 115
Снова рисую свой смех; на веки – чёрное, синее.
Вспоминаю, как целовал при всех,
как жонглировала апельсинами,
И как самой себе по утрам
от счастья казалась дурую,
И как огромного тигра
гладила шкуру велюровую.

* * *

Дребезжат в пустых квартирах
Одинокие звонки:
Те – отправились по миру,
Те – как звёзды, далеки.

Мне никто не отвечает,
Счастья в сердце не тая.
Отлетает, оплывает,
Убывает жизнь моя.

И, кидаясь к телефону,
В толще вязкой темноты
Кто-то голосом влюблённым
Не промолвит: «Это ты?»

Нет, гудки, печаль кромешна,
Льётся тихая зима,
И глядит звезда, безгрешна,
На панельные дома.

И глядит звезда, сверкая,
В окна зимнего жилья.
То ли это жизнь такая,
То ли время, то ли я.

* * *

*Дождь в яблоках и яблоки в дожде.
И тонет сад в шалфее и душице,
В календуле и мяте, в лебеде,
В подсолнухах, что выклевали птицы,*

*В любви, дикорастущей, как трава:
Как гряды ни возделывай, но всё же
Нас обступает время и слова,
Вода в окне и холодок по коже.*

*И как легко застыть и чуть дышать
(А воздух здесь такой, что гуще крови),
И собственному сердцу не мешать,
И собственной душе не прекословить.*

* * *

*Простые дни и долгие заботы,
Насущный хлеб без сказок и затей.
Пора любви – в любое время года –
Пригодная для песен и детей.*

*Посев и жатва, праздник урожая,
Густое виноградное вино...
И люди стонут, птицам подражая,
И звёзды льются в синее окно,*

*И сходит дождь на гряды огорода,
Ещё земные милости щедры.
Благодарю за тёплые погоды.
Благодарю за тёмные дворы.*

*За ягоду духмяную, лесную.
За вечный свет над головой дурной.
За Родину. За честность земляную.
За ангелов тяжёлых за спиной.*

* * *

Ладе Пузыревской

*Божья птаха девяностых,
Клюй голодное зерно!
По ТВ-то – райский остров,
Европейское окно,
А у нас в ряду Таганском
Сотня челноков вьетнамских
Да турецкое шмотьё –
То-то сладкое житьё!*

*В долг Илью похоронили –
Помнишь, давеча убит?
Слышал, Ирку застрелили.
Что ж, и это Бог простит?
Бейся с рифмой подневольной,
Беспорточной и глагольной;
Кто убрался на тот свет,
Лишь тому заботы нет.*

*Пей да пой, то дело птичье –
Щебетать и бедовать,
Чёрствой коркою столичной
Клюв голодный набивать.
Люд торговый, люд бедовый,
Люд весёлый воровской.
Что ему, что плачут вдовы?
Я сама была такой.*

*И редела, и вдовела,
Ничего не сберегла.
Как могла, так и отпела
Эти страшные дела.
Клюй по зёрнышку, синица,
Память горькую вразброс.
Перевернута страница,
Вся промокая от слёз.*

**Владимир
КЕЛЛЕР**

СТИХИ

УРОКИ ИЗ ЗАБОЯ

*Ребячий гам шахтёрских заокраин
Мог и тогда немало удивить:
Рожали бабы, устали не зная,
С войны изголодавшись по любви.*

*С послевоенных детских фотографий
На мир ребята толпами глядят.
Росли посёлки взрывом демографии.
Мать-героинь шахтёрских тесен ряд.*

*Росли мальчишки. В возрастные стайки
Сбивались, свой имея интерес.
Друг другу тайны доверяли без утайки –
А что таить, у всех один замес.*

*Мы, сыновья, о шахте знали столько,
Что знал не каждый зрелый углекоп.
Мы отыскивали брошенную штольню,
А от неё десятков тайных троп.*

*Мы знали, что у бремсбергов есть устья,
Как класть колодцы сбоечных штреков,
А перемычки – из бетонных брусьев,
Органный ряд сосновых кругляков.*

*Мудры с войны вернувшиеся папки,
Та мудрость – всё, что им дала война.
Мы унаследовали даже недостатки:
Щепоть махорки и глоток вина.*

*Мы в шахту шли гурьбой не для забавы,
И труд отцов для нас был не пустяк,
Тем более когда к солдатской Славе
«Шахтёрской славы» добавлялся знак.*

*Отцов уроки вам не ремеслушка,
Хотя уроки издали, впригляд.
В забое нас поймают и за ушко
На солнышко ведут, как дошколят.*

*Фронтовики-отцы старели рано.
Им не пристало с нами унывать.
Взамен ушедшему на отдых ветерану
Один из сыновей готов был встать.*

*Мы посвященья таинство откроем:
Когда в забой спускался новичок,
С него срывали робу – и в забое
Уже не молодой шахтёр, а чёрный чёрт.*

*И он доказывал, что может, хоть и молод,
Рубить стахановской шкалою мер.
Трещит под кровлей неустанно молот –
Одолевает молодость барьер.*

*Со стороны мы наблюдали, чтобы
Самим увидеть этот чёрный шторм.
А вам слабо с пласта срубить без робы
Всего за смену целых десять норм?!*

ТАК ВЫВОДИЛИ ЛОШАДЕЙ

*Рудничный двор заполнен пацанами.
От новости тревожный поворот:
Из шахты поднимают клеть с конями
И отправляют на мясозавод.*

*Отконогонили своё тяжеловозы,
И нет нужды их в вагонетки запрягать.
Коней в депо теснят электровозы –
Пора со временем и нам вперёд шагать.*

*Скребков не знали сваленные гривы.
И крупная слеза стекает с век.
Глаза коней – большие черносливы,
От солнца ярого потухшие навек.*

*В слепых глазах застыла боль печали.
Суставы отработанно скрипят.
Жизнь обошла их тёплыми ночами,
Травкою, солнцем, ржаньем жеребят.*

*Коней по трапу заводили в кузов,
Роняли кони крупную слезу.
И коногощик старый деда Кузя
Кричал: «Не дам коней на колбасу!»*

*Перед машиной широко раскинул руки.
И бледным стал он от душевных мук.
Ему труднее всех в часы разлуки.
Домой уводит деда Кузю внук.*

*Мы, закалённые в междоусобных драках,
По всем законам уличных боев
Не смели от любых ударов плакать,
А тут не выдержали и пустились в рёв.*

*Никто не спрашивал последнего желанья.
Коням стреноженным насыпали овса...
Как горек хлеб шахтёрского призванья
Коней, друзей, соседей и отца!*

ПОСАДЧИК ЛАВЫ СПИРИДОН

*Посадчик действует совсем не по уставу
И применяет только свой закон.
На всю округу чемпионской славой
Известен доминошник Спиридон.*

*А в шахте ходит тихо, озабочен.
Он каждой стойке отдаёт поклон.
О нём молва: он на ухо заточен
И даже волос слышит Спиридон.*

*Вот лава напружинилась к посадке...
Мы убедились, что забой живой:
«Гудит», «играет», «задаёт загадки»,
«Пугает», «корчится», «заводит вой».*

*Как будто недра Спиридону снова
Доносят гипнотический посыл.
К живому дереву он обращает слово
И к повелителю подземных сил.*

*Одни лишь губы оживляют шёпот.
И наступает тягостная тишь.
Тут вся надежда на шахтёрский опыт,
На инструмент из длинных топорниц,*

*На интуицию, везение, удачу
И на молитву, на нательный крест.
Удар! Ещё удар! И кровля скачет,
И спичками трещит рудстоек лес.*

*Посадка лавы – взрыв огромной мощи.
Посадчиков, хотя настороже,
Волной впрессовывает в пластовую толщу
На днище ниши в угольной меже.*

*Садится лава точно, без осечки,
Огромной тяжестью надшахтных гор.
В секунды запрессованная вечность
Выходит эхом на земной простор.*

*А после смены, в олимпийке синей,
На звонкой крышке битого стола
Вам Спиридон покажет, как по силам
Ему забить шахтёрского козла.*

г. Междуреченск

ОПЛОТ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ

В декабре 2019 года митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх вручил литературную премию святителя Павла, митрополита Тобольского и Сибирского, монахине Нектарии за издание книги «Обитель моя» к 25-летию Свято-Серафимо-Покровского женского монастыря, расположенного в городе Ленинске-Кузнецком, в коем она более десяти лет является настоятельницей.

Доброотно проиллюстрированное полноцветное 240-страничное издание подробнейшим образом рассказывает о крохотной частице неба на земле и, по утверждению монашествующих людей, прихожан и богомольцев, о месте особого присутствия Божия, где монастырские насельницы денно и нощно несут службу, посвятив свою жизнь высокой и гуманной цели – спасению человеческой души. За счёт описаний, основанных на различных архивных данных и изысканиях учёных, краеведов, и в результате использования ретро- и современных фотографий книга вобрала в себя многие ранее неизвестные широкому кругу читателей события, связанные с зарождением и распространением монашества на земле Кузнецкой, в том числе в селе Кольчугино и его окрестностях. В ней идёт речь о сохранении и упрочении миссионерских подвижнических традиций в разные времена старой и новой России, не исключая, пожалуй, и самый сложный для Русской православной церкви период: с отмеченного вихрями революций 1917-го и вплоть до 1990-х годов, охарактеризовавшихся распадом Советского Союза и положивших конец всеобщему безбожничеству.

Но самое примечательное явление во всей этой протяжённой по своей длительности эпопее состоит в том, что на земле Сибирской никогда не прерывалась духовная связь с Глинской пустыней и многими другими духовными светочами России. Для подтверждения этого достаточно назвать чтимые духовенством шахтёрско-

го края имена иеромонаха Никона, схиигумена Андроника, схиархимандрита Виталия, отца Сергия, схимонахинь Иллари, Херувимы, Паисии и других подвижников. В географию кузбасского монашества вошли не только хорошо известные кузбассовцам названия городов и районных центров: Сталинск (Новокузнецк), Кольчугино (Ленинск-Кузнецкий), Промышленновский район, но и уже стёртых с лица земли селений. Например, не так-то просто было найти в 1960-х годах затерявшееся в нескольких километрах от правого берега реки Кондомы и города Калтана село Колпинушка. Но молва и память народная приводили туда сначала монашествующих, а потом странников, паломников и рядовых граждан, сохранявших веру в душе, несмотря на строгие партийные установки и массивную атеистическую пропаганду.

Добрые деяния исповедников веры православной и их последователей создали предпосылки для того, чтобы в 1992 году по благословению предстоятеля Русской православной церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и по решению Священного синода в Ленинске-Кузнецком на базе намоленного столетиями прихода Покрова Божией Матери, существование которого в период самых интенсивных гонений всё-таки прерывалось на 25 лет, был образован Свято-Серафимо-Покровский женский монастырь.

В настоящее время монастырский комплекс включает в себя величественный двухпрестольный храм под голубыми куполами, с позолоченными крестами, со звонницей и мозаичными иконами, с центральным престолом – Покровским – и нижним приделом в честь преподобного Серафима Саровского. В комплекс также входят монашеский (келейный) и административные корпуса, дом паломников и совсем недавно построенное здание, в нём воскресная школа и большая трапезная.

Монастырь в Ленинске-Кузнецком, вне всякого сомнения, является архитектурным украшением города и частью его духовной сердцевины. Для всех присутствующих на его территории и молящихся в храмах он создаёт атмосферу особой торжественности и душевного покоя. Это ведь какое благо – посещать монастырь, где круглосуточно читают молитвы, и находиться около храмовых святынь, а в дни православных богослужений и таинств, в великие православные праздники ещё и прикасаться к ним!

От одного перечисления монастырских святынь дух захватывает. Скажем, что верующим на ежедневное поклонение из алтаря Покровского храма выносятся крест из африканского дуба с жемчугами, который украшает серебряное изображение страдающего за нас Христа, а над ним – изображения Святой Животворящей Троицы, Покрова Пресвятой Богородицы и преподобного Серафима Саровского. Под подножие серебряного креста вложена частица Животворящего Креста Господня из Иерусалима.

В верхнем Покровском храме находится и кузбасская местночтимая святыня в драгоценной ризе – икона Божией Матери «Троеручница», написанная в XIX веке монахами Свято-Пантелеимонова монастыря. Многочисленные прихожане и богомольцы свидетельствуют о благодатной помощи, которую уже явила и продолжает являть Пресвятая Богородица через Свой образ. Глубоко почитаем верующими ковчег с частицей мощей святителя Николая, Мирликийского чудотворца, и два ковчега с частицами мощей святых угодников Божиих.

Книга «Обитель моя» освещает практически все стороны монастырской жизни. Благолепен рассказ о монастырском ските в семи километрах от Ленинска-Кузнецкого. Там воздвигнут храм в честь иконы Божией Матери «Спорительница хлебов». А поблизости находятся любовно ухоженные монастырские поля, огороды, небольшая животноводческая ферма, тепличное хозяйство и фруктовый сад.

Следуя заповеди «Монахиня – мать всему миру», сестры монастыря с 2012 года по радостному благословию владыки Аристарха стали приёмными матерями для девочек из нескольких детских домов Кузбасса. Затем дети переехали из Ленинска-Кузнецкого в село Елыкаево Кемеровского района и разместились в Свято-Успенском монастыре, живущем по уставу Свято-Серафимо-Покровского женского монастыря.

*Им ведь надо совсем немного:
Только б знать, что они нужны.
Дать любовь им и веру в Бога.*

Так говорится в одном из стихотворений, помещённых в книгу «Обитель моя». А всего здесь

несколько десятков стихов, существенно раздвигающих рамки содержания книги и пронизывающих её сквозной нитью. Прекрасные стихи – настоящее украшение книги. Жаль только, что их автор, как и авторы других поэтических произведений, в силу сложившихся монастырских традиций остаётся неизвестным. Но это обстоятельство несколько не умаляет их способностей и литературного дара.

*Не знаешь ты, какие битвы
Тебе грозят, крепишь, монах!
И только ниточка молитвы
Тебя спасёт во всех штормах.*

А вот ещё один отрывок из стихотворения безымянного автора.

*Перезвоны русские,
Тишина долин...
Ты во всём присутствуешь,
Кроткий Божий Сын.*

*По тропам нехоженным
Ты навстречу шёл.
Ты нас в храмы Божии
За руку привёл.*

Под сводами храмов Свято-Серафимо-Покровского женского монастыря насельницы, прихожане и богомольцы постоянно возносят молитвы о нашем Отечестве и родном Кузбассе. Одному Богу ведомо, сколько людей обрели здесь душевный мир и покой, пересмотрели и изменили свой жизненный путь. Вне всякого сомнения, эта обитель занимает особое место и играет важную роль в духовной жизни города и всего Сибирского региона. Она служит источником Божественной благодати и, как издавна ведётся на Руси, стремится стать непоколебимым оплотом православной веры, врачующей грешные человеческие души.

Григорий ШАЛАКИН,
заслуженный работник культуры
Российской Федерации,
Ленинск-Кузнецкий – Кемерово

Елена ТРУХАН

«ПОД СЕНЬЮ ДРУЖНЫХ МУЗ»

(о литературных кружках города
Сталинска в годы войны*)

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделен и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз, –*

писал А. С. Пушкин своим друзьям-лицеистам, в который раз утверждая мысль о необходимости полноценного писательского и дружеского общения для человека творческого. Именно она, особая атмосфера, является благоприятной средой для развития литературных талантов, «местом силы» и поддержкой в самые сложные периоды. Благодаря коллективной творческой энергии пробиваются новые идеи, крепнет молодая поросль литераторов и оттачивается перо профессионалов.

Немногим известно, но литературный процесс в Сталинске (Новокузнецке) в годы Великой Отечественной войны не затихал. Несмотря на сложную обстановку в стране и мире, в городе работали любительские объединения молодых литераторов, или кружки, как их тогда называли.

Организовывались они на предприятиях, в учебных и культурных учреждениях энтузиастами: профессиональными писателями и журналистами, библиотекарями, педагогами-литераторами, заведующими педагогическими кабинетами, лекторами, представителями гороно. Главной их целью было повышение мастерства самодельных авторов, улучшение навыков журналистской работы и развитие художественного творчества. Кружки, как правило, имели ярко выраженную образовательно-воспитательную и патриотическую направленность, что ска-

зывалось на содержании их программ, выборе изучаемых произведений и тем.

Один из таких литературно-творческих кружков открылся в середине октября 1942 года в помещении библиотеки Дворца культуры металлургов. Точнее, не открылся, а возродился. Острая необходимость в специалистах, умело владеющих словом, возникла вновь из-за «роста и увеличения промышленности» Сталинска, пополнения «рядов выдающихся передовиков производства, подлинных героев труда».

Руководителем кружка стал литературный критик Ф. И. Дубровская. К сожалению, узнать какие-либо биографические сведения об этом человеке пока не удалось. Известно только, что она была эвакуирована в Сталинск. Ранее работала литературным критиком-консультантом журнала «Молодая гвардия». Нынешний редактор этого издания писатель В. В. Хатюшин на запрос о Ф. И. Дубровской сообщил, что «к сожалению, в редакции «МГ» никаких сведений о Ф. И. Дубровской нет. Возможно, она была рецензентом-консультантом вне штата. А может быть, числилась не в журнале, а в издательстве «Молодая гвардия».

О занятиях молодых под руководством Дубровской городская газета «Большевицкая сталь» сообщила задолго до их начала. Писали, что там планируется изучать жанры газетно-журнальной публицистики, развивать журналистские навыки.

В то время Сталинску требовались юные драматурги, способные на местном материале создавать небольшие произведения для клубного драмкружка, и смелые критики, умеющие разбираться в сути производственных и жизненных вопросов, осмысливать прочитанное и увиденное, ясно излагать факты, отстаивая собственную точку зрения. Вращивать эти таланты собиралась Дубровская в городском литкружке. Научить ярко и образно рассказывать о повседневной жизни металлургического завода и его людях – такую задачу ставила она перед собой.

На первом организационном собрании в заводской библиотеке присутствовало около 30 человек. Среди них были поэты Гринбаум и Кирьянов, прозаики Тотыш и Подыногин, ставшие впоследствии активными членами литкружка. Они приходили на заседания и консультации по средам к 20:00 или 20:30, сразу после работы. Остаётся только изумляться, как в суровые военные будни кружковцам хватало времени и сил не только на выполнение и перевыполнение

* При подготовке статьи были использованы материалы газеты «Большевицкая сталь» (Сталинск) и журнала «Сибирские огни» (Новосибирск).

рабочих норм, но и на учёбу, творческие контакты, создание художественных произведений!

Иным же и того было мало! Валентин Гринбаум, к примеру, умудрялся ещё вести общественную работу на посту председателя завкома Кузнецкого завода металлоконструкций им. В. М. Молотова! В 1941 году в связи с приближением к Днепропетровску линии фронта часть оборудования завода металлоконструкций, где он работал, была эвакуирована с Украины в Сталинск. Вместе со своими коллегами, сопровождая ценные производственные мощности, стратегически важные для Победы, приехал в далёкий таёжный край и Гринбаум. Впечатления об этом он навсегда сохранил в памяти и стихах.

*Нас увозил гремящий эшелон
В суровые, неведомые дали.
«Сибирь» – колёса грозно повторяли.
«Сибирь» – сердца стучали в унисон.
Вдоль поезда, на запад уходя,
Мелькали вперемежку сосны, ели;
Поля и степи сумрачно темнели
Под сеткой августовского дождя.
Но вскоре мы узнали, что светла,
Ясна в Сибири осень золотая:
Про наш родимый край напоминая,
Погода тёплой, солнечной была.
А ночью столько звёздного добра
И небосвод такой чудесно синий,
Как будто мы сейчас на Украине,
На берегу широкого Днепра!
Война не ждёт – и первый цех готов,
И к механизмам пригнаны детали;
И вот уже станки загрохотали,
Оружие давая для фронтов.
Пустив литые корни в глубь земли,
Цеха росли колонна за колонной,
Казалось нам: с корнями из бетона
И наши корни в землю пролегли.
Любовь и гордость воплотив сполна,
Завод опять работал, как бывало.
Не мачехой, а матерью нам стала
Сибирская родная сторона.*
(В. Гринбаум. «В Сибири». 1945)

Библиотекари Дворца культуры всячески поддерживали подопечных Дубровской в их писательских начинаниях, знакомили с лучшими образцами зарубежной, русской классической и советской литературы, а в последующем планировали устраивать конкурсы на лучшее художе-

ственное произведение, посвящённое производственной теме. К слову, долго ждать не пришлось: литературные конкурсы в Сталинске действительно вскоре были объявлены (достаточно вспомнить творческое состязание 1943 года «Героизм в труде»).

Корреспондент Ю. Григоренко, присутствовавший на первом заседании кружка в библиотеке металлургов и написавший о серьёзных планах литературной учёбы в «Большевицкую сталь», познакомился с программой работы Ф. И. Дубровской. В неё входило изучение технологии творческого процесса и знакомство с отдельными литературными формами. Воодушевившись услышанным, он порекомендовал ей включить в список литературы побольше советских произведений, ведь Сталинску «нужна не вообще новелла, а советская новелла, не вообще роман, а советский роман».

Надежды, возложенные на руководителя кружка и его воспитанников, во многом оправдались. В июле 1943 года один из членов кружка, тот самый Валентин Гринбаум, добавил несколько весомых строк в литературную летопись города: «...тов. Дубровская прочитала цикл лекций о творчестве классиков западноевропейской и русской литературы, увязывая теоретический курс с практической работой начинающих молодых писателей. Силами членов кружка выпущено два литературных бюллетеня и две литературные странички в газете «Металлург». В настоящее время ведётся большая работа по сбору материалов для тематического сборника, выпуск которого намечен на 15 августа».

Стоит лишь добавить, что с тех пор, как в библиотеке образовалось литературное сообщество под руководством Дубровской, хорошей традицией стало проведение литературных вечеров, где звучали авторские творения, созданные в Сталинске.

Во время Великой Отечественной войны кружок литкритика Дубровской был, пожалуй, самым серьёзным из всех городских литобъединений. Профессиональная зрелость руководителя, качество подготовки членов, основательность программы способствовали тому, что в мае 1945 года он уже стал именоваться литературной группой и имел в своём составе бюро.

Литературные кружки появлялись и на производстве. Например, при строительном управлении треста «Сталинскпромстрой» (начальник тов. Иерерва). В его члены вступали молодые

рабочие разных строительных специальностей. До нас дошли фамилии некоторых из них: Холодов, Калакутский, Хлиманенко, Орловский. Руководила ими лектор Демиховская. Строители настолько увлеклись творчеством, что провозгласили каждый четверг днём обязательной литературной учёбы.

Литкружок «Сталинскпромстройка», скорее всего, имел воспитательно-патриотическую направленность и, возможно, пропагандировал творчество Л. Н. Толстого. На это недвусмысленно намекают исследовательские темы, над которыми вместе с наставником усердно трудилась одарённая молодёжь: «Патриотизм Толстого в «Севастопольских рассказах», «Образ Кутузова», «Хаджи-Мурат», «Жизнь Толстого». Вообще же, вкус к литературе кружковцам треста прививался через изучение русской классики. Так, к концу 1944 года они изучили несколько патриотических тем, раскрывающих особенности художественной лаборатории писателей XIX века: «Пушкин-патриот», «Горький – борец против фашизма», «Наш Чехов», «Лев Толстой и чёрные дни Ясной Поляны». Последняя, думается, появилась в связи с публикацией в № 9–10 журнала «Новый мир» за 1941 год дневниковых записей М. Щеголевой «Чёрные дни Ясной Поляны».

Организатор кружка Демиховская преследовала цель воспитать новых критиков, публицистов, журналистов. И это ей удавалось: известно, что в декабре 1944 года юные писатели уже приступили к выпуску газеты «Литературная учё-

ба», первый номер которой как раз был посвящён жизни и творчеству Льва Толстого.

Развитие литературного творчества приветствовали и в сталинских школах. 12 ноября 1944 года при средней женской школе № 25 по инициативе заведующей педагогическим кабинетом тов. Немоляевой и инспектора горно тов. Прокофьевой открылась литературная комната. Она была создана городским отделом народного образования. Во внеурочное время учащиеся старших классов могли прийти туда, чтобы участвовать в беседах на литературные темы, прослушать доклады, лекции. Раз в месяц руководители комнаты Немоляева и Прокофьева устраивали творческие вечера, где звучали художественные произведения начинающих авторов: стихи, рассказы. Первый такой вечер, по информации «Большевистской стали», прошёл 18 ноября 1944 года.

Некоторые разрозненные факты имеются и о деятельности литературного кружка, руководимого учителем литературы, мастером педагогического труда З. И. Ильиных. Кружок был организован ею в средней школе № 12 (директор П. Пеккер), которую с начала учебного 1944/45 года преобразовали в мужскую. В 1945 году, как сообщали корреспонденты городской газеты, юноши, обучающиеся в 12-й школе, активно готовились к 150-летию юбилею А. С. Грибоедова, а литкружковцы по этому случаю даже выпустили литературный альманах «Заря».

г. Новокузнецк

Пётр ТКАЧЕНКО

«НОВЫЕ ТРИХИНЫ»

Эта новая напасть, коронавирус (и вызванная им пандемия), наступила для людей совершенно неожиданно. Пожалуй, никто не предполагал, что главная угроза человеку, да что там – роду человеческому, может быть отсюда. Всех охватила непонятная тревога за себя, детей, будущее. Всё, что только вчера казалось таким важным и необходимым, вдруг оказалось никчёмным и ненужным. Растерянность приходила и от осознания того, что напасть эта оказалась *мировой*, бежать от неё некуда.

Несколько оправившись от неизбежной в таком положении паники, люди начали размышлять о том, что же, собственно, происходит. И, надо отдать должное, наиболее проницательные из них скоро поняли, что эта неожиданная напасть имеет не столько медицинскую и физиологическую природу, сколько какую-то иную: неведомую и трудноразличимую, мировоззренческую, касающуюся самого существа человека, духовную сущность.

Но почему беда обрушилась на род человеческий так неожиданно? Почему она пришла не отсюда, откуда мы её ожидали? Мы ведь полагали, что главная угроза – это война, открытое вооружённое столкновение. Мы ведь и мысли не допускали, что могут наступить такие времена, когда оружие железное может оказаться бесполезным... Ясно, почему всё пришло так неожиданно. Наши современники уверовали в такое устройство этого мира, выдвинули для этого такие упрощённые и даже примитивные идеи, на которых человеческое общество устроено быть не может. И поскольку такие идеи навязывались беспощадно, огнём и мечом, в качестве единственных и обязательных, это не могло не стать источником постоянно воспроизводящихся и внешне вроде бы беспричинных потрясений. Это по природе своей *революционное* сознание, разрушающее всякую традицию, напроць игнорирующее духовную природу человека, это то ничем не истребимое миропонимание, которое в своей мировоззренческой основе имеет низвержение небесного на землю, реальным признающее только и исключительно материальное. В конечном итоге это то мировое вавилонское строительство, которое, изменяя свои формы, существует всегда. Оно ничем не устранимо в борьбе за

духовную сущность человека в брани духовной. И весь вопрос состоит не в том, что его не должно быть или может не быть, а в том, что, когда оно становится абсолютно преобладающим, наступает то, о чём безвестный автор «Слова о полку Игореве» писал более восьмисот лет назад: «Наниче ся години обратиша». То есть время обратилось своей изнанкой, жизнь человеческая начала терять смысл.

Это искажённое мироустройство навязывалось столь долго и беспощадно, что мир, род человеческий, в конце концов не мог не взбунтоваться. Не мог не взбунтоваться против искажения духовной природы человека, против того, что вавилонское строительство «цивилизации» дошло до момента, когда человек оказался «лишним», оказался препятствием на пути этого «строительства». И тогда по каким-то нам неведомым законам и путям явился коронавирус в наказание за долгий духовный и интеллектуальный блуд, чтобы сбросить эту порочную и губительную парадигму «цивилизации». Наивное мировоззрение полагает, что зло устранимо в этом мире, что когда-нибудь, рано или поздно, но зло будет побеждено и наступит рай на земле. Но зло не устранимо так же, как указание на зло не избавляет нас от него. Сам Господь не только оставил на земле Каина, но и защитил его знаменем, печатью...

Это – причина. А как разрешится эта напасть, сумеет ли человеческий интеллект предъявить истинный образ мира или же он будет удушен какой-нибудь «новой», «передовой», «неолиберальной», к примеру, идеологической удавкой, это пока не очевидно. А с коронавирусом земные врачи, как уже не раз бывало при других вирусах, справятся. Духовных же врачей пока не видно. А те, что есть, изолированы от людей информационными технологиями тщательно.

Вся надежда на то, что у нас в России есть некоторый опыт преодоления подобных бед. Ведь при всей новизне этой эпидемии мы нечто подобное уже переживали, переживаем в той или иной степени всегда. И весь вопрос теперь в том, будет ли востребован этот опыт. Этот опыт запечатлён в вершинных творениях великой русской литературы. Но она всё настойчивее вытесняется из общественного сознания и изгоняется из образования. Несмотря ни на что, ни на какую очевидность этого варварства. В эпилоге романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский изображает то, чем мучился Родион Раскольников после того, когда всё произошло. Ему грезилась некая болезнь непонятная, неведомая земным врачам: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвы, идущей из глубины Азии на Европу... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические,

вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшевствовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе».

Это – «*новые трихины*». Но это же – симптомы нынешнего «бессимптомного» коронавируса, замеченные Ф. М. Достоевским более 150 лет назад... Трудно поверить, но это так. Впрочем, это не ново, так как в нашем российском обществе давно уже сложились странные отношения между словом и делом, то есть собственно жизнью. Во всяком случае, не по евангельской заповеди: «В начале было Слово». Когда в 1909 году лучшие умы того времени за восемь лет до революционного крушения России предсказали его в знаменитом сборнике «Вехи», в это тоже не хотелось верить. Казалось, что точный, интеллектуальный диагноз уберёжёт от беды. Не уберёт. Всё произошло, что называется, по писаному. Уберёжёт ли теперь, пока не очевидно.

Ведь начавшийся со времён просветителей, Вольтера образ мира, получив полное развитие, обнажив свои неизбежные результаты, исчерпал себя, но он всё ещё навязывается и удерживается всей мощью пропагандистских информационных средств, от которых живой человеческой душе спрятаться негде.

Наступает иной род спасения: спасать не мир, а человеческую душу, с которой устоит и мир.

Впрочем, этот род спасения осознан уже давно, забиваемый примитивными и убогими идеями. «Но настал другой род спасения. Не бежать на корабле из земли своей, спасая своё презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства» (Гоголь Н. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990).

Но бежать оказалось, да и было, некуда: «Но куды бежать? Вот вопрос. Европе пришлось ещё трудней, нежели России. Разница в том, что там никто ещё этого вполне не видит: всё, не выключая даже государственных людей, пребывает покуда на верхушке верхних сведений, то есть пребывает

в том заколдованном круге познаний, который нанесён журналами в виде скороспелых выводов, опрометчивых показаний, выставленных сквозь лживые призмы всяких партий, вовсе не в том свете, в каком они есть» (Н. Гоголь, 1846).

Что прокричал на это неистовый, точнее, бесноватый В. Белинский? Что Россия видит своё спасение в успехах «цивилизации, просвещения, гуманности»: «Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе». Обозванный не окончившим университетского курса В. Белинским, «великим критиком» революционного XX века, «проповедником кнута, апостолом невежества, поборником обскурантизма и мракобесия, панегиристом татарских нравов», Н. Гоголь только и мог сказать, что «нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина», что «нельзя, получа лёгкое журнальное образование, судить о таких предметах». И добавил: «Кто же, по-вашему, ближе и лучше может истолковать теперь Христа? Неужели нынешние коммунисты и социалисты...»

Итак, все слова были уже произнесены. Но охваченный невменяемостью поклонник Вольтера их уже не слышал. А там и жизнь заканчивалась...

И вот опять всё произошло по писаному. Как теперь «на руинах великих идей» (Юрий Кузнецов) не думать о том, что эти, чуть более двух веков после Вольтера, может быть, всего лишь малый досадный зигзаг в развитии рода человеческого?..

Как теперь быть нам в России со всем этим интеллектуальным «навозом», отравившим жизнь в XX веке и продолжающим её травить в веке нынешнем? После двух революций в одном веке, после двух крушений государственности. И если крушение России в начале века хоть как-то было мотивировано «передовым» революционным учением, так и не получившим своего развития, то крушение страны во время либеральной и криминальной революции 1991–1993 годов уже произошло, по сути, без всякой мотивации. Нельзя же назвать обоснованием и мотивацией, «учением» набор лозунгов о разрушении восстановленной в советский период исторической России после её крушения в начале XX века. Нельзя же назвать «учением» весь этот интеллектуальный мусор – нигилизм, пресловутое лакейское западничество, выродившиеся в откровенную *смердяковщину*, открытую Ф. М. Достоевским, в поколении «реформаторов» либеральной и криминальной революции, очередных вавилонщиков. Это и вовсе какая-то интеллектуальная и нравственная прострация.

На каких «идеях» совершено разрушение страны? Вот эти «идеи» – смердяковские и ничтожные:

«Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге историческую ориентацию, стать республикой «западного типа» (Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995). Вот цель «реформ» – *сменить историческую ориентацию страны и народа*. Ну а если этого не получится (а этого получиться не может), не столь жалко будет и самой России: «Свои проблемы мы должны решать сами, и, если с ними не справимся, мир спокойно отнесётся к крушению высокой российской цивилизации». Вот что задумывалось и делалось – уничтожение России.

Но самое печальное состоит в том, что такая смердяковская идеология продолжает преобладать и действовать на государственном уровне и тридцать лет спустя. Правда, она продолжает определять нашу жизнь тайно, по умолчанию, без всяких её деклараций, что только усугубляет наше положение. Как помним, после революции 1917 года «смена вех», «реставрация», то есть строительство новой, никому пока не ведомой государственности началось через семнадцать лет, с 1934 года, что умалчивается и всеми средствами не допускается в общественное сознание. Теперь же и тридцать лет спустя неизбежная смена вех, кажется, и не предполагается. Но чем дольше будет длиться наша мировоззренческая неопределённость, тем горше может оказаться похмелье либеральствующей смердяковщины. Теперь вся надежда на коронавирус, на пандемию, ибо многое совершается у нас в России по присловию: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Вся надежда теперь на «новые трихины». Ну а если коронавирус не поможет, возвращение народа, страны, государства к самим себе может оказаться более затычным и более трагическим...

Нам скажут: но ведь для этого нужна «новая идеология». Разумеется, нужна, но не новая. Без идеологии, то есть без смысла своего существования не может быть общества, государства, страны. Но идеология не бывает на каждый час новой. Она формируется веками, историей, всей судьбой страны и народа. Она же не набор каких-то догматов, как приличнее, не теряя лица, загнать народ в стойло... Она у нас давно есть. Скажем, в одной фразе Н. Гоголя она уже есть: *«И этот путь есть сама Россия»*. Именно эту формулу повторял А. Блок среди революций. Но с идеологией у нас пока полный провал. В таком состоянии никакая экономика не поможет да и невозможна. И тридцать лет спустя пока нет консолидированного ответа на вопрос, что же произошло у нас в стране: революция или контрреволюция? Это ведь не пустая игра слов. Великая русская литература, являющаяся формой народного самосознания, загнанная в рынок, к ней вообще неприложимый, продолжает уничтожаться.

Вырастают уже целые поколения детей в условиях «реформируемого» образования. Это может значить одно: преднамеренная дебилизация детей продолжается. Одичание нашего общества происходит пока неостановимо. Но тогда неизбежно встаёт вопрос: если власть не касается идеологии (литература, философия, искусство), то тогда чего она касается, если от этого зависит всё? Тогда этим занимается кто-то, и в своих интересах? Или она заодно с теми, кто это делает?..

Идеологию не придумывают. Не надо вновь выбирать «передовую» идеологию. Её берут такой, какой она сложилась исторически судьбой страны и народов, в неё входящих.

К этим заметкам о «новых трихинах», которые, как оказывается, не столь «новы», не могу не приложить впечатление о Дне Победы, дне 75-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В этот день, соблюдая самоизоляцию, пришлось посмотреть фильмы по ТВ. Такие, скажем, как «Ржев». Какое-то неслыханное упрощение, какого не знал даже соцреализм. А главное, примитивная идеологическая озабоченность. Из таких фильмов мы узнаём, что основным противником воевавших солдат и офицеров были не фашисты, а энкавэдэшники, причём отличающиеся каким-то абсолютно немотивированным зверством. То есть низвержение советского периода истории всё ещё продолжается. И ясно почему. Надо ведь как-то оправдать варварство и действительные зверства криминальной революции девяностых годов, в иных формах всё ещё продолжающейся. Хотя абсолютно понятно, что, развенчивая и отрицая советский период истории, развенчивают не революционные беззакония начала XX века, а разрушают то, как было это беззаконие преодолено, как созидалась великая держава, ценой какого напряжения народа, каких страданий и жертв. Уничтожается почти вековой опыт страны и народа. Причём развенчивается и отрицается период наивысшего развития и мирового могущества России. Разрушать всё это могут только некие представители странного психологического явления, которое Ф. М. Достоевский определил как смердяковщина.

Конечно, охватывало негодование, что в Праге снесён памятник маршалу И. С. Коневу. Но картина искажения истории Великой Отечественной войны, использования её в сомнительных идеологических играх будет неполной, если мы будем видеть такие искажения только в странах Европы, освобождённых Красной армией от фашизма. Но накануне 75-летнего юбилея Победы не где-то, а у нас в России, в Москве, в самом её сердце, на Манежной площади, разыгралась странная история по низвержению памятника маршалу Победы Г. К. Жукову. Известный, хотя и неудачный, с потаённой симво-

ликой, памятник маршалу работы скульптора В. Клыкова был снят и распилен. На его месте должен был быть установлен другой, более удачный. Но ему, оказалось, не подошёл постамент. В конце концов вернули прежний, клыковский. Но низвержение памятника маршалу Победы Г. К. Жукову в самый канун юбилея Победы происходило. Кто это делал? Какие силы, находящиеся в нашем обществе? На сей счёт нет никаких вразумительных объяснений. Только «многозначительные» неопределённые экивоки (см. Михайлов К. План моментальной пропаганды // Огонёк. 2020. № 12).

Наше негодование против искажения истории Великой Отечественной и Второй мировой войны было бы праведным, если бы это варварство не происходило в нашем обществе, если бы наше либеральное сообщество в 1990-х годах не начало это

гнусное смердяковское дело у себя в стране. Но флаг Победы, переставший быть государственным, был спущен не где-то, а над Кремлём. Но блокада Ленинграда и Сталинградская битва остались уже только в анналах истории, в прошлом, так как блокады Петербурга и Волгоградской битвы не было в истории. А это даёт повод считать, что никаких битв не было вообще... На фоне всего этого правильные и красивые слова о войне, ветеранах и вроде бы благодарность им мало что значат. Этому странному явлению, этому варварству должно быть дано точное название, хотя бы то, которое дал ему Ф. М. Достоевский более полутора веков назад: «новые трихины». Без точного диагноза преодоление этой напасти, этой болезни, неведомой земным врачам, невозможно.

г. Москва

Виктор КОНЯЕВ

ЗАКРОЮТ ЛИ РОССИЮ?

(Заметки неравнодушного)

Стояло лето 1913 года, последнее мирное лето романовской России. Душным воскресным вечером из модного ресторана на Невском вывалилась шумная компания молодых людей, изрядно разгоряченных шустовским коньяком и шампанским. Они гуляли едва ли не с утра, благо повод был весьма весом: папаша одного из молодых повес, крупный помещик из южной губернии, ведущий оптовую торговлю хлебом с европейскими агентами, заключил очень выгодную сделку и на радостях отвалил единственному сыну и наследнику солидную сумму на кутёж.

Собственно, этот отпрыск был одним из всей компании, кто мог похвастаться настоящим богатством, пока, правда, не своим, а родительским. Остальные являлись своего рода клиентами при богатом патриции или, если выразиться языком петербургских окраин, попросту прихлебателями, всегда готовыми на дармовщину выпить и закусить. В ресторане много чего было: цыгане с гитарами, романсами и плясками; французская певичка, изысканно полубогажённая; еврей-скрипач и пара молодых бородатых мужиков с балалайками. Было весело, но надоело, обрыдло, поэтому компания решила поехать на взморье и там, на берегу морском, продолжить веселье, прихватив с собой худую француженку. На перекрёстке организатор застолья вышел из иностранного авто с наёмным водителем и ради куража облил городского из бутылки шампанским, а затем, сняв с головы вежливо пучившего глаза стража порядка фуражку, вложил в неё крупную ассигнацию и водрузил опять на служивую голову. Городовой с чувством гаркнул: «Премного благодарны, ваше с...ы...с...тво!»

Городовые в столице империи привыкли к проделкам нуворишей. По закону они имели право пресекать подобные выходки, но... можно ведь было напороться и на лицо очень высокопоставленное. Поэтому чины полиции терпели хамство, за что обычно и бывали награждаемы презренным златом.

Начало прошлого века! Патриархальные времена, патриархальные забавы золотой молодёжи. И молодёжь можно понять: энергию девать некуда, вот и куролесит. Но она перебесится, поумнеет, многие станут полезными членами общества, как и их отцы.

Так говорили сто лет назад. Но мы помним, к чему подвели Российскую империю эти отцы – крупные хлеботорговцы, заводчики, фабриканты и купцы, возжаждавшие своей власти, власти частного капитала. Помним, как они предавали императора, как вступали в сговор с правительствами стран Антанты, исполняющими волю банкиров и монополистов, как готовы были расчленить Родину свою, лишь бы сохранить богатство.

* * *

Начало лета 2016 года. Молодые люди, представители современной золотой молодёжи, после ночи в закрытом для посторонних частном клубе (где было всё: лёгкие наркотики, алкоголь, доступные женщины и мужчины, азартные игры) на волне куража полдня куролесили на дорожке иномарке по столице, при этом нагло издевались над сотрудниками дорожной службы и реально создавали угрозу жизни пешеходов. Да ещё и снимали кино о своих проделках.

И опять говорят, что можно понять молодёжь: избыток энергии, деньги прямо пищат с банковской карточки, прося их потратить. Но эти мажоры перебесятся, повзрослеют, поумнеют и станут достойными, морально устойчивыми членами общества, как и их отцы. Хотя волну недовольства они, благодаря современным средствам массовой информации, нагнали изрядную. Но, думается, волна эта уйдёт в песок и всё опять будет благолепно до следующей волны, зародившейся от очередного примера вызывающего поведения отечественных магнатов и их деток.

Сколько их было, волн недовольства? И что?! Два случая из разных столетий, эпох, но они по содержанию, мотивам, сути своей идентичны! Словно не существовало семи десятков лет величайшей, беспримерной истории народа и государства русского, наполненной великими трудами, великими победами и огромной кровью! Вычеркнули, вымарали, вытравили! Не было этого. А лишь «балы, шампанское, лакеи, юнкера», а затем сразу стало «ты целый меня везде, я ведь взрослая уже».

Это для тех, кто захватил все богатства государства, так стало, это они готовы залить и закатать асфальтом историю великого Советского Союза. А вот нужно ли это народу? Или он не видит, куда тащит Россию очумевший от ненасытимой жадности злата и власти правящий класс чиновников и олигархов?

* * *

Для более полного понимания сути восторжествовавшего в человеческой цивилизации общественного уклада давайте посмотрим в глубину веков. История ведь, как сказал Цицерон, наша лучшая учительница.

За грех прародителей все последующие стали смертны, тленны и страстны, то есть подвержены порокам и страданиям. Восприняв греховную природу, люди все данные Богом чувства либо трансформировали в противоположные, либо извратили до неузнаваемости, например, естественное для творения Божиего неприятие зла превратили в ненависть к ближнему своему, зависть к нему, а необходимое для выживания право на землю, жилище и пищу своему роду, семье распалили до всепоглощающего желания обладать всем, что видит глаз. Из всего живого на Земле только человек желает иметь больше, чем это нужно для голодной жизни и воспроизводства. Из этого перевернутого чувства обладания необходимым и родилась частная собственность.

Шли века, совершенствовались орудия труда и системы взаимоотношений в людском сообществе, соответственно, нужно было искать новые инструменты для удержания и приумножения собственности во всё более усложняющемся мире. Думается, как раз эта необходимость и явилась одним из основных условий для смены общественно-политических формаций.

Рабовладельческий строй достиг предела в своём развитии, стал тормозом на пути частной собственности к абсолютному могуществу, которое заключается в двуединстве богатства и власти. Рабовладение заменили феодализмом. Прошли ещё сотни лет, и этот строй изжил себя, перестал соответствовать изменившейся жизни, и тогда изощрённый ум алчного человечества изобрёл капитализм.

Но ведь ещё тысячу лет назад «человекий» подошёл к концу своего существования. Он до того умножил пороки, что спасти его уже не могли ни праведники, ни посланники Бога, которых люди в лучшем случае побивали камнями, а в худшем – казнили жутко, как пророка Исаяю.

Бог послал в мир Сына Своего Единородного, потому что Бог есть Любовь, вечная и неизменная, и Он хочет спасти людей. А спасти их можно было только страданиями, смертью и воскресением Иисуса Христа.

Иисус принёс людям Божественную Любовь, просил их отступить от зла, но избранный народ под предводительством книжников и фарисеев настолько ушёл от Бога, так переиначил первоначальные заповеди Божии в сектантский свод правил и норм поведения, что не мог принять Любовь, он возненавидел Господа и обрёл его на смерть. Но

именно смерть Иисуса и Его воскресение дали людям возможность спастись от вечной смерти: для этого надо открыть своё сердце Богу, смириться перед Ним, осознав свои пороки.

Как говорят святые отцы, «первым признаком здоровья души является виденье своих грехов». Конечно, человечество в полном объёме никогда не сможет стать безгрешным, на это способны очень и очень немногие. Но если бы люди открывали свои сердца Богу искренно и с надеждой, то возможно было бы большинству живых обрести способность хотя бы не упасть всё глубже в страшные пороки.

Унаследовав от праотца и праматери гордыню как мать всех пороков («будем как боги»), расплывшееся человечество активно заставляло плодиться подлую «мамашу», и довольно скоро в сообществе людей утвердилось **дьявольская триада: похоть плоти, похоть очей и житейская гордыня**. Утвердилось незыблемо, неколебимо, и казалось, что навечно. Но Господь оставил людям церковь – тело Своё, – чтобы все страждущие могли с её помощью спасти душу свою бессмертную. Апостолы понесли по обитаемому миру свет христианства, понесли всем народам и племенам свет надежды в беспросветности жизни языческой, идолопоклонной. И была помощь Божия в первые века христианства, дабы устояло оно в неслыханных гонениях, жестоких попытках уничтожить неприемлемое учение, сжечь его вместе с носителями веры Христовой, утопить в море, перемолоть зубами хищников. Но христианство устояло, выжило и даже стало государственной религией в Римской империи. Однако почему же Иисус говорил ученикам своим с горечью, что найдёт ли веру на Земле, когда придёт вновь?

Да потому, что слабы люди, нестойки пред сатанинской «тройкой», а она делала своё чёрное дело – уводила род людской всё дальше от Бога. Церковь, данная Господом людям как тело Его для спасения, за долгие века претерпела немалые трансформации. Она делилась, дробилась, раскалывалась. Мелкие церкви затем, отходя от источника, апостольского учения, превратились в секты и постепенно впадали в сатанизм, крупные – католицизм и протестантизм – по той же самой причине выродились сначала в коммерческие политические организации с церковной атрибутикой, а в настоящее время тоже пришли на службу дьяволу.

* * *

Итак, обаянное сатанинской триадой «человекийство» изобрело частную собственность и постепенно, совершенствуя способы умножения её, сконструировало капитализм – наилучшую, универсальную в данный исторический момент форму взаимоотношений в людском сообществе. Универсальную

до гениальности, потому что в ней абсолютно отсутствуют какие-либо моральные ограничения и потому что всё в жизни отдельного человека и всего сонмища людского стало возможно выразить простой формулой: деньги – товар – деньги. Рождение и смерть человека, дружба, любовь во всех её проявлениях, брак, семья, дети – всё товар, всё можно купить и продать. Можно купить союзников и врагов, но можно их и продать.

Капитализм родился тоже в Европе, стремившейся после гибели Византии стать центром управления всем миром.

Бесспорно, выдающуюся роль в формировании гегемонистских устремлений в европейских государствах сыграла именно Римско-католическая церковь. Бесспорно – хотя бы по факту организации крестовых походов.

Вряд ли можно всерьёз говорить о вере во Христа, человеколюбивого и милосердного, когда десятки тысяч человек плывут или идут за тысячи километров освобождать Гроб Господен, намереваясь при этом убивать невинных людей, а по пути они захватывают, грабят столицу христианского государства, уничтожают своих, по сути, единомышленников. Фактически крестоносцы были ударными отрядами Папы, и задача у них была в захвате для Римско-католической церкви новых земель, богатств и насильственном крещении язычников и восточных христиан.

Так что по факту папство превращало веру миллионов католиков в изуверство.

Здесь уместно бы, конечно, задаться вопросом: а почему величайшая святыня христианства оказалась в руках иноверцев? И почему сама христианская империя так ослабла духом, что пала под ударами врагов? Суть ответа очевидна: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская возобладали, оказались сильнее веры.

Начало разрыва христианства положила Римская церковь, когда возжелала быть первой среди всех христианских церквей. С этого начался раскол, причём не только церковный, но и намного шире – мировоззренческий, а значит, как следствие, культурный и даже поведенческий. Восток и Запад разошлись всё дальше и глубже.

Рим начал подчинять своему влиянию Западную Европу, и не только в духовном плане: он веками боролся с европейскими монархами за светскую власть. Это был путь отказа от Бога.

Следующим шагом стало отрешение от преемственности. Римская курия отвергла всех древних святых отцов, которые своей праведной, аскетической жизнью и духовными подвигами снискали Духа Святого и по Божественному вдохновению толковали Священное Писание единственно верно, спасительно для людей.

После этого разрыв стал окончательно несрастимым, а путь католицизма и его законного дитяти, протестантизма, к противнику Бога, Антихристу, оказался бесповоротен. Вся последующая история Европы и её дочки, Северной Америки, наглядно это показывает.

Эпоха географических открытий привела впоследствии к гибели индейские цивилизации обеих Америк, насильственной христианизации оставшихся населения и колонизации континентов. То же самое европейские государства осуществляли и в других частях света. Так создавались колониальные империи. Европа в середине второго тысячелетия от Рождества Христова уже угробила свои природные богатства: вырубил леса, отравила реки и озёра, обесплодила земли, поэтому колонии с их девственной природой явились для неё настоящим спасением и источником благосостояния. Она будет паразитировать на покорённых народах вплоть до настоящего времени, меняя лишь способы отсоса жизненных соков из доноров.

И всё это стало возможным по причине отказа от Бога, ибо дорога к Богу – борьба с пороками, а дорога к Сатане – взращивание пороков, их умножение и укрепление.

* * *

Для капитализма главное – прибыль, прибыль и ещё раз прибыль. Чтобы иметь постоянную прибыль, нужно расширять рынки сбыта продукции и устранять конкурентов. Вот вам и причины войн во всё более подплывающем кровью мире. Именно алчность, ненасытимая, неутолимая алчность хозяев монополий вовлекла едва не всю человеческую цивилизацию в Первую мировую войну. Рвали страны, убивали миллионы ради этого. Но был и ещё один, наверное, главнейший, побудительный мотив к развязыванию в Европе страшной войны. Нужно было окончательно уничтожить Россию как государство, как страну и как геополитический феномен в человеческой истории, уничтожить вплоть до состояния пустыни.

Огромная, единственная в мире держава, раскинувшаяся в двух частях света, доказавшая свою жизнеспособность в непрерывных войнах, являла собой главного противника Англии, особенно после постройки Транссибирской магистрали, которая стянула страну в жёсткий каркас и создала конкуренцию морским коммуникациям «владычицы морей». То, что Запад всегда был в роли агрессора по отношению к славянам, признавал даже один из самых выдающихся историков двадцатого века Арнольд Тойнби: «Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами».

Европа, науськиваемая Англией, нашествиями тормозила развитие России, отбрасывала её на десятки и десятки лет назад. И это была стратегия: на каждом этапе истории отбрасывать Россию по всем направлениям, не давать ей передышки, не позволить накопить силы и ресурсы для рывка вперёд.

Но Россия всегда восставала из разрухи, праха и за изумительно короткое для врагов время навёрстывала упущенное. Тогда-то и была задумана для окончательного решения проблемы мировая война, и даже не одна, а сразу две, если в результате одной войны не удастся достичь желаемого. О неизбежности Первой и Второй мировых войн, причём Вторая по необходимости должна была начаться «с колёс» Первой, было открыто заявлено в Англии на Рождество 1890 года!

Есть в русском языке замечательное выражение, очень точно характеризующее поведение Англии в международных делах: «Англичанка гадит». Она нагадила так, что мировая война стала неизбежной и началась именно по сценарию англичан: разгромить Россию руками немцев, а Германию ослабить так, чтобы потом диктовать ей свою волю. Россия вступила в войну скверно подготовленной, очень скверно. Достаточно привести в пример практически полное отсутствие в армии гаубичной артиллерии, которая только и могла уничтожить долговременные сооружения противника за передним краем. Сколькими жизнями солдат расплатилась русская армия за этот и другие просчёты?!

К 1914 году иностранные акционеры прибрали к рукам контрольные пакеты акций почти всех ведущих отраслей промышленности России, поэтому перестроить её на выпуск военных материалов оказалось весьма затруднительно, да и вообще частная собственность священна и неподконтрольна правительству – саботаж был колоссальный. Система военных заказов и поставок в армию в годы Первой мировой войны – одна из самых грязных страниц истории романовской империи, её царствующего дома.

За пореформенные годы сформировалась, откристаллизовалась, а в войну закаменела огромная преступная группировка, паразитирующая на государственном бюджете, особенно военном. Она состояла из агентов иностранных компаний, своих, родных производителей, правительственных чиновников и членов царствующего дома. Государство платило миллионы рублей подрядчикам и поставщикам, а солдаты на фронте не получали сапоги и шинели, ели тухлятину, не хватало винтовок и патронов, инструмента и фуража. Царь занимал деньги у союзников, на эти средства работали английские и французские заводы, а Россия всё глубже погружалась в долговую яму.

Прозападная часть элиты и скинула царя, убедившись в его полнейшей неспособности руководить государством, тем более во время тяжелейшей и практически безнадежной войны. Сделано это было в первую очередь в интересах союзников, именно им надо было привести к власти российских промышленников и банкиров, эти ребята были бы более сговорчивыми с финансовой удавкой на шее, а потом Россию покромсали бы на ломти.

Немало серьёзных историков утверждает, что и Октябрьскую революцию в Россию тоже привезли из Европы, и с этим трудно не согласиться, потому что такое средство уничтожения законной власти в неугодных странах «англичанка» уже не раз опробовала, и вполне успешно.

Привезти-то революцию привезли, да и недовольство народа войной и заворовавшейся властью нарастало лавинообразно, так что условия создавались благоприятные, а вот результат оказался не тот, не ожидаемый: заказчики не знали Россию и не смогли верно оценить интеллектуальную силу и волю партии большевиков.

Ленин и его соратники сумели национализировать революцию, сделали её русской и социалистической, они подняли народ на борьбу против капиталистов и помещиков, а потом против белых и интервентов.

А интервенция, собственно, была попыткой устранить сбой в программе уничтожения России, да не заладилось у «программистов». Они ведь банкиры и торгаши, то есть люди материального мира, поэтому в сферах Духа абсолютные невежды. Не дано им понять душу великого народа, его побудительные мотивы высоких свершений.

Поэтому Запад всегда бывал бит, когда пытался силой покорить Россию, ибо русские понимали, что это будет не просто захват земли и населения, это будет уничтожение всего русского, будет духовное рабство. После нашей победы в Великой Отечественной войне, когда СССР буквально разнёс в пух и прах не только фашистскую Германию, а всю беременную фашизмом Европу, теневые вершители мировой истории поймут окончательно, что военной силой русских не победить никогда. Поймут, что надо перевести борьбу из области Духа в область брюха, лишить русских их духовной силы, заставить поменять её на материальные радости жизни, и тогда успех будет обеспечен.

* * *

К 1924 году, году смерти Ленина, большевики забили сваи под фундамент социализма: национализировали промышленность, создали собственную денежную и кредитно-финансовую системы, начали восстанавливать разрушенные предприятия,

организовали ликвидацию безграмотности, сохранили целостность государства.

Нужно было двигаться дальше, в неизведанное, а опыта такого в мире не существовало. К этому времени в верхнем эшелоне власти сложились группировки, стремящиеся достичь совершенно разных результатов, и каждая пыталась завладеть полнотой власти. Но ни одна из них, кроме группы Сталина, не ставила себе целью превратить Россию в могучее государство с социалистическим строем, ни одна даже теоретически не пыталась обосновать вариант построения социализма в отдельной стране. Такое по плечу оказалось только Сталину и его товарищам. Именно поддержка абсолютного большинства коммунистов низового уровня и обеспечила победу курса Сталина, она хранила его от ненависти партноменклатуры, давала ему силу и уверенность. В случае прихода к власти любого другого партийного лидера – Троцкого или Каменева с Зиновьевым, Бухариным, Рыковым или Томским – Россию ждал бы скорый и кровавый конец.

Тридцатые годы – годы величайших свершений. Поистине небывалое в человеческой истории и точно неповторимое в будущем! С конца двадцатых годов и до начала Великой Отечественной прошло всего чуть больше десятка лет, а прежней России, которая не то что паровозы или тракторы, даже носки, иголки и обычные косы-литовки покупала у Германии, не стало, а появился Советский Союз – технически и технологически одно из самых передовых государств мира.

Помнится, нам ставили в пример послевоенные Германию и Японию, там были якобы необычайно высокие темпы развития экономики. Ну да, были – на американские деньги, с американской техникой, с американскими же технологиями. И была, есть и поныне, политическая и экономическая зависимость, фактически оккупация, как плата за сытую жизнь. Без американской помощи (кстати, навязанной) страны Европы, на территории которых происходили боевые действия, не один десяток лет выкабкивались бы из последствий войны. А мы быстрее всех восстановили народное хозяйство, несмотря на то что Советский Союз пострадал несопоставимо тяжелее Европы.

Но вернёмся к тридцатым годам. В процессе построения совершенно нового государства и сам народ преображался, ибо задача созидания сообщества, где человек человеку друг, товарищ и брат, может решаться только людьми, искренне верящими в эту идею и живущими по её законам. **Энергия созидания есть энергия Божественная.** В любом другом варианте построить не смогли бы, уж больно задача оказалась тяжела. За какой-то десяток лет построить тысячи заводов, создать отрасли, которых никогда не было!

Жили скудно, питались не досыта, а весёлые песни звенели по стране. Помогали Монголии и Китаю, собирали деньги бастующим английским рабочим, приютили тысячи испанских детей! Покоряли Северный полюс и стратосферу, летали в Америку, писали великие книги и снимали замечательные фильмы. И всё это при постоянной угрозе войны, нарастающем внутреннем сопротивлении. Очухались недобитые и притаившиеся враги, встала на дыбы региональная партийно-хозяйственная элита, почуявшая в переменах, осуществляемых группой Сталина и ведущих к настоящему народовластию, страшную угрозу, угрозу самому её существованию. Коминтерновцы, сосущие бюджет СССР, засучили гневно ножонками, Троцкий, имевший тайных последователей в стране, сколачивал за океаном фашистский интернационал. А в Германии маршировали фашисты с факелами.

Нам уже столько лет промывают мозги антисталинской, антисоветской и антирусской пропагандой! Неужели не понятно, что делается это западными спецслужбами руками нашего правящего прозападного класса, дабы вытоптать в народной памяти всякое воспоминание о самых прекрасных годах русской истории – Советском Союзе.

Тогда, в тридцатых годах, партократы развязали репрессии, пытались повернуть историю вспять, но и сами себя изгрызли едва не до смерти. Это они, областные и краевые руководители, объединившись с руководством ОГПУ-НКВД, которое по факту до 1939 года не подчинялось Политбюро и Совнаркому, изобрели печально известные «тройки», уничтожали неугодных. Какого же труда стоило Сталину остановить эту кровавую вакханалию! Но при всём этом заключённых в СССР в те годы было не больше на душу населения, чем в нынешней РФ.

А чтобы показать вам, любезный читатель, как в те годы перевоспитывали уголовников и даже открытых врагов советской власти, в числе которых было немало белобандитов, диверсантов и басмачей, стоит привести очень интересный документ.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР о предоставлении льгот участникам строительства Беломоро-Балтийского канала имени тов. Сталина

В связи с успешным окончанием строительства Беломоро-Балтийского канала имени тов. Сталина, сооружения, имеющего огромное народнохозяйственное значение, и передачей канала в эксплуатацию, Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет:

1. Принять к сведению, что к моменту окончания строительства Беломоро-Балтийского канала имени тов. Сталина органами ОГПУ Союза ССР уже

полностью освобождены от дальнейшего отбывания мер социальной защиты 12 484 человека, как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства, и сокращены сроки отбывания мер социальной защиты в отношении 59 516 человек, осуждённых на разные сроки и проявивших себя энергичными работниками на строительстве.

2. За самоотверженную работу на строительстве Беломоро-Балтийского канала имени тов. Сталина снять судимость и восстановить в гражданских правах 500 человек по представленному ОГПУ Союза ССР списку.

3. Поручить ОГПУ Союза ССР обеспечить дальнейшее поднятие квалификации в строительном деле наиболее талантливых работников из числа бывших уголовников-рецидивистов и при поступлении их в учебные заведения обеспечить стипендией.

**Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
М. Калинин**

**Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
А. Енукидзе**

Москва. Кремль. 4 августа 1933 г.

Это документ, дорогой читатель, и теперь подумайте, насколько стоит верить Солженицыну и его подлому, насквозь лживому «Архипелагу...».

К сведению, Беломоро-Балтийский канал строился менее двух лет, он был очень нужен стране, 133 особенная значимость его в военных и народно-хозяйственных перевозках проявилась в годы военного лихолетья.

Советская власть прощала даже сознательных, но раскаявшихся врагов, и уже к тридцать седьмому году были сняты практически все политические, гражданские и социальные ограничения для граждан Советского Союза, ранее бывших ущемлёнными в правах. Советский Союз развивался недостижимыми для капиталистического мира темпами, и, если бы не было войны, скорее всего, ещё в конце сороковых годов мы стали бы первой державой мира.

Но война была неизбежна в силу нескольких причин. Во-первых, задача по уничтожению России не была решена, а из-за быстрого развития СССР она могла бы стать вообще невозможной, поэтому надо было спешить. Во-вторых, Западу необходимо было ликвидировать опасный прецедент – государство без частной собственности, причём быстро набирающее мощь и влияние в мире. Советский Союз привлекал внимание всех обездоленных людей на планете, он вселял в них надежду на справедливость, а это грозило непредсказуемыми последствиями. К слову сказать, немаловажным обстоятельством, повлиявшим на

вступление в войну на стороне СССР США и Англии, стало огромное желание народов этих стран помочь СССР, и оно не могло быть проигнорировано правящими кругами.

Война уже катилась по Европе, Германия подманила под себя ближних и дальних соседей, создавая экономическую базу для нападения на СССР. Чехословакия резко усилила военный потенциал Германии своей развитой экономикой, особенно военными заводами, а Польша послужила удобным плацдармом для нападения на Советский Союз.

Только благодаря Сталину, который перед самой войной стал главой правительства СССР, удалось заставить Японию и Турцию воздержаться от нападения. Это он мудрой политикой повернул дело так, что Штаты и Великобритания, усиленно готовившие поход Гитлера на восток, оказались вынуждены воевать против своего ставленника и вступили с нами в союзнические отношения.

* * *

Страшное начало войны – наше неизбежное горе и неутрачиваемая боль. СССР готовился к войне очень серьёзно. Если бы не предательство части генералитета, мы бы не понесли такие гигантские потери в живой силе и технике. Современные российские историки, не конъюнктурщики, а честные исследователи, прямо утверждают, что только после того, как Сталин взял всю полноту власти в свои руки, и началась настоящая война, а победа стала не только возможна, но и неизбежна.

Современная Россия не имеет идеологии, она прямо запрещена действующей конституцией. Эту конституцию писали американские советники, сей факт уже никто не оспаривает. Но ведь не просто так прописали запрет на идеологию в главном законе страны. Конечно, американские кураторы прекрасно понимали, что без высокой идеи государство становится аморфным образованием, которое легко режется ножом экспансии – военной, информационной или этнокультурной. И на Западе помнят, каким монолитом был Советский Союз при Сталине. Тогда народ и партия были нераздельны, неразрывны и вооружены идеей, а ещё Ленин говорил, что идея становится материальной силой, когда она овладевает массами.

Поэтому можно твердо сказать: никогда, ни в какую историческую эпоху ни один народ не смог бы выстоять (и не сможет впредь) в такой запредельно жестокой схватке, как Великая Отечественная война. Это смог только советский народ.

* * *

Каков дух человека, таковы и дела его будут.
Пока был во главе государства Сталин, СССР мощно и уверенно двигался в избранном направлении,

к обществу со своим мировоззрением и материальным достатком. Именно так, в таком порядке целеустремлений. Автор совершенно убеждён в своём утверждении, прожив половину жизни при советской власти, живя ныне при антисоветской и получая подтверждения своей правоты ежедневно. Любое государство может гармонично развиваться, только имея общую для всех граждан идеологию, понятную и близкую большинству. Если идеология, идея по сути своей человеколюбива и справедлива, то она в процессе осуществления будет и исполнителей, то есть народ, делать чище и добрее. Так было в СССР в тридцатых – пятидесятых годах прошлого столетия. Тогда народ, созидая государство, созидал и себя, готовым по-христиански на жертвенную смерть, каждым своим гражданином ради Родины и ради любого своего согражданина. И, конечно же, готовым на тяжёлый труд ради общего дела.

* * *

Как вы думаете, читатель, почему столь многие из публичных деятелей нынешнего века так яростно нападают на советское время? Понятно, защищают существующий строй, отработывают свой хлеб с икрой. Но не только, и это даже не главное, на взгляд автора. Они постоянно пытаются оправдать своё предательство, оттого что совесть, дар Божий, даже, казалось бы, выкорчеванная, выполотая, выжженная, прорывается и вопиет нестерпимо. Дабы обмануть её и успокоить, они и клеветают на собственную юность, свои идеалы, свои чистые помыслы детства, отрочества и молодости.

На заре своей земной жизни человек ещё не обременён плотскими похотениями, не поработён ими, душа его чиста и близка к Богу, не зря же Иисус сказал, имея в виду детей, что таковых Царствие Небесное.

А дальше, во все дни жизни, у человека всегда есть выбор: либо сохранить душу свою в чистоте, борясь со своими страстями и прелестями материального мира, либо отдаться им, загубить душу. Так вот те, кто сознательно выбирает материальное, и есть самые страшные предатели. Ради достатка, успеха и славы они предадут без колебаний, потому что становятся вечными рабами земных благ и пороков.

* * *

Беда горькая для любой державы, когда после гиганта приходит к власти карлик, не по росту, конечно, а по духу, разуму, воле. Вдвойне больше беда, коли держава живёт по отличным от прочих стран законам бытия, а соседи сильны, жадны и завистливы. После смерти (или убийства) Сталина нас и настигла эта беда горчайшая. Он был двигате-

лем советского проекта, он и пришёл-то потому, что время востребовало и народ родил его.

Интригами, коварством, подкупом и подлостью пробрался к власти Хрущёв, троцкист по взглядам, предатель по человеческой сущности. Его приход послужил началом конца советской эпохи: карлики духа не способны генерировать духоподъёмные идеи, они могут лишь их подменять и выхолащивать. На XX съезде КПСС Хрущёв оболгал не только Сталина, которому был обязан всем в своей жизни, он оболгал весь сталинский период в истории СССР, самый великий и героический, он наплевал в души миллионам честных коммунистов, достойно воевавших и живших, он дискредитировал саму идею коммунизма. После XX съезда компартия и начала постепенно деградировать, превращаться из настоящего авангарда рабочего класса в привилегированное сословие управленцев. В КПСС всё больше проникало безыдейных приспособленцев, и это стало смертоносным для Советского Союза. Он ещё десятилетия жил и развивался, вплоть до самой гибели, на инерции рывка, который придал ему товарищ Сталин, даже идеология вроде бы оставалась той же, но материальное всё сильнее овладевало советскими людьми. Брежнев как-то пытался реабилитировать Сталина и вернуть народу коммунистические идеалы, взять тот же БАМ, но это были полумеры. Партия с приходом в неё миллионов приспособленцев уже не была способна поднять народ на подвиг, а идеалы оказались с сильным душком сребролюбия.

Каждое время выдвигает своих лидеров, востребованных именно этим временем. Значит, и Горбачёв пришёл вовремя. Мы уже настолько повернулись от духа к брюху, что приняли смену основ жизни почти спокойно.

Конечно, тогда, в 1991-м, СССР можно было сохранить, но при том духовном состоянии народа он всё равно долго бы не протянул. Вот если бы к середине семидесятых явился вождь, подобный Сталину, с безграничной верой в коммунистическое будущее, могучим умом и несокрушимой волей, вот тогда народ советский ещё смог бы задушить позывы брюха и вернуть энергию созидания, которая есть энергия Божественная. Сумел же Сталин после кровавого раздора Гражданской войны и смутных двадцатых годов, когда страна топталась на месте, не зная, куда двигаться, и не имея на это воли, встряхнуть народ, пробудить в нём дремлющие силы и направить СССР на единственно спасительный путь.

А в семидесятых ещё силен был в народе запас этих сил, не израсходован источник самых добрых человеческих качеств, присущих русскому народу и умноженных за годы советской власти. Ещё можно было побороть возрастающего в сердцах людских

маленького золотого идола. Не случилось. **Идеалы и вожди мельчали, а идолы и кумиры крепчали.** Но самое страшное случилось в девяносто первом году, самом чёрном в русской истории. Один из мудрейших людей Отечества сказал: **«Блеск злата усыпляет разум, а спящий разум рождает чудовищ».** Вот в 1991 году блеск злата и усыпил разум почитай более чем у половины населения СССР.

Теперь давайте попробуем объяснить смысл этого замечательного выражения – в меру, конечно, авторского разума. Человеческое сознание можно разделить на три составные части: животный ум, помогающий выживать в агрессивной среде, определяющий поведение индивидуума в вопросах добывания пищи и продолжения рода; бытовой, или житейский, ум, которым человек руководствуется в жизни цивилизации, к которой он принадлежит; наконец, разум – частичка Божественного разума, посредством коего обладатель должен приближаться к Богу. Безусловно, сие деление довольно условное, расплывчатое, но оно существует, и читатель может в этом убедиться на фактах собственной жизни.

Первые две составляющие части очень подвержены влиянию материальных начал мира, они плоть от плоти его. Противостоять же материализму способен только разум, он и дан-то человеку для этого.

И вот стоит лишь чуть-чуть допустить материальное в сферу Духа, позволить жажде богатства или славы проникнуть в Божественный разум, как она сатанинскою силой усыпит его. И тогда придут чудовища, которым не в силах противиться низшие части сознания, они скорее будут рады «гостям». А чудовища суть страсти человеческие: гордыня, жадность, златолюбие, славолубие, зависть и прочие. Любый человек, хоть немного знающий основы православия, понимает, что, отдавшись этим страстям, человек попадает в сети противостоящего Христу.

Из вышеизложенного можно сделать только один вывод, который многим не понравится. **Общество, главной целью которого является стремление к богатству, есть общество антихристианское, оно служит дьяволу и идёт в погибель.** В РФ именно такое общество построили и развивают его. Далее попробуем это доказать на примерах.

* * *

Какими скрепами удерживается государство, в котором проживает немалое число разных народов? Общей историей и культурой? Конечно, но сами по себе эти скрепы оказались ненадежны: едва начали валить Советский Союз, как тут же побежали братские народы каждый в свою норку,

даже народы с одной кровью и вроде бы неразрывной историей, с одним языком и культурой.

Религией? Безусловно, но при определённых условиях. Во-первых, должно быть единоверие или, по крайней мере, одна религия, которую исповедует самый большой и влиятельный народ в государстве, должна быть доминирующей. Но и религия не всегда удерживает страну от распада. Потому что искренне верующих людей всегда меньшинство, и даже в их среде можно внести раскол или ересь, которые оторвут от веры немалое число нестойких разумом соотечественников. В истории немало случаев, когда единоверцы бились между собой насмерть.

Ко всему прочему истинную веру в народе должно постоянно поддерживать, иначе материальные начала мира обязательно размоют её, растворят в суете или уведут во внешнюю религиозность, где место Бога займёт обрядовость, как это случилось с ветхозаветной религией иудеев.

Патриотизмом? Как составная часть системы каких-то ценностей он необходим, но только как часть чего-то более глубокого и цельного, то есть духовного. Без настоящей духовной основы патриотизм легко перерождается в национализм и далее в его крайнюю степень – фашизм. Это человечество уже проходило.

И тогда остаётся идеология, то есть совокупность идей, которые понятны и близки большинству населения и за которые люди готовы идти на любые жертвы. Но и идеологии тоже бывают разные, потому что цели, ради которых идеологии формируют, могут кардинально различаться.

Советский Союз создал идеологию высшего порядка, основанную на любви к человеку труда. Её целью было построение справедливого общества с равными возможностями для всех граждан достичь благосостояния своим честным трудом. Кроме того, советская идеология ставила во главу угла любовь к человеку вообще независимо от национальности, расы или иного какого разделяющего признака. Поэтому СССР и помогал бедным странам, особенно тем, которые находились в зависимости от западных хищников.

А в Германии в своё время прижилась система идей превосходства одного народа над всеми прочими, она ставила целью уничтожение или порабощение всех иноплеменников. Эта идеология чело-веконенавистническая, дьявольская, но немецкий народ принял её и воевал за неё. Германия и сейчас носит в себе эмбрион фашизма, да и не только Германия, а вся Европа. Это результат европейской истории с колониальными захватами, капиталистическими войнами за рынки сбыта, и это результат подмены христианства на антихристианство.

Но есть ещё одна идеология, которая в данный исторический момент господствует в мире и кото-

рая всё теснее смыкается с фашизмом, – идеология потребительства или, если говорить честнее и жестче, идеология спекулянта. Почему спекулянта? Потому что основным способом получить барыш кроме войны сейчас в мировой цивилизации является именно спекуляция, а не реальное производство или торговля. Вот эту идеологию в России и внедрили, ту самую, за которую в Гражданскую войну мешочников расстреливали прямо у ближайшего забора или стены.

Но эта совокупность идей построена на обмане, разжигании в людях гордыни, жадности и зависти, она разделяет общество на богатых и бедных, причём власть всегда занимает сторону богатых, а большая часть народа обречена горбатиться на кучку богатеев, присваивающих труд бесправных людей. Подобная система ценностей может быть только из арсенала дьявола, врага рода человеческого.

Вот её-то насильно затащили в Россию, узаконили и заставили русский народ жить по чуждым правилам. Народ, который тысячу лет существовал в иных нравственных категориях: в поисках Божественной справедливости, сострадании слабому, обиженному и в борьбе за право оставаться самим собой, а почти всё последнее столетие проживший в построенном его великими трудами и победами государстве осуществлённой мечты!

Блеск злата усыпляет разум. Для того чтобы идеология работала, её необходимо донести до масс в доступной форме, нужны идеологи и проводники. Идеологов готовили ещё в позднесоветское время из элиты: спецслужбы США находили жадных и беспринципных, с ними серьёзно работали специалисты, а потом уже они, перевоспитанные, несли в народ усвоенное. Проводников же новой идеологии попросту покупали – в среде деятелей эстрады, культуры и искусства. Ну и, конечно, немало, очень даже немало нашлось готовых обслуживать новую власть среди писателей и поэтов.

Однако не так-то просто сломать быстро духовно-нравственный стержень народа, у которого на генетическом уровне заложено отторжение несправедливого богатства, разум которого способен сопротивляться усыпляющему блеску злата. Дабы идеология спекулянта успешно вошла в сознание народных масс, необходимо применить действенные инструменты, осуществляющие слом на самом низовом уровне и буквально во всех сферах народной жизни.

Такие инструменты у агрессивного Запада давно изготовлены и успешно опробованы. Это обрушение национального образования, которое является одной из основных опор самостоятельного государства. Образование – это не только сумма знаний, втиснутых в детские головы, главное – это создание образа, то есть личности, цельного человека, воспи-

тание в любви к Родине, защите Отечества и любого своего согражданина, в желании трудиться честно на благо всего общества и своих близких.

Достаточно убрать из системы образования его основную функцию – создание образа – и оставить лишь преподавание научных дисциплин, и всё: начинающая образовываться личность рассыпается. Если подменить духовные и нравственные ценности на бездуховные и аморальные, то она вообще не сможет сформироваться, не состоится, а получится лишь специалист в определённой области знаний, потребитель и эгоист, нацеленный на достижение личного успеха в жизни.

У государства, молодёжь которого воспитывается в такой системе ценностей, будущего быть не может. Потому что источник счастья, отождествляемого с богатством, к которому начинает стремиться молодая поросль страны, находится вне родных пределов. Ну а если школьные программы с помощью учебников, заказанных и изданных на деньги Сороса, переформатировать, подменить в них любовь к России на ненависть к ней, то можно уверенно сказать, что одно поколение своего населения как достойных граждан и как патриотов Россия потеряла.

А добить систему высшего и среднего образования можно при помощи ЕГЭ и понижения уровня знаний. В совокупности два этих фактора тормозят развитие юношества, способствуют его дебилизации, что позволяет легко манипулировать такими людьми.

Всё это творит в России Запад руками нашего правящего класса, класса с усыпленным блеском злата разумом, оттого и не понимающим, что для Запада основная цель – русская пустыня, по достижении этой цели его утилизируют, как использованные одноразовые перчатки.

Ради этой цели валят и ещё одну опору русского государства – культуру, своего рода арматурную решётку в бетонном фундаменте, на котором только и может крепко стоять дом. Русскую традиционную культуру уничтожают методично и целенаправленно и заменяют её европейской и американской. Это не взаимопроникновение родственных культур, имеющих одну христианскую основу, нет, это агрессивный натиск псевдокультуры, нехристианской по сути, ибо христианство на Западе уже заместилось антихристианством. Там люди в безудержной жажде богатства отвернулись от Творца и поклоняются не ему, а твари. Сейчас точно такое осуществляют в России, причём очень настырно, навязчиво. И это объяснимо. **То, что от Бога, всегда ненавязчиво, оно вызывает к душе человека, к его сердцу и разуму, а то, что от Антихриста, влияет на человека через его низменные страсти и обязательно напористо, подавляюще.**

Советский народ был народом-творцом, народом-созидателем, он свою культуру раскрывал миру, и мир рукоплескал нашим артистам и музыкантам, нашим творческим коллективам. Советские кинофильмы с удовольствием смотрели во многих странах, потому что простым людям на всех континентах были сердечно близки герои этих лент, зрители чувствовали искренность актёров, ощущали душевное родство с полюбившимися им далёкими советскими воинами и тружениками.

Советская власть подтягивала простой народ к высоким идеалам мировой культуры, а современная власть стягивает высокие идеалы мировой культуры к низменным интересам деградирующего населения.

Современная российская эстрада легко и непринуждённо превратилась в американское шоу, в котором зрителей развлекают, опешивают и выколачивают из них деньги. То же самое происходит и на телевидении. Скачут по эстраде и на экране, кривляются и завывают... бесы. У них конкретная задача – пошлостью убить в человеке всё светлое, чистое, разнуждать его до скотского состояния, чтобы затем другие специалисты окончательно взнуздали оскотиненного страстями-поработителями.

Подобную же задачу решает и современный театр. В советское время был хороший артист Олег Табаков. Какие замечательные роли играл в театре и кино, был заслуженно любим, знаменит и небеден! Но блеск злата усыпил его разум, и в его театральных постановках герои стали заниматься содомией и даже некрофилией, надругаться над святынями и пропагандировать самоубийство как героизм. Табаков, народный артист СССР, конвертировал любовь зрителей в презренный металл и превратил его в оружие против собственного народа, убивая растлением целое младое русское поколение. Но если бы он был один такой! Нет, их сомнище – растлителей, губителей, уничтожающих за деньги своё, бывшее родным, в котором начинали жить и творить. Спрашивается, кто же заказывает все эти бесовские передачи на телевидении, нескончаемые сериалы с кровью, грязью и сексом, кто составляет программы эстрадных артистов, кто формирует новостные программы с постоянными катастрофами? Кто платит деньги и кто настоящий хозяин всего информационного пространства России? Настоящий хозяин и заказчик – дьявол, ибо ему служат все, кто отдался пороку златолюбия.

Где есть корысть, там Бога нет, там другой – владыка пороков и страстей. А корысть в России – буквально во всех аспектах человеческого бытия, оттого что в любой государственной структуре страны присутствуют и часто преобладают агенты влияния Запада. Это влияние, как кислота, разъедает организм русской жизни, и в некоторых органах процесс уже приобрёл необратимый характер.

Российская Федерация в начале XXI века страна с идеологией спекулянта и такой же нравственностью. Поэтому не стоит удивляться тому, что у нас происходит. Летом 2017 года в Карелии утонули дети. В средствах массовой информации поднялся шум: судили-рядили, обсуждали-осуждали. А толку-то? Постепенно всё стихло до очередного дикого случая. Стоит скорее удивляться тому, что пока ещё подобное доходит до населения. Отчасти это благодаря современной, построенной по западным стандартам журналистике, для которой сенсация – главное в профессии, ну и отчасти благодаря не до конца затоптанной совести простых людей. Но таких фактов, как гибель людей, будет становиться всё больше. Вряд ли следствие станет серьёзно заниматься подобными делами, тем более доводить до реального наказания виновных: там же, на озере, погибли дети малообеспеченных людей, а их кровь и смерть – другого, низшего порядка. Организация отдыха детей в стране отдана в руки частных компаний, люди деньги зарабатывают на этом, а их под суд? Да вы что, частная собственность священна в России! Даже если экономия на ребятишках, их питании, безопасности – плевать, потому что частный бизнес – опора власти, это класс собственников, который будет защищать своё от народа, зубами будет грызть покусителей.

Россия всё быстрее и быстрее катится в бездну, а иначе и быть не может: мы же приняли частную собственность и этим заразили себя смертным пороком, ибо пагубные страсти заразны. Мы их копим, передаём нашим детям, ослабляем генофонд нации. И будет наша Родина с каждым новым поколением слабеть духовно, нравственно и физически. И будут плодиться секты сатанинские, они отрывают людей от русского православия. От Калининграда до Владивостока будут свирепствовать коллекторы, вышибать долги из нищающего населения. Это вообще самый яркий пример того, как государство относится к своему народу. Сначала позволили частным банкам грабить население непомерными процентами по кредитам, загнали в кабалу, а потом им же, банкирам, отдали функцию взимания долгов, потому что коллекторы трудятся по заказу финансовых организаций. А законы, якобы призванные ограничивать мародёрскую деятельность коллекторов, работать не будут. Их не для этого принимали, они написаны для отвода глаз и успокоения общественного мнения.

Уже сейчас из школ после окончания уроков выходят ученики и ученицы седьмого-восьмого класса с сигаретами в губах и с матами из губ. Это явление будет расти вширь и вглубь. Уже сейчас в русских школах начали убивать учителей. Это явление тоже

будет расти. И совсем недалеко то время, когда в наших школах начнётся массовый отстрел преподавателей и учащихся, совсем как в благословенной для многих Америке. Врачей и фельдшеров скорой помощи уже начали избивать, а скоро станут убивать.

В Иркутске произошло массовое отравление людей настойкой боярышника, десятки человек скончались. Страна повозмущалась, и всё тихо сошло на нет. Это есть и будет. Мы быстро превращаемся в народ с шоу-сознанием. Малахов в своей передаче грязными руками выворачивает наизнанку нижнее бельё участников и гостей. Отбоя нет от желающих поучаствовать, миллионы простых граждан с восторгом смотрят эти игрища бесов. И такими игрищами наполнены почти все каналы российского телевидения, различного рода конкурсы, особенно среди детей, не подготовленных ни в профессиональном плане, ни в духовном. Калечат их души, приучают с раннего возраста к славе, деньгам, рожают в них гордыню и эгоизм. Это духовное и нравственное убийство молодого поколения страны. **Это начало конца.**

Как работали тысячи и тысячи девушек в остановочных павильонах без оформления и социального пакета за двести рублей за двенадцатичасовую смену, так и будут. А на денежных купюрах скоро появятся виды Херсонеса и русских храмов, и набожные старушки станут креститься, смотря на деньги. **Купюры заменят иконы – золотой идол заменит Христа.**

В России дети и внуки всё нетерпеливее будут ждать смерти своих родителей и дедов с бабками, пусть часто и неосознанно, чтобы получить их квартиры. А всё оттого, что и так разорительные ипотеки становятся совсем неодолимой преградой на пути к достойной жизни.

Но это ещё не самое страшное. В РФ каждый год исчезает не один десяток деревень, а то и сотни. Сначала по причине нерентабельности закрывают сельские больницы и фельдшерские пункты, сворачивают работу деревенских школ, ликвидируют маршруты пригородных электричек и автобусов; после этого за неимением работы у людей жизнь в селе и деревне угасает, и получается, будто сельская Россия тихо умирает сама собой. Но, понимая, что её гасят целенаправленно, невозможно отбиться от мысли: Россию пытаются закрыть совсем, окончательно какие-то очень влиятельные силы.

А если к этому добавить данные о закрытии по всей стране книжных магазинов, слиянии вузов и перепрофилировании библиотек, то рождается уже уверенность: не пытаются, а закрывают!

У нас в государстве банки – наши, российские – клиентам рассылают сообщения с русскими словами, но написанные английскими буквами!

В провинциальных, но крупных городах, например в Новокузнецке, городская газета в рубрике «Поход в кино» обсуждает в основном американские кинофильмы. Разве это не культурная диверсия?!

В этой связи предположение о негласной, но весомой финансовой поддержке СМИ на региональном и муниципальном уровнях западными фондами уже не кажется абсурдным. Или за антисоветские времена вся журналистская братия страны от Калининграда до Владивостока так воспылала любовью к Америке, что совершенно бескорыстно готова писать хвалебные материалы о продукции Голливуда? Кто-то верит в подобное?

Но это ещё не конец России. Сопротивление правящей либеральной клике существует и даже возрастает. После стольких лет оплёвывания нашей Победы люди наконец-то стали осознавать, что у народа вышибают одну из последних опор. И миллионы вышли в рядах «Бессмертного полка», а выйдет ещё больше. И это уже не остановить.

Работает Общероссийский народный фронт, в меру своих сил и малых возможностей пытается хоть что-то изменить к лучшему, пресечь общественное воровство региональных чиновников. А в самих регионах простые люди объединяются в общественные организации, дабы вместе отстаивать свои интересы, то есть у граждан проявляется стремление к справедливости. Но всё это спонтанно, разрозненно, поэтому малоэффективно в масштабах страны. Без созидательной идеологии у людей в головах хаос, разброд и шатание, а это приводит к вывиху сознания.

В последнее время в молодёжной среде стали очень популярны различные экстремальные способы доказать свою исключительность. Вначале власти смотрели на это сквозь пальцы, но, когда существенно увеличилось количество смертей подростков и возрос материальный ущерб от так называемых зацеперов, пришлось принимать меры. Но какие? Ужесточение наказания! Речь не идёт о предоставлении молодёжи бесплатно спортивных залов и площадок, инвентаря и формы, нет, на это ведь нужны средства. Проще запретить и наказать. Недавно в интернете появились группы смерти, склоняющие молодёжь к самоубийству, и реакция власти и общества (!) та же самая: запретить и наказать. Да ничего запретами добиться нельзя, хоть всё молодое поколение пересади в тюрьмы и лагеря. Это же идёт от бездуховности и безморальности. Пусто у молодых людей в душах, сердцах и умах. Государство устранилось от воспитания своего будущего. И что интересно, ни в одном ток-шоу (и здесь мерзкое американское влияние) ни один ведущий не поднял вопроса о воспитании детей и юношества. Никто из них, таких известных, умных и красноречивых, не понимает сути проблемы, а все ратуют за ужесточение

наказания? Не верится. Думается, существует запрет на обсуждение подобных важнейших государственных задач, таких как воспитание из молодёжи высоконравственных граждан, иначе пришлось бы подвергать жесточайшей критике политику власти в отношении молодёжи, а там, глядишь, вынудят и что-то менять. Но это не входит в планы либералов, оккупировавших все этажи властной вертикали. А Россия занимает одно из первых мест в мире по подростковому самоубийству.

Нам сейчас из-за нарастающего противостояния с консолидированным Западом крайне важно объединить народ. Президент пытается выдвинуть в качестве объединяющей идеи патриотизм. Но сможет ли любовь к Отечеству сама по себе, без базы, состоящей из веры, нравственности, основанной на православии, и традиций, стать собирающей силой для многонационального государства? Автор убеждён, что не сможет абсолютно. Давайте разберёмся, почему не сможет, хотя некоторые моменты этой темы были рассмотрены выше.

Во-первых, любовь к Родине надо прививать с самых первых лет жизни человека, тогда она входит в сердце естественно и органично. Как же её воспитать и поддерживать у граждан страны, которую методично разлагали несколько десятилетий, порочили её историю, руководителей? Нас ведь с конца восьмидесятых годов прошлого века принуждали любить всё забугорное, преклоняться перед любой иностранной дрянью. Нас насильно заставляли любить США, страну, которая с самого момента своего возникновения была агрессором, страну, избранную князем тьмы своим орудием для установления власти над миром. Оттуда, из США, группа банкиров управляет всеми мировыми делами. Они подавляют любое сопротивление военной силой, цветными революциями, сокращают человечество искусственными болезнями и эпидемиями, однополыми браками.

Они расчеловечивают человечество.

И когда вдруг президент понял, что это неизбежно кончится русской пустыней со всеми вытекающими для русских людей последствиями, что-то стало меняться. Но на воспитание подлинного патриотизма нужно выделить большие ресурсы, задействовать всю вертикаль власти, систему образования, все средства массовой информации – и... не получится. Истинный патриотизм невозможен без ответной любви Родины к каждому своему гражданину. А государство Российское не любит своих бедных граждан, оно любит только богатых, работает на них, лелеет их и защищает исключительно их же. Конечно, любовь к Родине присутствует в русском человеке на генном уровне, но за десятилетия её всё же изрядно вытравили.

Мир уже вплотную подошёл ко всесжигающей войне, и не позволить разразиться катастрофе мо-

жет только Россия. Только она, наша Родина, является удерживающей человечество от самоуничтожения. Только в России ещё сохранился огонёк истинной любви к Богу. Это чувствуют и понимают на Западе, за это нас ненавидят и боятся. Вполне вероятно, Творец даровал России такие пространства для выполнения миссии удерживающей: невозможно ведь это делать, имея территорию, скажем, как у Бельгии, Италии или прочих европейских стран.

Россия не раз защищала слабых и наказывала наглых, человечество помнит русские батальоны в Париже и Плевне и советские дивизии в Берлине.

Сейчас незападный мир опять видит в России спасителя, друга и хочет видеть образец справедливого государственного устройства.

Но мы-то, мы готовы ли дать ему такое? Конечно же нет. У нас десяток процентов населения загребал себе почти всё национальное богатство страны! Мы до сей поры не порвали пуповину, связывающую нашу экономику с западной, по ней из России выкачивают все жизненные силы, обрекая народ на медленное вымирание. Не сможет долго Россия стоять нараскоряку, ведя международные дела как великая держава и имея полуколониальное народное хозяйство, в котором многие важнейшие предприятия (по факту, но без афиширования) принадлежат иностранцам, которое искусственно сдерживается в развитии. Эта больная нога подведёт, обрушит всё тело государства. Могучая армия в такой ситуации не спасёт: её попросту сдаст «пятая колонна».

Власть вроде бы вернула веру народу, вернула Русскую православную церковь. Вроде бы. Но не могут сосуществовать Божественные заповеди и идеология спекулянта и никогда не смогут. Как государственная власть подавляется олигархатом, когда нету воли ему сопротивляться, так и РПЦ подавляется частной собственностью, когда в народе сильно желание разбогатеть. Постепенно, но неотвратимо русское православие будет вытраиваться из народного сознания, заменяться удобной и не столь обременительной внешней обрядовостью и в конце концов превратится в подобие ветхозаветной религии иудеев. Нельзя забывать и сильнейшее давление католицизма с протестантизмом. Приняв западную идеологию, трудно сопротивляться и западным духовным влияниям. Кстати, в РПЦ имеются очень серьёзные силы реформаторов, мечтающих подчинить РПЦ Риму. Думается, встреча Патриарха Московского и всея Руси с Папой – победа этих сил.

Церковь может и должна сохранить в чистоте русское православие, апостольское, святоотеческое. Но для этого надо не шёпотом, не половинчато и стеснительно, а громко, твёрдо и решительно осудить обуйавшее сограждан корыстолюбие, своим примером показать христианское нестяжательство.

Но это же конфликт с властью, которая сама образец корыстолюбия. С властью, поддержавшей церковь, прикормившей, около которой живётся сытно и беззаботно.

Да возможно ли? Действительность показывает, что сие из области фантастики. **А это уже не начало конца, а близ его.**

Аналогии, аналогии.

В 1917 году русские солдаты на фронте закипали ненавистью, когда получали вести из дому. Там семьи фронтовиков обирали кулаки и спекулянты, дети без отцов-кормильцев голодали, а купцы, заводчики и фабриканты жирели.

А вдруг сейчас война? И будут солдаты получать из дому письма, а там известия, что их семьи обирают собственники, что отца или мать выгнали с работы при очередном сокращении, а мелкий чиновник районной управы купил ещё одну дорогую иномарку. В какую форму тогда может вылиться любовь к Родине?

* * *

Отцы молодых повес, кутивших летом 1913 года в Петербурге, свалили империю ради власти и барыша, но потом сами попали под топор.

Отцы молодых повес, кутивших летом 2016 года в Москве, к чему готовы ради власти и барыша? Закрыть Россию?

А мы позволим?

* * *

Буквально недавно по российским городам прокатилась волна митингов против коррупции. Дело-то благое, казалось бы. Но кто организатор? Навальный, человек из либерального клана, стремящегося поставить Россию под контроль Запада. И деньги на такое массовое мероприятие, безусловно, выделил Госдеп США. Читатель, вам это не напоминает начало киевского майдана? Дело и у нас ведут к смене власти, а значит, закрытию России. Превратить же закрытое, окончившееся государство в пустыню – задача техническая и решаемая.

Мы должны идти другим путём, не допускающим развала Родины. Надо принуждать власть работать на собственный народ, тем более глава государства говорит о том же, но он то ли не обладает достаточными полномочиями, то ли боится предпринять решительные действия. Деятельность нашего президента образно можно сравнить с одновременным присутствием его сразу в двух поездах, движущихся в противоположных направлениях.

* * *

Умер Евтушенко. Талантливый был поэт, но смолоду полюбил славу и деньги такой пламенной любовью, что ради этого предал Родину и морально и

физически, запачкал ядовитой ложью всё советское, то, что ранее воспевал, и убыл на жительство в страну, которая приложила максимум усилий для уничтожения его же Отечества.

Все центральные СМИ скорбят! Вся творческая интеллигенция в трауре! Гений умер! Едва ли не снова «совесть нации».

Проханов в газете «Завтра» обещает ему Царствие Небесное. Предателю! **Была в СССР эра милосердия, а в РФ наступила эра предательства.**

Кто в трауре по Евтушенко, тот потенциально готов повторить его путь.

Похоронили Евтушенко в Переделкине, а лучше бы оставили прах в Америке. «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Но самое-то отвратное в том, что, прославляя поэта-перебежчика, те, кто этим занимается, пытаются подобную жизненную позицию сделать нормой поведения в России. Так что памятники Власову, Шкуро, Краснову, Семёнову и прочим из легиона предателей (Колчаку и Солженицыну уже есть, как и попытка установить памятную доску Маннергейму) весьма скоро будут стоять в русских городах.

Во времена, когда нравственность была естественной нормой человеческого общежития в государстве, творческих людей оценивали не только по их достижениям в сфере деятельности, но и по человеческим поступкам, делам, то есть многомерно, личностно. И это было прекрасно, ибо не бывает, чтобы по-настоящему нравственный человек мог в творчестве своём превозносить нечто гадкое, подлое и пошлое. А вот аморальный может пытаться, из конъюнктурных соображений, создавать высоко-нравственные вещи, но недолго: очень быстро проявится его человеческая сущность. Сейчас в нашем обществе преобладает мораль спекулянта, поэтому творческого человека оценивают только по его произведениям, не принимая во внимание жизненную позицию и дела. Талант служит лишь трамплином для достижения славы и богатства, а не способом и условием служения своему народу. Но талант быстро угаснет, задуваемый растущими меркантильными устремлениями. Останутся лишь навыки ремесла, обладатели ими и будут зарабатывать себе на всё возрастающие потребности. Что мы наблюдаем в России уже не одно десятилетие.

* * *

В Петербурге произошёл теракт, погибли безвинные люди. Страна скорбит и сопереживает. Опять поднимается вопрос об усилении бдительности, ужесточении наказания для террористов. И опять ни слова об источниках этого угрожающего всему миру явления (и о тех странах, которые его взращивают). А ведь главный источник любого вида терроризма – вопиющее социальное неравенство.

Парень приехал из Киргизии, где уровень жизни большинства населения, пожалуй, один из самых низких в постсоветских квазигосударствах. Он там посмотрелся на богатых баев, присвоивших всё материальное богатство бывшей советской республики. Приехал в Россию заработать себе на жизнь и помочь своей семье материально. Но в России увидел всё то же самое, только в больших масштабах. Работал на хапугу-частника, наверняка подвергался оскорблениям, он чувствовал себя существом низкой касты. И у него созревали гроздьи гнева на существующий порядок вещей. Человека, поставленного в такие условия жизни, завербовать не представляет труда. Получается, мы у себя в стране, живущей по законам и морали заведомо унижительным для абсолютного большинства народа, сами создали питательную среду для терроризма. К тому же в разобщённом обществе, где каждый сам по себе и где соседи, живя десятки лет рядом, не знают друг друга, террористу легко раствориться в безликой людской массе.

А потом взрывы, телевидение ажиотажно сутками показывает жертв и... наступает тишина. Страна на короткое время объединилась в горе, но боль утихла, каждый ушёл опять в свою нору, надеясь, что до него не доберутся.

А в РФ за деньги можно нанять человека совершить что угодно.

Терроризм не победить, не сменив модели государственного устройства, однако частная ответственность, пришедшая во власть, ничего менять не будет, тем более в странах Запада. Значит, террор захлестнёт весь мир, кроме США.

Человечество, задавленное страхом, радостно примет диктат Америки, которая пообещает установить мир и порядок на всей Земле. Она и установит, когда к власти в Штатах придёт «гений из гениев». Он и создаст всемирное царство материального благоденствия.

Догадайтесь, мой проницательный читатель, кто это будет.

г. Новокузнецк

Александр СМЫШЛЯЕВ

ЗА ТЕХ, КТО В ПОЛЕ, или СТОЛ ПИСАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА ВЛАСОВА

1

Замело, занесло снегом мою Фёдоровку. Здесь, в северных отрогах Кузнецкого Алатау, снега выпадают такие, что уже в декабре застрявший трактор не откопаешь, а в январе вообще не найдёшь. А уж буровую вышку перевезти на новую точку – это долговременная, почти боевая операция и настоящий героизм.

Фёдоровка – временный посёлок геологоразведчиков. У меня, начальника партии, свой рубленый дом – небольшой, в одну комнату и два окна, но с настоящей кирпичной печкой и просторной верандой, полной берёзовых дров. Зимой не хочу.

У окна, что напротив жаркой печи, стоит самодельный обеденный стол, примитивный, полевой, я сам его соорудил как смог. Зато у другого окна, возле кровати, стол настоящий, фабричный, хотя и без изысков, самый дешёвый, с прямыми ножками. Я горжусь этим столом и всякому гостю непременно похваляюсь, что до меня стол принадлежал начальнику соседней партии геологу и писателю Владимиру Аскольдовичу Власову. И как он мне достался, тоже расскажу.

Это произошло в 1980 году. Мы разбирали строения посёлка Каным, чтобы из этих брёвен и досок достроить свой посёлок, Фёдоровку. Это дешевле, чем строить из новых материалов, да и тайга остаётся нетронутой, поэтому геологи зачастую так делали. Я, как начальник Фёдоровской партии, поехал в Каным лично, чтобы выбрать дома для разборки.

– А вот это – дом начальника Канымской партии писателя Власова, – говорит мне водитель одной из наших машин, который и раньше приезжал сюда, в Каным.

Но я и сам знаю, что это бывший дом Владимира Аскольдовича Власова, потому что тоже бывал в Канyme, прилетал за взрывчаткой, правда, самого Власова здесь уже не застал, к тому времени он уволился и уехал. А на базе нашей Томь-Усинской экспедиции, в посёлке Камешок, что под Междуреченском, я его встречал и хорошо это помню.

Вообще-то он редко выбирался в Камешок. А если и бывал, то на людях почти не появлялся. Они были друзьями с начальником нашей экспедиции Петром Александровичем Коломийцем, вместе учились в геолого-разведочном техникуме, затем вместе работали в Горной Шории под Таштаголом, поэтому Власов останавливался у Коломийца на даче, а это на дальней окраине посёлка Камешок, за вертолётным полем, на самом берегу Томи. По утрам они вместе приходили в контору на планёрку. Но я тогда был рядовым геологом, в контору мне ходить было незачем, наши партии размещались в здании камералки, поэтому Владимира Власова изредка встречал только на улице, мимоходом. Одет он был в полевой геологический костюм защитного цвета, чистый и даже, кажется, отглаженный по случаю прилёта на базу. На голове выцветший, блёклого стального цвета берет. Точно такой же, но коричневый, носил и Коломиец. На плече офицерская сумка-планшет, туго набитая деловыми бумагами и оттого толстая. И лёгкие туфли на ногах. Говорили, что ноги у Власова болят ещё с войны: он долго находился в плену у немцев и однажды, после очередного побега, попал в штрафную команду, на которой испытывали солдатскую обувь. Пленные часами ходили по плацу и по пересечённой местности, стаптывая сапоги или ботинки. За парой пару. До изнеможения. До кровавых мозолей. Позже Владимир Аскольдович напишет об этом в рассказе «Замкнутый круг». Наверное, поэтому по Камешку он ходил в лёгких туфлях, щадил ноги.

Меня поражал взгляд его очень светлых, почти прозрачных глубоких глаз. Всегда серьёзных. Глянет – как будто прожжёт.

– Здравствуйте, Владимир Аскольдович, – однажды насмелился я.

Тогда он и глянул на меня. Прожгёт. И серьёзно, без всякой улыбки ответил:

– Здравствуй, юноша.

И пошёл дальше. Не кричать же мне было: «Погодите! Я ж начинающий литератор! Я тоже

хочу стать писателем, я читал ваши рассказы! Поговорите со мной, познакомьтесь».

Но я не кричал. А он уходил. Я запомнил, что он назвал меня юношей. Сказал бы «молодой человек» или просто «здравствуй» — и это было бы обычно и привычно. А он сказал «юноша», хотя самому было только пятьдесят, а мне двадцать три. Но ведь он прошёл войну, плен, я для него не только юноша, а вообще пацан...

Когда мы столкнулись второй раз, он уже протянул мне руку. Тёплую, крепкую. Со мной был геолог Лёша Рябец, ему он тоже подал руку. И молча пошёл дальше.

— Власов! — восхищённо прошептал Лёша, который раньше меня приехал сюда работать, успел завести семью, поэтому знал больше моего.

— Власов — в Камешке! — объявил Лёша, когда мы с ним вернулись в кабинет нашей Сакволасской партии на первом этаже камералки. — Только что его встретили. Наверное, приехал отчёт сдавать.

— Нет, не отчёт: он увольняется, — отозвался наш начальник Пётр Федотович Лавренов. — Решил, что хватит с него. Да и литературе хочет полностью отдаться. Читали его книгу «Завтра связи не будет»?

Народ наш загалдел. Оказалось, что все что-то читали, в основном в журнале «Огни Кузбасса», все восхищены Власовым как коллегой и литератором, ведь пишет он про нас, геологов Кузнецкого Алатау и Горной Шории.

Постепенно шум возбуждённой камералки стал стихать, и тогда геолог Толик Туров, громко и таинственно засопев, открыл свой стол и извлёк небольшую книжку. Аккуратно положил её перед собой.

— Толя, это же книга Власова! — догадалась Катя Бич, получившая эту странную и очень геологическую фамилию от мужа, тоже геолога. — Почитываешь втихаря, ай-яй-яй!

Толя, не обращая внимания на слова Кати, показал нам обложку: «Владимир Власов. Завтра связи не будет». Затем открыл книгу, нашёл интересующую его страницу и, почему-то рассмеявшись, стал вслух читать:

— «Началась паника. Пассажиры замечались по палубе...» Нет, это дальше. — Толя водил пальцем по странице. — Ага, вот! «Схватив шляпу и планшет, Потехин пулей вылетел из трюма на палубу и рявкнул истинно командирским голосом: «Бабы, тихо!» Его несуразная фигура в белых подштанниках и соломенной шляпе воз-

вышалась на мешках с мукой, ярко освещённая солнцем. Из своего шикарного планшета он извлёк карту Советского Союза, вырванную из учебника географии для четвёртого класса начальной школы, и, окинув берега быстрым взглядом, ткнул пальцем в неё где-то между Уралом и Дальним Востоком. «Мы находимся здесь», — авторитетно заявил он притихшим бабам...» Ха-ха-ха! — Толик не выдержал и снова засмеялся. И дочитывал уже сквозь громкий смех: — «Это заявление... успокоило взволнованных пассажиров!»

— Ну-ка, ну-ка, я не понял, — потянулся к книге Лёша Рябец.

Но Толя сквозь смех повторял:

— Ткнул пальцем где-то между Уралом и Дальним Востоком! Ха-ха-ха! Какая точная карта!

И тогда засмеялись все.

— Шутник Власов, — только и мог сказать смеющийся начальник нашей партии Лавренов, а когда успокоился, добавил: — А ведь такую трудную молодость прожил — плен, побои, кровь...

— Не дай бог, — с ужасом прижала к груди сжатые кулачки Катя Бич. — Я читала его рассказы о немецком концлагере, это страшно.

— Да, жалко, что Владимир Аскольдович увольняется, — вздохнул я. — А ведь был совсем рядом! Геолог, писатель! Теперь не познакомиться, поздно.

И мы не только не познакомимся, но больше и не увиделись. Вскоре стало известно, что Власов уехал. А вот куда, сказать никто не мог, даже Лавренов. А у Коломийца мы не спрашивали, слишком высокий для нас начальник. Кто-то предположил, что недалеко — в Новокузнецк, где жил его друг писатель Владимир Мазаев, который частенько гостил у него в партии, а некоторые полагали, что уехал на родину, в Донбасс.

Но позже выяснилось, что на пенсию Власов не ушёл, а, действительно, уехал в Новокузнецк и перевёлся на Алтай в одну из партий нашего же, Западно-Сибирского геологического управления. Вскоре вышла его книга «Кара-Тайга», и все мы читали её взахлёб, сожалея, что больше нет в нашей экспедиции этого замечательного геолога и писателя.

И вот я в Канyme, стою возле бывшего дома Владимира Аскольдовича Власова. Дом я решил не разбирать: рука не поднималась, хотя и брус (кажется, брус), и доски были почти свежими, таких в посёлке оказалось не так уж много. Зашёл внутрь. В доме никто не жил уже несколь-

ко лет, пахло плесенью. Кухня и комната. В углу комнаты стояла пустая панцирная кровать, а возле неё письменный стол, рядом стул с жёстким деревянным сиденьем и такой же спинкой. По полу разбросаны бумаги с выцветшими чернильными текстами. Полагая, что это могут быть рукописи, я поднял одну, другую. Нет, черновики отчётов, нарядов, радиogramм – всякий хлам.

Сел на стул перед столом. Мелькнула мысль: «А ведь за этим столом он писал не только по делу, но и свои повести и рассказы!» И тогда я решил стол и стул забрать.

Разбирали только веранды, потому что в первую очередь нужны были доски. Набили ими три «Урала». На одном из них сверху ехал стол и стул Власова. Но стул в дороге всё же потеряли, а стол благополучно приехал в Фёдоровку. И теперь стоял в моём доме.

Стол меня вдохновлял. Но пока только на наряды для рабочих. До этого процесс написания нарядов я растягивал на неделю, а тут составил их за два вечера. Арифмометр «Феликс» трещал в моих руках, как вертолётные лопасти, с огромной скоростью выдавая мне нужные числа хоть при делении, хоть при умножении. Следующей работой, написанной за столом, стал проект развития работ на Фёдоровском месторождении золота. Проект неофициальный, мой собственный. Я давно его обдумывал, вот сел и составил, а к нему начертил пару схем и карту.

В голове зрел сюжет повести «Мокрая Шория» о геологической жизни, и вот я сел за неё. «Ну, Владимир Аскольдыч, диктуй!» – шутил я про себя, садясь за бумагу. И он потихоньку мне диктовал. Но диктовал как-то неправильно, мне не нравилось, я рвал рукопись, бросал листы на растопку и начинал сначала. Наконец что-то пошло. Зато не пошло по работе.

Не заладились у меня отношения с начальником экспедиции Петром Александровичем Коломийцем. Я был начальником молодым, а партия серьёзной, с проходкой штольни, глубоких шурфов, канав, траншей, бурением скважин, и он решил сделать из меня настоящего руководителя. Но как он это делал! Рычал и швырял на пол все мои заявки, объяснительные, а то и наряды и даже мой проект развития работ на Фёдоровке. Всё не так, всё не этак.

– Вы хотя бы прочитайте проект, посмотрите, – уговаривал я.

– Да чего там читать! – сердито отмахивался Пётр Александрович. – У тебя для проектов есть

старший геолог Соловьёв и его ребята геологи! Пусть они пишут.

– Но я ведь тоже геолог!

– Ты начальник партии, руководитель.

Руководитель, а не геолог – вот в чём дело! И зачем я согласился пойти на эту должность?

Писатель Владимир Мазаев, предвзято книгу Власова «Завтра связи не будет», писал об авторе и привёл слова самого Власова о специфике работы начальника партии: «...когда тебя забрасывают самолётом к чёрту на кулички, дают полсотни человек, треть которых – бывшие уголовники, а у тебя в руках только печатать, да рация, да наган с шестью патронами, и говорят: «Ставь разведку по всем правилам науки и техники», то что ты на это скажешь? Ты не начальник партии – ты снабженец, коммерсант, милиционер, лекарь, судья, бог и царь – кто хочешь, но только не геолог, и вся геология летит к чертям, и ты думаешь только о том, как завтра обеспечить людей хлебом, потому что у пьяницы завхоза последняя здоровая лошадь сломала ногу; или о том, что сделать, чтобы Сашка по прозвищу Клянусь Жизнью не привёл свою угрозу в исполнение и не поджёт кержацкую заимку...»

Это так похоже на мою ситуацию на Фёдоровке с поправкой на десять – пятнадцать лет. Но за эти годы в геологии и работе начальника партии почти ничего не поменялось. Конечно, чего ж меня было не ругать, если проходка той же штольни шла в день по чайной ложке. Зимой вообще закончилась соляра (а её запасли мало из-за нехватки рейсов автомашин) и для дизельной и компрессорной топливо возили вертолётками. Привезёт Ми-4 бак – на день хватает, а дальше простой, жди следующего вертолёта с баком. Это бесконечное дёрганье не давало работать, а проходчикам зарабатывать, и они увольнялись, найти же других было проблематично. Не хватало буровых штанг, и я вечно побирался на шахте «Распадская», выменивая их на тушёнку, заодно выпрашивая вентиляционный рукав и буровые наконечники, а однажды выпросил целый перфоратор и даже старый ресивер. Геология снабжалась инструментом плохо, а то и вообще не снабжалась. А виноват начальник партии. По рации – сердитые рыки вышестоящего руководства, на планёрках на базе экспедиции – постоянные устные выговоры, а дома – недовольство жены: «Зачем тебе это надо, жил бы спокойно в геологах».

В конце концов это мне надоело, я ушёл в отпуск с последующим увольнением и уехал работать на Камчатку, наугад, на самый её север, в Пенжинскую геолого-разведочную партию начальником горного отряда. А стол писателя Власова остался на Фёдоровке. Его новым хозяином стал другой начальник партии. Но ему он едва ли был нужен как бывший стол писателя. Хотя кто знает...

2

И опять вспоминаю 1975 год. Он памятный, потому что счастливый. Я, молодой специалист, попал на работу в хорошую, интересную партию, которая занималась специализированной съёмкой на радиоактивные элементы. Меня приняли старшим техником-геологом, дали горный отряд, и я начал не просто работать, а работать взахлёб, не уставая и даже не вылетая на базу. В тайге по вечерам, уединясь в палатке, утолял поэтическую жажду, исписывая стихами полевые книжки.

В том же году в «Роман-газете» вышел роман Олега Куваева «Территория», в Кемеровском книжном издательстве – повесть Владимира Власова «Кара-Тайга» и там же – книга поэм Геннадия Юрова «Долина в сентябре», поэтические тексты которой в чём-то перекликались с прозой Куваева. Узнав, что Геннадий Юров вернулся с колымских приисков, я узрел в нём родственную душу и послал ему свои стихи. Он отозвался, скуп похвалил мои сочинения и попросил прислать ещё, чтобы лучше меня понять. Но я опять уехал в поле, работы было много, тут погиб в шахте отчим, а я вскоре открыл урановое рудопоявление, назвал его в честь отчима Лоскутниковским и надолго зарылся в канавах и шурфах, лелея своё открытие. Юров моих стихов не дождался, наверное, плюнул и забыл. А я тем временем перешёл на прозу, вдруг поняв, что поэзия мне не даётся, в ней я не вырасту. Правда, позже, влюбившись в стихи Игоря Шкляревского, вновь переходил на рифмы, но постепенно всё же окончательно оставил эти опыты.

В сентябре 1975 года наша партия перебазировалась на голец Зелёный, вздыбившийся на самой границе Мариинской тайги и Кузнецкого Алатау. На севере была река Кия, которую я исходил студентом на практиках, на юге – Нижняя Терсь. А мы стояли в самом верховье реки Саян-зас, искали корундиты. Это не наш профиль, но нам навязали в качестве дополнительной работы – так часто бывало в геологии.

Лежу в спальнике, укутавшись с головой. Вставать не хочется: за палаткой непогода. Тёплые красивые мечты пеленают мозг молодого холостяка. Юные девичьи лица кружат передо мной. Девушки тянут руки, смеются, зовут, плачут, но меня ничего не трогает. Мне 23 года, я всё ещё вспоминаю ту одну, с которой мечтал остаться на всю жизнь, но не получилось. Потом были другие увлечения, но уже только увлечения, почему-то до серьёзного так и не дошло, не зацепило. Может быть, рано ещё, придёт и моя очередь, зацепит. Вот и лежу мечтаю о какой-то отвлечённой девушке с лицами нескольких.

Из мыслей вернули тяжёлые шаги за палаткой. А вскоре внутрь грузно протиснулся наш шеф – начальник партии Лавренов. Пришёл на радиосвязь. Шурша плащ-накидкой, сел на край моих нар, напротив Толика Турова, который сразу зашевелился, зашарил руками в изголовье в поисках очков.

Шеф сразу начал с высоких нот:

– Анатолий Витальевич, ну что это за бардак на радиостанции! Всё раскидано, какие-то посторонние вещи лежат, свечкой накапано. Насвинячил на рации!

Нотки стали даже угрожающими. Толя уже не просто проснулся, а лежал и громко сопел, придумывая, что ответить шефу примерно в том же тоне. Толя это иногда умел, но чаще молчал. Промолчал и на этот раз.

А шеф не унимался:

– Я никогда ничего на рации не держу. Ты понял меня? Надо убрать!

– Понял, уберу, – наконец-то промямлил обескураженный Толя и начал судорожными движениями включать рацию.

Вскоре в палатку ворвался пустой шум эфира.

– Проспали! Проспали! – запаниковал Лавренов.

Но Толя подстроил ручку, и голос Максимыча, нашего радиста из Камешка, стал вызывать корреспондентов на связь:

– «Русак-21» вызывает «Русака-27»!

– Отвечай, отвечай! – нетерпеливо толкал Толика шеф своей крупной рукой.

Толик нервничал, получалось у него плохо, ответил невпопад, к тому же забыл нажать тангенту микрофона. Радист вызвал нас ещё раз. Наконец Толя ответил. Максимыч стал что-то говорить, но пошли шумы, мы ничего не могли разобрать. Шеф психовал, заставлял Толю переспрашивать ещё и ещё раз. Наконец поняли, что

нам втолковывают: «Номер вашего склада взрывчатых веществ – три. Временный расходный склад – номер три!»

– Александр Александрович, ты понял? – спросил меня шеф.

Я кивнул:

– Понял.

На этот раз я исполняю обязанности горного мастера, поэтому взрывчатка и взрывные работы на мне. Хотя от геологической работы меня тоже никто не освобождал.

Шеф ушёл. Толик с большим облегчением выключил рацию и тут же перевернулся на другой бок, чтобы поспать ещё. А я вылез из спальника и оделся. Пора было выходить в мир.

А мир лежал в плотном сыром тумане, уменьшившись до двадцати метров. Виднелись только ближние пихты, остальные постепенно таяли в тумане, исчезали, выставляя на обозрение лишь одиночную лапку, ветку или вершинку. Ветер умудрялся на мгновение всколыхнуть белое покрывало, сорвать его с деревьев, показать их в большем пространстве, но рваные белые клочья опять смыкались, закрывая всё и вся. Морозящая влага студила тело, но не раздражала его, а, наоборот, бодрила, оживляла.

Горняки собрались на работу, полагая, что к обеду распогодится. Я выдал им взрывчатку, и они ушли.

Вчера наш неугомонный шеф нашёл-таки в Саянзасе несколько глыб корундитов. Причём по реке от глыбы к глыбе ходили мы все, обстукивая молотками каждый подозрительный камень. Но нашёл именно шеф – старый, опытный поисковик, лис таёжный!

Работавший здесь до нас геолог Еланской экспедиции Огнев отметил в аллювии реки Саянзас глыбы корундитов, и теперь отыскиали их и мы. Оставалось найти корундиты в коренном залегании. Втроём – шеф, Туров и я – пошли вверх по реке, обстукивая камни. Теперь мы знали внешний вид корундитов, поэтому найти другие глыбы было легче. Вот ещё одна! А там вторая, третья, пятая! Они и звенели под молотком по-особенному. А уж расколоть их оказалось вообще сложно, настолько они были вязкими, плотными. Чем дальше мы поднимались, тем крупнее и неокатаннее становились эти валуны. И вдруг исчезли, перестали попадаться.

– Заметили высокую скалу на левом берегу, после которой корундиты уже не встречались? – спросил нас шеф на перекуре.

Мы с Толиком согласно кивнули: заметили.

– Скорее всего – там! – сделал вывод Лавренов. В нём тотчас загорелся азарт. – Пошли назад!

Мы вернулись к этой небольшой скале и внимательно осмотрели всю её обнажённую часть. Она была сложена дунитами зеленовато-серого цвета, но с признаками метаморфизации, то есть изменений. А под скалой, в воде, целый свал корундитов вперемешку с дунитами!

– Здесь они, здесь! – по-детски радовался Толик Туров.

– От нас не уйти! Правда же, Александр Александрович? – приговаривал и шеф, дробя скалу кувалдочкой, а не молотком.

Он словно знал характер корундитов и прихватил с собой небольшую кувалду.

– Есть! – вскрикнул я, увидев под своим молотком ту же голубовато-серую породу, что и в глыбах корундитов. – Лиственит!

– Скорее березит. – Подошедший шеф взял осколок в руки, вгляделся в него. – Вот и сульфидики. А это что? Гранат! Да, есть! Ну, ребята, они близко! Надо прямо через всю скалу сделать на взрыв расчистку. Александр Александрович, завтра же!

– Ура! Есть! – закричал Толя с другого края скалы. – Есть изменённая порода! А гранатов в ней, гранатов! Саныч, видел гранат?

– Да видел, Толя, видел! У нас их здесь тоже полно. Похоже, и корунды есть, вот они, голубоватые. Иди сюда!

Так, возбуждённые и радостные, мы перекивались ещё с час, буквально на животах оползая всю скалку, чуть ли не облизывая её.

– Хватит, парни! – смеялся счастливый Лавренов. – Хватит крушить скалу, надо что-то и для промышленности оставить, ведь для неё стараемся!

Мы ещё долго примеривались, где задать выработки, чтобы вскрыть коренные корундиты наверняка. Подошли и горняки.

– Будет работка – сплошная скала, – чесал затылок студент-проходчик Шура Котов.

– Не один лом здесь разобьём, не одно кайло расквасим, – вторил ему Николай Гудков.

– Да и воды будет много, затопит канавы, – добавил опытный горняк Сулейманов.

Рядом тяжело вздыхали остальные проходчики, жалостливо разглядывая мозолистые, разбитые работой руки.

Это было вчера, а сегодня горняки понесли туда взрывчатку. Сейчас отправлюсь к скале и я, надо только быстро позавтракать.

И вот бегу по свеженатоптанной тропинке вниз, к той самой скалке. Вскоре за непроницаемой стеной тумана слышу стук кувалд о ломики. Это горняки вручную пробивают шпур для взрывчатки. Дробь ударов всё ближе, и вот уже выхожу прямо к обнажению. Здесь работают пока трое: Котов, Гудков и Дружин. Как и разметил вчера шеф, канава получается в виде перевёрнутой на склоне буквы «Т». Вертикальная «палочка» буквы досталась Гудкову, а ниже поперёк склона копают Дружин и Шура Котов. Остальные горняки пробуют поймать корундиты на другом берегу реки.

– Топит, Саныч, – жалуется верхний Гудков, – выше-то сплошное болото.

Да, выше обнажения местность заболочена, это видно по густым зарослям ольхи, которая любит влагу. Теперь вся вода оттуда дренирует в наши выработки. Но у Гудкова канава расположена по склону, поэтому у него вода не задерживается и уходит к нижним горнякам, где и накапливается. Дружин и Котов стоят уже по колено в воде.

Через час сплошной долбёжки шпур готов. Пришёл взрывник Фёдор Дудолодов, стал заряжать. Мы все уходим вверх по склону, прячемся за стволами деревьев. Рвануло так, что казалось, гольцы вокруг затряслись, а туман изорвало в клочья и вместе с травой и кусочками земли развесило по пихтовым веткам.

Подходим к канавам. Взрыв удался, углубка неплохая, зато вся нижняя канава Котова и Дружина доверху завалена обломками из канавы Гудкова.

– Иди убирай свои каменюки, – шутит Шура, глядя на Гудкова.

Тот принимает это всерьёз, отмахивается:

– Пошёл ты! Пусть взрывник убирает, копь не умеет правильно взрыв направлять.

Горняки принялись расчищать завалы в канавах, а я взял кувалду и начал крошить изменённые породы, которые валялись теперь повсюду. Интересно было хоть за что-то зацепиться, увидеть контакт корундитов с вмещающими породами. Неужели эти крепкие корундиты лежат в таких слабых, выветрелых сланцах? И что это за сланцы: бывшие дуниты, серпентиниты, габбро, габбродиориты?

Подожёл шеф, присел возле меня. Но в это время с другого берега Саянзаса послышались два протяжных предупредительных свистка взрывника.

– Уйдём, товарищи! – заторопился шеф, обращаясь ко мне и горнякам.

– Да ну, – успокоил его Николай Гудков, – далеко, метров сто. До нас не долетит.

Лавренов недоверчиво хмыкнул, но остался. Вскоре раздался взрыв. В небе засвистели обломки камней. Один из них набрал большую высоту и со свистом, напоминающим звук лёта мины, стал падать прямо на шефа.

– Берегись! – крикнул шеф, низко наклонил голову, а затем шмыгнул в канаву, где и залёг, как в воронке, накрывшись полевой сумкой.

Здоровый камень шлёпнулся в полуметре от того места, где он только что стоял.

– Нет, так не пойдёт! – разгорячился шеф, вылезая из укрытия. – Если не будете прятаться, запрещаю взрывные работы к чёртовой матери! Уходить надо метров за двести! Так точно кого-нибудь убьёт. Александр Александрович, ты должен следить за этим делом. Только в моём или твоём присутствии должны взрывать, пока не убедимся, что все укрылись.

Постепенно страсти улеглись. Горняки зачищали свои забои, и мы все вместе, посоветовавшись с Дудолодовым, решили, что на этот раз взорвём мелкими накладными зарядами, уложив аммонит в выбоины в породе.

Теперь ушли от места взрыва далеко, почти в лагерь. Шеф был серьёзен и неумолим. После взрыва почти побежали к канавам: не терпелось посмотреть результат. Горняки взялись за лопаты, стали выбрасывать обломки. Мы с Лавреновым ждали. И дождались! У Котова и Дружина прямо на сбойке канав показалась полуметровая по ширине залежь корундитов. Мы с шефом прыгнули туда, принялись колоть их молотками. Да, те самые корундиты, обломки которых мы находили в реке. А на контактах развилась прозрачная, хрупкая, жирноватая на ощупь, чудесным образом раскристаллизовавшаяся в виде блестящих серебристых цветков слюдка – маргарит!

– Корешки корундитов! – торжественно заключил шеф. – Итак, открыто Саянзасское проявление корундитов. А может быть, и месторождение! Кто знает, кто знает...

И сразу же хлестанул дождь. Мы вместе с горняками побежали под густые разлапистые пихты.

– От взрывов бы так бегали, – заметил Лавренов, сидя на мягкой лесной подстилке под деревом.

И ухмылка на его лице была такой довольной...

Да, счастливым был 1975 год. За ним – 1976-й, когда я открыл Лоскутниковское рудопроявление урана, затем 1977-й – командировка в Якутию, на северную реку Яну, снова работа на Лоскутниках и в низовье Чёрной Усы. В 1978 году – реки Томь, Бельсу, Теба и Чарыш. А вскоре и Фёдоровка. И так полетели (именно полетели, не удержать) год за годом в любимой геологии.

Но работа шла параллельно с литературным творчеством, я уже писал, хотя до поры не публиковался, боялся прослыть графоманом. Это слово пугало, а своих творческих возможностей я не знал, поэтому только читал, то и дело натыкаясь в региональном журнале «Огни Кузбасса» на знакомые имена Владимира Власова, Геннадия Юрова, Владимира Мазаева, Сергея Донбая, Степана Торбокова, Михаила Небогатова. Читал и мечтал встать в этот манящий ряд.

В 1979 году в Кемерове вышла следующая книга Владимира Власова – «Техник Валька, Мерзавец и другие». И у меня окончательно сложилось мнение о Власове как о хорошем, именно моём писателе. Пусть не из первого ряда, но, похоже, он к этому и не стремился. Для него, я думаю, было важнее оставаться сначала геологом, а затем писать книги. У Олега Куваева сложилось наоборот: он был одержим творчеством, пожертвовал всем ради литературы – и геологией, и семейным бытом. Это индивидуально, у каждого по-своему. Но Власова я читать люблю и то и дело возвращаюсь к его книгам.

3

Здесь я должен привести одну важную цитату из повести Владимира Власова «Кара-Тайга»:

«Серые облака спустились, окутали вершину Кара-Тайги. Сумерки сгущались. Опасливо поглядывая на небо, человек записал [в полевом дневнике] последнюю фразу крупными буквами: «В центральной и западной части обнажения наблюдаются крупные шлировые выделения титаномагнетита размером до 5–6 сантиметров в виде пятен неправильной формы, не имеющих чётких границ. Считаю, что в общем весь выход – титаномагнетитовая руда». Торопясь, перенёс к кедру завернутые в обёрточную бумагу пробы, сложил их кучкой, определил на глаз: «Всё в рюкзак не влезет». Безжалостно вытряхнул из него всё, потом уложил образцы и пробы породы, сверху втиснул банку консервов и кусок хлеба. Сидя, надел на плечи широкие простроченные ремни и с трудом встал.

Спустившись на несколько шагов вниз по склону, он неожиданно повернул назад, озорно подмигнул и сказал: «Вспомним, ребята, Джека Лондона!»

Несколькими сильными ударами маленького острого топора человек сделал на сухом кедре широкий затёс и, смочив слюной палочку сухой туши, размашисто написал: «Саблин Л. М. 21/VIII-1965 г.».

Не смог герой Владимира Власова, геолог, таёжный бродяга, без озорства, без Джека Лондона в голове, хотя и не озорство это, а нормальная практика первопроходцев – оставлять подобные надписи на затесах, столбить своё открытие, но восхищает именно то, что геолог подумал при этом о Джеке Лондоне – лучшем друге всех романтиков на свете.

И сегодня даже те, кто мало читают, знают имя Джека Лондона. И наверняка слышали, если не читали, о его повести «Белый Клык». Моё поколение знакомилось с книгами Джека Лондона ещё в юности, если не раньше. А потом его сочинения сопровождали нас всю жизнь. Герой Владимира Власова геолог Саблин немногим старше моего поколения, поэтому, естественно, хорошо знал произведения великого американца.

Читая другую повесть Владимира Власова – «Осечка», отчётливо слышишь джек-лондоновские нотки. Да, писатели разные, величины разные, но всё равно они оба писатели, их объединяет романтический настрой и любовь к «собачьей» теме. Отчасти объединяет и авторская интонация «Осечки» Власова и «Белого Клыка» Лондона (в переводе с английского Н. Волжиной). Думаю, загадки здесь нет, Владимир Власов читал Джека Лондона, мы в этом убедились выше, а потому, начав писать «Осечку» – повесть о собаке и приключениях, невольно подражал американцу. Могу и ошибаться, но ритм текстов уж очень похож. Сравните.

«Пока благородный красавец Норд вежливо здоровался с Осечкой и рассказывал последние собачьи новости, на берегу разгорелся спор. Люди кричали и размахивали руками. Потом разожгли большой костёр...» Это Владимир Власов.

«Белый Клык никогда ещё не видел собак, но сразу почувствовал, что они мало чем отличаются от его собственной породы. Учувя волчонка и его мать, собаки сейчас же доказали, как незначительна эта разница. Началась свалка...» Это Джек Лондон.

Вчитайтесь, вслушайтесь: такт один, напев фразы одинаков. Сколько угодно я могу приводить здесь примеров-сравнений из повестей этих авторов, и все они будут такими же похожими. Может быть, любой пишущий о дикой природе, собаках и волках придерживается подобной интонации и такого же ритма при построении предложений? Посмотрим на текст писателя Радмира Коренева, которого называют «камчатским Джеком Лондоном». Из его повести «Собаки-волки»: «Дик сидел как вкопанный, но вдруг ошетинился и пошёл на Чингиза. Такой же рослый, чуть длиннее, он нервно подёргивал верхней губой, и длинные острые клыки его сверкали белой эмалью...»

Ведь тоже похоже. Или это ни о чём не говорит, а только подтверждает мастерство авторов, умеющих понятно и красиво строить фразы?

Пусть так, это всё равно не мешает мне, читая «Осечку» Владимира Власова, находить ассоциации с Джеком Лондоном. А теперь ещё и с Радмиром Кореневым — ровесником Власова, ныне здравствующим писателем с Камчатки. Совсем недавно у него вышла свежая книга «Море. Тундра. Собаки». Это в 92 года!

Белый Клык у Джека Лондона — на три четверти волк, Осечка у Владимира Власова — обыкновенная собака, к тому же смешанных пород. Но как похожи их судьбы! В какие трагические приключения пускают их авторы! Как чисты и благородны собачьи поступки, их любовь к людям! Писатели сумели показать такие взаимоотношения человека и собаки, которым поневоле позавидуешь и много раз подумаешь, не завести ли лохматого друга.

Правда, у Джека Лондона главным героем повести является именно Белый Клык, за его жизнью бежит перо писателя, через его поступки и собачьи мысли, переживания автор рассматривает и описывает людей, тогда как у Владимира Власова главных героев всё-таки два: хозяин Осечки геолог Иван Алексеевич Колокольчиков и сама собака. Они выступают в повести практически на равных, поэтому их дружба и верность друг другу настолько выпукло и достоверно описаны, что читатель готов за сердце хвататься, когда хозяин в стремлении спасти жизнь близкого человека, беременной жены, умирающей от голода и холода, целится в свою любимицу Осечку и только чудо спасает её. И Осечка в любви своей прощает хозяину это. Просто она всё понимает. И недаром среди людей, неожиданно пришедших на помощь погибающим в пустынных заснеженных

гольцах геологам супругам Колокольчиковым, оказался и сын Осечки, молодой пёс Норд, а в утробе жены Колокольчикова созрел их ребёнок. Только сын Осечки уже взрослый красавец, а у хозяина ещё никто не родился, и эту неродившуюся жизнь надо было спасать вместе с вынашивающей её матерью. Спасать, забрав жизнь верной собаки, другого варианта уже не оставалось: они погибали. Осечка это понимала, а потому простила. Это самое сильное место повести, наверняка не одна слеза пролилась при прочтении. Автор намеренно именно таким эпизодом усилил концовку, чтобы читатель ещё раз убедился в крепости дружбы, верности и понимании между человеком и собакой. Между людьми такого не бывает, между собаками тоже, а вот между человеком и собакой — да. И главная в этом понимании, в этой безоглядной любви и преданности — собака.

Жизнь полевого геолога редко обходится без хорошей собаки. И не только геолога, а любого бродяги, исследователя природы, изыскателя и, конечно, охотника. Достаточно вспомнить Кучума у геодезиста и писателя Григория Федосеева. Он один из главных героев его увлекательных книг, полных романтики и трудового героизма. И у меня был в Кузнецком Алатау, на Фёдоровке, красивый пёс Урман, который также прожил недолго и погиб, как и Кучум, в тайге.

Но «собачья» тема — это частность, хотя и немаловажная. Для меня сила и притягательность творчества Владимира Власова, конечно же, в его геологической теме. Многие писали о геологах, но немногие описали их работу правдиво, со знанием дела. Власову это удалось, что немудрено при его большом полевом производственном опыте. И мне хочется его читать. И не только потому, что писал он о Кузнецком Алатау и Горной Шории, где девять лет отработал и я. И не потому, что я пусть и мельком, но встречал его в жизни. Он задел правдой, пусть несколько пафосным, но всё же неприукрашенным героизмом, описанием настоящих мужских поступков. И теплотой человечности по отношению к своим героям.

Главной своей книгой он наверняка считал повесть «Кара-Тайга», из неё я и взял первую цитату. На первый взгляд, это сугубо производственная проза, повесть о рабочих буднях геологов-работяг, всё в ней построено на коллизиях, обусловленных работой геолого-разведочной партии, с непременным преодолением трудно-

стей и непонимания вышестоящего начальства. Людей крепко испытывает работа и долг перед ней, но шаг за шагом люди приближаются к трудовой победе и побеждают! Такие сюжеты ценились и были востребованы в советской литературе. Сегодня они ушли в историю, так уже не пишут и вообще о человеке труда не пишут. Но Владимиру Власову при всём том, что производственной теме посвящена большая часть текста, удалось подняться над сугубо трудовыми буднями своих персонажей и показать их просто людьми, а некоторых и уникальными людьми.

Сначала автор описывает их скупыми штрихами, но постепенно открывает читателю глубину личности каждого. Так происходит с проходчиком Снегирёвым и его семейством – женой и сыновьями, которые всю жизнь скитаются по геолого-разведочным и старательским партиям с отцом, работают вместе с ним, «помогают», как они говорят. Рассказ об этой необычной семье украшает повесть, как украшает её и поучительная история о скупом кержаке, подпольном золотоискателе Бурчевском. Умягчает сердце история мальчика-сироты Димы Кадымаева, которого голод пригнал в партию, и Голубев определил его на конюшню, о чём ни разу не пожалел, потому что мальчик оказался толковым и работающим.

И, конечно, лучшие страницы повести отданы автором рабочему Семёну Матвееву по кличке Мухомор, разгильдяйство и неприкаянность которого при добром, человеческом отношении к нему перерастают сначала в его обыкновенную, беззлобную браваду, а затем и это уходит и люди видят перед собой совсем другого человека – обиженного судьбой, но честного, верного и порядочного. Жаль, что он погибает от бандитской руки, такие тоже есть в партии, но смерть Семёна символична, она подчёркивает глубину проблем и сложностей в коллективе геолого-разведочной партии, стремление честных тружеников очистить коллектив от скверны и накипи, пусть и ценой жизни.

Всему этому веришь, зная, что автор находился среди тех людей. Повесть во многом автобиографична, недаром главного героя зовут Владимиром Андреевичем, а это так похоже на Владимира Аскольдовича. И с начальником экспедиции Хватовым главный герой учился в одной группе горного техникума, как и автор Владимир Власов был одноклассником начальника нашей экспедиции Коломийца. Конечно, Хватов – образ собирательный, но многие черты

Петра Александровича Коломийца угадываются в Хватове. С ним действительно было нелегко, он никогда не посещал подчинённые ему партии, руководя экспедицией по рации и посредством планёрок, бросая нас, начальников партий, зачастую молодых, один на один с трудностями, с нашими сложными коллективами, но требовал полной отдачи от нашей непростой работы. Требовал грозно. Поэтому я разругался с ним и уволился из экспедиции, уехав на Камчатку. Сдаётся мне, что и Власов покинул Каным из-за того же. Кто внимательно читал «Кара-Тайгу», особенно эпизод встречи Голубева с Хватовым, их разговор, тот меня поймёт.

«Кара-Тайга»... Как она напоминает мне мою Фёдоровку! Как похож на меня начальник партии Владимир Голубев или я на него! Как быстро заканчивается эйфория от открытия тобой нового перспективного рудопроявления и наваливаются проблемы при дальнейшей работе на этом проявлении! Владимир Власов это хорошо и точно описал. Молодой, начинающий геолог Леонид Саблин открыл рудопроявление титаномagnetита. Навьючив на себя тяжёлый рюкзак с образцами, он вернулся на базу партии, которая, по описанию автора, находилась в гольцах, где климат «как на Крайнем Севере, на месте работы невозможно вырастить даже картошку; людей туда привлечь нечем; опытные геологи и кадровые рабочие туда не идут; в настоящее время геологический состав – вчерашние студенты...» Исполнять обязанности начальника этой сложной во всех отношениях партии назначают первооткрывателя Леонида Саблина. Но вскоре в партию присылают нового начальника, утверждённого в управлении, геолога Владимира Голубева. Им вдвоём и суждено далее бороться за месторождение, производственные планы и сплочение коллектива. В итоге они становятся единомышленниками и друзьями. И концовка: «Люди упрямо идут каждый день на участок, чтобы вечером на рабочем плане месторождения обозначить условным знаком вскрытую руду. Всё больше и больше появляется на плане этих знаков и меньше остаётся белых пятен». Значит, героям Власова всё удалось.

4

В конце повести «Кара-Тайга» стоит дата и обозначены географические пункты её написания: «Новокузнецк – Большой Каным, 1970–1974 гг.». Впервые повесть издана в 1975 году.

Девятью годами ранее, в конце 1966-го, когда Власов ещё и не помышлял о литературном творчестве, к нему в Каным прилетал редактор многотиражной газеты Запсибгеологуправления Михаил Беркович. Много позже он написал воспоминания о встречах с писателем – «Большой Каным и Владимир Власов». Из этих воспоминаний, или рассказа, как обозначил жанр сам автор, можно узнать много интересного о Власове. Например, о том, что он любил охоту, что, в принципе, логично, ведь он геолог, полевик, таёжник. О рыбалке ничего не говорится, а вот Пётр Александрович Коломиец слыл заядлым рыбаком, он и погиб на рыбалке – сорвался в воду и утонул. Поведал Беркович и о характере Власова: «Человек он был законопослушный, тихий, неагрессивный...»

Многое прояснил и про фашистский плен: «Только исполнилось восемнадцать, когда призвали в армию и послали на фронт. Не обстрелянные ещё юнцы должны были пополнить какую-то войсковую часть, изрядно потрепанную в оборонительных боях. Расквартировали в большом украинском селе, чтобы утром выдать оружие – и на передовую шагом марш! В результате неожиданной ночной атаки село попало в руки врага. Мальчишек взяли сонными. Так Володя Власов попал в плен. Два года провёл в Заксенхаузене. Не стану здесь описывать, через 157 какие муки ему довелось пройти».

Эти муки описал Владимир Мазаев во вступительном слове к книге В. Власова «Завтра связи не будет»: «Днём он справлялся со своей памятью. А ночью вместе со сном возвращались кошмары. Каждую ночь он обречён был заново переживать то, что когда-то пережил наяву...

В 1942 году Владимир Власов был призван в армию и стал бойцом только что сформированного в прифронтовой полосе батальона (жил он в Донбассе). Судьба батальона сложилась нелегко, его не успели вооружить, и он, оказавшись на пути внезапного прорыва немцев, был рассеян. Безоружные ребята попали в плен.

И началось для семнадцатилетнего Власова хождение по кругам фашистского ада: концлагеря Ростова, Таганрога, Бахольта, Кёльна. В Кёльне – рабочая команда завода, побег с группой товарищей. Перед самой границей Швейцарии, куда они хотели уйти, их поймали. Потом – военно-полевой суд, гестапо, приговор: пожизненная каторга. Потом тюрьмы Ахена, Дюссельдорфа, Ганновера и, наконец, печально знаменитый концлагерь Заксенхаузен под Берлином.

В апреле 1945 года, когда уже была слышна советская артиллерия, оставшихся в живых каторжников построили в колонны по тысяче и погнали в порт Любек, чтобы там погрузить на баржи и вместе с баржами утопить в море. Марш смертников длился десять дней. Слыша близкую канонаду, узники сделали последнее отчаянное усилие, перебили охрану и пошли на встречу канонаде».

Михаил Беркович: «И с того момента начались настоящие хождения по мукам. Он оказался виновным в том, что попал в плен, потому отвечал за это своё преступление едва ли не всю оставшуюся жизнь. В институт не приняли: был в плену... Володя поступил в техникум. На преддипломную практику послали в Западно-Сибирское геологоразведочное управление, где он осел до выхода на пенсию».

Ад в концлагерях Владимир Власов описал в нескольких своих рассказах.

Приведу выдержку из одного из них – «Замкнутого круга», он как раз повествует о нахождении в штрафной роте, где на пленных испытывали солдатскую обувь: «Норма – сорок кругов. Сорок кругов – сорок километров. На спине у каждого груз в тридцать два килограмма. Все штрафники похожи друг на друга неестественной худобой, обветренной задухлой кожей лица и тёмными ямами глубоко запавших глаз. Полосатая одежда полностью обезличивает их. Только ботинки у всех разные: на кожаной и на резиновой подошве, мехом внутрь и мехом наружу, с подковками и без подковок. Каждая пара чем-нибудь отличается от остальных. Ботинки выдаются новые. Менять их нельзя. В конце месяца экспертная комиссия с обувных фабрик тщательно осматривает подошвы, каблуки, ранты, верх и шнуровку. Фиксируются все признаки износа, разрабатываются предложения и рекомендации по улучшению качества...

Редкий человек оставался в живых, похोдив по этой дороге в течение трёх месяцев. Упавшие не поднимались. Их уносили в лагерный лазарет, предварительно сняв ботинки. Заключённого списывали...»

Владимир Власов остался живым. Он всё выдержал.

И вот Михаил Беркович у него в Канyme. «К вертолёту подошёл мужчина, выше среднего роста, в собачьих унтах и шапке-ушанке из меха нерпы».

Власов жил один, жена и дети прилетали к нему только летом. Гостя он поселил у себя. Они ели жареную картошку с мясом и пили водку. «Володя пил только водку и коньяк». Хозяин рассказывал о себе, Михаил Беркович записывал.

«Именно Власов привёл сюда сто двадцать человек, чтобы организовать на пустом месте геолого-разведочную партию. Перед высадкой столь мощного десанта состоялся рекогносцировочный вылет на местность. Вся верховная власть прилетела сюда: и сам Селятицкий (начальник управления), и главный инженер, и главный геолог управления, и начальник производственного отдела, и начальник экспедиции, в которую входила новая партия. Все они понимали, в какой ад суют Власова. Да он и сам это знал. Ни дорог, ни тропинок, вокруг на полсотни вёрст – ни единой души. С ним прилетят сюда «отборные кадры» (кроме геологов) – сплошь бомжи. Зато зверья вокруг! На одном километре пути Власов насчитал восемь берлог. Всё снабжение – только по воздуху...»

В принципе, все так начинают в геологии новые участки. Власов не был исключением. И, конечно, в отличие от журналиста Берковича не видел в этом героизма. Обыкновенная работа геолога, начальника новой партии.

И началась работа. Повесть «Кара-Тайга» 152 хорошо о ней рассказывает...

5

Ко мне на Фёдоровку летом, слава богу, добирались мощные ЗИЛы и «Уралы», но зимой – только вертолёты. Меня назначили сюда начальником в августе 1980 года. Партия существовала уже полгода, но войти в нормальный рабочий ритм не смогла. Обвинили начальника, Перина. Сняли. Вместо него назначили меня, двадцативосьмилетнего. Прилетев впервые на Фёдоровку, я увидел недостроенные столовую и рабочее общежитие; народ ютился в старых линияльных палатках. Под большой одинокой берёзой в халабуде из досок и корья жила единственная буровая бригада. Еле живой бульдозер С-100 вгрызался в выветрелые до песка рыжие окварцованные гранодиориты, вскрывая верхушки маломощных кварцевых жил с небольшим содержанием золота. Ждали золота большого, но пока его не было.

Старший геолог партии Володя Соловьёв хмыкнул, пряча в тонких усиках лукавую улыбку:

– Хозяйство ещё не на нуле, но почти... Жить в моей палатке будешь или свою поставишь?

Я решил поставить свою. Облюбовал место на краю посёлка, недалеко от вертолётной площадки. В этот же день смастерил в палатке нары и стол – дело привычное. Раскатал на нарах спальник. Установил печь из тонкого листового железа – такими у нас весь экспедиционный склад в Камешке был завален, на сезон такой печки хватало. Обустроившись, пошёл знакомиться с буровиками.

Свободная смена уже проснулась, готовилась идти на вышку.

– Володя Первов, бурильщик, – представился невысокого роста мужчина, теребящий сосок умывальника.

Разговорились. Он обрисовал мне всю унылую ситуацию с бурением скважин. Но вскоре перешёл на быт:

– Осень приходит, там и зима, а живём на улице. Кормимся сами, столовой всё нет и нет, выбор продуктишек так себе. Перин не умел с начальством разговаривать, интеллигент, грамотный, но тихоня, вот и поплатился. А мы, работяги, расхлёбываем. Это хорошо, что наша бригада терпеливая, к геологии привычная, а так давно бы разбежалась. Да и вторую бригаду пора комплектовать, буровой станок для неё всё лето без дела на площадке лежит...

Вечером вдвоём с Володей Соловьёвым, сидя у меня в палатке, чесали затылки, тёрли лбы, прикидывали, как дальше жить будем.

Володя был прекрасным геологом, всегда работал на поисках, ходил в маршруты. Забайкалец, гуран, как называли там полукровок-казачков, с кривоватыми быстрыми ногами и гладким безбородым лицом, но с тонкими, редкими усиками, он был громким и весёлым человеком. Никогда не унывал. Никакое лихо его не брало. Согласился возглавить геологическую службу Фёдоровской партии, оставив любимые маршруты, и окунулся в стационарные оценочные работы, но не унывал, потому что видел перспективы в Фёдоровке. Геолог в нём был превыше всего. Увы, лет через пять, уже без меня, ему изменила жена, сбегала из посёлка с другим, и Соловей, как мы его называли, сломался, стал выпивать, бросил геологию и уехал на родину, устроился куда-то не по профилю.

Но мне досталось счастливое время, когда Володя кипел энергией и идеями. Такими же оказались ещё два моих помощника: буровой мастер Александр Степанович Фаустов и горный мастер Николай Александрович Гизатулин. Хотя едва ли они были моими помощниками, скорее

учителями. У каждого лет по тридцать в геологии, а у меня, почти мальчишки, только пять. Вскоре к нам устроился техником-геологом Олег Умутдинов. Он, холостяк, не рвался с Фёдоровки, и вскоре я начал оставлять его вместо себя, когда вылетал на базу. Олег легко справлялся и с геологической, и с управленческой работой. А там и механик партии Степан Иванович Резник подрос. Человек непростой судьбы, интеллигентный, спокойный и до тонкостей знающий своё механическое дело, он вскоре стал незаменимым в партии. Горело всё в руках и у бурильщика Володи Никулина. На спор с завязанными глазами он разбирал и собирал небольшие двигатели от водяных насосов и бензопил, мог управлять любым транспортом. Вскоре Никулин окончил специальные курсы и стал буровым мастером. Мы с ним сдружились ещё в прежней, Сакволаасской партии, он стал моим другом, и жёны наши дружили. Когда я уехал на Камчатку, Володя перебрался ко мне. Работал буровым мастером, но вскоре трагически погиб. Жена увезла его в родной Междуреченск, похоронила там.

Вот так крепко я обжился на Фёдоровке. И работали мы дружно, хотя работать было совершенно невозможно из-за острой нехватки всего и вся. Поэтому я понимал и до сих пор понимаю героев Владимира Власова. Владимир Аскольдович сермяжную правду написал о геологоразведке своего да и моего времени. Героическое и романтическое было время, но трудное. И оно нас закаляло, делало настоящими людьми. Тогда в геологию многие приходили или в поисках себя, или убегая от себя. Геолог Олег Куваев написал об этом роман «Правила бегства». Но ещё прежде, чем куваевский роман увидел свет, о бегстве человека от себя написал кемеровский поэт Геннадий Юров в замечательной поэме «Борискин ключ».

Кто-то может сказать, что Юров подпортил поэму идеологизмами, о которые нет-нет да и спотыкается читатель. Но я не соглашусь с этим. Автор писал искренне, он был человеком своего времени, оно, а не другое, досталось Юрову, и он описал честно.

Но речь не об этом, речь всё-таки о бегстве к себе. Или от себя. Геннадий Юров с детства был влюблён в романтическое название реки Амгуэмы. Она на Чукотке, течёт в Ледовитый океан. Туда на золотые прииски и уехал однажды поэт. Зачем, почему? А вот прочтите строки из его поэмы «Борискин ключ»:

*И в заполярной белой дали,
Где Чаунской губы изгиб,
Случалось, люди погибали,
А я, случилось, не погиб.
На полюс льдины провожая,
Вдруг понял я на берегу:
Выходит, от себя бежал я,
А думал, что к себе бегу.*

Туда, в Заполярье, он убежал от себя. Там очистился от наносного и ненужного, там окреп душой. И стал, как назвал позже сам себя, «самым главным геологом на прииске слов». Задумано, конечно, но он же поэт. И вернулся Юров в Кемерово помолодевшим, многое понявшим в жизни. И всегда помнил о далёкой Амгуэме, перестроившей его поэтическую душу.

Ушла в прошлое геология Власова, как и моя. Сегодня она совсем другая. Но нынешние геологи, если они настоящие геологи, завидуют нам. И хотят знать о нашей геологической жизни, наших маршрутах и наших кострах, наших любовных грёзах и жажде открытий. Ведь открывали рудопроявления и месторождения мы не в кабинетах, сидя за компьютерами, а в поле: в тайге, тундре, горах, степи и пустыне. Ножками ходили. В руках у нас были геологические молотки с длинными ручками – ими удобно колотить камни. А в душах пылала романтика, в сердцах – любовь к нашей замечательной профессии. Современным геологам именно мы собрали живую полевую информацию, которую они внесли в компьютеры и теперь рисуют целые объёмные блоки земной коры, отыскивая полезные ископаемые. Без нас они были бы слепыми. Поэтому и уважают нас, и хотят знать о нас, и читать наши книги. В том числе и давние, увы, забываемые книги Владимира Аскольдовича Власова.

А закончить хочется фрагментом стихотворения камешковского, томь-усинского геолога Владимира Корнюшина. Его давно нет на земле, а стихи помнятся.

*Мы с вами вспомним в трудный час,
Забыв о боли,
О том, что где-то пьют за нас,
За тех, кто в поле.
И легче станут рюкзаки.
Так выпьем, что ли,
За тех, кто в поле, мужики.
За тех, кто в поле!*

Октябрь – ноябрь 2020 г.
г. Петропавловск-Камчатский

ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

**Геннадий ИВАНОВ. Для укрепления
духа: Размышления на карантине //**
Российский писатель [Сайт]
URL: rospisatel.ru/ivanov_g-kar.html

«ВАС ВЕДЬ И УБИТЬ МОГУТ...»

Одна из публикаций Ольги Николаевны Решетниковой, историка-болгариста ... напомнила мне об одной из самых замечательных поездок в моей жизни.

1991 год, ноябрь. Наше посольство в Болгарии ... пригласило писателей Василия Ивановича Белова, Эрнста Ивановича Сафонова, Юрия Михайловича Лошица и меня побывать в Болгарии, повибступать, поездить и посмотреть страну. И сегодня, по прошествии многих лет, хочется ещё им сказать много раз спасибо и спасибо. Мы и Шипку видели, и разные городки, и софийские храмы... И побывали на окраине Софии в Княжевском монастыре, где нас почти породственному принимала игуменья матушка Серафима. Она мне очень напомнила матушку Варвару, игуменью Пюхтицкого монастыря в Эстонии, царство ей небесное. Они обе так переживали за Россию, за всё, что творилось тогда. Обе были в курсе всех московских событий, обе много молились за Россию. <...>

Особое внимание тогда матушка Серафима обратила на Эрнста Ивановича Сафонова. Он тогда был главным редактором боевой, очень популярной и очень интересной «Литературной России», которая не приняла «демократические» перемены, ведущие страну к потере суверенитета и народным бедам. Газете угрожали закрытием, встречи с читателями нередко отменялись, например по причине заложенной бомбы. Я два раза попадал на такую отмену встречи авторов «ЛР» с читателями.

Матушка Серафима, видимо со слов Ольги Решетниковой, сопровождавшей нас, была в курсе позиции газеты и всего, что переживает Эрнст Иванович. Она ему сказала: «Вам трудно

приходится...» Сафонов согласился: «Да, нелегко». Ольга Николаевна приводит этот разговор, который завершился так словами матушки Серафимы: «А знаете, будет ещё тяжелее, очень тяжело будет... Вас ведь и убить могут. А если убьют, слава Богу».

Я тогда, видимо, тоже всё это слышал, так как сидел рядом, но с годами забыл. Или, может быть, такие слова я порою слышал от сильно верующих людей, например писателя Владимира Крупина, поэтому как-то не очень и удивился... Но, читая статью Решетниковой, вдруг поразился этим словам. Конечно, это было сказано для укрепления духа писателя, бьющегося за Россию. Умереть за Бога, умереть за Россию... В нашей общественной жизни этого понятия уже нет, только в церкви.

Эрнст Иванович, оказывается, потом несколько раз прилетал в Софию, просил отвезти в Княжевский монастырь, подолгу беседовал с игуменья. Ольга Николаевна пишет, что в день безвременной кончины Эрнста Ивановича в монастыре отслужили панихиду по нему. В святом крещении он был Филипп.

НАШИ НЕУЛЫБЧИВЫЕ ЛИЦА

Тема наших русских лиц нередко всплывает в печати, особенно иностранной. Мы иностранцам видимся сумрачными, угрюмыми, одним словом, не улыбающимися. Да, мы не очень улыбаемся на улице. Считаем, что смех (улыбка) без причины – признак дурачины. Считаем, что их улыбки зачастую искусственные, а мы любим всё естественное... Что-то в этом роде ещё можно наговорить, но вот что по этому поводу писал знаменитый европейский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926).

Одно время меня увлекла тема отношений этого изысканного европейца и нашего тверского поэта-крестьянина Спиридона Дрожжина, и я встретил такие слова Рильке о душевном строе русского человека: «Жизнь русского человека целиком протекает под знаком склонённого чела, под знаком глубоких раздумий, после которых любая красота становится ненужной, любой блеск – ложным. Он поднимает свой взгляд лишь для того, чтобы задержать его на человеческом лице, но в нём он не ищет гармонии или красоты. Он стремится найти в нём собственные мысли, собственное страдание, собственную судьбу. Русский человек в упор рассматривает своего ближнего; он видит его, и переживает, и страдает вместе с ним,

как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья. Этот особый дар виденья и воспитывал великих писателей: без него не было бы ни Гоголя, ни Достоевского, ни Толстого».

А что касается отношений Рильке и Дрожжина, то я попробовал выразить их в стихотворении:

ДРОЖЖИН И РИЛЬКЕ

*В тверской деревеньке Низовке
Дрожжин Спиридон проживал.
Забыв о московской тусовке,
Здесь Рильке в Низовке бывал.
В восторге он был от деревни,
Душой полюбил Дрожжина,
Читал его стихотворенья
И переводил его на
Немецкий язык, и о Боге
Они говорили, бродя
По тихой пустынной дороге,
За птицами в небе следя...
Они выходили на Волгу,
И Рильке глядел и глядел
На русскую реку подолгу
И всё уезжать не хотел.
Потом будет Африка, много
В судьбе его будет дорог...
Но тёплого русского Бога
Забывать никогда он не мог.
То снилась поэту икона,
То вид на поля из окна...
И помнил всегда Спиридона
В Низовке своей Дрожжина.*

Рильке часами беседовал с Дрожжиным о Боге, они бродили по болотам, по берегам Волги. В своём дневнике Рильке записал: «На Волге, на этом спокойно катящемся море, быть дни и ночи,

много дней и ночей. Широкий-широкий поток, высокий-высокий лес на одном берегу и низкая луговая равнина на другом. Большие города там не выше хижин или шалашей. Заново переосмысливаются все измерения. Постигаешь, что земля необъятна, вода – нечто необъятное и необъятно прежде всего небо. Что я видел раньше, было только изображением земли, и реки, и мира. Но здесь это всё само по себе. Я словно воочию видел сотворение мира; смысл всего – в немногих словах, мера вещей – в руках Создателя».

Именно в русском народе европейский поэт увидел очень сильное творческое начало, залог выхода из тупика цивилизации. «Если говорить о народах, как о людях, которые находятся в процессе развития, то можно сказать: этот народ хочет стать солдатом, другой – торговцем, третий – учёным; русский народ хочет стать художником», – писал он.

Рильке издаст много книг, напишет глубокие статьи о художниках и скульпторах, будет путешествовать по Африке, у него будет несколько захватывающих романов с женщинами, он будет жить в замках, много чего у него будет в жизни, но на закате дней своих в одном из писем он напишет: «Решающим в моей жизни была Россия... Россия стала в определённом смысле основной моей жизни и мировосприятия».

Многие из нас всю жизнь повторяют про себя какие-то строки разных поэтов: то одно всплывает, то другое... Вот эти строчки Рильке в переводе Анны Ахматовой нередко всплывают у меня в душе в какие-то моменты жизни:

*Одиночество, зовам далёким не верь
И крепче держи золотую дверь –
Там за нею желаний ад.*

Подготовил С. Донбай

БЕЗ РЕГЛАМЕНТА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2019 ГОД

На традиционном обсуждении журнала за минувший год особенно не разбежись: регламент. А впечатлений от публикаций за это время накопилось немало. Формат заочного круглого стола в этом случае позволяет значительно раздвинуть стены кемеровского Дома литераторов.

Впечатлений предостаточно, как предостаточно в «Огнях Кузбасса» и содержательных рубрик: «Поэзия» и «Проза», «Библиотечество» и «Русская школа», «Публицистика» и «Критика. Литературоведение». Это впечатляет, конечно, но далеко не исчерпывает всей россыпи предлагаемых журналом материалов.

Если в двух словах о впечатлениях от поэзии, то порадовала поэтическая почта из Мысков со стихами Елены Воробьёвой:

Я далека от Голливуда,
Мне совершенно всё равно,
Кто там и с кем, и кто откуда,
И даже, каюсь, их кино.
Я далека от Канн и Ниццы
И от Парижа далека –
Легко живу без границы,
Хоть жизнь в России нелегка.
Хоть Русь давно уж не святая
И россияне ей под стать,
Сбежать отсюда не мечтаю,
Ведь от себя нельзя сбежать.

Это лишь один из примеров, когда «вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке». Из тех примеров, когда лирический образ-переживание исповедально искренен, как у братьев-преерафаэлитов, реалистично ясен и фантастично прост, психологически убедителен и социально обусловлен. Из тех примеров, когда поэт выводит читателя далеко за рамки частной биографии, а стихи традиционно и каждый раз неповторимо по-своему говорят «о времени и о себе».

Так же просто, незамысловато и проникновенно слагает свои стихи для взрослых о детях и кемеровчанин Сергей Чернопяттов:

Грусть на лицах у девочки с мальчиком,
Опустела давно группа средняя.
Как старик со старушкой на лавочке
Те, кого забирают последними.

Нам говорят, что поезд реалистического искусства ушёл-де в безвозвратное прошлое. А мы и с прошлым сегодня накоротке: в шестом номере проект

Иосифа Куралова «Говорит XXI век» предваряет юбилейная страница, посвящённая поэту золотого века Якову Полонскому, который был младшим современником Пушкина и Лермонтова, общался с Некрасовым и Тургеневым, Салтыковым-Щедриным и Чеховым. Его бесспорному поэтическому дару отдавали должное Белинский с Добролюбовым и Щедриным, не говоря уже о Фете и Тургеневе, который говорил об «отблеске пушкинского изящества» в стихах юбиляра... Но «поэт в России – больше, чем поэт»... Полонский, например, полемизировал по этому поводу с демократическим крылом «Современника», что не мешало Некрасову печатать его в своём журнале; а тот откликнулся на смерть оппонента такой вот уважительной эпитафией:

Поэт и гражданин, он призван был учить,
В лохмотьях нищеты живу душу видеть,
Самоотверженно страдающих любить
И равнодушных ненавидеть.

О тех же идеалах искренности, ясности и простоты мы вспоминаем под впечатлением от реалистической прозы на примере предложенной читателю в первом номере журнала повести Александры Китляйн «По дороге и по судьбе». Она, можно сказать, демонстративно традиционна. Не с Карамзина ли с Радищевым мы знакомы с жанром путешествий из пункта А в пункт Б? И не Пушкин ли с Лермонтовым подхватили обычай отправлять своих героев в путешествие по своей или казённой надобности, дабы они могли «взглянуть окрест себя»? И не Некрасов ли с Тургеневым закрепили и сделали традиционным этот жанр в отечественной литературе, к которому уже в новое время обратился в своих поэмах «Страна Муравия» и «За далью – даль» Александр Твардовский? И не с пушкинского ли Белкина и вплоть до «Маленькой трилогии» Чехова мы наслаждаемся композицией рассказа в рассказе? Не с подачи ли гоголевской «Шинели» тема «маленького человека» утвердилась в литературе золотого века?..

С таким контекстом мы можем говорить о продолжении классических традиций в повести нашей современницы, и та же новинка способствует актуализации, то есть перечитыванию заново, классического наследия. А процесс актуализации искусства прошлого, в свою очередь, помогает нам по достоинству оценить предлагаемую сегодня прозу, которая встраивается в ту или иную традиционную парадигму. Ослабление такой переклички может иметь катастрофические последствия для литературного процесса. «И тогда, – с горечью констатирует заведующий кафедрой новейшей отечественной литературы МГУ им. Ломоносова М. М. Голубков, – мы вынуждены будем заниматься уже реактуализацией, реанимируя исчезающие связи»*.

* Литературная Россия. 2020. № 5.

Задачу актуализации решают сегодня и наши «новые реалисты». Ну и что, что кто-то из них до сих пор путается в сетях декаданса? Важно, что они решили порвать с ним. Что с того, что они «новые», то есть ещё не переболели, не избавились пока от аллергии по отношению к традиционному художественному методу? Важно, что они признали за реализмом основополагающую платформу. Ну и что, что репетиловский шум известного толка критиков глушит в стремлении с ног на голову «отрефлектировать» их отважный почин? Москва тоже не сразу строилась...

Повесть Китляйн созвучна в этом отношении «новому реализму», но она – и не одна она – ориентирована на добрый старый критический реализм. На одном из недавних круглых столов, которыми время от времени взбадривают современников толстые литературные журналы, был озвучен призыв отрефлектировать наше отношение к теме «маленького человека»: «Как говорится, со всем моим уважением, но сколько можно? Пора бы уже «маленькому человеку» и подрасти»*. На что в этой связи мне хотелось бы обратить внимание читателя? Во-первых, если не сбрасывать со счетов литературу советского периода, то «маленький человек» пошёл в рост сразу после Октября – например, те же образы Морозки с Метелицей. Помнится, что я на эту тему в самом конце XX века даже статью под названием «Воскресение» написал**. А что касается сегодняшней ситуации, то (пишу по памяти), как говорили наши предки, «дневи довлеет злоба его» (нам и сегодняшних, мол, забот хватает), то есть мы с нашим «новым реализмом» ещё не доросли до критического реализма, где этого «маленького человека» только и делают, что жалеют, жалеют, жалеют... А куда было деваться в XIX веке? И нам ли сегодня – выгляните на двор – не перечитывать заново поэта золотого века:

*Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая – страдания народа
И что поэзия забыть её должна.
Не верьте, юноши! Не стареет она.*

К чести автора нашей новинки, чувствуется, что она работает на плодородной ниве новой и новейшей русской литературы. Образ предприимчивой Алевтины, например, продолжает тему одного из крупного плана персонажей романа Достоевского «Преступление и наказание». Это ведь господин Лужин, вывернув наизнанку теорию «разумного эгоизма», предлагал обустроить Россию на основе частного интереса: все, дескать, будут жить весело и вольготно, если каждый из нас будет заботиться только о себе. А у Китляйн такого же резко отрицательного типа героиня камня на камне не оставляет

от этих насквозь лживых и, по сути, глубоко эгоистичных разглагольствований. «Врёт он всё, Лужин ваш! – с головой выдаёт она своего предшественника и с откровенным цинизмом режет правду-матку тётушке по мужу, отвечая на вопрос о том, когда же все будут жить в таком довольстве, как она сегодня: – *Никогда! Чтобы некоторые жили богато, надо, чтобы большинство жило бедно. Чтобы кто-то был сыт, многие должны быть голодными. Закон такой!*»

А сама Ульяна по воле автора, дистанцирующегося от «новых реалистов», пришла к нам из той литературы, где «маленький человек», униженный и оскорблённый, стал выпрямляться. Кто ещё из литературных героев кроме уже названных выше фадеевских был предложен читателю в качестве примеров в упомянутой выше статье? Этот ряд начинался с горьковского Сатина, а после романа «Разгром» шли примеры с Кожухом из «Железного потока» Серафимовича и Валькой-дешёвкой из «Иркутской истории» Арбузова. В этом ряду находит своё место и Ульяна из повести «По дороге и по судьбе».

Судьба Ульяны у Китляйн складывается без малейших намёков на какую бы то ни было политическую активность. И тем знаменательнее прозвучавшее в её устах суждение о решающей в конечном счёте исторической роли народа, перекликающееся с известной заключительной пушкинской ремаркой в трагедии «Борис Годунов». «Муж мой, – рассказывает она своей попутчице, – *алкоголик и наркоман, как мы расстались, с друзьями ограбил сорок пятый магазин, рядом с которым квартиру снимали. Сторожа они убили. Так и сел снова. В тюрьме и помер. Родителям весточка была. Сима (сестра мужа. – Прим. авт.) узнала, поплакала, а я нет. Его жизнь ни от меня, ни от семьи, ни от самого государства не зависела. Неутверждённая, губительская душа у него была и у Алевтины этой (дочь Симы. – Прим. авт.) ... такая же. Слова её как вражеские... Да разве ж можно против целого народа заявлять? Грех-то какой! По её выходит, что народ-то во всей жизни ни при чём? От него уж ничего не зависит. Или как?*»

Вот вопрос! Настоящий камень преткновения для наших «новых реалистов»...

Теперь что касается литературной публицистики, критики и литературоведения. Материалы прошлого года позволяют высказаться аж по трём позициям. Во-первых, вселяет надежду на сохранение нормального литературного процесса единомышленники, с которым ряд литераторов оценивают предшествующую литературную эпоху, от которой мы поспешили наглухо отмежеваться, а кое-что и подзабыть. Так, Игорь Золотусский цитирует для нас в своей статье Руслана Ляшева и свидетельствует: «*Это был великий взлёт нашей русской литературы*»***. Похожим образом, без оглядки на пресловутую политкорректность, обозначил свою позицию Владимир Крупин:

* Зная. 2019. № 11.

** Елатов В. Литературный калейдоскоп // Остаюсь учителем: Сборник статей. – Новокузнецк: Союз писателей, 2014.

*** Огни Кузбасса. 2019. № 5.

«Я ... свидетель, я выросал в советское время, со-
зидался в нём как личность, и меня глубоко оскорб-
ляет твяканье либеральных писак и либеральных ра-
дио- и телетрепачей»*. А автор из Сочи Валерий Ру-
мянцев свою обеспокоенность по поводу
сложившейся ситуации выразил уже в самом назва-
нии статьи «Убьют ли русскую литературу?»**. Я пол-
ностью разделяю его беспокойство, когда он пишет
о борьбе на идеологическом фронте: нам хотят вну-
шить, что не было ничего значительного ни в совет-
ской литературе, ни в классике XIX века. И о Дми-
трии Быкове, на которого он ссылается в качестве
характерного примера, я того же мнения: своим
кратким курсом советской литературы он мне на-
помнил учителя словесности Костыку в рассказе Ку-
прина «Исполины».

Во-вторых, читателя не мог не заинтересовать
состоявшийся в минувшем году диалог двух извест-
ных в Кузбассе писателей, посвящённый творчеству
их коллеги по литературному цеху Александра Брю-
ховецкого. Здесь уже не наблюдалось отмеченного
выше единодушия, что опять-таки не может не заин-
тересовать вдумчивого читателя: такая работа с ма-
териалами делает честь редакции нашего литера-
турного толстяка. А от нас требуется в таком случае
разобраться в собственной позиции по рассматри-
ваемому вопросу, поскольку обе публикации, как го-
ворят в библиотеках, находятся в открытом доступе;
мне остаётся поделиться с читателем впечатления-
ми и соображениями.

Как читатель, слушатель и зритель я не люблю в
искусстве вообще и литературе в частности экспери-
ментов ради экспериментов, разного рода головоло-
мок и зауми, то есть всего того, чем изначально ме-
чено искусство декаданса. О творчестве Брюховец-
кого представление уже имею, так как не раз
принимался за чтение его произведений. Сквозь ча-
стокол пресловутой «другой литературы» в его сочи-
нении «За пять минут до пробуждения» я так и не
смог продрасть даже с третьей попытки: не в коня,
что называется, корм. Допускаю, что кому-то это мо-
жет нравиться. Повторю за Цветаевой её суждение о
Достоевском: он ей-де «не понадобился». Мне такой
Брюховецкий тоже без надобности.

Я имею в виду здесь не политику, даже не иде-
ологию, а художественный метод. Напиши, напри-
мер, о событиях из произведений Брюховецкого та
же Улицкая (мой идеологический оппонент), я бы с
интересом прочёл от корки до корки. Я с ней редко
соглашаюсь, но говорим-то мы с ней на одном язы-
ке – языке реалистического метода. А мой земляк
инфицирован вирусом упадочного искусства, и тут я
умываю руки. Какой там Гоголь! Какой вам ещё Сал-
тыков-Щедрин, когда тут таким Маркусом потянуло,
что хоть святых выноси!

«Казус Маркуса» по праву венчает «эксперимен-
тальный дискурс» в современной американской про-
зе. Этот писатель принципиально ничего не желает
знать о той реальности, которая обозначена – просто
названа – в его произведениях. Седарис и Барт, Бар-
тельм и Сонтаг, по крайней мере, знали то, что они
подвергали решительной реконструкции. Бен Мар-
кус отказывается знакомиться с тем, что, где, когда
и с кем происходило на самом деле: «Мне легче со-
средоточиться на том, о чём я ничего не знаю, – так
лучше выдумывается». Чем бы, как говорится, дитя
ни тешилось... Например, в своём романе «Выда-
ющиеся женщины Америки» местом действия он вы-
брал штат Огайо именно потому, что ничего о нём не
знал. Что ж, если таким же белым пятном для Марку-
са является Россия, одной из своих очередных выду-
мок он может осчастливить и нас. Так или иначе, но в
практику книгоиздания наряду с привычными указа-
ниями на жанр: «научная фантастика», «детектив»,
«фэнтези» – давно уже просится и «ремейк», ибо с та-
кого рода «реконструкциями» мы сегодня имеем
дело не только в Америке и не только в художествен-
ной литературе. Пусть такая серия станет столь же
легко опознаваемой для читателя и пусть названные
здесь авторы станут такими же опознавательными
для неё знаками, как, например, для детектива имя
английской писательницы Агаты Кристи, а для науч-
ной фантастики – американцев Айзека Азимова и Рэя
Брэдбери.

О реальной Америке, о причудливых узорах со-
временного американского образа жизни мы получа-
ем представление из калейдоскопа добротной аме-
риканской прозы***.

В рецензии Виктора Арнаутова я нашёл рассказы,
которые были прочитаны мной ранее в периодике,
прочитаны до конца и, помнится, с возвращениями к
отдельным страницам с целью понять автора. В своё
время (если память не подводит, в «Арапе Петра Ве-
ликого»), говоря о писателе, Пушкин высказал своё
понимание этого рода деятельности: нет ничего бо-
лее полезного и приятного, чем следовать за мысля-
ми великого человека. С Брюховецким у меня и
здесь не получилось: полный, как говорит продвину-
тая молодёжь, облом! Чем больше вникал (чем даль-
ше в лес – тем больше дров... наломал сочинитель!),
тем меньше я понимал. Не в коня корм!

Но, будучи литератором, то есть человеком не
только читающим, но и пишущим, я предпринял ещё
одну попытку расширить своё представление о со-
временных экспериментаторах, которые у опреде-
лённой части критиков находят понимание и под-
держку и получают благословение. Принялся за по-
следнюю подборку рассказов в «Огнях Кузбасса»,
прочёл рассказ об Иване Елдыгине, задумался.
Стал, перечитывая, искать причину своего читатель-

* Там же.

** Огни Кузбасса. 2019. № 2.

*** Елатов В. Литературный калейдоскоп // Остаюсь учите-
лем: Сборник статей. – Новокузнецк: Союз писателей, 2014.

ского неудовлетворения, что-то стало проясняться. Ну конечно же! Я пытался понять, кто такой этот не помнящий родства Иван, как мы обычно воспринимаем реалистическую литературу. Не тут-то было! Логика здесь и не ночевала: если Елдыгин ещё в детстве, подстрекаемый своими дедушкой с бабушкой, «пулял камешки» в советского времени памятники, то сегодня он должен быть на коне. Но в сочинениях декадентствующих авторов (нет на них сегодня прерафаэлитов, вернувших во времена Полонского с головы на ноги английскую живопись!)* махровым цветом распустился алогизм. Я позволю себе ещё одну пространную выписку, чтобы вывести из-под удара художественный метод русской литературы XIX века. Дело ведь не в девайсах (от англ. device – приём, способ, средство художественной выразительности), а в том, с какой целью они применяются.

«Не менее калейдоскопична и современная американская проза. Как и в поэзии, замысловатое разнообразие создаётся главным образом «экспериментаторами». В ход идут любые формальные приёмы, создающие впечатление новейшего вавилонского столпотворения, где участники процесса не просто не понимают, но они и не обязаны понимать друг друга. «Дорогой Чарли, – вразумлял недоумевающего коллегу Уоллес Стивенс, – это не столь важно, что вы не можете понять моих или чьих-то ещё стихов. Важно только, чтобы сам поэт понимал их. Я понимаю свои; остальное не обязательно». Как прямое следствие такого «дискурса» отношения автора с читателем перестают быть не только доверительными, но и уважительными. «Читатель! – восклицает в рассказе «История жизни» известный постмодернист Джон Барт. – Ты упрямый, ни на что не годный, шалеющий от печатного слова ублюдок, ты, ты, я к тебе обращаюсь, к кому же ещё, – из самого нутра этой чудовищной прозы. (Так он отзывается о сборнике своих произведений, изданном в 2001 году в Санкт-Петербурге. – Прим. авт.) Так, значит, ты дочитал меня досюда? Даже досюда? Ради какой такой неведомой мне радости? Какого чёрта, спрашивается, ты не пошёл в кино, не врубил телевизор, не принялся глядеть в стену, не отправился перекинуться с приятелем в теннис...» Что ж, не будем давать лишнего повода профессору Барту для столь нелюбезного к нам обращения. Пусть он стряпает себе между подготовкой к университетским лекциям и их чтением свои «химеры» (по названию одного из его произведений), а мы займёмся тем временем чем-нибудь из того, о чём он так оригинально напомнил нам, либо почитаем что-нибудь из добротной американ-

ской литературы, благо что она не сводится к бартовского покроя выкрутасам с их душевными вывихами и отталкивающим, на манер гинзбергских воплей, цинизмом.

Воспитанный на добротной реалистической литературе российский читатель сегодня сплошь и рядом недоумевает: как можно так извращать десятилетиями, веками и тысячелетиями устоявшиеся представления, будь то мифология, история или классическая литература? Оказывается, можно, если мы имеем дело с так называемым экспериментом. Тут подошло бы определение, которое Воннегут адресовал своим «коллажам»: «Все истины, которые я хочу изложить вам, – гнусная ложь». Речь идёт о реконструкциях, ремейках, которые так или примерно так современное искусство осваивает – и не только в литературных студиях, и не только в Америке**.

Вот откуда сумбур в сочинениях Брюховецкого. Это как небо от земли отличает использование гротеска в реалистических произведениях Гоголя и Салтыкова-Щедрина от декадентских «конструктов». Диалог Владимира Иванова и Виктора Арнаутова показал, что оба они в этом прекрасно разбираются. Всё дело в том, что одному композиции Брюховецкого нравятся, а у другого вызывают горькое, как и у меня, сожаление: и ты, наш талант, наша надежда и гордость, и ты туда же!.. А Полонский-то, кстати, символизма, с которого ведёт отсчёт упадочное искусство, в том числе и английская живопись конца XIX века, так и не принял. Не в коня корм...

На третье в условиях стационара едва ли нашлось бы время: регламент! А при заочном обсуждении становится возможным отметить в заключение разговора о публицистике, критике и литературоведении, что в унисон с настоящими заметками прозвучали в рамках проекта «Говорит XXI век» яркие публицистические миниатюры Ольги Пинигиной из Новокузнецка***. Тут вам и «реализм в квадрате», когда изображение быта в художественном произведении не противопоставлено его социальному содержанию, и предчувствие юбилейного для Некрасова года, вылившееся в перекличку с Полонским, высоко оценившим гражданский подвиг поэта, и та продекларированная братством прерафаэлитов искренность, та ясность и простота, с какими только и следует писать для детей (я бы включил сюда и детей вполне изрядного возраста), не замораживая их не первой свежести «экспериментами».

Вячеслав ЕЛАТОВ,
г. Прокопьевск

* Ссылкой на прерафаэлитов я, как в своё время Маяковский Пушкину, «подсюсюкиваю» Брюховецкому-живописцу.

** Елатов В. Литературный калейдоскоп // Остаюсь учителем: Сборник статей. – Новокузнецк: Союз писателей, 2014.

*** Огни Кузбасса. 2019. № 6.

ПО ГЯЗНЫМ СЛЕДАМ

Так уж получилось, что В. Арнаутова как писателя знала только по публикациям в журнале «Огни Кузбасса». В основном это путевые заметки и публицистика.

И вот недавно мне в руки попала книга В. Арнаутова под названием «Литературная хроника», два тома, вышедшая в 2018 году. Обрадовалась. Захотелось прочитать, познакомиться с мировоззрением автора, его размышлениями о писателях. Тем более что в предисловии написано: «Книга рассчитана на исследователей литературного процесса первых двух десятилетий нового тысячелетия и всех, кому интересна эта тема». Интригующе...

ТОМ 1

Книга начинается с описания собрания Союза писателей, на котором рекомендовали В. Арнаутова в члены СП. И вот здесь, в описании собрания, неприятно поражают слова «подсустились и посодействовали» (стр. 6). Это про В. Иванова и С. Донбая. Как-то унижающе для обеих сторон. Далее, описывая рабочие моменты собрания, автор употребляет вульгаризмы типа (извиняюсь за В. А.) «хрен собачий» (стр. 8). Затем идёт описание точного количества алкоголя, подробное описание закуски. И это будет встречаться очень часто на протяжении всего двухтомника: кто сколько сдал денег, сколько бутылок водки (по названиям), коньяка, вина, пива куплено, кто сколько выпил, съел, кто на халяву, кто на свои кровные. Всё скрупулёзно подмечается и описывается. Читать это очень утомительно.

Сразу после собрания начинается активная деятельность весьма специфического характера. То, что В. А. активно и настойчиво пытается пристроить свои произведения С. Донбаю, В. Мазаеву или «хоть кому-нибудь», это понятно. Но вот что настораживает – позиция. «Я поздравил Бурмистрова с наградой. Поинтересовался судьбою моих документов, тот пообещал отправить их завтра же. Посмотрим...» Как-то уж больно многозначительно звучит это «посмотрим». Тут же: «Бурмистров принёс «мыльницу», снимает авторов-поэтов и их подборки для издания какого-то альбома, сборника или буклета. Якобы примут в этом участие и художники... А вот нами, прозаиками, никто не занимается. Даже тот несчастный сборничек – и то не найдут средств издать. А жаль... Надо будет как-нибудь надавить на Бурмистрова: пусть включает в план издания сборник – антологию прозы» (стр. 30). И эта фраза-приказ «пусть включает» звучит как-то несуразно от человека, который пока ещё не член Союза писателей. На творческой встрече в областной библиотеке дочь дарит

цветы В. Арнауту. Его реакция: «Приятно, конечно, но лучше бы эти цветы подарил кто-нибудь из чужих» (стр. 34).

В дальнейшем открывается и его отношение к критике, явно нетерпимое. «Как-то уж очень прохладно отнёсся к моей повести «Приоткрылись родимые дали» В. Иванов. Посмотрим, что по этому поводу скажет Кругляков».

«Кругляков: «Ну, я почитал твою повестушку... Надо бы встретиться, поговорить...» Судя по тому, как он обозвал её повестушкой, хорошего отзыва ждать не следует. Впрочем, и у него самого далеко не повестища!...» (стр. 35). Без комментариев с моей стороны. Читаю далее. В разговоре с С. Печеником на его сетование, что книга плохо продаётся, В. Арнауту негодует: «Просто иногда диву даюсь, насколько у нас стал непробиваемый и скупой народ. Деньги тратятся в невероятных количествах на всякую чушь, а вот купить книжку или спонсировать её издание – увольте... Да на месте ректора или профкома той же медакадемии можно было скупить весь тираж на сувениры своим сотрудникам. Ну что такое, к примеру, 10 тысяч рублей для института? Даже из ректорского фонда это не было бы слишком накладно» (стр. 43).

Ну что тут скажешь? Мало того что командует, чем заниматься председателю Союза писателей, так уже и ректорский фонд медакадемии просчитал и решил, что им будет не накладно. Откуда такие сведения? Причём в стране этот самый скупой народ не получает зарплату месяцами и «на всякую чушь» уж точно не тратит деньги.

Далее попадает Арнауту на рабочие обсуждения предстоящего 70-летнего юбилея В. Ф. Матвеева. Идёт обмен мнений Бурмистрова, Донбая, Каткова, Печеника.

Печеник высказывает своё, несогласное мнение. Это обычные рабочие моменты в обсуждении. И вот запись В. Арнаутова: «Всем троим вслух возразил лишь Семён Печеник. Никак не ввязались ни в охаивание, ни в защиту Матвеева Кругляков и Иленко. <...> Хотя и робко, но я поддержал Печеника...» (стр. 44) «Пискнул», так сказать, но не услышал, что говорили Бурмистров, Донбай, Катков. Хотя записал их слова, но не вдумался, что они говорили. Не было ни охаивания, ни защиты. Просто обсуждения.

Далее. Пока ещё не член СПР, Арнауту напрашивается на празднование 40-летия писательской организации.

Идёт вручение медалей (с премиями, уточняет В. А.). Награждают Ст. Куняева. И тут же звучит возмущение Арнаутова: «Куняеву-то за что?!» И описывает его: «С. Куняев смотрелся таким московским, столичным барином, знающим себе и своему положению цену (причем заслуженно! – Прим. авт.), к нему допускались как к барской ручке... Зато мне удалось пробраться к мэтру и даже зафиксироваться на видеоплёнке чокающимся

с ним». И, видимо, прикасание к «барской ручке» настолько вскружило Арнаутову голову, что подумал: «А подтверждения о моём членстве в СПР до сих пор нет. Неужто до сих пор этот вопрос там не рассматривался?! Отлуп?! Могли бы под такую дату и подсуетиться...» (стр. 56). А спустя месяц, появившись в Союзе, пишет: «В самом офисе всё те же лица и завсегдатаи: Бурмистров, Катков, Иленко, Баянов, Кругляков». И это о председателе СП, о главреде журнала, о заместителе председателя и ответственном секретаре, о члене редколлегии журнала! Этим «лицам» там и положено быть. На 60-летнем юбилее С. Донбая.

«Как и положено, открыл юбилейный вечер Б. Бурмистров, сказал добрые, тёплые слова в адрес юбиляра. (Кстати, замечая, что такие слова говорят либо на юбилеях, либо на поминках или поминальных вечерах.) Практически все говорили тепло и душевно».

Такое неуместное, издевательское сравнение...

С сентября В. Арнаут становится членом СПР. И облик его уже прорисовался. Он ещё более активно и уверенно расширяет круг знакомств, более расширенно знакомится с творчеством кузбасских писателей. Очень показательно его описание отчётно-перевыборного собрания, в котором Арнаут участвует уже как член СПР. Не может обойтись без сарказма в сторону председателя Союза писателей. Затем: «Предложение о совете старейшин (на правах членов правления, куда бы вошли В. Махалов, В. Баянов, В. Мазаев, Г. Юров) поддержки не получило. Точнее, заболтали, заговорили и тихо забыли. <...> Таким образом, их практически устранили от правления СПК. Хитрый ход получился!» (стр. 81).

Какой хитрый ход усмотрел Арнаут, я не поняла. В. Баянов ещё оставался главредом «Огней Кузбасса» до 2004 года; В. Мазаев был в редколлегии «Огней Кузбасса», курировал прозу; В. Махалов, получивший в 2000 году литературную премию им. Фёдорова, активно участвовал в жизни СП; Г. Юров – член редколлегии, с 2001 года главред созданного им альманаха «Красная Горка». Видимо, идея старейшин была преждевременной, но уж никак «хитрым ходом» назвать её нельзя. От кого и для чего этот «хитрый ход»?

Далее по ходу книги идёт обживание писательского пространства. Встречи, разговоры, поиск спонсоров, издание и продажа своих книг, чрезмерная озабоченность продвинуть свои рукописи в какие-нибудь журналы. Очень утомительная отчётность о вечеринках, не в плане творческих разговоров и обсуждений, а всё то же: подробное перечисление алкоголя, закуски и т. д.

Слишком однобокое описание жизни СП, зацикленное на себе.

В конце года Арнаут получает членский билет и даже тут не удерживается от колкости: «А ничего особенного – книжница весьма скромная, правда

краснокожая; могли бы на корочке хотя бы и орла посадить для солидности» (стр. 100).

Следующий, 2003 год проходит в знакомствах, поездках, чтении и критике книг писателей. Выход новой книги. Казалось бы, живи, радуйся, образывайся. Так нет же: «Вышел 12-й номер «Москвы». Меня опрокинули. Рассказ мой не напечатали. Обидно. Уж какая причина, не ведаю. А может, и наши что-то мудрят: отобрать отобрали, а выслать не выслали. Слабеньким утешением является, что в нём не оказалось и Лавряшиной» (стр. 103).

«Забежал в Союз писателей. Там всё то же. Кучкуются и втихаря выпивают. Никаких новых вестей. Или мне не сообщили ничего нового». А самому что, спросить нельзя? Почему ему должны докладывать новости? Ведь он только забежал. И вообще – вот это отношение к собратьям по перу... Эта вечная подозрительность... А как «порадовался» за Лавряшину! Вот оно! Собственная прорисовка характера. И ни разу не мелькает мысль, что, может быть, рукопись слабовата, нужно поработать, улучшить. Так нет же. Постоянно свои неудачи валит на коллег, власть и т. д.

Вот и ещё: пытается провести Игоря Петрова кандидатом на приём в СП. Против С. Донбай, А. Ибрагимов, В. Мазаев. Вместо того чтобы поразмышлять над сказанным, Арнаут опять ищет причину в том, «кому или где Игорь мог перейти дорогу?», подозревая и Донбая, и Ибрагимову, и Мазаева в том, что они вообще не читали Петрова. А почему было не встретиться с кем-нибудь из них и поговорить о слабостях произведения, заодно и убедился бы, читали они его или нет, а не высказывать свои домыслы и предположения.

Думаю, что подобная практика ведения дел негативно сказалась и на Игоре Петрове.

Ну а пока написана эпиграмма: «В нашем доме – с дедушкой Мазаем – отмахалят, забаянят, раздонабят» (стр. 158).

И особенно несправедливо отмечает, что в ЦДЛК стало ходить мало народа (стр. 159). Я помню то время. Жизнь кипела. Народ толпился. Постоянно решались какие-то важные вопросы, было шумно и оживлённо. И над всем этим витала светлая творческая энергетика.

2004 год прошёл для Арнаутова достаточно насыщенно. Много поездок, встреч. Главный редактор «Огней Кузбасса» С. Донбай предлагает работать в отделе прозы журнала. Затем поездка в Сростки, в конце года – 1-й съезд литераторов Кузбасса. Он много пишет, работает. Почти не жалуется, выстраиваются более ровные отношения с писателями.

Но вот в апреле 2005 года, после общения с Г. Юровым, пишет: «...неоднократно проскальзывала фраза, что я не нравлюсь Бурмистрову. Якобы мы с Павловым замахиваемся на его кресло. Ну, у Павлова-то, может, такая мыслишка и имеется. А вот я уже говорил, что не считаю себя пока что имеющим

моральное право занимать такую должность ... правда, внешне я никак не замечал неблагоприятного расположения ко мне со стороны Бурмистрова» (стр. 332). Тут я соглашусь с Арнаутовым: морально-го права он не имел! Однозначно. И хотя он не видит от Бурмистрова ничего плохого, но сомнения уже посеяны, спящая до поры подозрительность проснулась. И к концу года Арнауты и Павлов созрели. С нетерпением ждут собрания.

«На сегодня назначено общее собрание. Думаю, что будет жарким. Собираемся на нём выступить с Павловым с серьёзной критикой деятельности нашего председателя правления, предложив на это место Павлова. Есть и альтернатива – Валерий Козлов. Как будет разворачиваться события – увидим...»

Чтобы хоть как-то оправдать свой последующий провал, пишет: «Собрание прошло полностью под контролем Бурмистрова и его правления. <...> Пока Павлов выступал с критикой негатива – постоянно с мест раздавались недовольные голоса и шушукания. <...> В общем, до конструктивных предложений у него совсем не дошло – не позволили по регламенту. <...> Я тоже изрядно скомкал свои тезисы, развернуться не дали. Но кое с чем согласились. Большинство голосов работу правления оценили на «хорошо», хотя мы голосовали за «удовлетворительно». <...> Я (!!! – Т. К.) пытался ввести Павлова хотя бы в правление. Не прошло большинством голосов. <...> Да, втихушку, под Валеру Козлова, кажется (? – Т. К.), введена будет новая должность – ответственный секретарь правления СПК. Ну да ладно. Валера не такой уж плохой человек. Пусть работает, квартиру себе зарабатывает».

Ну вот что тут скажешь? Даже выступить на собрании не смогли достойно и убедительно. Ну и, конечно же, им не дали договорить, хотя с чем-то согласились. Как могли не дать договорить и при этом кое с чем согласиться? Так ведь и писатели не поддерживали не просто большинством, а подавляющим большинством голосов.

ТОМ 2

Начало 2006 года спокойное, рабочее. Будни. Встречи, мероприятия. Но раздражение и недовольство на всё и всех растёт. И уже к 8 Марта выплёскивается на Бурмистрова, из-за того что тот не очень рьяно приглашал на застолье – поздравить женщин. Надоело В. А. быть статистом на чужих пиршествах.

В конце марта – собрание и опять обиды. Бурмистров «прошёлся в отсутствие Павлова (а кто ж ему мешал присутствовать? – Т. К.) по его тезисам с прошлого собрания и по моим дополнениям. Разнёс преизрядно, выставив как скороспелых амбициозных выскочек. Пытались было возразить я и Валера Баранов – захлопали, затопали – всё те же Донбай, Бурмистров, Зубарев, Катков, Мазаев, Козлов... Валера Козлов всё больше и больше стал скатываться

на позиции чиновника-администратора, сначала слегка грозящего пальчиком, а потом – указывающим перстом» (стр. 24).

И вот ведь интересно. Такой мощный состав писателей перечислил, плюс сидящие в зале члены СП – никто не поддерживает... И опять даже не пытается понять, осознать, что их неприкрытое стремление к креслу, власти... Даже не знаю, как бы мягче выразиться... Ладно, оставим без дальнейших комментариев. Хочу только заметить, что после этих разбирательств их никто не прессует, они спокойно работают. И не делают никаких выводов. И вот уже сентябрьские записи: «Мазаев собирается свалить (ну и словечки! – Т. К.) с должности зав. прозой. <...> Но более того подозреваю: Донбай стал всё больше принимать решения самостоятельно, не всегда считаясь с мнением Мазая (ого, уже Мазая! – Т. К.)».

Донбай отказывается взять Арнаутова на место зав. прозой, и тут же следуют реплики, что руководители бронзовеют, возражений, инакомыслия не терпят и т. д.

И опять всё спокойно. Рабочая обстановка. Единственно, что, когда Донбай наотрез отказался брать Павлова на место Мазаева, Арнауты забеспокоились, что ему придётся покинуть редколлегия, но всё обходится. Никто не преследует и не давит. Наоборот, Бурмистров предлагает поездку в Челябинск на конференцию Ассоциации уральских писателей, которая прошла весьма успешно.

В конце года Арнауты подводит итоги своей деятельности. Остаётся доволен годом. Но вот тут вспомнилось: в самом начале книги, в предисловии, написано, что она рассчитана на исследователей литературного процесса. Вроде как общего процесса, писательской организации в том числе. Но пишет-то автор только о своих процессах, личных. Ладно бы был выдающийся мастер слова или интересно и захватывающе писал о писателях и себе вкупе с ними. Но нет этого в книге. Читаю уже второй том, и везде только «я» на первом месте. Такое ощущение, что Арнауты руководит всеми процессами в СП, только он даёт ценные советы, выстраивает отношения с коллегами. Кстати, об отношениях с коллегами. Мелковатые они, завистливые, неуважительные.

Ну, продолжим. Итак, 2007 год, февраль.

«Борис Бурмистров озадачен – наехала откуда-то из управления комиссия с проверкой бухгалтерских дел. Кто-то анонимно ляпнул в администрацию, что якобы Борис самовольно делает поборы денежные со стипендиатов. Сборы такие и впрямь делались, сразу же после вручения нам первой стипендии, но всего по 100 рублей. И то добровольно. Я и Павлов ещё на прошлом собрании говорили о необходимости таких взносов. <...> Резервный фонд <...> оказание помощи <...> поздравления юбиляров. <...> Так что лично я осознанно и добровольно делаю такие взносы» (стр. 140).

Ой, лукавит Арнаут! Аноним был известен...
Читаем дальше.

«Какая-то чёрная полоса. Похоже, меня начали выдавливать из Союза, точнее из его дел. И прежде всего это касается редколлегии журнала. Сегодня Донбай вернул мне мой рассказ «Приходи на ёлку». <...> Друг мой Иванов не постеснялся и не поскромничал ... хотя я лично не вижу в этом рассказе тех минусов, о которых говорит Иванов. <...> Хотя, если вспомнить ... тот же Иванов не дал положительной оценки моей повести «Приоткрылись родимые дали», да и рассказ «Нашёл – не радуйся...» ему почему-то тоже не показался. Ну и что с того?» (стр. 146)

И опять не задумался, не поразмышлял, не поработал. Объяснил сам себе это тем, что жёстко и не объективно покритиковал Ярощука, вот и вернулось бумерангом.

Кстати, Ярощук ему оплатит вскоре тем же.

«Тут ещё и дружок А. Ярощук обрадовал ... обвинил меня в сырости материала, некомпетентности описываемого, в плохом стиле и т. п. Спросил, сколько дней я работал над романом. Ответил, что полтора года. Он сказал: «Ну если поработать ещё над ним годика три, то, может, что и получится из него...» Очень приятная оценка» (стр. 374).

Ну ладно Иванова, Ярощука игнорирует (хотя они говорят дельные вещи), но почему бы Мазаева не послушать, не поучиться у него? Ведь бок о бок работали несколько лет. И уж к советам Мазаева стоило бы прислушаться. Не суетиться, не торопиться, а до седьмого пота работать над своими произведениями под руководством Мазаева. И, я думаю, развил бы свой талант, пошёл бы в гору, не потерял бы индивидуальности. Но из-за гордыни, близорукости упускает такую возможность! Да ещё при всяком удобном и неудобном случае отпускает колкости в сторону мастера слова.

А сколько от него достается С. Донбаю! Арнаут постоянно конфликтует с ним. Хотя С. Донбай предъявляет вполне справедливые требования, это видно даже из записей самого Арнаутова. Но самокритика у В. А. на нуле.

Не печатают в периодике – это происки своих. Не награждают, «медальки» (слово В. А.) не вешают – власть виновата и опять же свои, писатели. И даже вопроса не возникает: заслужил, не заслужил? Но зато к чужим наградам, вернее к другим награждаемым, относится просто с ненавистью, просто желчью истекает. Особенно когда выделяют молодых.

Я вот одного не могу понять. К нему в СП относились достаточно ровно. Никто не преследовал, не зажимал, не гнобил, не оскорблял – это видно и из его записей. Откуда такое отношение к собратьям по перу? Неужели зависть застилает глаза и разъедает изнутри всё, что было там хорошего изначально? А было ли? Уже сомневаюсь.

О-хо-хо! Продолжим нелёгкую эту работу.

«Иванов позвонил Козлову. Теперь тот занимается этими бумагами – Борис наострился (ох уж эти словечки! – Т. К.) ехать не то в Москву, не то ещё куда-то. На какой-то писательский форум (совершенно не интересуется и не знает работы СП. – Т. К.). Валера ответил Иванову, что меня будто бы заблокировали в департаменте. Вот это фокус! За что, за какие промашки?! Уж не за то ли, что я осмелился попросить у этих чинуш денег на издание книги мемуаров о первом наборе института? А может, кто наушничал там о моих не очень лестных высказываниях о дельцах от местной культуры? Ну и дамочки... Ломаю голову в догадках. Или всё же это отговорки? И всё делается (или не хочет делаться) у нас в Союзе? Неужто Борис и я же с ним такие злопамятные? Да и Валера Козлов совсем охладел (или зачерствел?). Хотя ещё совсем не так давно искренне признавались в дружеских чувствах <...> (стр. 175).

Зато все наши клерки, начиная с Бурмистрова (Донбай, Катков, Козлов, Мурзин, даже бухгалтер), получили очередные медали и грамоты (45-летие писательской организации. – Т. К.). Даже отпрысков своих продвинули. Получили медали и грамоты дети Каткова, Зубарева, Козлова, Шеховцова. Наконец-то удостоился медали и В. Иванов – сиял, как новенький пятак! Как и Миша Шеховцов. <...> Обидно было за себя и Павлова. Павлова вообще прокатили. А мне – как пощёчину – благодарность от губернатора (уже третья за последние три года). Правда, в конвертике оказалось к благодарности три тысячи рублей. <...> Вот уж никак не могу понять: кому и где я перешёл дорогу? Или всё-то нам аукается то собрание? Неужто Борис и впрямь такой злопамятный?! Вроде наедине он не высказывает и не выказывает никаких неприязней ко мне. Даже наоборот, как мне кажется, откровенничает.

После фуршета куратор спросила:

– Виктор Степанович, вы довольны?!

– Нет! – отвечаю ей. – Считаю, что получил не по заслугам... Не пойму никак, где и как я мог наследить?

– Тут у нас каждую кандидатуру перепроверяют.

– Хорошо, ну и что они могли знать обо мне компрометирующего? Лишнего против власти публично никогда не болтал, негативно о Тулееве не высказывался. Разве что наших культуртрегерш чинуш не читаю. Так и не за что пока... Неужто Зауэрвайн мне препоны чинит? Если так – ходить мне всю жизнь в лучшем случае в камер-пажах. А это для меня противно и унизительно».

А вот втапывать коллег в грязь и наводить смуту в СП, видимо, приятно, и чувства возвышенные возникают. «Попал как кур в ощи. И не хотел того, но, видимо, располагал к этому. После нашей доверительной беседы с Кураловым он решил найти во мне союзника. Уже вечером, после нашей беседы, он позвонил мне и сказал, что заготовил письмо. <...> Зашёл к Куралову. Тот мне сразу же вручил текст пись-

ма-заготовки... Вся суть письма, как я понял, сводится к тому, чтобы свалить Бурмистрова с должностей – директора ДЛК прежде всего (как назначаемой должности), а потом и с кресла председателя СПК (должности выборной)».

Я даже не буду приводить текст этого письма, в котором очень часто «якобы», «кажется», всё по слухам. Нет достоверности. К тому же та самая комиссия из управления, вызванная «анонимом», не нашла никаких злостных нарушений. А Куралов тут же отрёкся от своего письма. Просто опишу мысли и поступки этих людей.

«Но ... быть марионеткой в чужих руках кукловодов мне уже поднадоело. Хватит наступать на одни и те же грабли. <...> В случае благоприятного исхода мне всё равно воспользоваться не дадут (благами, как я понимаю. – Т. К.). <...> При неблагоприятном исходе (а это так и будет: всё делается поспешно и за спиной Иосифа нет реальных сил и сторонников) моя участь будет решена ещё печальнее, чем после собрания. Вряд ли мне уже когда-то удастся подняться до уровня остальных рядовых членов нашего СПК. <...> Куралов, естественно, сник. Начал пенять на отступничество. <...> Правда, взял с меня слово, что, если будет публично – на собрании правления, я открыто буду на его стороне. <...> При этом нигде открыто не идёт речи о лидерстве, то есть замене Бурмистрова на Куралова. Но суть-то именно в этом. Я так думаю. Вместо Бурмистрова теми же благами будет пользоваться Иосиф ... лишь бы попасть к распределительной кормушке. Но стоит дорваться до неё – захрюкает по-свинячьи, забыв об обещаниях (стр. 195).

Начал правление Бурмистров... И главное – разговор о внутреннем климате СПК. Дескать, есть люди, кому всё время что-то не нравится, и от собрания к собранию копят негативные факты, чтобы потом выплеснуть ушатом на него. И тут же дал понять, кого он имел в виду на сегодняшний день.

<...> Павлов ничего не знал о письме Куралова. Да и письмо, оказывается, никуда не пошло. В содержание были посвящены всего несколько человек, одним из которых был и я. <...> Но ... вот уж чего никак не ожидал от него!

Оказывается, перед самым собранием он всё это выдал Бурмистрову, сказав и откуда эта информация, то есть от меня. <...> Волей-неволей я оказался предателем Куралова.

В общем, как говорят, лучшая защита – нападение! С этого Борис и начал, фактически обезоружив Куралова и не дав ему как следует выступить. (Кто бы сомневался! Как всегда, Бурмистров виноват, т. к. защищает свою честь и достоинство! – Т. К.). Иосиф стал защищаться. Дошло до того: «О каком письме идёт речь? Кто его видел?» Я сидел под этим перекрёстным перепальным огнём ... И чувствовал себя некомфортно (всего-то! – Т. К.).

<...> Павлов принял какую-то поддакивающую позицию, поддерживающую практически во всём

Бурмистрова. <...> Следует отдать должное и самому Куралову: иной бы после такой трёпки сник, словно курица мокрая, а с этого – уже буквально через минут пять всё как с гуся вода. Вполне хладнокровно вклинился в обсуждение прочих вопросов.

<...> После заседаний правления и редколлегии ... я в одиночестве ушёл домой. С тяжёлым осадком на душе и в премерзком настроении. <...> Не хочется видеть никого: ни Павлова, ни Куралова, ни Бурмистрова с Донбаем» (стр. 196–198).

И потом опять общение как ни в чём не бывало. Никакие жизненные уроки не усваиваются. Наоборот, растёт недовольство, усиливается брюзжание, особенно на молодых, более талантливых. Очередная ссора с Донбаем. Арнауты не дали рекомендацию Ильдимировой.

«Донбай обвинил меня в том, что я не желаю иметь в Союзе сильных писателей. Вот уж никогда не был завистником, если у кого-то получается лучше меня. Да я и без того знаю, что сам я далеко не первый и не лучший. Об этом не раз публично заявлял. Что у меня имеется личная творческая планка или потолок, преодолеть которую я не в состоянии, как бы ни пыжился. Высказал ему претензии по поводу того, что тянут в Союз и малолеток, которые безропотно заглядывают им в рот» (стр. 231).

Далее – на собрании узрел хитрый ход в том, что предложили голосовать открыто. «Хитро, очень хитро... Ведь далеко не каждый решится в открытую выступить против того или иного кандидата».

А почему? Насколько я помню, никто и никогда не боялся выступать против. До кандидатуры Ильдимировой придрался. Хотя она была рекомендована и имела на руках решение Совета молодых литераторов на Урале. И где бы ни появлялся, везде колкости, колкости...

«Зато на местах все деятели Дома литераторов, даже Бурмистров». (А где ж ему быть-то? Скинуть-то силёнок не хватило. – Т. К.) Узнаёт, что лауреатом «Энергии творчества» стал В. Крёков, пишет: «Прямо скажем, если его рассказы «Наказание» и «Записки печника» имеют отношение к энергетике, то меня смело можно номинировать на конкурс металлургов... В поэзии – Дима Мурзин (тоже великий «энергетик») ... И опять недоумеваю: кто и за какие такие заслуги тянет тех же Ильдимирову и Белоусову?»

Сарказм так и прёт. Через два года и сам Арнауты получает первую премию в конкурсе «Энергия творчества» и как-то сразу забывает, что он к энергетикам не относится. Никакого сарказма. Сплошные дифирамбы руководству Кузбассэнерго.

Вот такие метаморфозы...

И ещё немного. О даче рекомендации. Опять же, выписки из книги: «Отнёс Тоне Шмаковой рекомендацию в СПР. Ничего особенного в той рекомендации я не написал».

Задумывается, давать или нет рекомендацию Юрию Михайлову.

«А вот насчёт рекомендации – тут небольшая загвоздка: как-то уж очень нескромно получается, что я почти налево и направо раздаю рекомендации. Получается вроде «слабого звена», которое нашли желающие вступить в Союз...

Ярошук – его тоже давно пора принимать, хотя бы уже из-за того (внимание! – Т. К.), что он немало делает для нашего Союза, опекает больного Валентина Махалова да и пишет вполне сносно («пишет» ставит на третье место, хотя в моём понимании должно быть на первом. – Т. К.). <...> Тоне Шмаковой дал рекомендацию – из сострадания... Хотя, если честно признаться, Тоня не дотягивает ни в стихах, ни в прозе до того уровня, чтобы быть в рядах СПР».

Просто без комментариев.

И заканчивается эта книга общим собранием. Где опять со стороны Арнаутова привычные уже сарказмы, недовольства.

Прочла наконец-то двухтомник Арнаутова и нахожусь в ступоре от прочитанного.

С первых же страниц – полное разочарование. Книга написана примитивным языком, с частым применением вулгаризмов, что ещё больше обедняет написанное. Читала с трудом, надеясь найти хоть что-то добротное. И несмотря на описание всех своих регалий на обложке книги, автор не внёс весомого или хотя бы ощутимого вклада в литературу Кузбасса. Тем более в литературу России. Высшее образование и титулы, которые у него были в Институте культуры, не прибавили ему писательского таланта, но определили жизненную позицию – быть во власти. В этом нет ничего плохого – возглавлять какой-то коллектив, но для этого нужны более высокие требования, прежде всего к себе. Тем более в писательской среде, где очень хорошо знают, кто и чего стоит.

И вот эта досада, что не может быть наравне с лучшими, делает его язвительным, завистливым и вечно недовольным всеми. И это, как ни парадоксально, тормозит его развитие как писателя. Он не признаёт ничьей критики. Это видно даже из его записей. Он пишет, за что его критикуют, но сам даже не вникает в суть критики. Вместо того чтобы образовываться в среде писателей, набивать руку, работать до седьмого пота над рукописями (тем более что рядом хорошие писатели), учиться и восполнять пробелы писательской деятельности, Арнауты выбирает другое.

Он всевозможными путями пытается пристроить свои произведения в разные печатные издания. И в этом естественном желании нет ничего плохого, вполне понятно такое стремление. Но у него это превращается в самоцель. И уже не имеет значения качество написанного, гораздо важнее количество напечатанных произведений. А так как не особо часто печатают, он опять же становится заложником своей позиции. Когда не печатают, Арнауты ищет врагов и вредителей, размышляет, кому и где перешёл доро-

гу, подозревает в нечестности и интригах собратьев по перу. И ни разу в этом двухтомнике не было размышлений по поводу своих произведений. Самокритика отсутствует полностью. Думаю, потому, что в нём постоянно живёт непомерно раздутое самолюбие из-за тех самых институтских регалий, которые не имеют ничего общего с писательским делом.

Даже друзей себе заводил с прицелом, чтобы его продвигали, давали положительные рецензии на его произведения. Если этого не происходило, то и о друзьях отзывался с большой долей сарказма – о них и об их произведениях.

И эти самые регалии и жажда кресла делают его просто ненавистником руководства. Всё писательское сообщество делится у него так: я, толпа и руководство.

Очень характерная строчка на стр. 233 (т. 2): «...и я встал с репликой... И опять всё потонуло в общем гуле толпы и недовольстве руководства». Количество людей, в деяниях которых он участвовал, не превышало двух-трёх человек. Попытки «заговоров», «переворотов», «насылаание комиссий» не дали никаких результатов, поливание грязью председателя и членов правления остались безнаказанными. Ни разу не заставил Арнауты, не извинился перед коллегами за явную клевету, беспочвенные домыслы.

Эта книга – история зависти, низких интриг, история очернения, принижения автором заслуг коллег, их творчества. Заявленную в предисловии целевую аудиторию «для исследователей литературного процесса» я бы заменила на «для исследователей интриг, зависти, нечестности, посредственности».

Мне хочется напомнить, что делалось в те годы доброго, достойного. Годы-то были очень тяжёлыми для страны, всех её граждан. На фоне развала всех структур, мировоззрений возникли расколы и различные течения. Коснулось это и нашего Союза писателей. Были масштабные идеологические расхождения с некоторыми писателями (Зубарев, Куралов, Скорик и др.). Но даже во время этого разделения не было грязи, клеветы и низких поступков, не писали ахинею друг на друга. Да, были разведены по разные стороны баррикад, да, были споры, причём жаркие. Но самое главное, в те времена продолжалось творчество, пришло понимание общего дела – служения Слову, честному, правдивому. Это и объединило. И уже объединённая писательская организация во главе с Б. Бурмистровым провела немало идей и проектов в жизнь. Была создана команда единомышленников, писателей-патриотов: В. Баянов, В. Махалов, Л. Никонова, С. Донбай, А. Катков, Л. Скорик, В. Мазаев, В. Матвеев, В. Коврижных, Д. Мурзин, В. Зубарев, И. Куралов и др. На тот момент это самые известные и талантливые писатели. Совместная работа дала огромный импульс для просветительской деятельности и укрепила авторитет писателей в областной администрации.

Был создан Дом литераторов Кузбасса.

От орловских коллег узнали о писательских стипендиях. После чего собрали нужные документы, вышли на губернатора А. Г. Тулеева и добились стипендий для кузбасских писателей.

Начали выходить приложения к журналу «Огни Кузбасса». Они стали первыми книжками многих будущих членов Союза писателей России. На сегодняшний день количество книжек около шестидесяти.

Постоянно и регулярно издавались отдельные книги поэтов и писателей.

А также была издана хрестоматия – учебное пособие для кузбасских школ.

А какая работа была проделана над книгой «Сбор стихов»! Составители – Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Ибрагимов.

А какая титаническая работа прошла над антологией XX века «Русская сибирская поэзия»! Автор и руководитель проекта – Б. Бурмистров. Редакторы-составители – В. Баянов, С. Донбай, Б. Бурмистров. В подготовке материалов приняли участие руководители региональных союзов писателей Сибири и Дальнего Востока (а это около 30 субъектов). Эти книги – шедевры!

Об этой огромной работе В. Арнаутов даже не упоминает в записях, как и о том, что известные писатели очень высоко ценили поэтов Кузбасса.

«Поэтическая школа в Кемерове – лучшая в Сибири» (В. Астафьев).

В. Ганичев, Ст. Куняев и В. Сорокин говорили, что писательская организация Кузбасса – одна из сильнейших в Сибири.

А Ст. Куняев открыл дорогу кузбасским писателям к читателям России, регулярно печатая их в «Нашем современнике». Даже о таком гиганте, как Куняев, Арнаутов пишет в своих записях весьма неуважительно (но к ручке прикладывается).

Более 20 писателей и поэтов были опубликованы в различных российских антологиях.

К существующим премиям: им. Волошина (проза), им. Фёдорова (поэзия) – добавились новые, преимущественно ориентируемые на молодых писателей. Областные: им. Баянова (финансовая поддержка «Азота»), «Энергия творчества» (организованная В. Плющевым при поддержке Кузбассэнерго), литературная православная премия им. св. Павла Тобольского (благодаря многолетнему сотрудничеству писателей с Русской православной церковью).

По инициативе главного редактора журнала «Огни Кузбасса» С. Донбая у нас проводились Всероссийские совещания главных редакторов журналов.

Всероссийские совещания молодых литераторов, неоднократно проводимые на Урале, куда выезжали Б. Бурмистров, С. Донбай с молодыми кузбасскими авторами, проводили там семинары. Около

десяти человек было принято в Союз писателей России по рекомендации всероссийских совещаний.

Томская организация на протяжении нескольких лет проводит фестиваль «Устами детей говорит мир». С. Донбай, Д. Мурзин, Б. Бурмистров – неизменные члены жюри и руководители семинаров.

Журнал «Огни Кузбасса» выходил регулярно четыре раза в год, был областным журналом, а затем расширил свои контакты с регионами, стал всероссийским и выходит шесть раз в год.

А ещё многие поездки по Сибири: Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, Алтай.

Помимо этого, велась огромная просветительская деятельность Союза писателей – до 250–300 выступлений в год в школах, колледжах, вузах, благотворительно, с участием многих поэтов и писателей.

Я помню писателей той поры. Да, были застолья по разным поводам. Но как в этих застольях было интересно! Сколько полезного, событийного из дел предыдущих поколений, что-то новое из литературных знаний черпали в этих разговорах! А как заряжались творческой энергией друг от друга! Знакомились, читали стихи, делились творческими планами, дарили свои книги и получали в дар книги коллег. Это незабываемо!

Я думаю, большинству писателей есть за что добром это вспомнить. Да разве можно (даже в трёх томах) перечислить всё доброе, сотворённое писателями Кузбасса за эти годы! И как ничтожны по сравнению с настоящими делами «литературные сплетни» В. Арнаутова. И не ему судить писателей, отстоявших в 1990-х годах свою свободу и самостоятельность, сохранивших Союз. Его книга не просто однобокое видение, а прямое искажение всей творческой деятельности Союза писателей Кузбасса.

Стыдно! Стыдно перед памятью ушедших наших писателей. Невозможно молчать!

И ещё... Думаю, что пора Б. Бурмистрову взяться самому за написание книги, где будет отражена настоящая, объективная и честная история Союза писателей Кузбасса.

Хочу предложить идею, просто просится наружу... Уважаемые писатели! Давайте напишем свою правдивую историю! В виде зарисовок, рассказов, воспоминаний. Что-то интересное, яркое, смешное, серьёзное, историческое о нашем Союзе, а наш журнал будет печатать эти истории. На память всем. И, может, получится интересный сборник живого авторского слова, в котором будет отражена живая жизнь, живая мысль, живое общение. Для нас. Для наших читателей. Для наших потомков.

Татьяна КОЛАЧ,
г. Югра

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

На сайте Akita International Haiku Network в мировой серии хайку (World Haiku Series – 2019) появилась персональная страница Веры Лавриной. Там представлено десять её хайку, переведённые на японский язык куратором сайта Хиденори Хирутой. Адрес страницы: <https://akitahaiku.com/2020/08/25/>. На английский язык стихи В. Лавриной перевёл Леонид Правда.

14 сентября, 1 и 10 октября в Ленинске-Кузнецком прошли презентации соответственно первого, второго и третьего номеров литературного альманаха «Образ» за 2020 год. 4 октября – представление альманаха «Кольчугинская осень».

26 сентября в Ленинске-Кузнецком состоялась презентация книги стихотворений Д. Филиппенко «Зайди за мною жить».

На радио «Кузбасс – Маяк» в прямом эфире прозвучала часовая передача «Японская поэзия», посвящённая хайку. Инициатором передачи стала почитательница японской миниатюры журналист О. Черкасова. На радио были приглашены поэты В. Лаврина, К. Манакова, Ю. Хиневич. Вели эфир О. Черкасова и Е. Барышева. Разговор шёл об эстетических принципах хайку, конкурсах и растущем интересе к японской поэзии. Приглашённые поэты прочитали свои хайку и ответили на вопросы радиослушателей. Велась видеозапись прямого эфира. Её можно посмотреть на сайте «Кузбасс – Маяк»: <https://vesti42.ru/kuzbass-mayak/71256-yaponskaya-poeziya-na-mayake/>.

28 сентября в Ленинске-Кузнецком прошёл круглый стол «Настоящее прошлое «Литературной газеты»». Ведущим круглого стола был А. Чистяков, а на следующий день он прочёл лекцию «Самопиар и продвижение в литературе».

25 октября в лофт-баре «Тепло» (Кемерово) прошёл поэтический вечер с участием В. Шагиахметова, Т. Речиной, М. Фёдоровой, И. Медведева и Ю. Климанова.

31 октября в Ленинске-Кузнецком прошла презентация книги Ирины Надировой «Снегоотточие».

3 ноября в рамках Всероссийской акции «Ночь искусств» и проекта «Родина Кузбасс: 300 лет в истории России» в библиотеке имени Н. В. Гоголя г. Новокузнецка состоялась онлайн-презентация поэтического сборника Елены Трухан «Фокстрот листопада».

5 ноября в Тобольске во Дворце наместника состоялась XXI онлайн-конференция Ассоциации писателей Урала, посвящённая 400-летию Тобольско-Тюменской митрополии, «Православие и современная русская литература». Кузбасс был представлен онлайн поэтом Д. Мурзиным.

Сердечно поздравляем с 75-летием

ВЯЧЕСЛАВА МИХАЙЛОВИЧА ЛОПУШНОГО,

члена Союза писателей России. Инженер-строитель, в литературу пришёл зрелым человеком, после 30 лет. Семь книг стихов и малой прозы, одна из них издана в Германии. Публикации в московских журналах, в антологии любовной лирики поэтов России трёх веков, сибирских антологиях и зарубежных изданиях. Автор слов многих песен и

романсов. Среди исполнителей – В. Толкунова, солисты Большого театра, ансамбля РА им. Александра, Музыкального театра Кузбасса. Желаем юбиляру крепкого здоровья и творческого долголетия!

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

167

«Литературная газета», № 36 (9 сентября), дала подборку стихотворений Д. Филиппенко «В стране разрушенных гармоний».

Газета «Слово», № 17 (11 сентября), напечатала подборку стихотворений Б. Бурмистрова «Завидовать другим я не привык».

Литературный альманах «Щит и меч», № 9, опубликовал подборку И. Надировой «Дышите жабрами».

«Наш современник», № 9, опубликовал подборки Б. Бурмистрова «Если останусь – то песней...» и С. Донбая «Обо мне скучает куст малины».

В газете «Литературная Россия», № 29, вышло интервью Д. Филиппенко «Без литучёбы не будет роста».

В журнале «Бийский вестник» (Алтай), № 4, напечатана подборка стихов А. Раевского.

Поэтический альманах «45-я параллель», № 28, опубликовал подборку И. Надировой «Время нимфалид».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Альманах «Кольчугинская осень». 2020. № 8. 146 с.

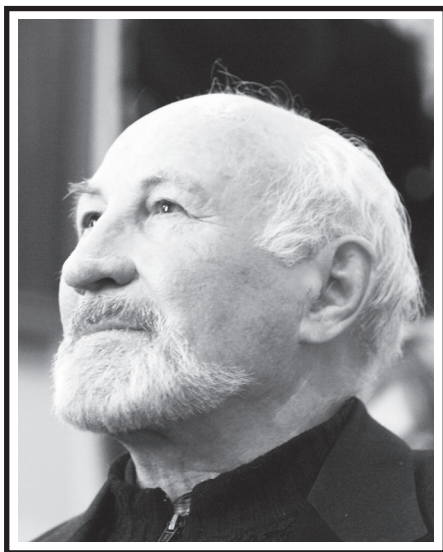
Альманах «Образ». 2020. № 3. 132 с.

Коняев В. По делам своим: Проза. Кемерово, 2020. 272 с.

Надирова И. Снегоотточие: Стихи. Кемерово, 2020. 94 с.

Времена года: Сборник. Кемерово, 2020. 24 с.

Дьяконов Ю. Вдоль времени. Музыка цвета: фото & хайку. Кемерово, 2020. 128 с.

11 октября на 86-м году после продолжительной болезни ушёл из жизни

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ПЕРЕВОДЧИКОВ.

Замечательный писатель, заслуженный артист России, маг и волшебник. Его выступления всегда с восторгом принимала публика России, Японии, США и других стран. Его замечательные рассказы об истории сибирской деревни не раз публиковались в «Огнях Кузбасса».

Владимир Андреевич родился 31 июля 1935 года в селе Нижний Калгукан Калганского района Читинской области. Окончил Заочный университет искусств им. Н. К. Крупской (1961), ВТМЭИ (1966).

В 1961 году начал выступать на эстраде с фокусами, конферансом и клоунадой. Работал в Читинской, Красноярской, Кемеровской филармониях.

Выступал с большими иллюзионными концертными программами «Я работаю волшебником», «Гирлянда чудес», «Не может быть», «Утро весёлых чудес».

Переводчиков снимался в документальном кино и на телевидении: это цикл передач «Однажды осенью», телефильм «Школа волшебников», документальные фильмы «Магия чёрная и белая», «Кто скажет не убий?».

Автор книг: «Я работаю волшебником», «Несуразное», «Кудесия», «Дверь открывается в обе стороны», «Веретёшко», «Колдунья Азеля», «Кукушата» и др.

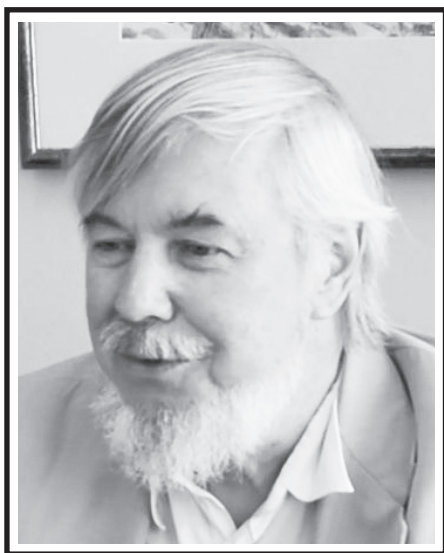
Владимир Андреевич публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «День и ночь», «Енисей» и др.

С 1985 года – член Союза писателей и заслуженный артист РСФСР. С 1986 года – член Союза журналистов. Лауреат международных конкурсов иллюзионистов.

Его книги, фильмы и выступления навсегда останутся в сердцах благодарных читателей и зрителей.

Выражаем соболезнования родственникам, друзьям, коллегам Владимира Андреевича.

Писатели Кузбасса

7 декабря на 68-м году жизни скоропостижно скончался

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КАЗИНЦЕВ.

Господи, помилуй!

Как гром среди ясного неба... Только два дня назад мы (Б. Бурмистров, С. Донбай) разговаривали по телефону с Александром Казинцевым, обсуждали наши совместные дела, проекты на 2021 год. И вот его не стало...

Он очень тепло относился к нашей писательской братии. Это шло всегда от Станислава Куняева и Казинцева – доброе, внимательное отношение к русской провинции. Десятки и десятки публикаций кузбасских писателей в «Нашем современнике», где долгие годы Александр Казинцев служил русской литературе. Десятки встреч в Кемерове, Москве, на Алтае, в Красноярске...

Прекрасный поэт и публицист, он вписал своё имя в русскую литературу. Он много успел в этой жизни, но, как человек творческий, не успел к врачам. Весть, долетевшая из Москвы, нас ошарашила.

Договорим и домечтаем, дорогой наш Александр Иванович. Ты с нами навсегда неразлучно!

Писатели Кузбасса

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2020 год

ПРОЗА

прот. Адодин Сергей. 16 белок и прочее разумное пространство	V-45, VI-10
Азаева Эвелина. Два рассказа	IV-80
Бабушкин-Сибирик Василий. Любовь в тайге. Повесть	III-32
Байлагашев Виктор. Рассказы	I-77
Башев Николай. Декларация. Рассказ	I-62
Герман Игорь. Миссионеры и язычники (Театральный документ – 2013)	V-6
Гуляев Владимир. Солдатская Любань. 1942 год. Художественно-документальная повесть	VI-39
Дёмышев Александр. Куда уходят дети. Рассказ	V-86
Кердан Александр. Рассказы из цикла «Если бы да кабы...»	III-68
Ким Инна. Заветное. Рассказ	VI-95
Копнинов Валерий. За горами, за лесами... Рассказ	I-52
Крюков Владимир. Жизнь. Конспект романа	VI-107
Кузнецов Борис. Рассказы	II-68
Лагутин Дмитрий. Два рассказа	IV-68
Лихоносов Виктор. Отец не вернулся. Рассказ	II-5
Мамыкин Евгений. Небо и земля. Киноповесть	II-22
Назаров Игорь. Три были	I-35
В гостях у сказки. Административно-фантастическая пьеса	VI-75
Подгорнов Сергей. Поглощение. Роман	IV-3
Роков Валентин. Рассказы	II-57
Савченко Александр. Неисповедимы дороги. Повесть (Окончание)	I-11
Тарковский Михаил. Два рассказа	I-3
Твердохлебова Татьяна. Посторонние. Рассказ	V-77
Тюнина Ирина. И в небе отражается земля. Рассказ	I-86
Уланова Светлана. Прорвёмся. Рассказ	II-82
Усольцева Надежда. Рассказы	I-92
Филиппов Дмитрий. В космос. Рассказ	II-12
Харланова Анна. Рассказы	II-85
Чернов Сергей. Туман. Рассказ	II-76
Чиняев Сергей. По следам сыновей Унамис-Черепahi. Ностальгическая повесть (отрывок)	III-85
Юдина Татьяна. Рассказы	III-6

ПОЭЗИЯ

Бувалёв Евгений. Страшный, но всё-таки труд	II-3
Бурмистров Борис. В доме нашем чужие живут	I-57
Гедьмин Анна. Этот тоненький звонок	I-82
Гержидович Леонид. По следу ветра и огня	I-31
Доронин Георгий. О русских людях	II-66
Дьяков Сергей. Ни звонка, ни звона колокольного	VI-36
Зиновьев Николай. Так мне пророчествует лира	III-3
Кабыш Инна. Куда, родимая, несёшься?	V-42
Казанцев Василий. Я уже искупался в реке!	II-19
Каренина Ирина. Божья птаха девяностых	VI-114
Катков Александр. Берегиня	IV-65
Киселёв Василий. Военная родня	V-3
Коврижных Виктор. Лукоморье моё деревянное	VI-7
Коньков Владимир. Есть профессия такая	VI-105
Коржов Дмитрий. Даст Бог, умолкнем мы не скоро	I-104
Кузнецов Геннадий. Стихи из военного детства	II-89
Могутин Юрий. Предобрый Спас, прости слепца	III-83
Молчанов Виталий. Новосветловка	VI-72
Надирова Ирина. Жить тут можно – вопреки, вразрез	V-96
Небогатов Михаил. Всё вспомнил я. Всё было, как вчера	II-10
Николаева Олеся. Страна моя любит метель	III-66
Оршатник Софья. Пример словоупотребления	III-101
Пешкова Светлана. Цвела джидда	I-59

Полунин Иван. Родник поёт у колыбели	IV-78
Пятак Андрей. Зонтики с людьми	IV-98
Скиф Владимир. А помнишь, как было	I-33
Скобцов Владимир. Жемчужиной роса блестит на mine	II-80
Солодовникова Ольга. Не было шанса не потеряться	I-84
Тихонов Валерий. Боже мой, как я тебя люблю!	V-83
Филиппенко Дмитрий. Я живу на улице шахтёров	III-30
Фомина Ксения. Мне нравится разговаривать с белым листом	V-74
Хапилова Ольга. Не говори, что время утекло	VI-93
Чугунов Владимир. Меня в час встречи помяните	II-55

ПУБЛИЦИСТИКА

Анашкин Эдуард. «Россия ещё вернётся к себе...»	V-126
Коняев Виктор. Закроют ли Россию?	VI-128
Ткаченко Пётр. «Новые трихины»	VI-124
Усольцева Надежда. У войны и женское лицо	II-91

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Гуляева Ольга. Два рассказа	IV-158
Карпенко Марина. Проза и стихи	V-146
Ляшко Ирина. Стихи	V-149
Неунывахин Владимир. Рассказы	V-151
Павлова Елена. Стихи	V-148
Переводчиков Владимир. Рассказ	V-150
Фёдорова Марина. Книжкин дом. Сказка	IV-162
Школкин Александр. Стихи	V-149

КНИГА ПАМЯТИ

Арбачакова Любовь. Моё незабываемое детство	I-143
Балибалова Диана. Нам дороги эти позабыть нельзя	IV-124
Волошина Зинаида. Время любви и надежд	I-134
Воробей Анатолий. Рассказ Валентины Сапрыкиной о борьбе с фашистами на трудовом фронте в Салаире и о сестре, ставшей безвинной жертвой войны	IV-133
Карпова Галина. С божественной любовью к поэзии. К 105-летию со дня рождения Ларисы Фёдоровой	IV-140
Ларин Валерий. Мой отец Иван Матвеевич Ларин	IV-132
Мангазеев Игорь. Стальной разбег Мошковского	IV-137
Назимова Ольга. История одного завода – Кемеровский электротехнический завод	II-114
Седельцева Людмила. Дедушка	II-123
Сычёва Юлия. Из воспоминаний старшего сержанта Ивана Алексеевича Малахова	II-124
Трухан Елена. «Под сенью дружных муз» (о литературных кружках города Сталинска в годы войны) ...	VI-121
Тюшина Екатерина. Чем бы ещё помочь фронту? Боевая техника, оружие, обмундирование, продукты питания, приобретённые для фронта на средства кузбассовцев в годы Великой Отечественной войны	II-108
Хвостов Николай. Дневник топографа	III-103
Чириков Евгений. Алгебра и гармония Софьи Ковалевской	IV-148
Чурилов Виктор. В декабре сорок первого	II-125
Щербачев Александр. «Прошу Вас правильно понять»	II-116

ЭССЕ

Кухарев Олег. Актёрские записки	I-151
---------------------------------------	-------

ОЧЕРК

Коняев Виктор. По притяжению необоримому (заметки неравнодушного)	II-141
---	--------

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

- Аристарх**, митрополит Кемеровский и Прокопьевский.
Обращение перед вручением литературной премии
в честь святителя Павла Тобольского 27.12.2019.....I-149
- Байбородин Анатолий**. Русский обычай. Очерк
о языческом и христианском в народной этике I-107, III-136
- Ильяшенко Наталья**. История Никольского храма
и прихода села Усть-Искитимского, в XIX–XX веках
располагавшегося на территории современного
храма и прихода святых равноапостольных Кирилла
и Мефодия, г. КемеровоIV-150
- Шалакин Григорий**. Оплот православной веры.....VI-119

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

- Дворцов Василий**. Русская правда Ермака V-98

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

- Смышляев Александр**. За тех, кто в поле,
или Стол писателя Владимира Власова.....VI-142
- Соколова Нелли**. Прикосновение к подвигу.....II-96

РУССКАЯ ШКОЛА

- Голубева Светлана**. Великий князь Александр Невский.
Историческая мозаикаIV-100
- Фролова Ирина**. Зерно чудаIV-117

300 ЛЕТ КУЗБАССУ

- Келлер Владимир**. СтихиVI-117
- Савченко Александр**. Мы все в одной жизниV-109

ИСКУССТВО

- Коваленко Александр**. Наш Рошаль. Главы
из документально-художественной повестиII-131
- Олещенко Людмила**. Жизнь и судьба. К 120-летию
со дня рождения Кондратия Белова, народного
художника РоссииIII-160
- Умбра Максим**. Цвет родины.....I-156

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

- Бунин Иван**. Руся. Рассказ VI-3
- Красников Геннадий**. И одна в поле воинV-118
- Самохин Николай**. Сходить на войну.....II-93
- Соснора Виктор**. О вспомни обо мне в своём садуI-131

ЦИТАТА

- о. Донбай Лаврентий**. Кратко о начале философииI-159
- Дневник читателя (Геннадий Иванов. «Для укрепления
духа... Размышления на карантине»).
- Подготовил **С. Донбай**VI-154
- Естамонова Зоя**. Я и мыIV-119

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

- Арнаутов Виктор**. По Южному Вьетнаму (дневниковые
заметки кемеровского туриста).....V-129

- Якушева Надежда**. Старинным Полоцком иду.....IV-155

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕМИНАР

- Межрегиональное совещание авторов Сибири и
Дальнего Востока. **Бимаев Анатолий**. Рассказ.
- Добаркина Наталья, Зорина Анна, Комаров Арман,
Малофеева Екатерина, Поплавский Роман,
Райм Ева, Сидельников Павел, Уланова Дарья,
Юшкина Тамара**. СтихиV-161

СВЕТЛИЦА

- Кизицкий Мирон**. Война не ко времени. **Ковалёв
Данил**. Волшебный Бельчонок. **Решетников Алексей**.
Степаныч. **Чугайнов Никита**. Электрический крокодайл.
РассказыII-127

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ащеулова Ирина**. Об Александре Ивановиче КатковеIV-167
- Горохова Татьяна**. Отклик на сборник стихов
Д. Клёстова «Распутица»II-167
- Отклик на книгу Г. Гулевича «Одной судьбой
с Отечеством живу»II-168
- Отклик на сборник стихов В. Коврижных «Черёмуховый
Спас»V-156
- Елатов Вячеслав**. Открываются архивы.....II-164
- Без регламента. «Огни Кузбасса» за 2019 годVI-156
- Есенин Владимир**. Сирень, цветущая у сердца (о книге
Александра Каткова «Сирень»).....IV-163
- Инякина Нина**. Без позолоты фальшиII-165
- Колач Татьяна**. По грязным следам.....VI-160
- Михайлов Юрий**. «Собираю время, семена прорастут
в иные времена...»I-162
- Рантович Михаил**. Следы божественного (о книге
Ю. Шкуратовой «Следы»)II-168
- Салтанова Валерия**. «Чтоб плач расхристанного мира
баюкать колыханьем струн» (рецензия на книгу Алексея
Бурко «Дождитесь момента»)V-158
- Ткаченко Пётр**. «Во мгле мерцающие строчки...»
К 60-летию Н. ЗиновьеваIII-164
- Трухан Елена**. Зачем переписываются мужчины?
(о книге Бориса Дюкина «Диалог»)V-153
- Фёдорова Марина**. Бабочки в кадре и за кадром
(читая стихи Михаила Рантовича)III-169
- Чурилов Виктор**. Уроки Даманского. О повести Евгения
Чирикова «Подвиг острова»I-164

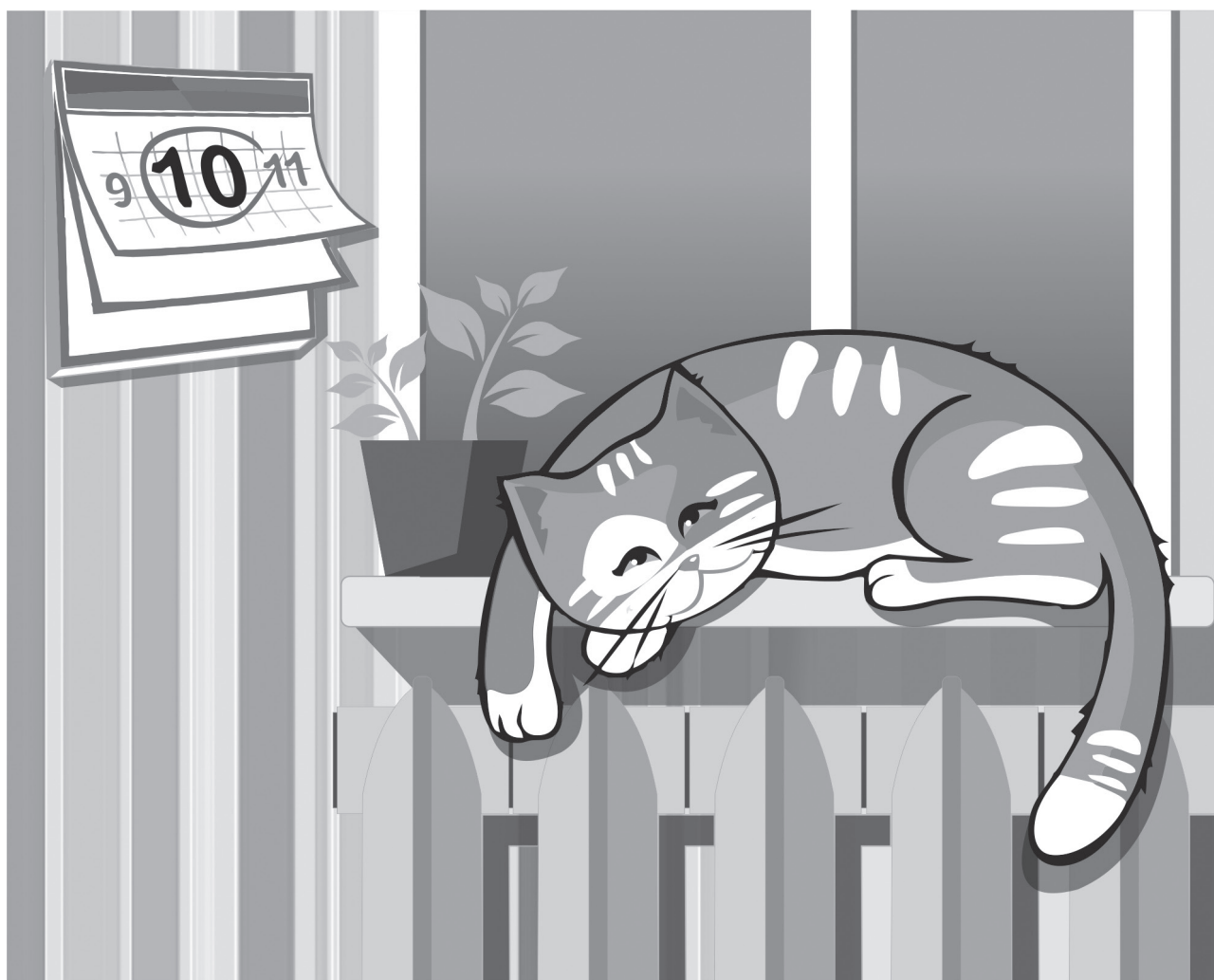
ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

- Букреев В., Елатов В., Задёра С., Китляйн А.**
Подготовил **Д. Мурзин**I-168

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**..... I-171, II-170,
..... III-170, IV-170, V-170, VI-167

**КОМФОРТ И УЮТ — ЭТО ТРУД
ОПЛАЧИВАЙТЕ УСЛУГИ ЖКХ
ВОВРЕМЯ**

МЫ СОГРЕВАЕМ ГОРОДА

**СИБИРСКАЯ
ГЕНЕРИРУЮЩАЯ
КОМПАНИЯ**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъём» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Редакция журнала «Огни Кузбасса» благодарит за поддержку администрацию города Кемерово, ЗАО «Стройсервис».

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 6. Дата выхода в свет: 08.02.2021

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 212. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»: 650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Кирова, д. 45. Тел. 8 (3842) 36-36-00

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» общероссийской общественной организации «Союз писателей России»
(650000, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Компьютерная вёрстка выполнена ООО «АИ Кузбассвуиздат»

Корректор **М. Н. Долгов**

Компьютерная вёрстка: **П. Б. Исаков**

Памяти Зои Естамоновой

Зоя Николаевна Естамонова (1936–2020) – заслуженный работник культуры Российской Федерации (1987), известная в Кузбассе писательница, журналистка, искусствовед. Она приехала в Кемерово в 1959 году после окончания Ленинградского государственного университета и с тех пор служила культуре нашего края верой и правдой.

Работала редактором художественного вещания на Кемеровской студии телевидения (1960–1997), являлась автором телепрограмм «Художники Кузбасса», «Гармония», «Зов» и телевизионных фильмов «Товарищ художник», «Быть художником» к зональной выставке «Сибирь социалистическая» (Кемерово, 1985).

Зоя Николаевна – автор многочисленных публикаций о творчестве кузбасских художников в местной периодической печати, вступительных статей к буклетам и каталогам художественных выставок, автор книг: «Сотворение рябины» (1979), «Судьба художника Ганса-Юргиса Прейсса» (1990), «Виктор Зевакин» (2001), «Здравствуй, художник» (2003).

По сути, именно с публикаций Зои Николаевны начинается систематическое представление творчества местных художников, с которыми её связывали не только общие интересы, но и личная дружба. Отсюда особенность естамоновского исследования, которое ведётся в жанре эссе, от первого лица и наряду с презентацией творчества раскрывает мастера лично.

Читая и перечитывая тексты Зои Николаевны, понимаешь значительность её личности – человека, умеющего думать и мыслящего оригинально, обладающего широкой эрудицией и индивидуальной позицией, пишущего свободно и ясно, поэтично и выразительно.

Деятельность З. Н. Естамоновой, подвижника и энтузиаста, всегда отличалась новизной, глубокой искренностью, высоким профессионализмом, и, несомненно, творческое наследие Зои Николаевны непреходяще в своём значении, особенно для истории культуры Кузбасса.

Марина ЧЕРТОГОВА, г. Кемерово

А. Н. Кирчанов
Портрет З. Н. Естамоновой
1971. Из собрания МИИК

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40